

63
К 17

Б. А. НАЛОЕВ
МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
И
ПРИКЛАДНОЕ
ИСКУССТВО
ОСЕТИН

Академия наук СССР

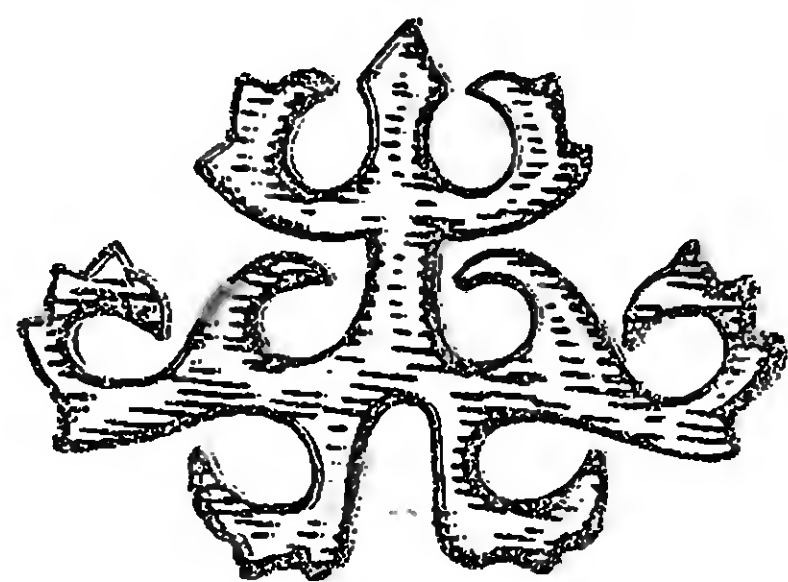
*Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Северо-Осетинский научно-исследовательский институт*

Б. А. Калоев

*Материальная культура
и прикладное искусство
осетин*

Альбом

Издательство «Наука»

Москва

1973

Книга-альбом знакомит с богатой и разнообразной материальной культурой осетинского народа (сельскохозяйственные орудия, народные средства передвижения, жилища, утварь, одежда, архитектура, прикладное искусство). Книга рассчитана не только на специалистов — этнографов, историков, археологов и искусствоведов, но и на широкий круг краеведов, работников музеев, студентов.

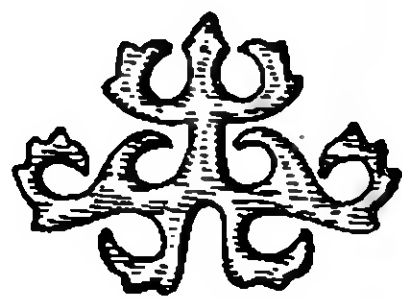
Предлагаемая вниманию читателей работа ставит своей целью показать многообразие творчества осетинского народа, представленного в его материальной культуре и прикладном искусстве, а также важнейшие стороны его хозяйственной деятельности в прошлом. Включенный в книгу обширный иллюстративный материал окажет, как мы надеемся, большую помощь не только составителям Кавказского историко-этнографического атласа, разрабатываемого в настоящее время многими научными учреждениями, но и искусствоведам, художникам, театральным работникам. Работа основана главным образом на полевом этнографическом материале, собранном нами в течение ряда лет в Северной и Южной Осетии, а также у осетин, живущих на территории Грузии, в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарской АССР и других районах Северного Кавказа.

Наряду с этнографическим материалом использованы обширные коллекции из музеев Осетии, в том числе из Краеведческого музея Северной Осетии (г. Орджоникидзе), Юго-Осетинского краеведческого музея (г. Цхинвали), Алагирского музея (г. Алагир), музея им. К. Хетагурова (сел. Нар).

Большую научную ценность представляют коллекции, извлеченные из фондов Государственного музея этнографии СССР; часть их была собрана в Осетии еще до революции и передана в этнографический отдел Русского музея, остальные экспонаты были собраны известными советским и учеными-кавказоведами А. А. Миллером и Е. Н. Студенецкой. Собранный нами во время экспедиций материал был обработан художниками А. Д. Голядкиным, В. И. Агафоновым и М. Р. Семашкевич. Иллюстрации для настоящего издания выполнены В. И. Агафоновым.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность Северо-Осетинскому научно-исследовательскому институту, содействовавшему подготовке настоящей работы.

Страницы осетинского быта

Географические условия территории, занимаемой осетинами, во многом определили своеобразие исторического развития этого народа, особенности его хозяйства, быта и культуры. Осетины населяют центральную часть Кавказа. Ответвление Главного Кавказского хребта, идущее от горы Сангути-хох на юго-восток, делит Осетию на две части: северную и южную. Это географическое деление совпадает с административно-культурным. Население Северо-Осетинской АССР, входящей в состав РСФСР, издавна связано с другими народами Северного Кавказа, в то время как Юго-Осетинская автономная область тяготеет к Закавказью, особенно к Грузии, в состав которой она входит.

Всего осетин — 488 тыс. человек (по переписи 1970 г.). Помимо своих основных территорий они живут в ряде районов Грузии, в Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае, а также во многих городах Советского Союза.

Северо-Осетинская АССР расположена в бассейне Терека и его левых притоков: Уруха, Ардона, Фиагдона, Гизельдона и др. По северному склону знаменитого Казбека проходит граница между Грузией и Северной Осетией. На территории республики находятся многие известные ледники, в их числе Караугомский и Цейский, причем Караугомский ледник, спускающийся с вершины Адай-хох, самый большой на Кавказе: его длина 14,9 км.

Юго-Осетинская автономная область — страна преимущественно горная. По ее территории проходит ряд мощных хребтов: Сурамский, Рачинский и др. Область расположена в бассейне рек Куры и Риона. Здесь находятся истоки

Большой Лиахви, Лехуры, Ксани, Арагви, Джоджори и др.

В целом область Центрального нагорного Кавказа характеризуется суровыми климатическими условиями, ограничивающими, в отличие от Западного и Восточного Кавказа, возделывание многих сельскохозяйственных культур и развитие таких отраслей хозяйства, как садоводство и виноградарство. Лето здесь бывает коротким, дождливым, с частыми градобитиями и заморозками, а зима — продолжительной, снежной и холодной.

Главное богатство горной зоны составляют летние альпийские пастбища, сенокосы и леса. Эти, а также северные степные районы благоприятны для развития скотоводства, в первую очередь овцеводства. Предгорная и равнинная зоны имеют широкие возможности для полеводства, садоводства и виноградарства.

Говоря о горной зоне Осетии в прошлом, отметим, что здесь в основном сформировались традиции главных отраслей хозяйства осетин — земледелия, скотоводства, а также их домашних промыслов. В горах издавна культивировались ценные сорта важнейших растений (ячменя, пшеницы, ржи), возникли навыки и приемы земледелия и скотоводства, многие сельскохозяйственные орудия, различные средства передвижения. При этом развитие хозяйства горцев, как и их материальной и духовной культуры, быта, во многом зависело от места их расселения. В труднодоступных высокогорных районах, например Центральной Осетии (Зарамагская, Нарская, Кобинская котловины, Мамисонское, Зругское, Гуркумтикомское, Джинат-

ское, Закинское и Трусовское ущелья), быт горцев был замкнутым, хозяйство ограничено суровыми природными условиями. Коста Хетагуров отмечал, в частности, что Нарская котловина, замкнутая высочайшими снежными вершинами гор Адай-хох, Зикара, Тепле и их отрогами, оставалась большую часть года почти совершенно изолированной от остального мира. «Перевалы, — пишет он, — Мамисонский, Рукский и Зикарский (все в Закавказье) только в летние месяцы были доступны для переправы пешком с навьюченным ослом или лошастью»¹. Подобное положение было характерно и для многих высокогорных мест Северной и Южной Осетии: верховьев Фиагдона (Хилак), Большой Лиахви (Зомаг, Рук, Сба, Урстуалта), Ксани (Зимыр) и др.

Высокогорные районы Осетии отличались не только труднодоступностью и суровыми климатическими условиями, но и отсутствием леса. Это обстоятельство сильно сказывалось на всем хозяйстве горцев, на облике построек, воздвигавшихся здесь в основном из камня. Не имели почти совершенно своего леса закинцы, трусовцы, население Кубинской и Нарской котловин, Мамисонского ущелья и др. Лес доставляли сюда из Юго-Осетии через Трусовский, Рукский (Рокский), Зомагский перевалы. В конце XIX в. инспектор народных училищ Кутаисской губернии Н. Дмитриев, переходя через Рокский перевал из Юго-Осетии в Закинское ущелье, писал: «...столь же бодро шли и маленькие горские волю, тащившие на перевал увесистые бревна, которые жители Рок возят на продажу в селения, находящиеся за перевалом, где леса вовсе нет»². Основными поставщиками леса, употреблявшегося главным образом для строительства жилых и хозяйственных помещений, были жители верховьев Большой Лиахви, славившиеся своим мастерством в обработке дерева. Изделия этих мастеров — различные сельскохозяйственные орудия, утварь, предметы домашнего обихода — продавались во всех районах Центральной и отчасти Северной Осетии.

Основные лесные массивы Юго-Осетии располагаются в средней горной полосе — в Джавской котловине, в Кударо, в ущелье Паца и др. 40% территории Юго-Осетии покрыто лесами самых различных пород: в верхней зоне это хвойные леса — ель, сосна, в средней — бук, дуб, граб. В Северной Осетии преобладают в основном лиственные породы: это бук, береза, ясень, дуб, граб. На равнине республики, как везде в центральной части Северного Кавказа, лес почти

не сохранился. Имеется в республике и сосновый лес, располагающийся в основном в Касарском ущелье по Военно-Осетинской дороге. В конце XIX в. этот лес начал подвергаться варварскому уничтожению иностранными компаниями, занимавшимися разработкой Садонского рудного месторождения. Против этого произвола выступил со статьей К. Хетагуров, в которой с горечью писал: «Все Алагирское ущелье до Мамисонского перевала уже расхищено. Общества «Алагир», «Французское» и всевозможные анонимы захватили целые десятки верст. Когда-то вековые сосновые леса, краса Алагирского ущелья, вырублены дотла. Остались только одинокие сироты, спасшиеся от дикости людской на недоступных карнизах «утеса-великана»; тысячи брусьев, сброшенных с огромной крутизны в ущелье, не выдерживая такого падения, своими искалеченными «трупами» загромождали дно ущелья — русло реки Ардон»³. Нужно отметить, что касарские и цейские сосновые леса Алагирского ущелья обеспечивали лучиной почти все селения Центральной и Северной Осетии. Свидетельства богатства лесом в Осетии мы находим во всем быту горцев: в жилых и хозяйственных комплексах, в обстановке жилья, в кустарных промыслах.

Не менее богаты недра Осетии и различными ценными металлами (золото, серебро, свинец, цинк), разрабатывавшимися еще предками осетин — древними кобанцами и скифо-сармато-аланскими племенами⁴. Памятники материальной культуры (грузинские надписи⁵, древние шахты и др.), относящиеся к средневековому периоду, и народные предания указывают на старую традицию разработки месторождений серебро-свинцовых руд Садона и других местностей горной Осетии. Как свидетельствует народное предание, осетинский легендарный герой Ос-Багатар добывал во времена грузинского царя Вахтанга I (446—499 гг.) серебро в Садонских рудниках. Однако после его смерти, когда началась борьба между его сыновьями, разработка Садонского месторождения прекратилась⁶.

О существовании горного производства и широком использовании серебро-свинцового месторождения еще в отдаленные времена свидетельствуют сохранившиеся в горах Осетии

³ К. Хетагуров. Собр. соч., т. IV, стр. 240.

⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961.

⁵ М. Джанашивили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. 27, 1897.

⁶ «Акты Кавказской археографической комиссии», т. IX. Тифлис, 1867, стр. 152.

¹ К. Хетагуров. Собр. соч., т. IV. М., 1960, стр. 320.

² Н. Дмитриев. Переход через Рокский и Мамисонский перевалы. СМОМПК, вып. 20, 1894, стр. 22.

Аланский собор XI—XII вв. в сел. Верхняя Теберда
Карачаево-Черкесской автономной области

шахты, о которых не раз сообщалось исследователями XIX в. «Во время моего путешествия 1871 г. — писал Пфаф, — я видел в Дигории на горах Сырх-Аштырбарзонд несколько чрезвычайно древних и весьма глубоких шахт. Такие же шахты и штольни, по словам жителей, существуют и в других горах, например Кюанхох»⁷. Другой исследователь — начальник русской геологоразведочной экспедиции инженер штабс-капитан И. Щастливцев, побывавший в 1858 г. в Дигорском ущелье, отмечал, что осетины этого района давали ему весьма подробное описание мест, где, как было им известно, производилась добыча свинцовых руд. Щастливцев отмечал, что видел в некоторых домах селений Камунта и Дунта запасы свинцового блеска⁸.

Овладев мастерством плавки руды еще в глубокой древности, осетины примитивным способом добывали из руды свинец, серебро и даже

медь, делая из них оружие, предметы домашнего обихода и т. д. «Осетины, — пишет Пфаф, — в древнее время славились как хорошие рудокопы... они были отличными кузнецами и оружейниками»⁹. Слова эти подтверждаются и другими авторами более раннего периода. Так, в «Записке об Алагирском серебро-свинцовом заводе» указывается, что в конце XVIII — начале XIX в., с распространением в горах Осетии огнестрельного оружия, появилась потребность в свинце, а потому местное население вновь обратило внимание на Садонское свинцовое месторождение и некоторое время занималось добычей свинца¹⁰. По рассказам информаторов, в прошлом многие жители Садона и других мест Алагирского и Дигорского ущелий отливали из свинца пули, делали предметы домашнего обихода и сбывали свинец в другие районы Осетии, в Грузию и Кабарду, обменивали его на скот, шерсть, масло, сыр и пр.

⁷ В. Б. Пфаф. Этнологические исследования об осетинах. ССК, 1872, вып. II, стр. 113.

⁸ Щастливцев. Отчет о занятиях поисковой партии в горах Дигории, Алагира, Куртати, Тагаурии в 1856 г. «Горный журнал», 1858, ч. 3, стр. 276.

⁹ В. Б. Пфаф. Материалы из истории Осетии. ССКГ, вып. V, стр. 64.

¹⁰ «Акты Кавказской археографической комиссии», т. IX, стр. 152.

Многочисленные образцы руды, собранные в горах Осетии в разное время специальными экспедициями, окончательно убедили царских чиновников в необходимости разработки Садонского месторождения и постройки серебро-свинцового завода у входа в Алагирское ущелье. Для этого в 1850 г. сюда было переселено с алтайских, луганских и уральских заводов 380 семейств крепостных рабочих.

В том же году газета «Кавказ» писала: «Недалеко от Казбека, можно сказать в самом сердце Кавказа, открыты серебряные рудники и устраивается правильное заводское производство»¹¹. Так образовалась горная слобода Алагир, ныне один из цветущих городов Северной Осетии.

Еще в 1848 г. началось строительство дороги от Алагира до Садона: без этого невозможно было приступить к эксплуатации Садонского месторождения, ибо, как замечает газета «Кавказ», сообщение по Алагирскому ущелью в то время «производилось по едва заметным тропинкам, выющимся то по каменному речному руслу, то по карнизу скал с непрерывными подъемами и спусками»¹². В конце 1852 г. строительство Алагирской дороги (ныне Военно-Осетинская), проводившееся в исключительно трудных условиях, было завершено. 21 мая 1853 г. был пущен Алагирский серебро-свинцовый завод. Это было крупное событие в жизни осетинского народа.

Садонские рудники и Алагирский завод, ставшие постоянным местом заработка для безземельных и малоземельных горцев, оказали большое влияние на изменение быта осетин¹³. У осетин, например, производивших транспортировку руды от Садона до Мизурской обогатительной фабрики, а оттуда до Алагирского завода, появились новые, более совершенные виды транспортных средств: старая воловья арба была заменена легкой фабричной с железными обручами и осью; достижением было и появление брички. В «Алагирской горной станции» разводили ставшие впоследствии знаменитыми сорта плодовых деревьев, в частности груш и яблок, прославившихся своими вкусовыми качествами далеко за пределами Осетии. Алагирские фруктовые сады способствовали развитию этой отрасли хозяйства во многих местах Северной Осетии.

Значительное место в занятиях осетин отводилось охоте. В горной части области водились туры, серны, олени, медведи, волки, лисицы, барсуки, а в ее лесах — кабаны, косули, рыси, дикие кошки и т. д. Из птиц имелись горные индейки, бекасы, куропатки, орлы, беркуты и т. д. Наиболее почетной и, пожалуй, рискованной для жизни охотников остается до сих пор охота на туров, обитающих большими стадами в самых недоступных местах гор.

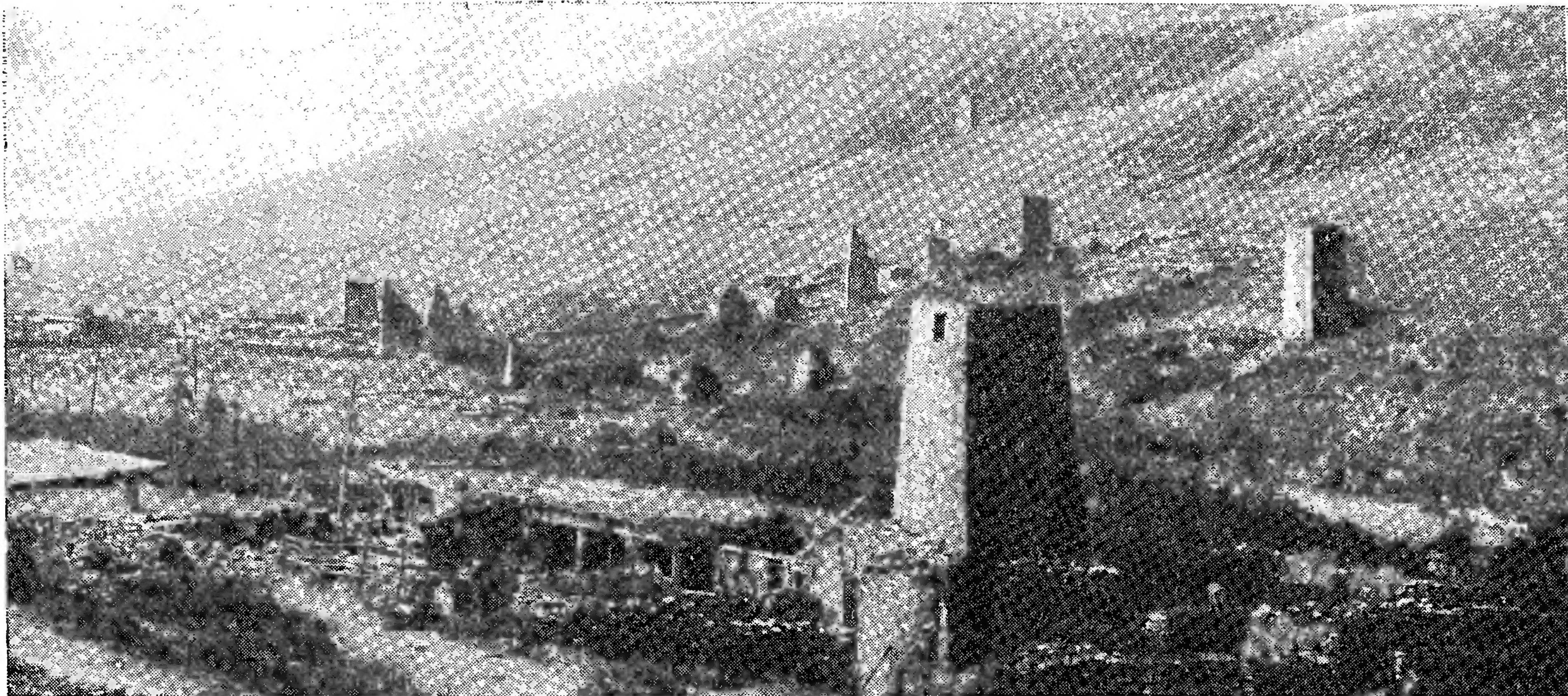
Хозяйственная деятельность осетин, а также многие стороны материальной культуры были тесно обусловлены вертикальной зональностью. Территория Северной Осетии делится на четыре такие зоны (равнина, предгорье, средняя полоса и высокогорье). Три зоны, отличающиеся друг от друга своими климатическими и почвенными особенностями, имеются в Южной и Центральной Осетии. Каждая зона в прошлом имела определенное хозяйственное назначение. Высокогорная полоса с обширными летними пастбищами служила для пастбы отгонного скота. В средней и нижней зонах располагались сенокосные и пахотные участки, выгоны и общественный лес. Равнинная полоса Северной Осетии использовалась преимущественно для возделывания зерновых и технических культур. От характера зоны зависело формирование видов сельскохозяйственных орудий, типов жилых и хозяйственных построек, одежды и т. д. Так, например, если в высокогорных районах могли применять в соответствии с почвой только легкое пахотное орудие — дзыбыр (дзывыр), а в предгорье наряду с этим использовался и своеобразный плуг (особенно в Юго-Осетии), в который впрягали 2—3 пары волов, то земля на равнине обрабатывалась исключительно тяжелым передковым плугом. Аналогичные примеры можно было бы привести и по многим другим разделам осетинской этнографии (в частности, по жилищу, в котором не менее ярко прослеживается влияние характера той или иной географической зоны).

Известно, что центральная часть Северного Кавказа осваивалась предками осетин со времени бронзового века. К этому периоду относится возникновение знаменитой кобанской культуры, носители которой обитали на всей горной и равнинной территории современной Осетии, а также в соседних районах Северного Кавказа. Особенно славятся своими богатыми находками (оригинальные орнаментированные бронзовые топоры, пояса, головки животных, своеобразные булавы и другие украшения) могильники, открытые близ сел. Кобан в Северной Осетии и сел. Тли в Юго-Осетии. Многие традиции культуры древних кобанцев сохраняются до сих

¹¹ «Кавказ», 1850, № 88.

¹² Там же, № 89.

¹³ Б. А. Калоев. Историко-этнографический очерк Садонских рудников (до начала XX в.). ИСОНИИ, т. XXI, вып. 1, 1959, стр. 100—103.

Остатки боевых башен в сел. Даллагкау в Куртатинском ущелье

пор в быту осетин (в жилище, одежде, в орнаменте). Так, например, мотивы геометрического и растительного орнамента, своеобразные фигуры животных, встречаемые на памятниках древних кобанцев, широко применялись осетинами для украшения самых различных предметов: одежды, мебели, пивных бокалов, подсвечников и т. д.

Однако более всего в быту осетин мы находим аланских черт. В средневековую аланскую эпоху сложились многие традиции земледелия, скотоводства, ремесла осетин, возникло большинство их сельскохозяйственных орудий (в том числе пахотных, многие из которых бытуют до сих пор); сохранились традиции в жилище, оборонительных сооружениях, склепах, одежде, пище, утвари и т. д. Развалины аланских крепостей, башен, христианских церквей, склепов можно еще встретить во многих районах Осетии и на исторической территории расселения алан от Уруха до верховьев Кубани и Большой Лабы.

После нашествия монголов и оттеснения алан-осетин в горы хозяйство их пришло в упадок, исчезли некоторые традиции земледелия и скотоводства, некоторые виды пахотных орудий, в частности тяжелый передковый плуг, ремесел (гончарное, ювелирное), виды жилья, одежды и т. д. В то же время в результате межплеменной и межродовой борьбы, земельной тесноты и других тяжелых условий жизни в горах возникло большое количество оборонительных сооружений, главным образом башен различного

назначения (боевые, оборонительные, сторожевые, жилые), домов-крепостей (ганах), замков (галуан), широко строившихся также у средневековых алан. Наряду с ними строили повсюду, особенно в Северной Осетии, склепы, обычно трех видов: подземные, полуподземные и надземные. В этой связи большого внимания заслуживает «Город мертвых» в сел. Даргавс, возникший, по-видимому, в средневековый период и насчитывающий огромное количество различных склепов. С водворением осетин в горы у них появился и особый тип поселения: в целях обороны и экономии пахотных земель селения располагались часто в самых неприступных местах. Каждое осетинское село имело башни и дома-крепости; в горах Северной и Центральной Осетии были селения (Даргавс, Джимара, Абана, Лисри и др.), где имелось до 8—12 башен, принадлежавших отдельным родам, патронимиям и даже большим семьям или семейным общинам. Наряду с архитектурным искусством в горах у осетин сложились многие другие традиции, касающиеся, в частности, их хозяйственной деятельности, орудий производства, навыков и присмов труда и т. д.

Высокое развитие имели обработка земли, скотоводство, домашние и кустарные промыслы, основанные на местном сырье. Особенно славились обработка шерсти и приготовление сыра, имевшие у осетин глубокие традиции, уходящие в древнеиранский и древнекавказский мир. Весьма большого развития достигли резьба по камню и обработка камня и резьба по дереву.

Боевая башня в сел. Хидикус в Куртатинском ущелье

Присоединение Осетии к России во второй половине XVIII в., а затем переселение значительной части осетин на равнину Северного Кавказа в первой половине XIX в. были переломным моментом в жизни осетин, открыли широкие возможности для их экономического и культурного развития. Переселение на равнину сделало земледелие главной отраслью их хозяйства, способствовало появлению новых видов сельскохозяйственных культур и орудий труда, а также типов поселений, жилища, одежды и т. д.

После присоединения Осетии к России и массового выхода горцев на равнину Северного Кавказа значительно расширились их связи с соседними народами, что усилило культурные взаимовлияния. Такие связи исстари были с Грузией, куда проходило из Осетии около 20 перевальных путей, среди них не последнее место занимали древние дороги, называемые ныне Военно-Грузинской и Военно-Осетинской. Боль-

шую роль в культурном общении горцев разных национальностей сыграл г. Владикавказ, ставший крупным центром экономической и культурной жизни.

Под влиянием города у равнинных осетин, например, появились в 80—90-е годы XIX в. новые для горцев отрасли хозяйства (садоводство, огородничество)¹⁴, некоторые виды кустарных промыслов, дома с городской планировкой, покупная утварь и обстановка, элементы городского костюма и т. д.

Вторая половина XIX в. характеризуется для Кавказа развитием капитализма и все более широким проникновением в деревню товарно-денежных отношений. Крупным событием этого периода явилось проведение Владикавказской железной дороги, способствовавшей втягиванию Кавказа во всероссийский рынок, а также широкому проникновению в районы Кавказа фабрично-заводских товаров из России, в том числе сельскохозяйственных орудий, различных фабричных тканей, готовой одежды, предметов домашнего обихода и т. д. Коренным образом изменилось направление развития основных отраслей хозяйства горцев — земледелия и скотоводства, что было вызвано потребностями рынка. Поэтому в земледелии у осетин, как и у некоторых их соседей, возделывались теперь главным образом кукуруза и пшеница, а в скотоводстве основное развитие получил мелкий рогатый скот, так как эти виды продукции пользовались широким спросом на рынке и давали крестьянам большие доходы. Уже в конце XIX в. почти вся посевная площадь в равнинной полосе Северной Осетии была занята кукурузой, вытеснившей все остальные зерновые культуры. Под посевы кукурузы стали отводить не только выгоны, но и земли, находившиеся под пасекой; от этого пчеловодство, прежде имевшее здесь большое развитие, пришло в упадок.

Возделывание кукурузы в большом количестве вызвало в свою очередь появление новых орудий пахоты, посева, культивации, уборки, помещений для хранения этой культуры и т. д. Аналогичный процесс, связанный с возделыванием кукурузы, происходил и у соседей — равнинных жителей Северного Кавказа, с которыми осетины имели одинаковые орудия труда, помещения для хранения кукурузы и т. д. В результате трудового содружества горцев создавались у них и общие трудовые навыки. Весьма характерной чертой этого времени является также то, что с развитием на равнине зем-

¹⁴ Эти отрасли хозяйства получили широкое развитие в пригородах Владикавказа, где по инициативе энтузиастов из местной русской интеллигенции разводили сады и огороды.

Сел. Эдис в верховьях Большой Лиахви

Сел. Камунта в Дигорском ущелье

леделия и особенно культуры кукурузы в горах происходит упадок земледелия; уже во второй половине XIX в. осетины перестали проводить обработку террасных полей, значительно сократился полив пахотных участков, кое-где прекратилась обработка даже «окраинных» земель. Все это объясняется тем, что горец имел теперь возможность получить дешевый хлеб на равнине вместо затраты огромного труда для обработки своих бесплодных каменистых участков. Деньги для покупки хлеба он получал от продажи скота, на разведение которого теперь обращал особое внимание.

Важное место в хозяйстве осетин издавна занимали домашние и кустарные промыслы, степень развития которых зависела от наличия сырьевой базы. Среди домашних промыслов особенно славилась обработка шерсти, дерева, камня, отчасти металла. Домашнее сукно и сыр, известный под названием «кобинский», получили широкое распространение во многих районах Кавказа.

Как указывал В. И. Ленин, в период развития капитализма многие кустарные промыслы на Кавказе переживали последний период своего существования; их изделия все более вытеснялись на рынках товарами фабричного производства из Центральной России¹⁵. Уже в конце XIX в., например, у равнинных осетин значительно сократилось производство домотканого сукна, оно было заменено фабричными тканями и отчасти готовыми платьями, приобретаемыми горцами в городах и сельских магазинах. В отличие от равнины в горах Осетии еще долго сохранялись все виды домашних промыслов, продолжавших удовлетворять своими продуктами и изделиями нужды населения. Это объяснялось замкнутостью горных районов и сохранением в них в большей степени, чем на равнине, натурального хозяйства.

Широкое проникновение товарно-денежных отношений в осетинскую деревню вызвало большие изменения и в культуре равнинных осетин — в их жилище, в одежде и т. д.

Вот как это описывает Ардасенов в своей работе, посвященной характеристике изменений в хозяйстве, материальной культуре, быте горских народов Северного Кавказа в конце XIX в. «Если вы войдете в один из этих домов [плоскостной Осетии], вас введут в просторную и светлую комнату с хорошим деревянным полом, с потолком, обшитым шилевками, вместо камина чаще вы увидите печку, снабженную всеми принадлежностями... Не менее обратит на себя ваше внимание мебель и вообще обстановка. Вы с удовольствием увидите стол, часто покрытый скатертью, очень приличную кровать, стулья...»¹⁶

Приведем еще один пример, касающийся появления ряда новых элементов в традиционном костюме осетинки. «Они (осетинки. — Б. К.), — пишет Ардасенов, — настойчиво требуют на дорогие шерстяные и шелковые платки и на многое другое, о чем прежде и не снилось им. Горские красавицы ни о чем так не мечтают, как о красных башмачках и о красной шелковой рубашке. Наибольшее предпочтение они отдают ярким цветам... Кроме того, им очень полюбились ботинки и чулки, а также европейский покрой платья, которому стали подражать, что опять бьет по карману горца»¹⁷.

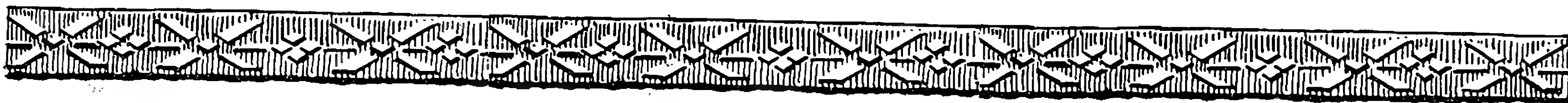
Таким образом, уже в конце XIX в. материальная культура равнинных осетин, в отличие от горных, подверглась значительным изменениям. Тем не менее она сохранила свои традиционные черты и в последующий период.

В настоящее время, в связи с коренными социалистическими преобразованиями хозяйства, культуры и быта осетин, их материальная культура претерпела большие изменения. Некоторые элементы культуры исчезли, другие видоизменились (к их числу относятся традиционная мужская и женская одежда, украшения костюма, утварь и т. д.).

¹⁶ В. Л. Н. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. «Новое обозрение», 1896, № 4264, 4266.

¹⁷ Там же, № 4266.

¹⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594—595.

Главными занятиями осетин издавна являлись земледелие на равнине и скотоводство в горах. Археологические находки земледельческих орудий (зернотерка, бронзовые и железные серпы, каменные жернова, плужный нож и т. д.) в ряде мест Осетии, а также на исторической территории алан-осетин дают возможность проследить все этапы развития земледелия от его примитивной, мотыжной формы до плужной. Переход к плужному земледелию, вызванный необходимостью обрабатывать крупные площади земли, совершился в средневековую аланскую эпоху. Обработка аланами больших площадей на равнине Северного Кавказа подтверждается археологическими находками ножа, тяжелого передкового плуга на городище Адиух¹, каменных жерновов — в других аланских городищах — Змейском², Гиляч³ и Джашырын-кала⁴, а также средневековыми письменными источниками. Наличие плуга сложной конструкции и других сельскохозяйственных орудий давало возможность аланам тщательно обрабатывать свою землю, о чем писал, например, автор X в. Масуди. Это оставалось их главной заботой и в XIII в., в период монгольского нашествия⁵.

Появление многих важнейших орудий сельского хозяйства у осетин относится к аланской эпохе, а в некоторых случаях и к более отдаленному периоду. Так, например, от алан были, несомненно, восприняты некоторые пахотные орудия, в частности тяжелый передковый плуг и горное легкое пахотное орудие (*дзыбыр, дзывыр*)⁶, своеобразная борона, серпы, осетинская коса, грабли с вертящимися зубьями и т. д. Одним из древнейших орудий у осетин является дзыбыр (вероятно, первая половина I тысячелетия до н. э.)⁷. По мнению В. И. Абаева, это пахотное орудие вместе со многими сельскохозяйственными культурами было воспринято скифами у народов Восточной Европы⁸. Дзыбыр состоит из подошвы — полоза (*фэйнæг*), штифта (*стивз*), скрепляющего ярмо (*æфсонз*) с дышлом. Дзыбыр был основным пахотным орудием на протяжении многих веков, от геродотовских скифов до современных осетин; он имел близкие аналогии с подобными орудиями народов Восточной Европы, в частности немцев, о чем неоднократно писали путешественники по Кавказу. Так, например, А. Гакстгаузен во время своего пребывания в Юго-Осетии в первой половине XIX в. отмечал: «Из земледельческих орудий я заметил плуг, какого не встречал у прочих

ственников (XIII—XIX вв.)». Сост., вводная статья и примечания Б. А. Калоева. Орджоникидзе, 1967, стр. 12, 19.

⁶ В скобках курсивом даны осетинские названия.

⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 312—313.

⁸ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1963, стр. 143.

¹ Т. М. Минаева. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965, стр. 64.

² «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 95.

³ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 29, рис. 19.

⁴ Я. А. Федоров. Аланские городища и могильник Джашырын-кала в верховьях Кубани. «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. III. Орджоникидзе, 1969, стр. 113.

⁵ «Осетины глазами русских и иностранных путеше-

кавказских народов; устройство его напоминаем мекленбургскую соху»⁹. Однако автор был неправ, отрицая бытование этого орудия у других кавказских народов. Наоборот, оно являлось единственным земледельческим орудием в горах у балкарцев, карачаевцев¹⁰ и ингушей. Дзыбыр имел близкие аналогии и с грузинским орудием ачаха (разница между ними в основном в наличии у последнего резака). Дзыбыр был легким, и пахарь, отправляясь на работу, клал его на ярмо волов. Особенно небольшие размеры и вес имел он в высокогорных районах, где часто пахотные участки и террасные поля располагались на весьма крутых склонах и могли обрабатываться лишь этим орудием. В дзыбыр впрягалась одна пара волов, и обслуживался он двумя работниками, из которых один, более опытный, был плугарем (*дзыбырдарæг*), другой — поводырем; последним обычно бывал подросток или женщина. Держа веревку, концы которой привязывались к рогам волов, он шел впереди, отчего и назывался *сæрылхæцæг* (букв. «держась за голову»). В низменных местах, например в Даргавском, Куртатинском, Дигорском ущельях, дзыбыр отличался большей массивностью, хотя пахоту производили также двумя волами. Своеобразная конструкция подошвы дзыбыра давала возможность пахарю регулировать глубину пахоты. Дзыбыр применялся осетинами не только в горах, но и на равнине для разрыхления уже вспаханной плугом земли.

Мы уже упомянули о существовании у средневековых алан тяжелого передкового плуга, вышедшего из употребления после оттеснения их в горы. Несомненно, что этот плуг имел близкие аналогии с украинским и адыгским плугами, возникшими также в средние века и просуществовавшими почти до конца XIX в. В этом нас убеждают не только данные археологии¹¹, но и описание его в XVIII в. академиком Гюльденштедтом¹². Осетинский плуг носит общекавказское название *гутон* (у арм. *гутан*, курд. *котан*, азерб. *котан*, груз. *гутани*, авар. *кутан*)¹³, происхождение которого пока

не установлено¹⁴. Обосновавшись в первой половине XIX в. на равнине Северного Кавказа, осетины восприняли украинский и кабардинский плуги; причем украинский плуг, занесенный сюда терскими казаками-украинцами, отличался большей легкостью по сравнению с кабардинским и имел поэтому более широкое распространение. Кабардинским плугом пользовались в основном осетины-дигорцы. По-видимому, С. В. Кокиев имел в виду кабардинский (адыгский) плуг, когда писал: «Земля обрабатывается плугом, в который запрягается четыре пары волов»¹⁵ (в украинский плуг впрягали не более трех пар волов).

Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе все более распространяются привозные плуги различных марок, среди них особенно славились сакковские. «Тяжелый деревянный плуг, — писал М. К. Гарданов, — был заменен сакским плугом»¹⁶. Применялись осетинами, как и их соседями, и более тяжелые плуги¹⁷, причем нередко собственной конструкции. Еще в 1877 г., по словам М. Баева, таким плугом обрабатывали земли жители сел. Ольгинское: «Для пахоты употребляют плуг осетинского изготовления. Все осетины говорят, что их плуг хорош, берет широко и глубоко»¹⁸.

В отличие от Северной в Юго-Осетии плуг применялся не только на равнине и предгорье, но и в средней полосе гор. Таким образом, в горах Юго-Осетии дзыбыр сосуществовал с плугом легкого типа, применявшимся для обработки пологих склонов пахотных участков. По сведениям Н. Дмитриева, это было орудие «допотопного и донельзя простого устройства. Плуги состоят из тяжелого бревна, в которое воткнут нож (резец); позади ножа идет лемех, отвалом для которого служат развилки самого бревна. Таким образом нож разрезает почву, а развилки бревна раздвигают ее по обе стороны, образуя борозду. Такой плуг тащат 2—3 пары быков»¹⁹. Описываемый плуг

¹⁴ Г. С. Читая считает этот термин грузинским; от грузин, по его мнению, он получил свое распространение у других народов Кавказа. См. Г. С. Читая. Ксанское горное пахотное орудие. «Вестник ИЯИМК», т. V—VI. Тбилиси, 1940, стр. 505.

¹⁵ С. В. Кокиев. Записки о быте осетин. СМЭИДЭМ, 1885, вып. 1, стр. 205.

¹⁶ М. К. Гарданов. Селение Христиановское в фактах жизни. ИОНКИК, вып. 1, 1925, стр. 105.

¹⁷ В 1960 г. части одного такого плуга мы обнаружили в сел. Ольгинское и доставили их в Музей краеведения Северной Осетии.

¹⁸ М. Баев (технолог). Несколько слов об осетинах Владикавказского округа. «Терские ведомости», 1877, № 5.

¹⁹ Н. Дмитриев. Указ. соч., стр. 9.

⁹ А. Гакстгаузен. Закавказский край. Заметки об осетинской общественной жизни, ч. II. СПб., 1857, стр. 89.

¹⁰ У этих двух народов такие важные части орудия, как ручка и дугообразный крюк, носят даже осетинские названия — *гино* и *гулос*.

¹¹ «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967, стр. 18.

¹² «Описание некоторых в Малой России употребляемых плугов. Из путешествий покойного акад. Гюльденштедта». — «Технический журнал», т. I, ч. II. СПб., 1804.

¹³ В. И. Абеев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, т. 1, стр. 527.

почти аналогичен грузинскому плугу орхела²⁰. (см. табл. 2). Наряду с указанными видами плугов юго-осетинами, жившими в предгорье и на равнине, применялся и тяжелый передковый грузинский плуг, в который впрягали до 5—6 пар волов и буйволов. Им обрабатывали обычно целинные и залежные земли. Как видно из таблицы (№ 3), грузинский плуг отличается по своему устройству от украинского и адыгского плугов. По мнению Г. С. Читая, он появился значительно раньше указанных орудий — в IX—X вв.²¹

Во второй половине XIX в. равнинные осетины в связи с увеличением площадей под картофелем применяли своеобразные орудия культивации (табл. 4), использовавшиеся и для обработки полей под кукурузу и другие культуры. К земледельческим орудиям осетин относятся и различные мотыги, известные с древнейших времен и применявшиеся повсеместно. Наиболее распространенным видом мотыги была кирка с острым и плоским концом (табл. 5).

Во второй половине XIX в. у равнинных осетин появилась тяпка фабричного производства, служившая для обработки главным образом кукурузных посевов. Значительным разнообразием отличались у южных осетин орудия подсечного земледелия (табл. 6), сходные с подобными орудиями грузин. Эта система земледелия здесь в отличие от северных осетин имела почти повсеместное распространение, что объясняется наличием огромных лесных массивов, покрывавших большую часть территории Юго-Осетии.

Орудиями сева у осетин, как и у соседей, служили продолговатая корзина (*тауагн*) и кожаный или обычный мешок, которые подвешивались через плечо; в горах часто применялись для этой цели переметные сумы (*хорзентæ*); корзина, имевшая более широкое распространение, особенно у равнинных осетин, делалась из тонких ореховых прутьев, а дно ее — из доски (табл. 8, 9). Сеяли руками вразброс. Затем производили боронование. Для этого в горах применялась борова, представлявшая собой широкую метлу из хвороста, прикрепленную к широкой деревянной доске или жерди (табл. 7). Чтобы лучше уровнять землю, на борону сажали подростка или же клали какую-нибудь тяжесть. Вызывает интерес название этого орудия (*адæг*), не поддаю-

щееся объяснению в современных языках²², что говорит о древнем его происхождении. Появление у осетин другого вида деревянной бороны — *похци*²³ относится, несомненно, к более позднему времени. Она имела от 30 до 40 деревянных, а позже железных зубьев и применялась в равнинной полосе Осетии. По поводу этой бороны М. Баев писал: «Осетины употребляют простую русскую борону и находят ее удовлетворительной для размельчения пластов, поднятых плугом, раздробления глыб и закрытия семян»²⁴. В борону впрягали одну пару волов; в конце XIX в. на равнине вместо волов стали впрягать столько же лошадей.

Жатву производили при помощи серпа (*æхсырæ*) и отчасти косы (*цæвæг*). У осетин применялись два вида серпов: 1) осетинский серп, известный во всех районах Осетии, имел небольшую величину охвата и зазубренное лезвие; 2) ламга — грузинский серп, употреблявшийся в Юго-Осетии и в некоторых селах Центральной Осетии; он имел широкий охват и острое зубчатое лезвие (табл. 9). Работающий этим серпом надевал на три пальца рогообразные длинные деревянные наперстки (табл. 9, 6) для предохранения руки от пореза. Уже в 70-х годах XIX в. у равнинных осетин появились жатвенные машины. М. Баев отмечал: «Как ни дорога жатвенная машина, но в каждом ауле найдется 3—4 двора, которые в состоянии купить ее»²⁵.

Древним способом молотбы у осетин, как и у многих других народов Кавказа, было вытаптывание зерна крупным рогатым скотом, а на равнине, кроме того, и лошадьми. Это происходило так: связывали друг с другом за шеи от 5 до 8 голов скота, преимущественно недойных коров и быков в намордниках (табл. 10, 4). Конец веревки, которой были связаны животные, прикрепляли к столбу, находившемуся в центре тока. Наряду с этим способом в нижних районах Юго-Осетии широко применялась грузинская молотильная доска (*чеури*), состоящая из прямоугольной деревянной основы и кремневых вкладок, вставленных в нижнюю поверхность доски (табл. 10, 7, 8). На равнине Северной Осетии и особенно у моздокских осетин имели распространение 6—8-гранные деревянные и каменные катки, заимствованные у терских казаков (табл. 10, 9).

²² В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, стр. 28.

²³ По-видимому, идет от грузинского *парцхи* — название бороны.

²⁴ М. Баев. Указ. соч., стр. 5.

²⁵ Там же.

²⁰ Г. С. Читая. Пахотные орудия и системы земледелия в Грузии. «Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов». М., 1960, стр. 4.

²¹ Там же, стр. 7.

В них впрягали одну пару волов или лошадей. Тем не менее в целом у осетин в горах и на равнине основным способом молотбы по-прежнему было вытаптывание зерна скотом.

Орудиями веяния служили: деревянная лопата (*фийиаг*), плетеный совок (*кафой*), крупное решето (*сыхырна*, *цхауи*) (табл. 8, 1, 2, 5), изготовлявшиеся самими крестьянами. В значительном количестве их поставляли мастера из селений в верховьях Большой Лиахвы — Ерман, Сба, Зыгубир и др. Отсюда они переправлялись в другие районы Осетии.

Большим разнообразием отличались и помещения для хранения зерна (табл. 11, 12): своеобразные плетеные из мелкого хвороста корзины (*къуту*), обмазанные внутри глиной, деревянные ящики (*хордон*) разных размеров, специальные плетеные из хвороста или дощатые большие продолговатые кукурузники (*нартхордон*), поставленные на фундамент или на высоких столбах; в низменных районах Юго-Осетии часто использовали для хранения зерна и большие глиняные винные кувшины (*быркуы*), а в Северной Осетии — земляные ямы (*уѣрм*).

Весьма своеобразными у осетин были и орудия сенокосения и сбора сена (табл. 16), выработанные в течение веков в сложных условиях жизни в горах. Почти до конца XIX в. наряду с фабричной косой у осетин применялась местная самодельная коса («осетинская коса» — *ирон цæвæг*), представлявшая собой кусок прямого остро отточенного с обеих сторон железа, который прикреплялся к кривой короткой рукоятке. Такой косой косили на обе стороны. Так как коса требовала постоянной подправки, каждый работающий имел камень (*цæвæджы дур* — камень для косы) для этого. Кроме того, на сенокосном участке держали специально для этой цели своеобразный станок (*хъæсдарæг*). Оригинальным устройством отличались и осетинские деревянные грабли (*халламæржæн*), употреблявшиеся в горах и на равнине; они имели от 8 до 12 зубьев, вращающихся в своих гнездах. Благодаря такой подвижности зубья были прочны и долговечны. Указанные орудия встречаются только у балкарцев и карачаевцев, среди предков которых есть общие с осетинами — аланы. Поэтому возникновение этих орудий, как мы полагаем, относится к аланской эпохе. По-видимому, к этому же времени можно отнести и своеобразные плетенки (*мæхъи*), на которые складывали сено после просушки в поле. Мæхъи делали из трех-четырех березовых веток, скрепленных в форме веера (табл. 16, 10). Сложенная на нем копна укрепляется накрест веревкой, скрученной обычно из мягкой горной травы (*фæсал*).

При спуске копны на дно ущелья, а также при доставке на саях или на своеобразных арбах в село использовали кожаную веревку и *гæркъа* — деревянное приспособление для стягивания веревки.

Большое внимание обращалось также на хранение сена и вообще корма для скота, разведение которого, как говорилось, было после земледелия вторым важнейшим занятием осетин. В горах корм обычно хранили в закрытом помещении (*мус*), находившемся рядом с конюшней, а на равнине — под навесами недалеко от скотных дворов. Значительным своеобразием отличались корзины для подачи корма и кормушки (табл. 17).

Со скотоводством также связаны тамги (*дамгъæтæ*) и пастушеские палки (*фыйиауы лæдзæг*). Тамги, представленные на таблице, были найдены нами в сел. Галиат в Дигорском ущелье на двери дома, принадлежавшего известным дигорским феодалам Абисаловым. Здесь встречаются тамги не только осетинской знати, но и кабардинских князей. Каждый, кто побывал в этом доме, обязан был по обычаю вырезать ножом на его двери тамгу своего коня. По этим знакам определялось пребывание в гостях у Абисаловых представителя той или иной феодальной фамилии. Для каждой феодальной или княжеской фамилии имелась своя тамга, которая ставилась специальным железным клеймом (табл. 18, 2) на лошадях, а отчасти и на крупном рогатом скоте. У осетин, как и кабардинцев, тамги являлись принадлежностью только феодалов, разводивших табуны лошадей. В то же время тамга почти совершенно отсутствовала у крестьян, особенно Центральной и Южной Осетии, где в силу тяжелых горных условий жизни многие горцы не могли содержать даже по одной лошади. Несомненно, что появление тамги было связано с разведением предками осетин большого количества лошадей. С упадком этой отрасли хозяйства, вызванным нашествием татаро-монголов, исчезли и тамги. В то же время эти знаки широко сохранились у адыгских народов, славившихся издавна своим коневодством. Вопрос о происхождении тамги не раз привлекал внимание ученых, считающих их принадлежностью сарматов. Известно, что наибольшее количество таких тамг обнаружено археологами в Северном Причерноморье; некоторые из них найдены в ряде сарматских могильников на Кубани и Северном Кавказе. По мнению Э. И. Соломоник²⁶, тамги сарматами в указанные районы были занесены из Средней Азии, Алтая и Си-

²⁶ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

бири. Это мнение подтверждается наличием там знаков, весьма сходных с тамгами Северного Причерноморья²⁷.

Традиционным занятием осетин является и пчеловодство, ведущееся, как и у других горцев, весьма примитивным способом. Ульи здесь двух типов: конусообразная плетеная корзина (*къуту*), обмазанная снаружи пометом, и выдолбленный из дерева чурбан. Позже появились ульи обычного типа. Для защиты от дождей и солнца ульи сверху накрывали корой деревьев, соломой и пр. На зиму их убрали в закрытые помещения.

Значительную роль еще в недавнем прошлом в хозяйстве осетин играли водяные и ручные мельницы (табл. 13 и 14). Они имеют здесь древнюю традицию, о чем, например, свидетельствуют находки в аланских поселениях мельничных жерновов²⁸. В Змейском аланском городище, например, мы находим отражение одного из древнейших обычаев, связанных с мельницей: здесь входы некоторых катакомб были закрыты мельничными жерновами. Этот обычай в старину сохранялся и у осетин, накрывавших могилу последнего представителя рода жерновом его мельницы. Выражение «чтобы ваши жернова вертелись вхолостую» считалось у осетин самым тяжким проклятием, означавшим пожелание гибели всего рода. Таким образом, аланы передали осетинам не только различные виды мельниц, но и ряд древних обычаев, связанных с ними. Обстоятельное исследование Е. Т. Пчелиной²⁹, посвященное осетинским мельницам всех типов, дает нам возможность остановиться лишь на характеристике некоторых их черт.

Самым древним орудием для получения муки была зернотерка (*елцæгкæнæн* — «зерно делать» — зернотерка), известная в Осетии с эпохи раннего неолита, а также обнаруженная в аланских поселениях раннего средневековья. Зернотерка просуществовала в быту осетин в горах до самого недавнего времени. Она состояла из двух обработанных камней — верхнего камня (*уæллаг дур*) и нижнего (*бинаг дур*). Наряду с зернотеркой широкое распространение у осетин имели каменные и деревянные толчеи (*фæхтхойæн*) и песты (*æлхой*)³⁰.

И до сих пор эти предметы изредка можно встретить еще в домах осетин, особенно в горах.

Появление ручной мельницы (*армгуырой*) относится, по данным археологии и античных письменных источников, примерно к началу III тысячелетия до н. э. Ее существование у осетин в глубокой древности зафиксировано осетинскими нартскими сказаниями, в частности о знаменитом Сослане, а также в некоторых древних погребальных обрядах, уходящих своими корнями в древнеиранский мир. Имели повсеместное распространение ручные мельницы с каменными и деревянными жерновами. Работали на них исключительно женщины. Позже появились и другие виды ручных мельниц, применявшиеся в хозяйстве осетин в горах и на равнине. Длительное сосуществование ручной мельницы с водяной в нагорной Осетии объясняется прежде всего суровыми климатическими условиями. В холодные зимние месяцы, когда горные речки сковывались льдом и водяные мельницы останавливались, на смену им приходили ручные мельницы. На равнине на ручных мельницах главным образом мололи кукурузу на корм скоту и домашним птицам. Ручные мельницы осетин почти ничем не отличались от подобных мельниц у соседей.

Большое сходство у народов Кавказа мы находим и в водяных мельницах. В нашей стране водяные мельницы особенно распространены в Средней Азии и на Кавказе. В Осетии водяные мельницы (*доны куырой*) строились в горах повсюду, где этому благоприятствовали соответствующие условия — водные источники и рельеф местности. Одна из таких мельниц описана Клапротом, совершившим в начале XIX в. путешествие по Осетии: «Осетины имеют на маленьких быстро бегущих речках водяные мельницы, которые снабжены небольшим горизонтально поставленным колесом с лопастями, приводимыми в движение струей воды, проходящей по желобу; зубья, расположенные в верхней части вертикальной оси колеса, приводят в движение маленький жернов. Мука получается грубая, но обработка протекает очень быстро»³¹.

Отсутствие речек возле многих высокогорных сел вынуждало их жителей строить мельницы вдали от своего места обитания. Переселившись на равнину, осетины строили на новом месте почти такие же мельницы, встречающиеся до сих пор здесь в ряде сел (Дур-дур, Кора-Синдзикау, Фиагдон и др.).

³¹ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 72.

²⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 184.

²⁸ «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии», стр. 95 сл.; Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч, стр. 29, рис. 19; Я. А. Федоров. Указ. соч., стр. 113.

²⁹ Е. Г. Пчелина. Осетинская мельница — къада куырой. ИСОНИИ, т. XXV, 1966.

³⁰ В. И. Абеев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 60; он же. Историко-этимологический словарь, стр. 132.

Одной из главных задач при строительстве водяной мельницы было приобретение качественных жерновов, камень для которых добывался в определенных районах горной Осетии. Особенно славились жернова из Даргавского ущелья. В Юго-Осетии жернова часто изготовляли не из камня, а из прочной породы дерева. Однако в конце XIX в. они были заменены каменными жерновами, приобретающимися большей частью на рынках.

Отличительной чертой хозяйства осетин являлось и то, что мельница, и особенно водяная, почти целиком находилась на попечении женщины. Все то, что было связано с помолом муки, выполнялось ею; она же следила за чистотой помещения и за порядком очередности по помолу между женщинами. В обязанности мужчины входил только ремонт мельницы; только тогда он мог войти в это помещение. В другое время мужчине не полагалось входить на мельницу, так как ее хозяйкой считалась женщина. В конце XIX в., с проникновением товарно-денежных отношений в осетинскую деревню, а также с появлением у кулаков мельниц типа вальцовки, были нарушены старинные порядки, связанные, несомненно, с пережитками матриархата в быту осетин. Теперь обслуживание мельницы, особенно у равнинных осетин, целиком входило в обязанность мужчин. У осетин появилась новая профессия — мельник (*куыройгæс*).

Среди второстепенных занятий осетин в прошлом внимания заслуживает охота, с которой связано не только появление у осетин огнестрельного оружия, но и изготовление примитивным способом пороха и свинца для пуль (табл. 25). На основании конструкции бойниц осетинских боевых башен мы полагаем, что уже в XVI в. осетинами применялось огнестрельное оружие. К этому же времени относится и начало выработки пороха и свинца, для которых в горах Осетии имелись большие возможности, о чем, например, свидетельствует сообщение царевича Вахушти, что осетины «добывают из земли свинец, селитру, серу»³². Об этом же говорят данные путешественника XVIII в. Штедера: «Осетия богата минералами и хорошими металлами и сулит большие доходы». После обследования Алагирского ущелья Северной Осетии он писал: «...после долгих трудов случайно обнаружил известный усдонский (сел. Урсдон.— Б. К.) свинец, которым горцы пользуются для изготовления своих пуль»³³.

Штедер, говоря, что для многих горцев того времени «охота оставалась главным занятием», подробно описывает снаряжение осетина, имевшее и ряд черт, свидетельствующих о широких связях этого народа с соседями³⁴. По описанию Клапрота, в начале XIX в. осетин, выезжая из своего аула, надевал «хорошее» рубаше, меч, пистолет и широкий обоюдоострый кинжал. Кроме того, по обе стороны груди бешмета были пришиты карманы, в которых имелось по 5—8 патронов в деревянных или костяных футлярах. Осетин имел две связанные ремнем палочки для заполнения этих футлярчиков и большую деревянную отделанную кожей пороховницу с определенным количеством пороха. Пороховница, кинжал, нож, огниво, кожаный мешок с пулями, другой — с кремнем, банка с жиром или маслом для чистки и уборки оружия — все это укреплялось на узком ремне пояса³⁵.

Большим спросом пользовалось осетинское оружие, изготавливавшееся местными мастерами, такими, например, как Батырбег Кцоев (сел. Гули), Аша Гаппоев (сел. Цмити), Тушман Цгоев (сел. Харисджын), Нафи Лацоев (сел. Ардон), Цара Кудзаев (сел. Вакац) и др. Наряду с огнестрельным оружием у осетин еще в XVIII в. существовало средневековое аланское оружие (лук со стрелами, панцирь, шлем, щит и т. д.), широко применявшееся ими особенно в войнах на стороне Грузии против ее внешних врагов. В одном из таких сражений, например, участвовал отдаленный сородич Коста Хетагурова, о котором он пишет: «Участие нарских осетин в рядах грузинских войск по найму или волонтерами относится ко временам правнука Хетага-Гоци, который, будучи небольшого роста, сразил в единоборстве персидского великана и получил от грузинского царя с соответствующей надписью и грамотой серебряную чашу»³⁶.

Приготовлением пороха и свинца для отлива пуль осетины занимались еще в первой половине XIX в., о чем указывал, например, А. Гакстаузен, совершивший тогда путешествие по Осетии: «Осетины отчасти занимаются горным промыслом, добывают свинец и готовят порошок»³⁷. Особенно славились рудники Садон-

³⁴ Там же, стр. 36 — 37.

³⁵ Там же, стр. 157.

³⁶ К. Хетагуров. Собр. соч., т. IV, стр. 317.

³⁷ А. Гакстаузен. Указ. соч., стр. 113. Намного раньше до него Клапрот указывал: «Осетины пользуются серой для изготовления пороха, который должен быть отличного качества и силы» («Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 190).

³² Царевич *Вахушти*. География Грузии. «Изв. Кавк. отд. РГО», вып. XXIV, т. 5. Тифлис, 1904, стр. 141.

³³ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 67.

ского ущелья, где издавна производилась добыча серебро-свинцовой руды самым примитивным способом. В 1927 г. Е. Г. Пчелина обнаружила здесь каменные ступки для размельчения руды, а также литейную форму из камня для отливки свинцовых пуль, принадлежавшую фамилии Кайтуковых из сел. Ход. Такие же формочки из камня применялись и при изготовлении пороха, главным сырьем для которого являлась сера, добывавшаяся в различных районах Осетии. В XIX в. для производства пороха и свинцовых пуль горцы стали употреблять металлические формы, которые изготовлялись фабричным или кустарным способом (табл. 25, 6—8).

* * *

В хозяйстве осетин важное место занимали домашние и кустарные промыслы. Наибольшее развитие из них получили те, которые обеспечивались местным сырьем. К ним относятся, в частности, производство сукна, женское рукоделие, обработка дерева, приготовление сыра. От сырьевой базы зависела и локализация той или иной отрасли домашних промыслов. Так, например, изготовление сукна и приготовление сыра наибольшее развитие имели в Центральной Осетии, где главной отраслью хозяйства было овцеводство. Юго-Осетия, покрытая огромными лесными массивами, славилась мастерами по обработке дерева. Располагая прекрасным материалом, здесь иногда целые селения были заняты изготовлением деревянных изделий. Высокий уровень развития той или иной отрасли домашних промыслов у осетин, как и у любого другого народа, объясняется также существованием традиционных навыков и приемов.

Одним из древнейших занятий осетин была обработка шерсти. По определению В. И. Абаева, многие названия частей ткацкого станка, веретена, шерсти и т. д. имеют древнеиранские корни³⁸. Данные языкознания согласуются с археологическими находками предметов домашнего шерстяного производства, относящихся ко времени скифов и алан³⁹. Как указывают дореволюционные авторы, осетинские сукна отличались высоким качеством и славились по всему Кавказу⁴⁰, издавна находя широкий спрос у со-

седних народов, в частности у грузин и терских казаков.

«Денег не знают,— пишет Вахушти,— но деньги заменяются войлоками, чохой, небеленым холстом, сукном»⁴¹. В Грузии сукна обменивались осетинами на необходимые товары — ситец, золотые и серебряные нити, медную и железную посуду, инструменты и т. д.⁴²

Терские казаки из осетинского сукна шили кавказский костюм (бешмет, черкеска), ставший их военной формой. Искусство изготовления сукон достигло такого совершенства, что, по словам наших информаторов, во многих местах горной Осетии из сукна шили нижнее белье, делали простыни.

Сукно изготовлялось из овечьей шерсти, а в Центральной Осетии, кроме того, из козьего пуха. Высоко ценилось также сукно из верблюжьей шерсти, изготовлявшееся равнинными жителями Северной Осетии, особенно моздокскими осетинами. Из этого сукна, а также из сукна, сваленного из козьего пуха, шили изящные черкески и башлыки.

Обработка шерсти, как и производство сукна, войлока и т. д., требовавшие огромного труда, считалась обязанностью женщин. Большую часть своего времени, особенно зимой, они посвящали этим занятиям. Современник писал, что в горах в длинные зимние вечера «осетинки занимались изготовлением пряжи, сукон и шалей», которые шли для собственного потребления и для продажи⁴³. При этом широко практиковалась трудовая взаимопомощь, особенно при выполнении наиболее трудоемких работ — расчесывании шерсти гребнем и уваливании сукна и бурок.

Обработка шерсти, изготовление сукна, бурок и войлока состояли из множества операций⁴⁴. Качество любого сукна, как и бурок, зависело от предварительной обработки шерсти. Ее сначала мыли в простой воде, а затем сушили; это делалось обычно на берегу речки или около родника. После этого грубую шерсть отделяли от мягкой и складывали отдельно. Затем шерсть расчесывали гребнем (*пирæн*) местного производства (гребни бывали разных размеров); большим гребнем, имевшим около 20 острых стальных игл, расчесывали шерсть, предназначавшуюся на сукно. При совершении этой трудоемкой работы обычно практиковали взаимопомощь (*зиу*),

³⁸ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 54.

³⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 329; «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961.

⁴⁰ О. М. Маркграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, стр. 73.

⁴¹ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 150.

⁴² «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 173.

⁴³ Д-ко. Через Главный хребет по Военно-Осетинской дороге. «Кавказ», 1887, № 288.

⁴⁴ Г. Х. Мамбетов. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1962.

причем зимой, когда женщина освобождалась от многих сельскохозяйственных работ, это делалось днем, а летом — вечерами.

Следующий процесс обработки шерсти — взбивание при помощи лука (*фæдзæгъдæн*) с туго натянутой тетивой; работа эта производилась обычно на деревянной квадратной решетчатой подставке или на плетне (*къумбилцæгъдæн кау* — букв. «плетень для взбивания шерсти»). При взбивании шерсть освобождалась от грязи и ненужных примесей. После этой операции шерсть готова к прядению. Теперь из нее делали колбаски и свертывали их кольцами. Надев на левую руку кольцо, прядильщица (*æлвисæ г*) брала веретено (*æлхуи*), имевшее на верхнем конце пряслице (*уæдæртт*). Для изготовления такого количества сукна, из которого можно было бы спить черкеску, требовалось пять полных веретен шерсти.

Сукно ткали на очень удобном для работы и простом по устройству осетинском ткацком станке (*тынуæфæн бандон*), распространенном и среди соседних народов, в частности у балкарцев, карачаевцев и ингушей. После тканья сукно мыли в теплой воде с мылом или же в серно-щелочных минеральных водах, имевшихся во многих селах горной Осетии; затем его уваливали ногами, после чего мыли в холодной воде, а затем вновь уваливали. Сукно слегка высушивали и еще влажным расправляли, вытягивали, окончательно просушивали и скатывали в трубку.

Большое развитие у осетин имело войлочное производство. Осетинские войлоки, подобно балкарским, карачаевским и чеченским со вкатанным растительным орнаментом, издавна пользовались широким спросом на рынках Кавказа. Из лучшей и тщательно обработанной шерсти осетинки делали также бурки и войлочные шляпы с широкими полями. Выделкой бурок занимались в Северной и Центральной Осетии; в Юго-Осетии носили покупные бурки. Войлочные шляпы, распространенные среди многих народов Северного Кавказа, осетины делали не только из шерсти, но и из козьего пуха. Такие шляпы отличались большим изяществом и изготавливались в основном в Центральной Осетии, где сохранилось значительное количество коз.

Древнейшими занятиями осетин были выделка овчины и обработка кожи, производившиеся при помощи кожемялки общекавказского типа (табл. 20). Из овчины шили различные шубы, мужские головные уборы, зимние брюки, а также специальные набедренники, надевавшиеся зимой при верховой езде. Все виды работ, связанные с обработкой овчины, считались обязанностью женщин. Обработка кожи, являв-

шаяся более тяжелым занятием, выполнялась исключительно мужчинами. Из кожи изготавливались различные виды горской обуви, своеобразные ремни; в большом количестве кожа использовалась в седельном производстве, имевшем значительное распространение в Северной Осетии.

Как уже отмечалось, одним из наиболее развитых промыслов осетин была обработка дерева, имевшая, подобно ткацкому делу, глубокие традиции, уходящие многими своими корнями в древнеиранский мир. По данным языка, названия некоторых предметов и домашней утвари осетин — столик на трех ножках (*фынг*), стул (*бандон*), деревянные пивные бокалы (*нуазæн*), корыто (*арынг*) и др. — являются древнеиранскими словами⁴⁵. Уже в XVIII в. первые путешественники по Осетии зафиксировали у осетин вышеперечисленные предметы, отмечая наряду с этим и наличие у них диванов и кресел с красиво орнаментированными спинками⁴⁶.

Осетин издавна сам делал из дерева необходимые ему в хозяйстве предметы, начиная от арбы, древней сохи и бороны и кончая мебелью и посудой тончайшей художественной работы⁴⁷. С. В. Кокиев приводит в своих записках интересные сведения об этом занятии в ряде районов Северной Осетии. «Кроме каждого хозяина, — пишет он, — который на всякое дело мастер, изготовлением деревянной посуды специально занимаются пастухи, как во время своих летних кочевков, так и зимней стоянки. Пастухами производится на досуге масса разнообразной деревянной посуды: ведра, кадушки, чаны, чашки, ложки, блюда, столики и т. д. Теперь же, когда Осетия ознакомилась с Россией и ее промышленностью, в редком доме вы найдете прежнюю деревянную посуду: она заменена более удобною фарфоровою, стеклянною, глиняною и металлическою»⁴⁸. Однако в горах, где прочно держалось натуральное хозяйство, обработка дерева играла большую роль, особенно в ряде районов Юго-Осетии (верховья Большой Лиахви, Джавская котловина, Кударо и др.); здесь целые селения были заняты изготовлением утвари, предметов домашнего обихода, различных сельскохозяйственных орудий, которые сбывались не только в самой Осетии, но и в соседнюю Грузию, в том числе в Тбилиси. Автор конца XIX в. Н. Дмитриев писал по этому поводу: «Приготовление деревянной посуды, в особенности

⁴⁵ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 56.

⁴⁶ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 27 — 29.

⁴⁷ С. В. Кокиев. Указ. соч., стр. 82 — 83.

⁴⁸ Там же, стр. 83.

больших чашек (табагов) и корыт, которыми Осетия снабжает чуть ли не всю Карталинию и которые в таком ходу в каждом туземном хозяйстве и у тифлиских бакалейщиков (фруктовых торговцев)»⁴⁹. Не меньшее распространение имели изделия юго-осетинских мастеров в селах Центральной и Северной Осетии. Здесь они производили обычно натуральный обмен, получая взамен своего товара преимущественно шерсть, сыр, масло. В этих частях Осетии особенно пользовались спросом орудия веяния зерна (различные сита, деревянные лопаты, вилы и т. д.), домашняя утварь (корыта, ковши, чашки, ложки, ведра и т. д.), доставлявшиеся южными осетинами вьюками на лошадях. Некоторые из этих предметов (корыта, ковши, кадушки и т. д.) отличались большой массивностью (табл. 49).

Для обработки дерева у осетин, как и у их соседей, издавна существовали различные железные и деревянные инструменты (табл. 21). Большим достижением в деревообделочном производстве осетин было появление во второй половине XIX в. токарного станка (*зырн*), получившего широкое распространение особенно среди северных осетин. Появление зырна внесло большие изменения в обстановку осетинского дома, для которого теперь стало характерным наличие красивых деревянных кроватей, стульев, шкафов, столиков на трех ножках, пивных бокалов и т. д., украшенных резным орнаментом и различными скульптурными фигурками (табл. 56, 59). Эти предметы изготавливались талантливыми мастерами, среди которых особенно славилась братья Колиевы из сел. Лац Куртатинского ущелья. Колиевские изделия, отличавшиеся тонким вкусом, можно еще до сих пор встретить во многих домах Северной Осетии.

Древнейшим занятием осетин было и приготовление сыра. Осетинский сыр приобрел широкую известность по всему Кавказу как один из лучших сортов сыра. В. И. Абаев считает термин *цыхт* (сыр) аланским словом, а *царв* (масло) — общеиранским⁵⁰. Обработка молока на сыр и масло имеет глубокие традиции, идущие от аланской эпохи. Это подтверждается данными письменных источников и археологии. Упоминание о приготовлении сыра у алан мы находим уже у авторов раннего средневековья⁵¹. Дальнейшее развитие овцеводства у алан сопровождалось ростом молочной продукции, о чем, например, свидетельствуют находки в Змей-

ском аланском городище большого количества различных глиняных кувшинов. Широко занимаясь овцеводством, аланы, как можно полагать, наиболее высококачественный сыр готовили из овечьего молока. Несомненно, что им был широко знаком и другой, не менее качественный сыр — *сулугун*, который они делали из коровьего молока. Характерно, что этот сыр не сохранился в осетинском быту, но широко распространен в Западной Грузии и производится не только для собственного потребления, но и на продажу и имеет почти то же название — *сулгуни*⁵².

Таким образом, многие черты рассматриваемой отрасли домашних промыслов осетины унаследовали от алан.

Наибольшего развития сыроварение у осетин достигло во второй половине XIX в. в связи с общим ростом поголовья скота, в частности овец, вызванным потребностями капиталистического рынка. Можно полагать, что с того времени осетинский сыр приобрел широкую известность по всему Кавказу как один из лучших сортов сыра. «Всем известно, — писал в конце XIX в. Н. Дмитриев, — что вкус этого сыра настолько хорош, что он легко мог бы удовлетворить самого избалованного гастронома»⁵³. Не менее характерна оценка, данная этому сыру тогда же Г. Вертеповым: «Осетинский сыр успел заслужить общую на Кавказе известность, и приготовление его широко распространено»⁵⁴.

Сыр из овечьего молока делали в тех районах Осетии, где было развито овцеводство и практиковалось доение овец. Важным фактором для получения сыра являлись хороший травостой и, конечно, умение мастериц. Приготовлением сыра из овечьего молока славилась многие высокогорные районы Осетии — жители верховьев Терека (кобинцы, трусовцы), Ардона (закинцы, нарцы), Фиагдона (хилакцы), Большой Лиахви (рукцы, сбийцы, урстуальцы). Однако особенно отличались своим мастерством кобинцы, по имени которых осетинский сыр называется «кобинским». Здесь было много талантливых мастериц, в частности из фамилии Гаевых, занимавшихся приготовлением этого сыра. В 1957 г. во время экспедиции в доме Ирана Гаева (сел. Гайтыкау) нам показали медаль «За усердие», полученную в 1887 г. на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Харькове дедом нашего хозяина за превосходно приго-

⁴⁹ Н. Дмитриев. Указ. соч., стр. 12.

⁵⁰ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 58.

⁵¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1949, № 3, стр. 273.

⁵² В. И. Абаев. О некоторых осетинских элементах в грузинском языке. ТИЯ, т. VI, 1956, стр. 440.

⁵³ Н. Дмитриев. Указ. соч., стр. 5.

⁵⁴ Г. Вертепов. Указ. соч., стр. 61.

товленный осетинский сыр⁵⁵. Отметим некоторые важные черты, связанные с приготовлением и хранением сыра. Собранное молоко процеживали через специальные цедилки (*фæрсудзæн*) в кадушку или в какую-либо другую большую посуду (табл. 23), где оно створаживалось с помощью закваски из сычуга (*ахсæн*), хранящегося строго в особой посуде (*ахсæндон*). Створоженное молоко собирали, затем перекладывали творог в большую круглую чашку и руками отжимали сыворотку. Сыр слегка солили и после просушки клали его в рассол, где он мог храниться несколько лет, не теряя своих вкусовых качеств. Сыроварение вызвало появление в быту осетин различной посуды и домашней утвари (табл. 23).

Значительное внимание осетин было обращено и на приготовление масла; оно делалось повсюду из коровьего молока. Собраные за несколько дней сливки переливали в длинный деревянный сосуд (*хъулаг*) и сбивали. Существовало несколько способов сбивания масла: у равнинных осетин это делалось с помощью длинной палки, на конце которой была прикреплена крестообразная или круглая деревянная пластинка; в горах открытое отверстие сосуда обтягивали телячьей или бараньей шкурой и плотно завязывали; затем его подвешивали горизонтально к потолку и раскачивали взад и вперед; в другом случае маслобойку клали на особое деревянное приспособление (*къæрæби*) и раскачивали взад и вперед так, чтобы ее содержимое ударялось то в одну, то в другую стенку сосуда (табл. 15, 23).

Описываемая маслобойка является одной из древнейших типов маслоек, встречаемых на Кавказе, кроме осетин, у хевсуров, балкарцев, карачаевцев, ингушей, отчасти чеченцев, а также у адыгейцев⁵⁶. По своему происхождению она восходит, по данным Геродота, к скифам.

Хотя масло готовили примитивным способом, оно отличалось хорошими качествами. Осетины не употребляли его в свежем виде (*гарачи*), а перетапливали и топленое масло (*царв*) хранили в течение длительного времени. Для хранения масла служили выдолбленные из цельного куска дерева кадки и большие глубокие миски. Масло вместе с сыром хранили в кладовой (*къабиц*), куда имела доступ только хозяйка дома — *æфсин*.

Как отмечалось, значительная часть изделий и продуктов домашнего производства обменивалась осетинами или продавалась как внутри Осетии, так и за ее пределами. С развитием

торговли у осетин развивались и совершенствовались меры длины и весов. К традиционным, чисто осетинским относятся два вида меры длины: *дисны* (пядь) — расстояние между концами большого пальца и мизинца и *æлмаæрин* или *æрмаæрин* (локоть), т. е. от локтя до вытянутых пальцев руки⁵⁷. В начале XVIII в. Вахушти отмечал, что осетины «не имеют аршина и вместо него употребляют локоть»⁵⁸. Путешественник Гюльденштедт указывает, что когда он в 1772 г. хотел переправиться из Дигорского ущелья Северной Осетии в Западную Грузию через знаменитый Караугомский перевал, то дигорцы, которых он хотел нанять в качестве проводников, потребовали от него «5 рубашек или 40 локтей за каждого человека». Немного позже другой ученый Рейнегтс, живший какое-то время в Моздоке, отмечал, что осетины вместо локтя «пользуются расстоянием от конца среднего пальца до локтя, причем 10 таких мер равны отрезу на рубашку или куску полотна... В то же время локоть как единицу меры длины осетины применяют и при строительстве жилых и оборонительных сооружений»⁵⁹.

Указанные меры были наиболее распространены и после появления у осетин грузинских и русских мер длины. Ими женщины мерили домотканое сукно.

В отличие от меры длины у осетин не было определенной меры сыпучих тел; для этой цели служили различные деревянные предметы: кадки, миски, тарелки (табл. 26). Особенно широко применялась так называемая «мерка», представлявшая собой круглый продолговатый сосуд в виде ведра, выдолбленный из цельного куска дерева. Позже у осетин появились грузинские и русские меры весов: *джиранка* (груз. — гиранка), *грамм*, *кило* (килограмм), *пуд* (пуд) и т. д. С русскими мерами весов осетины познакомились не ранее второй половины XVIII в., но стали их широко применять с конца XIX в., после окончательного перехода в горах от меновой торговли к денежной. Ардасенов, говоря о торговле у горцев предреформенного периода, писал: «Торговля почти неизвестна горцу. Существовали лишь меновые отношения, но до того слабые, что не выделили даже особых пунктов для обмена. Воинственному горцу было не по душе мирное занятие торговца с аршином в руках; он относился с презрением и к торговле как к ремеслу, и к людям, занимавшимся ею.

⁵⁷ Слова *дисны* и *æрмаæрин* имеют древнеиранские корни (В. И. Абеев. Историко-этимологический словарь, стр. 129).

⁵⁸ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 141.

⁵⁹ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 92, 98.

⁵⁵ Б. А. Калоев. Осетины. (Историко-этнографическое исследование). М., 1971, стр. 100.

⁵⁶ «Народы Кавказа», т. II. М., 1962, стр. 25.

В сущности ему нечем было и торговать: голые скалы его ничего не производили... Все, что он мог делать, это променять одну вещь или скотину на другую, к чему действительно прибегали лет 50 тому назад»⁶⁰.

* * *

Большую роль в хозяйстве осетин играли средства передвижения — арбы, сани и различные волокуши, применявшиеся в высокогорных районах. До второй половины XIX в., когда начали проводить дороги в горах Осетии⁶¹, главным видом передвижения были вьючные животные. «Сообщение в горах между аулами, — писал К. Красницкий, — исключительно вьючное по горным, нередко весьма узким тропинкам, круто поднимающимся на громаднейшие высоты и также спускающимся с них»⁶². В качестве вьючных животных у осетин служили главным образом ослы и лошади; в Дигории использовали для этой цели и мулов, а в ряде предгорных сел Юго-Осетии — буйволов. В высокогорных селах Северной и Центральной Осетии для переноса тяжестей служили преимущественно ослы, а в Юго-Осетии — исключительно лошади. Объясняется это не только различными географическими условиями, но и тем, что осел как более дешевое, выносливое и неприхотливое животное имелся почти в каждом хозяйстве, в то время как лошадь содержали лишь некоторые наиболее зажиточные семьи. Осел переносил вьюком до 5—6 пудов, что часто превышало поклажу лошади.

Отличным было и седло для осла (*хæрæджы саргъ*). Оно состояло из деревянной части с двумя подпругами, подхвостником и толстой войлочной подкладки. Для подвешивания тяжести седло имело по бокам специальные приспособления в виде своеобразных крючков (табл. 28). Вьючное седло для лошади отличалось от верхового только большей своей массивностью. Очень красивым, с большим количеством серебряных украшений делалось специальными мастерами седло для верховой езды (табл. 33); изготовлением таких седел занимались преимущественно северные осетины.

«В прежнем военном быту, да и теперь, — пишет С. В. Кокиев, — седло имело весьма важное значение, как и оружие, а потому седельное мастерство довольно распространено между осетинами. Это единственное ремесло, которое

дает порядочные заработки мужчине. Кручение плетей, приготовление ремней для седел лежит тоже на его обязанности»⁶³.

Верховая лошадь служила в горах для передвижения обычно на дальние расстояния; она редко использовалась для переноса тяжести вьюком. Наибольшее распространение езда верхом имела у равнинных осетин, разводивших для этой цели в основном кабардинскую породу лошадей. Однако в конце XIX в., когда лошадь стали впрягать в арбу и в плуг, этот вид передвижения значительно сократился, хотя многие хозяева еще продолжали держать лошадей специально для верховой езды. Отметим, что названия некоторых средств передвижения и их частей: арба (*уæрдон*), оглобля (*рæтæнагъд*), ярмо (*æфсондз*), колесо (*цалх*), уздечка (*уидон*), подпруга (*æхтонг*) — идут, по определению В. И. Абаева, из иранского. По мнению того же автора, осетинское название арбы (*уæрдон*) было усвоено от алан еще рядом кавказских народов, в частности абхазами и чеченцами⁶⁴. Что касается названия саней (*зоньгъ*), то оно является одним из терминов европейско-азиатского происхождения. Таким образом, можно полагать, что указанные виды средств передвижения широко применялись предками осетин в средние века. Оттесненные в горы монгольским нашествием, осетины по-прежнему использовали в своем быту и сани, и арбы, сохраняя их древнеиранские названия. Наибольшее распространение имели здесь сани, с помощью которых горцы выполняли многие сельскохозяйственные работы. На санях перевозили хлеб, сено, дрова, навоз для удобрения и т. д. Для доставки удобрения на поля на сани ставили большую продолговатую плетеную из хвороста корзину (*куыф*). Сани отличались несложным устройством. Они состояли из двух полозьев (*зоньгъы фсæртæ* — букв. «челюсть саней»), имевших по четыре насаженные стойки (*дæндæггтæ* — букв. «зубы»), соединенные сверху четырьмя параллельными планками (*уæлдуан*). В сани запрягали обычно двух волов.

Кроме саней применяли два вида арбы (*уæрдон* и *багалæг*), изготавливавшиеся из одного дерева, без применения железа. При этом багалаг отличался от уардон длинной осью и наличием маленьких колесиков, состоящих из цельных кусков дерева (табл. 29). Эта арба применялась большей частью для перевозки удобрения на поля, располагавшиеся обычно на склонах гор. Уардон же использовался для доставки грузов на дальнее расстояние. После

⁶⁰ В. Н. Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. «Новое обозрение», 1896, № 4162.

⁶¹ Б. А. Калоев. Осетины, стр. 123 — 129.

⁶² К. Красницкий. Кое-что об Осетинском округе, о нравах туземцев его. «Кавказ», 1865, № 29.

⁶³ С. В. Кокиев. Указ соч., стр. 104.

⁶⁴ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 54.

постройки Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог на этой арбе осетинские отходники перевозили казенные и купеческие товары в различные города Кавказа, а также занимались транспортировкой руды из Садона до Алагир. В арбу запрягали одну пару волов, отчего она и называлась «арба для волов» (*галуѣрдон*). В конце XIX в. у осетин появилась арба и для лошади (*бѣхуѣрдон*), которая, усовершенствуясь, стала здесь самым легким видом колесного сообщения. Сбоку на арбе обычно висел рог с дегтем или животным жиром, которым постоянно смазывались оси. А. Ардасенов отмечал: «В то время как кабардинские арбы издают еще всем известный, раздражающий душу скрип, у чеченцев, осетин, ингушей и дигорцев оси смазаны настоящим дегтем»⁶⁵. На такую арбу нагружали до 30 пудов тяжести. Отправляясь в дальний путь, осетины обязательно брали на одной арбе запасные части.

В конце XIX — начале XX в. арбу стали делать с металлическими обручами на колесах и металлическими осями, это сделало ее более прочной. Главными центрами изготовления таких арб являлись селения (ныне города) Алагир, Ардон, Беслан, а также сел. Кадгарон. Наряду с осетинскими мастерами здесь работали русские и отчасти грузинские мастера. В это же время у осетин появляются новые средства передвижения — брички, тачанки, бидарки и др.

Для хождения в горах по снегу применялись лыжи и различные приспособления. Так, например, для хождения по крутым горным склонам и ледниковым перевалам употребляли специальные железные крючки или подковы (*лѣджы цѣвхѣдтѣ* — «подковы для мужчин»), прикреплявшиеся к ногам. Зимой в Центральной Осетии, где выпадал глубокий снег, применялись плетеные лыжи из дерева, намного шире размера обуви (*мицѣхуѣн кѣлѣттѣ* — «лыжи для ходьбы по снегу») (табл. 33). На них легко переходили самые труднодоступные горные снежные склоны и перевалы.

«Зимой они привязывают еще нечто вроде широких лыж, которые препятствуют им проваливаться в снег», — отмечал Клапрот. Он указывает, что такие лыжи ему пришлось надеть при переходе через Крестовый перевал (по Военно-Грузинской дороге) от Млета до Коби. «Для нашей компании, — состоявшей из шести человек, — пишет он, — были быстро изготовлены лыжи, имевшие в ширину 7 дюймов и в длину 3 фута»⁶⁶. Наряду с этим у осетин широкое

распространение имели короткие спортивные лыжи *кѣлѣттѣ* (букв. «дуги»), изготавливавшиеся из крепкой породы дерева (дуб, бук и др.). К лыжам приделывались дуги, за которые при спуске с гор держались руками. Благодаря этому приспособлению можно было менять направление движения. Лыжи были наиболее массовым видом зимнего спорта в горах, в котором участвовали все⁶⁷.

* * *

Весьма своеобразными чертами характеризуются поселения и жилища осетин, их древние оборонительные сооружения и другие памятники материальной культуры, развалины которых до сих пор сохранились в горах Осетии. Поселения осетин складывались в течение многих веков. Одни из них относятся к средневековой аланской эпохе (Лац, Садон, Галиат, Эрман, Мна и др.), другие возникли в более поздний период. После оттеснения алан-осетин в горы монголами здесь возникли новые многочисленные селения. Такие селения отличались большой скученностью, что объясняется главным образом земельной теснотой. «В аулах, — писал К. Хетагуров о Нарской котловине, — вы не найдете ни улиц, ни дворов, не определите, какому хозяину принадлежит та или другая крыша или стена»⁶⁸. Автор исторической географии Вахушти отмечал, что осетинские селения располагаются «на высоких скалистых гористых местах, ибо таковые места считают наилучше безопасными от снежных завалов, которые не ударят по ним»⁶⁹.

Осетинские поселения в предгорьях и на равнине возникли сравнительно поздно, в XVI—XX вв., после переселения осетин с гор. Для равнинной полосы Северной Осетии характерны большие селения, состоящие из 300—1000 дворов и более⁷⁰. Такие селения имели уличную планировку, дома городского типа, административные, бытовые и культурно-просветительные учреждения и т. д.

После установления Советской власти в Осетии в результате массового переселения горцев на равнину здесь возникло большое количество новых благоустроенных сел, а облик

⁶⁵ Н. В. Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа, № 4162.

⁶⁶ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 128, 158.

⁶⁷ Ф. А. Агапов. К истории физической культуры в до-революционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960.

⁶⁸ К. Хетагуров. Собр. соч., т. IV, стр. 323.

⁶⁹ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 143.

⁷⁰ М. Рклицкий. Список населенных мест Северо-Осетинской автономной области с краткой характеристикой поселений и картой области. Владикавказ, 1925.

старого осетинского поселения как в горах, так и в предгорных районах коренным образом изменился.

В годы социалистического строительства была проведена большая работа по благоустройству: застройка сел по определенному плану, прокладка водопроводов, устройство бань, озеленение улиц и площадей и т. д. Все селения осетин, даже некоторые высокогорные, имеют электричество, радио, телевидение, телефонную связь, регулярное автобусное сообщение с другими селами и городами Осетии, а также с соседними республиками. В целом современное осетинское село, особенно на равнине, по типу все более приближается к городскому поселению. Развитие этого процесса в послевоенные годы привело к тому, что некоторые селения северных осетин были переведены в ряд городов (Алагир, Беслан, Дигора).

Наиболее древними постройками в горах Осетии являются башня (*мæсыг*), дом-крепость (*гæнах*) и замок (*галуан*). Происхождение термина *мæсыг* остается пока не ясным. Башни были широко известны уже с аланской эпохи. Остатки башен и крепостей алан мы находим не только в Осетии, но и на исторической территории их расселения в Балкарии и Карачае. Новый период строительства башен у осетин связан с монгольским нашествием и оттеснением аланского населения с равнины в горы. Вахушти характеризует Осетию как область, славящуюся огромным количеством башен и крепостей. Он называет Дзвгис и Чми, например, большими башенными селениями⁷¹. А вот что писал Клапрот: «В каждом селении можно найти одну или несколько четырехугольных в 5—6 сажен высоты башен, которые в военное время служат убежищем»⁷².

В известных осетинских селениях Даргавсе, Даллагкау, Лисри, Абана и др. насчитывалось от 8 до 12 и более башен. Еще недавно в Даргавсе стояло восемь боевых башен. Строительство башни, стоившее 15—20 голов крупного рогатого скота, производилось наиболее состоятельными семьями и знатными фамилиями. «У тыхджын мыгтаг (т. е. «сильной фамилии». — *Б. К.*), — пишет К. Хетагуров, — имелась фамильная башня в 5—7 ярусов, в которой могло при обороне от неприятеля укрыться все население аула с его утварью и жизненными припасами»⁷³.

Для постройки такой башни требовалось огромное количество строительного материала —

камня. Поэтому у осетин существовала поговорка: «Из разрушенного аула и одной башни не построишь, а из разрушенной башни можно построить целый аул». Башни строились как осетинскими, так и пришлыми мастерами. По словам И. Щеблыкина, в Кобанском и Даргавском ущельях, например, общим строительством башен руководил Теба Золоев из сел. Даргавс⁷⁴. Большой славой в этом деле пользовались в Осетии ингушские мастера, в частности фамилия Берхиновых из сел. Берхи в горной Ингушетии, построивших, например, известную башню Мамсуровых в Даргавсе (табл. 90, 2).

Осетинские башни отличаются своим внешним видом, характером кладки и другими особенностями от башен соседних народов. Они всегда имели плоские крыши, в то время как, например, чечено-ингушские башни в большинстве случаев — с пирамидальными ступенчатыми крышами из шиферных плит. Башни осетин делятся на три основных вида: наблюдательно-сторожевые, боевые — защитные и жилые. Наблюдательные, или сторожевые, строили на высоких местах, откуда на далекие расстояния были видны подступы к ущелью или к аулу. Такие башни встречаются еще до сих пор в самых различных районах Осетии. Широко известна, например, башня Кануковых у входа в Даргавское ущелье, построенная, по преданию, Загодом Кануковым, башня Дударовых в сел. Ларсе, башни Курта и Тага над сел. Барзикау в Куртатинском ущелье, в том же ущелье около сел. Цмити располагаются две сторожевые башни, в Дигорском ущелье имеется башня Кануковых в сел. Донифарс, в Туалетии — башня Макаевых в сел. Зарамаг и т. д.

Боевые, или защитные, башни, состоявшие из 4—5 этажей, располагались обычно в селах. Имея квадратное основание в 8—10 м и высоту более 20 м, такая башня представляла собой крупное оборонительное сооружение. Нижний этаж ее служил для пленных, средний — для разного рода припасов и стражи, а остальные этажи — для защитников и их семейств. Башня имела на втором этаже арочный лаз-дверь, через который во время опасности жители забирались по приставной лестнице; лестницу убирали, и лаз изнутри запирали толстой дубовой дверью, имевшей обычно своеобразный деревянный замок с деревянным ключом (табл. 43, 1, 2). Между этажами сообщение осуществлялось через лазы, устроенные в углах, и с помощью приставной лестницы.

⁷⁴ И. Щеблыкин. Исторический очерк. Архив СОНИИ. стр. 10.

⁷¹ Царевич Вахушти. Указ. соч., стр. 143.

⁷² «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 170.

⁷³ К. Хетагуров. Собр. соч., т. IV, стр. 326.

Наибольшее распространение имели жилые башни (*ганах*), составлявшие собственность больших патриархальных семей. Термин *ганах* В. И. Абаев считает древним заимствованием из тюркского — *копок*, *хъонахъ* (большой дом)⁷⁵. По-видимому, этот тип жилища был широко известен и в средневековую аланскую эпоху. А. Яновский, описывая быт осетин в начале XIX в., дает нам полное представление об этом доме-крепости и об его распространении в горах Осетии: «Каждый дом, — пишет он, — представляет подобие замка в два или три этажа, с высокими башнями, с плоскою земляною крышею; в нижнем этаже содержат скот, во втором живут сами, третий назначается обыкновенно для гостей, если же их нет, то служит вместо кладовой»⁷⁶. Ганах имел единственный арочный вход и внутреннее межэтажное сообщение. В 1957 г. нам еще удалось видеть подобное жилище в сел. Хусар Ламардон в Даргавском ущелье; оно принадлежало фамилии Корсановых. Ганахи сохранились в развалинах и во многих других селах горной Осетии.]

Распространенным видом жилого сооружения, особенно в Северной и Центральной Осетии, был галуан (замок), представлявший собой комплекс оборонительных жилищ и хозяйственных построек, обнесенных высокой каменной оградой. Путешественник Я. Рейнеггс, побывавший во второй половине XVIII в. у осетин-таурцев, очевидно имел в виду галуан, когда писал: «Вожди и знатные люди этого народа обносят, кроме того, свои жилища высокой каменной стеной, в каждом углу которой находятся маленькие сторожевые помещения»⁷⁷. По словам С. Кригера, занимавшегося изучением архитектуры горной Осетии, остатки галуанов встречаются почти в каждом селении Куртатинского и Алагирского ущелий⁷⁸. Галуан, обычно принадлежавший отдельным большим семьям и патронимиям, непременно включал в себя кроме жилых и хозяйственных построек жилую и боевую башни. По своему происхождению галуан восходит, как и ганах, к аланской эпохе, что подтверждается данными археологии и письменных источников. В таких сооружениях, по-видимому, обитала аланская знать, ведшая между собой,

по рассказу доминиканца Юлиана, постоянную борьбу⁷⁹. Следы укреплений типа галуана обнаружены и в ряде аланских поселений в районе Нальчика и в верховьях Кубани. Слово *галуан*, имевшее, по определению В. И. Абаева, «персидский облик», вошло в осетинский «всего вероятнее из соседних кавказских языков»⁸⁰.

Рядом с поселениями осетин в горах существовали многочисленные склепы (*заппадз*), построенные в разные эпохи и подразделяющиеся на три основных вида: подземные, полуподземные и надземные. Подземные склепы относятся к более раннему периоду — V—IX вв., позднее возникли полуподземные — IX—XIV вв. Надземные склепы, отличающиеся большим разнообразием, датируются XIV—XVIII вв. Появление склепов у осетин объясняется не только сохранением древних родовых пережитков (захоронение на одном кладбище или в склепе), но и отсутствием земель. С целью экономии пахотных земель многие селения Северной Осетии вместо общего сельского кладбища строили семейные и родовые склепы, в которых хоронили покойников еще в начале XX в. Захоронение в склепах в указанное время практиковалось, в частности, в сел. Даргавс и во многих селах (Урсдон, Цамат, Донисар, Цей и др.) Алагирского ущелья. В сел. Даргавс, например, настолько сильна была нужда в земле, что некоторые семьи делали подземные склепы на своих участках, для того чтобы использовать почву над ними под посев зерновых культур. Несомненно, что безземелье явилось также одним из важных факторов, способствовавших сохранению «городов мертвых», состоящих из различных склепов, сооруженных на протяжении многих веков, от раннего средневековья до XVIII в.⁸¹

Следует отметить, что склеповая культура захоронения распространена преимущественно на территории Северной Осетии; в Центральной и Южной Осетии она встречается очень редко. Наибольшее распространение здесь имеют подземные и полуподземные склепы. Надземные склепы типа даргавских разнообразных геометрических форм (квадрат, прямоугольник, шестиугольник, восьмиугольник, круг и т. д.) характерны только для Северной Осетии (табл. 93).

Кроме Даргавса широко известны своими склепами селения Джимара, Даллагкау, Дзивгис, Цей, Махческ, Дзинага и др. В ряде селе-

⁷⁵ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, стр. 513.

⁷⁶ «Обозрение Российских владений за Кавказом», т. I. СПб., 1836, стр. 203; Г. А. Кокиев. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. «Изв. ЮОНИИ», вып. 1, 1933.

⁷⁷ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 91.

⁷⁸ С. Кригер. Архитектура горных селений Северной Осетии. «Архитектурное наследство», 1953, № 3, стр. 154.

⁷⁹ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 12.

⁸⁰ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, стр. 507.

⁸¹ В. Х. Тменов. Археологическое исследование «города мертвых». МАДИСО, т. II, 1969.

ний Куртатинского ущелья надземные склепы находятся непосредственно в селах, например в Даллагкау (здесь два склепа, расположенных в самом селении, народное предание приписывает родоначальникам куртатинцев и тагаурцев — Курта и Тага)⁸². Строительство склепов, как и башен, прекратилось в Осетии в основном в XVIII в.

Наконец, из памятников материальной культуры, характерных для Осетии, отметим «нартский нихас» и «камень великанов» находящиеся в сел. Лац Куртатинского ущелья (табл. 88). На этом нихасе имеется несколько больших выдолбленных крестообразных камней, расположенных в один ряд, на которых якобы сидели во время празднеств знаменитые нартские герои: Урызмаг, Батраз, Сослан и др. Огромный плоский круглый камень, лежащий в стороне от нихаса, служил, по преданию, как бы мячом в состязаниях нартских героев. Эти памятники, как можно полагать, принадлежат средневековым обитателям этого села — аланам, оставившим здесь также свои катакомбные могильники. Подтверждением нашего вывода является и наличие подобного нихаса на исторической территории алан — в современной Балкарии, в сел. Верхний Чегем.

К числу средневековых памятников осетин относятся и культовые сооружения: часовни, церкви, соборы, а также остатки мусульманских мечетей на Змейском аланском городище, построенных здесь еще монголами. Появление памятников монументальной архитектуры в Осетии связано с распространением христианской религии среди алан грузинскими и византийскими миссионерами. Наиболее известны из них: Нузальская часовня, святилище Реком, Дзвгисы дзуар (сел. Дзвгис), Хуцауы дзуар (сел. Лац), Зруджы Мадымайрам (сел. Хозитыкау), а на исторической территории алан — в верховьях Кубани — Зеленчукский, Шонский, Верхне-Тебердинский храмы (табл. 100, 1). Строительство этих памятников христианства относится в основном к IX—XII вв., причем в Западной Алании они строились в византийском стиле, а в Восточной — в грузинском. Наибольшее распространение грузинские церкви имели, по народным преданиям, в период правления царицы Тамары.

Однако после монгольского нашествия и упадка христианства в Осетии все они превратились в языческие святилища.

Большим своеобразием отличаются осетинские жилые и хозяйственные постройки.

В местах, изобилующих лесом, дома и хозяйственные постройки строили из дерева. Очень часто нижний этаж жилой постройки воздвигали из камня, а верхний — из дерева. При скудном поселении в высокогорных районах нередко дом пристраивали к горе, так что она составляла одну из стен. Наибольшее распространение имели двухэтажные и одноэтажные дома, причем вертикальная застройка преобладала в малоземельных районах. Каждое жилое помещение имело свое определенное назначение. Второй этаж дома предназначался для семьи, в нем находилось обычно большое помещение (*хадзар*) с очагом в центре или в углу и несколько небольших комнат (*уат*) для парных семей. Нижний этаж занимали помещения для скота.

Развитие осетинского жилья идет от однокамерного помещения — хадзара, в котором семья выполняла различные домашние работы и проводила все свободное время. В недалеком прошлом хадзар являлся для многих горцев единственным жилым помещением. По подсчетам А. Скачкова, в 1905 г. из опрошенных 193 дворов селений Дагомского прихода 39 (20%) не имели другого помещения, кроме хадзара, у 67% кроме хадзара имелись еще небольшие комнаты — уат⁸³.

На юге Осетии жилища строили в основном из дерева. В советское время в высокогорных селах Южной Осетии земляная крыша была заменена четырехскатной крышей из дранки. Крыша возводилась очень высокой, с крутыми скатами, что способствовало быстрейшему сползанию снега (табл. 36).

Жилища равнинных осетин коренным образом отличаются от горного жилища. Во время массового переселения горцев на равнину в начале XIX в. осетины строили здесь дома подобно домам соседних русских казаков — плетеные из хвороста, обмазанные изнутри и с внешней стороны глиной. Крыша была двускатная соломенная. Дом состоял из двух не равных по площади помещений: большого — хадзара и меньшего — уата, разделенных сенями (*тыргъ*). Позже у осетин появился новый тип жилья — длинный прямоугольный дом с несколькими комнатами в один ряд, имевшими отдельные выходы в коридор (табл. 38, 2). Такой дом обычно являлся собственностью большой патриархальной семьи. В 80—90-е годы происходит коренное изменение всего облика осетинского равнинного села. Эти перемены, происходящие под влиянием развития капиталистических отношений, отмечены в интересной рабо-

⁸² В. Миллер. Археологические экскурсии в Терской области. МАК, вып. 1, 1888.

⁸³ А. Скачков. Опыт статистического исследования горного уголка. «Терские ведомости», 1905, № 211.

те А. Ардасенова: «Если вы теперь проедете по аулам плоскостной Осетии,— пишет он,— вы удивитесь происходящей перемене. В любом ауле вы уже найдете много довольно приличных домов, крытых черепицею, имеющих вместо крошечных отверстий большие светлые окна (в 6—8 стекол), закрывающиеся филенчатыми ставнями»⁸⁴.

Из отопительных систем у осетин наиболее древним и распространенным являлся очаг, просуществовавший в горах, а отчасти и на равнине вплоть до конца XIX—начала XX в. Расположенный большей частью в центре хадзара, очаг с обеих сторон ограждался двумя большими камнями — *тари́лы бындур* (основание тари́лы). Камни эти иногда заменялись железными подставками на ножках⁸⁵ (табл. 43). Над очагом спускалась железная цепь с крючком на конце, на котором подвешивали котел или каменную плиту для поджарки хлеба (табл. 45, 2). Здесь же рядом висело обычно несколько других железных и деревянных цепей для хозяйственных нужд⁸⁶.

Наряду с очагом у осетин издавна существовал полукруглый камин, сделанный из плетня и обмазанный изнутри и снаружи глиной⁸⁷. В конце XIX в., с изменением жилища осетин, изменилась и отопительная система, главным образом в равнинных селах. «Вместо камина,— отмечал А. Ардасенов,— чаще вы увидите печку, снабженную всеми принадлежностями»⁸⁸.

В настоящее время у осетин бытуют все виды современной отопительной системы жилого дома. Заметим также, что в предгорных селах Юго-Осетии большое распространение до сих пор имеет особый вид печи — *турно (тандур)*, широко известный повсюду в Закавказье. Характерной чертой жилища северных осетин является летняя кухня, расположенная обязательно в сарае, находящемся под одной крышей с жилым домом (табл. 39, 1).

Для освещения дома у осетин издавна служила лучина, применявшаяся в горах еще в конце XIX в. Лучины вставлялись обычно в специальные подсвечники местного производства (табл. 45, 1; 46). В. Пфаф, находясь в Зарамагском ущелье в сел. Цми, отмечал: «В одном углу комнаты тускло горела лучина на осетинском подсвечнике»⁸⁹.

⁸⁴ В. Н. Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. «Новое обозрение», 1896, № 4208.

⁸⁵ С. В. Рокиев. Указ. соч., стр. 85.

⁸⁶ Н. Дмитриев. Указ. соч., стр. 20.

⁸⁷ Н. Берзенов. Из записок об Осетии. «Кавказ», 1852, № 65.

⁸⁸ В. Н. Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа, № 4208.

⁸⁹ В. Пфаф. Путешествие по ущельям Северной Осетии. ССК, 1871, т. 1, стр. 148.

В советское время и в жилище осетин произошли большие изменения. В строительстве жилищ государство оказало горцам огромную помощь, предоставляя им кредиты, долгосрочные ссуды, а также строительный материал (лес, кирпич, черепицу, шифер и пр.) по твердой цене. В послевоенный период в Осетии широко развернулось строительство новых благоустроенных жилых домов, большей частью из кирпича.

Наиболее распространенным типом жилища у современных осетин является квадратный дом, состоящий из нескольких комнат, остекленной веранды или открытой террасы. Иногда такой дом строится из двух этажей, причем по традиции, идущей от прежнего горского жилища, все парадные комнаты (уат) располагаются во втором этаже, а остальные жилые помещения, в том числе и хадзар, где проходит в основном жизнь семьи, особенно в зимнее время, находятся в нижнем этаже.

Другой тип застройки, особенно характерный для Северной Осетии,— это жилые помещения, расположенные под одной крышей с сараем. Такое жилище, хорошо известное на равнине и в прошлом, имеет 2—3 комнаты (одна из которых хадзар) с отдельными выходами на открытую террасу или остекленную веранду и сарай, часто используемый в качестве летней кухни (табл. 39, 1).

С исчезновением у осетин больших семей отпала необходимость строить и длинные многокомнатные дома на равнине.

Для горных районов характерны два типа жилых домов. В высокогорных и отчасти горных лесистых районах распространен двухэтажный дом (в прошлом это вызывалось стремлением сэкономить землю для посева). Первый этаж такого дома воздвигался из камня, а второй — из дерева или сплетался из прутьев. В старину часть первого этажа занимали хозяйственные помещения. Теперь дом состоит только из жилых комнат, имеет балкон или веранду на втором этаже и двор (табл. 37).

Второй тип жилого дома представляет собой каменный или деревянный одноэтажный дом, состоящий из общей большой кухни, нескольких комнат для членов семьи и гостиной, расположенных в один ряд под одной крышей, с отдельными выходами на террасу, тянущуюся по всей длине дома.

В целом за годы Советской власти коренным образом перестроился старый горский дом; в нем появились большие окна и двери, дощатые полы и потолки, земляная крыша заменена четырехскатной кровлей, покрытой в Северной Осетии черепицей, шифером или жестью, а в

Юго-Осетии — дранкой (табл. 37; 38, 1). Изменилась отопительная система помещений. Наблюдается повсеместное распространение печи с плитой и вместо почти исчезнувшей из быта осетин русской железной печки появляется голландка, устанавливаемая обычно в домах квадратной планировки для отопления смежных комнат.

После организации колхозов уменьшилось количество хозяйственных построек на усадьбе. Во дворах по-прежнему строят лишь помещения для хранения кукурузных початков. Двор и усадьба обносятся по традиции плетеным или деревянным, реже каменным забором (табл. 41, 42), в котором обычно имеются большие деревянные ворота с калиткой.

Осетинский дом отличался и своим внутренним убранством, наличием оригинальной мебели. Еще в начале XIX в. А. Яновский писал: «Во всех домах есть лавки, низкие столы, резные деревянные для хозяина кресла и кровать»⁹⁰. Все эти предметы обстановки изготовлялись самими горцами. Во второй половине XIX в. у осетин появился токарный станок (*зырн*), использовавшийся при изготовлении мебели (кроватей, стульев, диванов, шкафов и т. д.), предметов домашнего обихода и утвари (корыт, столиков на трех ножках, различных пивных бокалов, чашек, тарелок и т. д.). Многие из этих предметов существовали у осетин с глубокой древности, о чем свидетельствуют их древнеиранские названия (*фынг* — столик на трех ножках, *нуазэн* — бокал, *арынг* — корыто и др.)⁹¹.

Традиция, связанная с обработкой дерева, в частности с приготовлением деревянной утвари, была очень древней и широко распространенной. «Искусство точить и резать дерево в Осетии, — пишет С. В. Кокиев, — весьма древнее и сильно развито повсеместно, а потому осетин в своем домашнем обиходе пользуется почти исключительно деревянной посудой, вытачиваемой или вырезаемой»⁹².

Несмотря на то, что почти каждый горец мог изготавливать необходимые ему предметы, в Осетии, как уже говорилось выше, было несколько значительных центров, славившихся обработкой дерева (Урстуалта, Сгуыбир, Сба, Кударгом, Лац и др.).

Очень древней традицией осетин было и изготовление медной посуды; из меди здесь делали чашки, стаканы, рукомойники, тазы и различные котлы. Особенно отличались своими колос-

сальными размерами пивоваренные котлы с острыми и плоскими днищами, изготавливавшиеся обычно из небольших кусков меди, а иногда просто из медных пяточков.

Глиняная посуда осетинами приобреталась у грузин (имеретинцев), чеченцев и дагестанцев. В XVIII в. получает распространение стеклянная и фаянсовая посуда, привозимая русскими купцами⁹³, о чем свидетельствуют многочисленные находки стеклянной посуды этого периода в склепах Осетии⁹⁴. Во второй половине XIX в. в домах богатых осетин имела дорогая привозная фабричная посуда, включая хрустальную. Русские самовары, приборы стола — вилки, ножи, ложки проникли в самые отдаленные горные селения⁹⁵.

В предгорьях и на равнине осетинский дом имел большой двор, а сами усадьбы были обнесены оградой (большей частью плетеной из хвороста). В конце XIX в. в равнинных селах Осетии широкое распространение получили заборы из булыжников на цементе. Богатые, кроме того, строили ворота по типу городских (табл. 38, 1).

* * *

Большой интерес представляет традиционный костюм осетин, формировавшийся в течение многих веков⁹⁶.

Наиболее ранние и сравнительно полные сведения об основных элементах осетинского костюма относятся к началу XIX в. Это сообщения Ю. Клапрота, М. Энгельгарта, Ф. Паррота и др., побывавших непосредственно в Осетии. По одним описаниям, в то время осетины надевали «короткую рубашку хадон (*хæдон*. — Б. К.), штаны халаф (*хæлаф*. — Б. К.)», по другим данным — носили «длинные узкие брюки», достигавшие «башмаков, сделанных из очень тонкой кожи». Верхней одеждой служил бешмет (*куырæт*) — весьма древний элемент одежды осетин, название которого восходит к скифской эпохе⁹⁷. Бешмет, достигавший колен, делали из домотканого сукна: «он завязывается шнурками и с каждой стороны груди имеет по 6 карманов для патронов»⁹⁸. Судя по описанию указанных авторов, бешмет был повседневной распространенной одеждой

⁹³ В. Пассек. Осетины. Очерки России, кн. 1. СПб., 1838, стр. 178.

⁹⁴ В. Х. Тменов. Указ. соч., стр. 144—145.

⁹⁵ В. Пфаф. Указ. соч., стр. 145.

⁹⁶ Б. А. Калоев. Осетины, стр. 172—186.

⁹⁷ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, стр. 609.

⁹⁸ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 158, 193.

⁹⁰ «Обозрение Российских владений за Кавказом», стр. 203.

⁹¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 56.

⁹² С. В. Кокиев. Указ. соч., стр. 82.

как мужчин, так и женщин. Черкеска же, отличавшаяся покроем от бешмета, являлась праздничной одеждой. Из сообщения Клапрота известно, что в конце XVIII — начале XIX в. осетины уже имели свое название для черкески *тцука*, (*цухъхъа*. — Б. К.).

Далее Клапрот пишет: «Зимой они носят полушубок. При езде летом в дурную погоду они накидывают на себя кавказский войлочный плащ... (*уæлæдарæн нымæт*. — Б. К.), который русские называют бурка; голову они покрывают суконным капюшоном (по-татарски — башлык, по-осетински — баслак»⁹⁹.

Широко употребляли, особенно в горах, своеобразную обувь — *арчи*, в которой, по словам путешественников, «вполне безопасно было идти по самым труднодоступным горным склонам».

Главным убором служила «шапка из овечьего меха»¹⁰⁰ — *уæлдзарм худ*.

Таким образом, к началу XIX в. мы знаем о бытовании всех главных элементов традиционного мужского осетинского костюма, дожившего до недавнего времени папаху, башлык, бурка, черкеска, бешмет, некоторые виды обуви). По данным языкознания, названия шапки (*худ*), бурки (*нымæт*, *уæлæдарæн нымæт*), шубы (*кæрц*), бешмета (*куырæт*), пояса (*рон*) идут от древнеиранского¹⁰¹.

Возникновение черкески относится к после-монгольскому периоду и связано с появлением у горцев огнестрельного оружия и пороха; для хранения пороха на груди бешмета по обе стороны пришивали по карманчику с гнездами, в которые вставляли от 5 до 9 деревянных или костяных патронов; позже последние стали украшениями (газыри) черкески. Таким образом, развитие черкески идет от бешмета. Черкеска шилась из домотканого сукна или фабричной ткани, причем предпочитали сукно черное, коричневое или серое. Под черкеской носили бешмет из темной сатиновой или иной ткани. Бешмет шился значительно короче черкески и имел стоячий строчной воротник и узкие рукава. По покрою бешмет, так же как и черкеска, представлял собой распашную одежду, скроенную в талию.

В начале первой мировой войны вместо бешмета и черкески появился новый вид одежды — «бечераховка»¹⁰², отличавшийся от черкески наличием воротника и кармашков вместо газырей.

В советское время большое распространение получила так называемая кавказская рубашка (*æддаг хæдон*) — широкая, с высоким стоячим мягким воротником. Она шилась чаще всего из шелковой материи, белого фабричного полотна или темного сатина; рубашка надевалась вместо бешмета под черкеску; ее носили на выпуск, подпоясывая тонким кожаным ремешком.

Большим разнообразием отличались головные уборы. Летом носили легкие войлочные шляпы с широкими полями, а зимой — барашковые и овчинные шапки, которые, по словам С. В. Кокиева, делали любых размеров, «начиная от самых изящных и миниатюрных до самых грандиозных, как стог сена»¹⁰³. Зимой носили шубы из овчины, сшитые со сборами в талии. Иногда носили тулупы. В дорогу надевали бурку и башлык.

Шаровары (*æддаг хæлаф*) шили очень широкими, из сукна, фабричной ткани, а для работы в поле — из холстины. Встречались шаровары и из овечьих шкур (*хæлын хæлаф*).

Парадная обувь мужчин делалась из мягкого черного сафьяна; она состояла из чувяк, скроенных из цельного куска, и ноговиц или же мягких сапог такого же покроя, как и чувяки. Повседневной обувью служили матерчатые или сафьяновые полусапожки и чувяки на воловьей сыромятной подошве; распространенной обувью в горах, как говорилось, являлась *арчи* из толстой обработанной воловьей кожи с плетеной из прочных ремешков подошвой. Такая обувь была наиболее удобной при хождении по горам. Арчи наполняли мягкой сухой травой и надевали на голую ногу.

Необходимой принадлежностью костюма осетин являлись узкий кавказский пояс, украшенный металлическими или серебряными бляхами, и кинжал, имевший большей частью серебряную или позолоченную оправу.

Как справедливо отмечали многие дореволюционные авторы, осетинский женский традиционный костюм ничем существенно не отличался по своему покрою от мужского. «Женский костюм, — писал А. Скачков, — состоит из «каба» — нечто вроде черкески из темной шерстяной материи»¹⁰⁴. О сходстве в покрое верхних женских платьев с черкеской свидетельствуют и найденные нами в 1958 г. в склепе сел. Даллагкау Куртатинского ущелья женские платья (табл. 73), относящиеся, по-видимому, к середине XIX в.

В конце XIX — начале XX в. происходят изменения в женском костюме. Праздничное

⁹⁹ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 193.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ В. И. Абеев. Осетинский язык и фольклор, стр. 53.

¹⁰² По имени ее «изобретателя» — осетина-казака Бечерахова из станицы Ново-Осетиновской.

¹⁰³ С. В. Кокиев. Указ. соч., стр. 87.

¹⁰⁴ А. Скачков. Указ. соч., № 211.

женское платье теперь имеет прямую спинку без сборов, но по-прежнему со сплошным разрезом спереди. На бедра обычно подвязывался богато орнаментированный бархатный передник, который выступал из-под платья. В тех случаях, когда рукав был узким, к кисти руки часто привязывали подвесные рукава, сделанные из тяжелого, расшитого золотыми нитями бархата бордового цвета. Стан стягивался обычно красивым позолоченным поясом. Необходимой принадлежностью костюма девушки и молодой женщины являлась невысокая круглая бархатная шапочка на картонном каркасе, расшитая золотым или серебряным галуном. Еще в начале XIX в. об этой шапке упоминает Клапрот: «У черкесов и осетин девушки и молодые женщины носят круглые шапки, подобно мужчинам»¹⁰⁵.

Во второй половине XIX в. у осетинок появился новый вид одежды, состоявший из юбки и кофты, причем кофта обычно пришивалась к юбке. В качестве повседневного носили платье со сборами в талии, со стоячим или отложным воротником, с прямым разрезом на груди до пояса, с суживающимися к запястью рукавами; существовали и другие виды платья.

В одежде, как и в других элементах материальной культуры, сильно сказывались социальные и имущественные различия. В богатых семьях одежду шили из покупного сукна, дорогих шелковых тканей, бархата и т. д. Женщины носили украшения из драгоценных металлов, недоступные рядовой осетинке. Мужчины отделывали газыри черкески, а также оружие золотом или серебром.

В наше время традиционный костюм осетин сохраняется главным образом как праздничный: его надевают иногда на свадьбу, праздники и демонстрации. Однако в повседневном быту сохраняются еще многие элементы национального мужского костюма (папахи, войлочные шляпы, отделанные серебром пояса, сапоги кавказского образца, кавказские рубахи и т. д.). Из женского костюма стойко сохраняются платки местной работы, связанные из шелковых или шерстяных ниток. Платья национального покроя носят в основном пожилые женщины. Молодые женщины надевают городские платья самого разнообразного покроя, но обязательно с длинными рукавами. Из традиционной обуви значительное распространение наряду с городской имеют матерчатые чупяки на подошве из сыромятной кожи, очень удобные для повседневного ношения дома.

Чрезвычайно богато и разнообразно прикладное и изобразительное искусство осетин, о чем свидетельствует, например, хотя бы представленный в альбоме материал (образцы орнамента, резьба по дереву, вышивка, художественная обработка металла — гравировка, насечка, чернение, резьба по камню), собранный нами во время экспедиций в разных районах Осетии, а также извлеченный из фондов местных и центральных музеев. Представленный материал показывает, что для изобразительного искусства осетин характерны в основном геометрические, зооморфные и растительные мотивы орнамента, причем первые два являются наиболее распространенными и древними, уходящими своими корнями в кобанскую эпоху.

Анализ этнографического и археологического материала позволяет судить о прямой преемственной связи осетинского изобразительного искусства с культурой древних кобанцев, скифов, сарматов и алан. В прикладном искусстве осетин сохранились почти без существенных изменений орнаментальные мотивы, которые встречались на предметах кобанской, скифской, и аланской эпох.

«Искусство резьбы по дереву — одному из наиболее доступных и наименее трудных в обработке материалов — известно в Осетии, как и в других районах Кавказа, с древнейших времен. Об этом, например, свидетельствует такой известный исторический памятник, как святилище Реком. Особый интерес представляют резные столбы этого памятника, над которым возвышаются змеевидные коньки, покрытые геометрическим орнаментом. Резной геометрический орнамент применялся и для украшения предметов домашнего обихода (кресло, тахта, круглые столики на трех ножках, пивные бокалы и т. д.), а также жилого дома (карнизы балконов, балкончики, наличники окон и т. д.). Наряду с геометрическим орнаментом широко использовались также зооморфный и растительный орнаменты. Скульптурными фигурами и головками животных украшают пивные бокалы и другие предметы бытового назначения (табл. 86). Представленные здесь палки с изображениями людей и животных, сделанные известным народным скульптором С. М. Едзиевым, свидетельствуют о высоком развитии у осетин этого вида орнаментального искусства.

К XV—XX вв. относятся различные надмогильные памятники и дохристианские религиозные святилища (дзуары). Центрами изготовления надмогильных памятников являлись сел. За-

¹⁰⁵ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 157.

манкул, Кора-Синдзикау, Окрокана, Деш, где было немало талантливых мастеров. На надмогильных плитах изображались фигуры мужчин и женщин, сцены погребального ритуала, обряда посвящения коня покойнику, отдельные элементы национального костюма (бурка, башлык, черкеска и т. д.) и его украшения (кинжал, пояс, газыри, нагрудные крючки), оружие и орудия труда. Очень часто сюжеты создавались не углубленной линией, а расписывались красками различных тонов.

В советское время широко используются орнаментальные мотивы, отражающие новые художественные вкусы и запросы людей, вызванные изменением их образа жизни и быта.

Прекрасное художественное наследие народа — веками выработанное орнаментальное богатство, изумительный колорит и технические достижения — находит самое широкое применение в быту сельского и городского населения Осетии. Изумительные по изяществу орнаментальные мотивы с успехом применяются в архитектуре современного жилища, общественных зданий; ими украшают террасы, карнизы окон, дверей, парадных ворот и т. д.

Весьма распространенным видом изобразительного искусства осетин в прошлом являлась вышивка золотыми, серебряными и шелковыми нитками, отличавшаяся исключительно тонкой техникой исполнения и изяществом орнамента. Наибольшее развитие художественное шитье и рукоделие осетин достигло во второй половине XIX в., в связи с широким проникновением в осетинское село фабричной ткани, золотых, серебряных и шелковых ниток и т. д. «Было время, — пишет С. В. Кокиев, — когда черкески, бешметы, чевяки, ноговицы, седла и даже бурки обшивались кругом серебряным или золотым галуном, довольно широким; но теперь это большая редкость; галун заменился шнуром шелковым и шерстяным. Если украшения сохранились, то только у женщин»¹⁰⁶. Вышивкой занимались женщины, среди которых было немало искусных мастериц, славившихся далеко за пределами своих сел. Большую роль в распространении этого вида искусства сыграла Владикавказская осетинская женская школа, где в учебной программе художественное шитье являлось обязательным предметом. Окончившие школы становились обычно сельскими учительницами и обучали вышивальному делу не только своих воспитанниц, но и многих односельчанок.

Осетинская художественная вышивка является воплощением богатейшего орнаментально-

го искусства, выработанного веками и передававшегося из поколения в поколение¹⁰⁷. Наиболее красочно оно раскрылось в осетинской традиционной женской и мужской одежде. Весьма богато орнаментировались праздничные платья осетинок, обувь, а также настенные сумки, служившие для хранения часов, фотографий, предметов рукоделия и т. д. Украшением мужского костюма служили золотые, серебряные и шелковые галуны, различные шнурки и тесьма; ими оторачивали полы черкески, бешмета, ворот бурки, края башлыка и войлочной шляпы.

Художественная вышивка осетин отличалась большим многообразием техники и приемов изготовления. Существовало до десяти видов вышивок: шитье гладью, узелками, вышивка аппликацией, нанесение узора тесьмой или шнуром и т. д.¹⁰⁸

Для тканья галунов применялись различные приспособления и инструменты: несколько квадратных дощечек размером 6×6 см с четырьмя — шестью отверстиями по краям, через которые продевались нити-основы; бронзовый или медный ткацкий инструмент, имевший два крючка на концах, прикреплявшихся к поясу мастерицы; большой костяной или медный нож, длинный острый костяной шилообразный инструмент и кабаный или слоновый клык, служивший для разглаживания рисунков вышивки (табл. 78). Находки кабаньих клыков рядом с женскими скелетами в змейских аланских катакомбах в Северной Осетии, как и находки образцов вышивки золотыми и серебряными нитями¹⁰⁹, свидетельствуют о высоком уровне развития описываемого искусства у алан, от которых оно, несомненно, перешло к осетинам.

Значительное развитие у осетин получила и художественная обработка металла — гравировка, насечка, чернение. Осетинские мастера искусно изготовляли, используя традиционный орнамент, украшения для женского и мужского костюма: золотые и серебряные пояса, нагрудные пуговицы, газыри, кинжалы, а также оправу для рогов (табл. 79, 80). Очень часто на бронзовых подставках для лучины встречаются скульптурные изображения бараньих, козьих, турьих и оленьих голов (табл. 46). Они имеют близкие аналогии с предметами, найденными в памятниках кобанской культуры.

¹⁰⁷ К. А. Берладина. Народная вышивка Северной Осетии. ИСОНИИ, т. XXII, вып. IV, 1960.

¹⁰⁸ «Осетинский орнамент». Орджоникидзе, 1960, стр. 21—22.

¹⁰⁹ «Археологические раскопки в районе Змейской», стр. 130—131.

¹⁰⁶ С. В. Кокиев. Указ. соч., стр. 91.

Традиционные музыкальные инструменты осетин, как видно из таблиц, немногочисленны и имеют значительное сходство с музыкальными инструментами соседних народов, особенно балкарцев, адыгов и сванов. Вызывает интерес происхождение каждого из этих инструментов. До 80-х годов XIX в. у осетин имелась пастушеская свирель (*уадынз*), двуструнная скрипка (*хъисын фæндыр*) типа балалайки и двенадцатиструнная малая угловая арфа (*дуадæстæнон фæндыр*), на которых могли играть только мужчины. Тогда же у осетин появилась двухрядная гармонь, занесенная на Северный Кавказ из России. Она получила настолько широкое распространение у этого народа, что, по словам С. Кокиева, изгнала из употребления все остальные народные инструменты¹¹⁰. Однако это относится в основном только к равнинным осетинам, в горах же традиционные народные инструменты сохранились до недавнего времени. «Игра на двух- и двенадцатиструнном фандыре (род скрипки и арфы) и длинные повествования под их аккомпанемент, — пишет К. Хетагуров, — были исключительной привилегией наиболее даровитых мужчин»¹¹¹. Эти же музыкальные инструменты были зафиксированы еще в первые годы Советской власти Г. Чурсиным, изучавшим южных осетин¹¹². Причем автор обнаружил здесь наряду с двенадцатиструнной арфой и одиннадцатиструнную. Наряду с русской гармоникой, на которой могли играть только женщины, к осетинам проникли также трещотки (*къарцгана*) из Кабарды и бубны из Дагестана.

Большой интерес представляет арфа, имевшая повсеместное распространение в Осетии до недавнего времени¹¹³. Она имела дугообразную форму; ее корпус и шейка, изготовлявшиеся из древесины клена, тута, дуба, украшались национальным резным орнаментом. Арфа имела 12 (иногда 10, 11) струн из конского волоса, натянутых наклонно под острым углом к деке. Игравший на этом инструменте держал его на коленях «так, чтобы басовые струны были обращены к исполнителю»¹¹⁴.

Кроме осетин, арфа имелась на Кавказе также у балкарцев, сванов и абхазов. Композитор С. И. Танеев, совершивший поездку в

1886 г. по Балкарии, зафиксировал здесь двенадцатиструнную арфу, известную под названием «каныр кобуз». Он же отмечал наличие арфы у сванов, имевшей только шесть струн¹¹⁵. Этот инструмент в Сванетии имел широкое распространение¹¹⁶ и употреблялся до недавнего времени. Что касается абхазской арфы, то о ней мы можем судить только по ее макетам, хранящимся в Абхазском республиканском краеведческом музее. К сожалению, не сохранилось ни одного образца этого народного инструмента, нет и литературных данных о степени его распространения в прошлом среди абхазов. Судя по этим макетам, у абхазов существовало два вида арфы: 28-струнная трапецевидная (*ахымаа*) и 14-струнная дугообразная (*агомаа*)¹¹⁷.

Одним из важных источников, свидетельствующих о традициях многих кавказских народов, является нартский эпос. Однако упоминание об арфе мы находим только в осетинском варианте этого памятника. Изобретение арфы приписывается здесь выдающемуся герою эпоса — Сырдону. В сказании «Как появился фандыр» повествуется о том, как Сырдон, потерявший двенадцать сыновей от рук Хамица, убитый горем, сделал этот чудесный фандыр. «Он взял кисть руки старшего сына и натянул на нее двенадцать звонких струн, а струны те были из жил, что несли кровь к сердцам его сыновей». Сырдон подарил свое сокровище нартскому обществу. «Взяли нарты из рук Сырдона фандыр и сказали они друг другу: Если даже всем нам суждена погибель, то навеки останется жить фандыр. Он расскажет о нас, и кто заиграет на нем, тот вспомнит о нас»¹¹⁸.

Характерно, что инструмент типа кавказской дуговой арфы мы находим и у современных хантов, у которых она имеет восемь струн и отличается большим сходством со скифской арфой из второго Пазырыкского кургана (V — IV вв. до н. э.) горного Алтая¹¹⁹. Арфы различных типов были характерны в древности и для Средней Азии. До сих пор у узбеков имеется арфа (*чанг*), похожая на украинский цимбал¹²⁰.

¹¹⁵ С. И. Танеев. Заметка о музыке, танцах и песнях урусдиевцев. «Вестник Европы» СПб., 1886, январь, стр. 96.

¹¹⁶ Д. И. Аракчиев. О грузинских музыкальных инструментах из собраний Москвы и Тифлиса ТЭОЛЕАЭ, т. XVIII, стр. 189.

¹¹⁷ И. М. Хашба. Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми, 1967, стр. 75, 214.

¹¹⁸ «Осетинские нартские сказания». Дзауджикау, 1948, стр. 210.

¹¹⁹ Р. Л. Садоков. Музыкальная культура Древнего Хорезма. М., 1970, стр. 65.

¹²⁰ Там же, стр. 74.

¹¹⁰ С. В. Кокиев. Указ. соч., стр. 86.

¹¹¹ К. Хетагуров. Собр. соч., т. IV, стр. 343.

¹¹² Г. Чурсин. Указ. соч., стр. 223.

¹¹³ В книге В. И. Абаева «Из осетинского эпоса» (М., 1949) помещена фотография сказителя с арфой; композитор Б. А. Галаев описывает арфу, принадлежавшую исполнителю Н. Ханикаеву (сел. Хани-Катикау в Юго-Осетии). См. «Осетинские народные песни». М., 1964, стр. 18—19.

¹¹⁴ «Осетинские народные песни», стр. 18.

К сожалению, в связи с отсутствием археологических данных трудно ответить на вопрос, к какому времени относится появление арфы на Кавказе и, в частности, у тех кавказских народов, у которых она обнаружена. Мы считаем осетинскую арфу, имеющую близкие аналогии как с арфами указанных кавказских народов, так с древнескифской арфой, наследием древнеиранских предков осетин. Об этом говорят данные осетинского языка, нартского эпоса и этнографии. Косвенным подтверждением этого могут служить археологические находки изображения малой угловой арфы, сходной с осетинской, на памятниках древнего Хорезма¹²¹, а также части этой арфы, найденные во втором Пазырыкском кургане Горного Алтая.

Само осетинское название «фæндыр», обозначающее 12-струнную арфу, двухструнную скрипку, гармонику и т. д., восходит, по мнению В. И. Абаева, к скифо-сарматскому периоду¹²².

Можно полагать, что арфа, занесенная на Кавказ скифо-сарматами, была распространенным музыкальным инструментом и у алан, от которых она, несомненно, перешла к осетинам и балкарцам. Во всяком случае, осетинский нартский эпос, в котором нашёл отражение быт алан, вполне подтверждает это мнение.

К древним музыкальным инструментам осетин относится и свирель (*уадынз*), которая также красочно описывается в сказаниях о нартах. В эпосе уадынз является принадлежностью знаменитого певца Ацамаза, от чудесной игры которого пробуждается животный и растительный мир¹²³. В быту осетин свирель считалась в основном пастушеским музыкальным инструментом. Тем не менее в старину, как отмечал С. Кокиев, во время свадеб, общественных гуляний на ней исполняли «все плясовые песни»¹²⁴. Свирель изготовляли из камыша, бузины и иных зонтичных растений путем удаления мягкой сердцевины из стебля, ее делали также из обреза ружейного ствола. Общая длина свирели колебалась от 50 до 70 см¹²⁵. Она имела в верхней части от трех до пяти отверстий.

Наиболее распространенным музыкальным инструментом осетин был *хъысын-фæндыр*, имевшийся, по словам С. Кокиева, «в каждом доме и в каждой кунацкой». «Всякий хозяин,— отмечает он далее,— скрипичный мастер. Такую распространенность дает ей простота ее устройства»¹²⁶.

В Центральной и Южной Осетии этот инструмент имел другое название — *хуысæр* («свиная голова»). Хъысын-фæндыр состоял из круглой ореховой или сосновой чаши, на которую натягивали бычий пузырь. К дну чаши прибавляли палку, которая служила грифом. Там же просверливали отверстие; несколько небольших отверстий делали и в пузыре. Сверху натягивали две струны из конских волос, одна из которых была тоньше, а другая толще, чтобы получить разные тоны. Позже в ряде мест фандыр стали делать с тремя струнами. Струны смычка (*æрдын*) состояли также из конского волоса. Вместо канифоли употреблялась сосновая смола.

Играли на хъысын-фандыре только мужчины. При игре скрипку держали так, чтобы конец ее упирался в колени.

«Впрочем, хорошие скрипачи,— пишет С. Кокиев,— не довольствуются такою скрипкою; они готовят инструменты более усовершенствованные, у которых верхняя дека не пузырьная, а деревянная, и эти скрипки гораздо изящнее по своему устройству и отделке. Такого же образца скрипка полагается для кунацкой, где с нею часто разделяют свое одиночество и разгоняют скуку»¹²⁷.

Большим событием в музыкальной жизни осетин было появление у них в 80-х годах XIX в. русской гармоники, оказавшей значительное влияние на развитие их музыкального фольклора. Основанные в г. Владикавказе мастерские по изготовлению гармоник способствовали широкому распространению этого музыкального инструмента среди осетин, балкарцев, кабардинцев, ингушей и др. Гармоника глубоко вошла в быт осетин, способствовала появлению у них новых танцевальных и песенных мелодий. И это во многом объясняется тем, что играли на гармонике исключительно женщины, мужчинам играть на этом инструменте считалось неприличным. Тем не менее у осетин было немало талантливых гармонистов, славившихся своим искусством игры. Девушка, умевшая хорошо играть на гармонике, пользовалась особым уважением в обществе. Она получала специальное пригла-

¹²¹ «Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма». ТХЭ, т. V. М., 1967, стр. 204, 205, рис. 76; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 99, 100; он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1962, стр. 117—135.

¹²² В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь, стр. 447—448.

¹²³ «Осетинский нартский эпос», стр. 353—356.

¹²⁴ С. В. Кокиев. Указ. соч., стр. 87.

¹²⁵ «Осетинские народные песни», стр. 19.

¹²⁶ С. В. Кокиев. Указ. соч., стр. 86.

¹²⁷ Там же, стр. 86—87.

шение на свадьбу и на другие семейные и общественные празднества. Девочку с малых лет приучали играть на этом инструменте. С 7—8-летнего возраста девочка импровизировала плясовые наигрыши, вариации на темы танцевальных мелодий. Существование у осетин гармоники способствовало появлению у них ряда новых обычаев. Так, например, в число обязательных подарков жениха для невесты стала входить и гармонь. Когда женихна умирала, то гармонь, на которой она играла, клали в ее могилу и т. д.

* * *

Таким образом, мы попытались показать многие стороны жизни осетинского народа: хозяйственную деятельность, материальную культуру, прикладное искусство. Представленные в альбоме орудия труда и средства передвижения дают возможность судить о занятиях населения и об уровне развития основных отраслей хозяйства осетин в прошлом. В настоящее время мы можем говорить о бытова-

нии лишь некоторых видов народных орудий труда и транспортных средств, сохранившихся большей частью в горных районах. Не менее разительные изменения произошли в материальной культуре осетин — в их жилище, во внутреннем убранстве, в одежде и т. д. Это обстоятельство в свою очередь способствовало исчезновению некоторых видов прикладного искусства, например вышивки, что объясняется уходом из быта традиционного костюма. В то же время в наши дни получили дальнейшее развитие резьба по дереву и орнаментальные росписи стен и потолков. Резьба по дереву находит широкое применение в архитектуре современного жилища, общественных зданий, в орнаментации национальной мебели и утвари (кресла, столики на трех ножках, бокалы и т. д.). Древние орнаментальные мотивы используются в самых различных областях современного осетинского прикладного искусства. В декоре зданий общественного назначения можно встретить росписи, в которых использованы мотивы осетинского орнамента. Национальные узоры служат и для художественного оформления книг.

Список сокращений

- АСОНИИ — Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института, г. Орджоникидзе
- ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР, Ленинград
- ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, г. Орджоникидзе
- ИОНИИК — Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения, г. Орджоникидзе
- ИЯИМК — Институт языка, истории и материальной культуры, г. Тбилиси
- КМЮОАО — Краеведческий музей Юго-Осетинской автономной области, г. Цхинвали
- МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, г. Орджоникидзе
- МАК — Материалы по археологии Кавказа
- МКСОАССР — Музей краеведения Северо-Осетинской АССР, г. Орджоникидзе
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, г. Тифлис
- СМЭИДЭМ — Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее
- ССК — Сборник сведений о Кавказе, г. Ставрополь
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах, г. Тифлис
- ТЭООЛЕАЭ — Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии

Список иллюстраций

I. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

(табл. 1—18)

Таблица 1. Горное пахотное орудие — *дзыбыр, дзывыр*

1 — сел. Цагат Ламардон в Даргавском ущелье Северной Осетии. Из коллекции ГМЭ; 2 — сел. Абайтыкау в Закинском ущелье Центральной Осетии. Материалы экспедиции 1958 г.

Таблица 2. Горное пахотное орудие — *дзыбыр, дзывыр*

1 — из сел. Урсдон в Алагирском ущелье Северной Осетии; 2 — из сел. Даллагкау в Куртатинском ущелье Северной Осетии. Материалы экспедиции 1959 г.; 3 — плуг типа грузинского «орхела», по-осетински *гутон*, из сел. Дзау (Джави) в Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 3. Тяжелые деревянные передковые плуги

1 — грузинский тяжелый деревянный передковый плуг (*гутани*), употреблявшийся и на равнине Юго-Осетии. Из коллекции ГМЭ; 2 — украинский тяжелый деревянный плуг. Из коллекции ГМЭ; 3 — адыгский тяжелый деревянный плуг. Из коллекции Краеведческого музея Адыгейской автономной области, г. Майкоп

Таблица 4. Орудия для обработки почвы

1, 2 — культиваторы — *губакгънхънтæ*; 3 — части немецкого плуга — *немыцаг гутон*. Сел. Ольгинское в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 5. Мотыги. Материалы экспедиции 1966 г.

Таблица 6. Орудия подсечного земледелия. Из коллекции ГМЭ

Таблица 7. Бороны

1 — деревянная с железными зубьями — *похци*; 2 — для проведения черты — *халхгънхън*; 3 — ручная борона — *къухъй похци*. Из сел. Ольгинское в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1962 г.; 4, 5 — волокуша — *адæг*, применявшаяся в горах и на равнине для боронования посевов проса, пшеницы и других зерновых культур. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 8. Орудия посева, уборка и веяния

1 — сито с большими отверстиями — *схави*; 2 — сито с маленькими отверстиями — *схрна*. Из сел. Накрепа в Кударском ущелье Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.; 3 — совок для веяния зерна — *кæфой*; 4 — для уборки яблок — *фæткъуы исæн*; 5 — лопата для веяния зерна — *хорсыгъдæггънхън фыййаг*; 6 — корзина для ловли рыбы — *кæсагахсæн къуту*; 7 — корзина для уборки кукурузы — *нартхортонæн тæскъ*. Сел. Брут в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1957 г.; 8, 9 — корзина для посева зерна — *мидауæн*. Сел. Ольгинское. Материалы экспедиции 1960 г.; 10 — корзина для сбора яблок — *фæткъуытонæн тæскъ*. Сел. Унал в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 9. Орудия жатвы и уборки

1 — деревянные грабли — *халамæрзæн*; 2 — деревянные вилы — *хъæдын сагой*; 3 — коса с граблями — *цæвæг халамæрзæнимæ*; 4 — серп — *æхсырф*; 5 — серп —

ламгам, применялся в Южной и Центральной Осетии; 6 — деревянные пальцы для жатвы — *жнгулдзытæ* из сел. Кадгарон в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1958 г.

Таблица 10. Орудия молотьбы и веяния

1 — большой деревянный совок — *кæфой*; 2 — совок, плетеный из мелких прутьев — *кæфой*; 3 — приспособление для уборки помета животного в процессе работы на току — *галлийæн*; 4 — намордник — *цъудта*, надевавшийся на животного во время молотьбы; 5 — большая плетеная из прутьев корзина — *тæскъ*; 6 — деревянные дуги для привязывания скота во время молотьбы — *найдзаг къæлæт*. Из коллекции ГМЭ, материал собран А. А. Миллером в 1927 г. в сел. Барзикау Куртатинского ущелья; 7, 8 — молотильная доска — *чеури*, применявшаяся в низинных селах Юго-Осетии. Из коллекции МКЮОАО; 9 — каменный каток — *найгæнæн дур*, применявшийся в основном у моздокских осетин. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 11. Амбары и сапетки

1, 2 — амбары — *хордон*. Сел. Заманкул в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 3 — кожаный мешок — *къæса*. Сел. Балта в Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.; 4—6 — сапетки — *къуту*. Сел. Нар в Центральной Осетии. Материалы экспедиции 1959 г.; 7 — глиняный сосуд — *быркуы*. Из коллекции МКЮОАО

Таблица 12. Помещения для хранения кукурузы

1—3 — сапетки — *къуту* в Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 4 — амбар — *амбар* в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1959 г.

Таблица 13. Ручные мельницы — *æрмкырой*

1 — из коллекции МКСОАССР; 2—5 — из сел. Заманкул в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 6 — машина для обмолачивания кукурузы — *нартхор азгъалæн машинæ* из сел. Хумаллаг в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 14. Водяная мельница — *доны кырой*. Из коллекции ГМЭ, материалы А. А. Миллера из Куртатинского ущелья, 1927 г.

Таблица 15. Из осетинского быта

1 — водяная мельница в сел. Дур-дур; Северная Осетия; 2 — сбивание масла. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 16. Орудия косьбы и уборки посева

1 — осетинская коса — *ирон цæвæг*. Из коллекции МКСОАССР; 2 — коса фабричная — *цæвæг*; 3, 4 — крючья для изготовления веревок из мягкой длинной травы — *хæдз*; 5 — деревянные грабли — *халламæрзæн*; 6 — деревянные вилы с козьими рогами — *сагой*; 7—9 — приспособления для отбивания косы — *хъæсдарæн*; 10 — плетенье для перевозки сена с горы — *мæхъи* в сел. Абайтыкау Закинского ущелья Северной Осетии; 11 — камень для оттачивания косы — *цæвæджы дур*. Материал экспедиции 1959 г.

Таблица 17. Предметы, связанные с животноводством

1—5 — для дачи соли животным — *цæхдарæнтæ*; 6 — для привязывания крупного рогатого скота — *стурбæдтæн къæлæттæ* из сел. Верхний Зарамаг в Центральной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 7 — кормушка — *холлагдæдтæн кæвдæс*; 8 — чабанская палка для ловли овец — *къахахсæн фыййауы лæдзæг* из сел. Галиат Дигорского ущелья. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 18. Тамги и клейма

1 — тамги — *дамгъæтæ* из сел. Галиат Дигорского ущелья. Материалы экспедиции 1961 г.; 2 — клеймо — *дамгъæтæ вæрæн*. Из коллекции ГМЭ.

II. ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

(табл. 19—26)

Таблица 19. Орудия для обработки шерсти и изготовления сукна

1 — веретено — *æлхуи*; 2 — челнок — *цъæгъæдз*; 3 — лук — *фæдцæгъдæн*; 4 — для расчесывания шерсти — *пирæн* из сел. Коб в Центральной Осетии. Материалы экспедиции 1959 г.; 5 — станок для сбивания шерсти *къуымбилцъæгъдæн кау*; 6 — ткацкий станок — *тынуафæн бандон*. Из коллекции МКСОАССР; 7 — прялка. Из коллекции МКЮОАО

Таблица 20. Орудия для обработки шерсти и кожи

1, 2 — деревянная форма для войлочных шляп — *худы кзудыр*; 3, 4 — чесалки для расчесывания бурки — *ныматхафэн* из сел. Даллагкау Куртатинского ущелья. Материалы экспедиции 1958 г.; 5 — кожемалка — *нарв*. Из коллекции МКСОАССР; 6—8 — кожемалка для изготовления кожаной веревки — *гэрзуэрдэн*; 9 — для сбивания войлока — *нымэтноэмэн*. Из коллекции ГМЭ

Таблица 21. Инструменты для обработки дерева

1, 2 — топор — *фэрэст*, топор грузинского типа — *надзыхи*; 3, 8, 11, 12 — орудия для расщепления дерева — *хэждфадэн*; 4, 6, 7 — орудия для соскабливания дерева — *хэждкэхэн*; 5 — зубила — *сарт* и сверла — *брау*; 9 — напильник — *рэс*; 15 — кирка — *духъ*; 16, 17, 19 — деревянные орудия для забивания — *мышалыхъ*; 18 — молоток, имеющий массивную основу, — *кэжбуджын зэбуг*. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 22. Кузнечный мех и токарный станок

1 — кузнечный мех — *куынц* из сел. Чикола в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 2 — токарный станок для обработки дерева — *зырн* из сел. Зилга в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1958 г.

Таблица 23. Маслобойки и цедилки для молока

1—4 — маслобойка — *хэуылы*, *хуылэг* из сел. Стар. Батакаюрт в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.; 5—6 — маслобойка — *кэжрэби* из сел. Дзау (Джави) в Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 7, 8 — цедилки — *фэрсудзэн* из сел. Верхний Зарамаг в Центральной Осетии. Материалы экспедиции 1958 г.; 9, 10 — сепаратор — *царвцэггэдэн* из сел. Хумаллаг в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 24. Улья и предметы, связанные с пчеловодством

1, 4, 5 — улья — *мыды чыргэждтэ*; 2 — для сбора роя — *бынзыты шул*; 3 — «пчелиный нож» — *мыды карт*, служил для разрезания меда, из сел. Ольгинское в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 25. Охотничьи ружья и принадлежности и формы для изготовления пороха и пуль

1 — огниво — *зынггэнэн жндон*; 2—5 — пороховницы — *топныхосдон*, сделанные из дерева и кости; 6—8 — формы для отлива пуль; 9 — осетинское ружье — *ирон топн*; 10 — чехол для ружья — *топны агэуыд*. Из коллекции ГМЭ; 11 — капкан для медведя — *арсахсэн*; 12 — капкан для ловли мышей — *мыстахсэн*, из сел. Зындар Алагирского ущелья. Материалы экспедиции 1959 г.

Таблица 26. Меры весов

1—3 — меры сыпучих тел — *меркэа*, *мэрт* (8 кг); 4 — весы — *тэжэзтэ*, *барэнтэ*. Из коллекции МКЮОАО

III. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

(табл. 27—33)

Таблица 27. Сани

1 — сани для перевозки навоза в поля — *фаджысласэн дзоньгъ* из сел. Кларс; 2 — сани — *дзоньгъ* из сел. Нижняя Кефельта; 3, 4 — из сел. Рук (Рок). Юго-Осетия. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 28. Средства передвижения

1 — вьючный осел; 2 — седло для осла — *хэжэджы саргъ*; 3 — подковы для осла — *хэжэджы цэвхэттэ*; 4, 5 — типы арб (гогора) в горах. Из коллекции МКЮОАО

Таблица 29. Средства передвижения

1, 3 — сани для перевозки дров из сел. Верхнее Рустави; 2 — тип арбы в горах из сел. Замтарет в Кударском ущелье Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 30. Сани — *дзоньгъ* и их части. Из коллекции ГМЭ. Материалы А. А. Миллера из Куртатинского ущелья, 1927 г.

Таблица 31. Различные виды креплений для переноса тяжестей — *алыгэуызон бэстытэ*. Из коллекции ГМЭ, материалы А. А. Миллера по Осетии

Таблица 32. Арбы

1 — арба с упряжкой волов — *галужрдон* из сел. Даргавс. Материалы экспедиции 1958 г.; 2 — арба для одного вола — *иу галуждон*; 3 — арба для упряжки волов — *галужрдон* из сел. Заманкул в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 33. Седло и лыжи

1 — седло лошади для верховой езды — *саргыбæхы саргъ*. Из коллекции ГМЭ; 2 — лыжи для ходьбы по горам — *митдзæуæн къæлæттæ* из сел. Накрепа в Кударском ущелье Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.; 3 — лыжи — *къæлæттæ* из сел. Хъудыкау в верховьях Арагви. Материалы экспедиции 1957 г.; 4 — подковы — *лæгзавхæдтæ* для ходьбы по ледниковым перевалам. Из коллекции ГМЭ

IV. ЖИЛИЩА

(табл. 34—46)

Таблица 34. Типы жилища в горах — *хæзæртæ*, сел. Галиат в Дигорском ущелье Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 35. Типы горного жилища

1 — дом — *хæдзар* в сел. Камунта; 2 — дом в сел. Дунта в Дигорском ущелье. Материалы экспедиции 1961 г.; 3 — дом в сел. Средний Рук (Рок) в верховьях Большой Лиахви. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 36. Типы горного жилища в Юго-Осетии. Сел. Верхний Рук в верховьях Большой Лиахви. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 37. Типы жилища в Кударском ущелье Юго-Осетии

1 — пос. Квайса; 2 — сел. Замтарет. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 38. Типы жилища

1 — дом в сел. Ерман в верховьях Большой Лиахви. Материалы экспедиции 1961 г.; 2 — дом для большой семьи — *бирæ бинонты хæдзар* из сел. Беслан (ныне г. Беслан). Материалы экспедиции 1962 г.; 3 — новый кирпичный дом в сел. Хумаллаг в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 39. Равнинные жилища Северной Осетии

1 — летний дом — *сæрдыгон хæдзар* из сел. Ольгинское; 2 — жилище в сел. Чикола. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 40. Типы жилища горной и равнинной Северной Осетии

1 — сел. Камунта в Дигорском ущелье; 2 — часть сел. Даргавс; 3 — дома в сел. Хумаллаг. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 41. Виды оград — *бру*

Таблица 42. Виды оград — *бру*

Таблица 43. Из осетинского быта

1 — старинный осетинский деревянный замок — *ирон хъæдын гуыдыр*; 2 — ключ — *дæггæл* для этого замка из сел. Окрохъана в верховьях Терека. Материалы экспедиции 1957 г.; 3 — турьи и козыи рога — *скъатæ* для украшения жилья из сел. Цей Алагирского ущелья. Материалы экспедиции 1958 г.; 4 — часть старого хадзара с очагом. Сел. Галиат. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 44. Печи

1 — летние печи для приготовления пицци — *сæрдыгон хариаггæнæн пеу* из сел. Ольгинское. Материалы экспедиции 1962 г.; 2 — *турно* — печь для выпечки хлеба из сел. Дзау (Джави) в Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.; 3 — железная печка — *æвсæйнаг пеу* из сел. Урсдон Алагирского ущелья. Материалы экспедиции 1958 г.

Таблица 45. Предметы осетинского быта

1 — светильник — *цырагъдарæн*. Из коллекции МКСОАССР; 2 — надочажная цепь (*рæхыс*). Из коллекции Алагирского музея краеведения

Таблица 46. Предметы осетинского быта

1 — светильник — *цырагъдарæн*. Из коллекции МКСОАССР; 2 — вертел — *уæггъст*. Из коллекции Алагирского музея краеведения.

V. УТВАРЬ И ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕЙ ОБСТАНОВКИ

(табл. 47—59)

Таблица 47. Предметы утвари

1 — щипцы для углей — *жртыскæн*; 2 — для соскабливания теста в корыте — *арынг-хафæн*; 3 — для подвешивания мяса — *фыдауынзæн* из сел. Чикола в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 4 — вертел — *уæгъст*; 5, 6 — для вынимания мяса из котла — *фыдисæнтæ*; 7 — шумовка — *канчыри* из сел. Эльхотово в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 48. Крюки

1—7 — крючки для подвешивания мяса и сала — *рагъæнтæ*. Сел. Хусар Ламардон в Даргавском ущелье. Материалы экспедиции 1958 г.; 8 — столик для закалывания — *кусартæнæн фынг* из сел. Галиат Дигорского ущелья. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 49. Деревянная утварь

1 — для размельчения соли из сел. Заманкул в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1962 г.; 2 — кадушка — *гарз*; 3 — корыто — *арынг* из сел. Кирово Кударского ущелья. Материалы экспедиции 1962 г.; 4 — лопатка для укладки хлеба в печку — *зулбапарæн* из сел. Ольгинское в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 5 — корыто для теста — *бурæ бинонты арынг* из сел. Карджын в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 50. Процесс приготовления осетинского пива и предметы, связанные с ним, из сел. Ганис в верховьях Арагви. Материалы экспедиции 1957 г.

Таблица 51. Процесс приготовления осетинского пива и предметы, связанные с ним, из сел. Дзомагъ в верховьях Большой Лиахви. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 52. Сосуды для пива

1 — турьи рога — *забидыры сыкъатæ* из сел. Гуркумтыком того же ущелья в Центральной Осетии. Материалы экспедиции 1959 г.; 2—5 — деревянные бокалы для пива — *бæггæны нуазæнтæ*. Из коллекции МКЮОАО

Таблица 53. Бокалы и ковши для пива

1—5 — бокалы для пива — *бæггæны нуазæнтæ*. Из коллекции МКСОАССР; 6 — бокал для пива — *бæггæны нуазæн* из сел. Хазнидон в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.; 7 — ковш для пива — *бæггæны нуазæн куыси* из сел. Заманкул в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 54. Утварь и лари

1 — бокал для пива — *бæггæны нуазæн*; 2, 3 — ковши — *куыси*; 4 — ложки — *уидгуытæ*; 5 — ящик для хранения ложек — *уидыгдон*. Из коллекции МКЮОАО; 6 — ящик для хранения мисок — *къусдон*; 7 — ступка — *фæгът*. Из коллекции музея Коста Хетагурова в сел. Нар

Таблица 55. Традиционные столики

1 — 3 — столики — *фынг*. Из коллекции МКСАССР; 4 — столик из сел. Лац Куртатинского ущелья. Материалы экспедиции 1958 г.

Таблица 56. Глиняная и медная посуда

1 — глиняная чашка *дурын къус*; 2, 4 — медные рукомоynyки — *хъувæгъан, кувган*; 5 — кувшин из меди для воды *гогон* из сел. Эльхотово. Материалы экспедиции 1962 г.; 6 — глиняный кувшин — *дурын* из сел. Чикола в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 57. Из обстановки старинного осетинского жилища

1, 2 — скамейка и стол для угощения зятя — *сиахсы бандон æмæ фынг*. Из коллекции Алагирского музея; 3 — 6 — стулья и скамейки — *бандон* из сел. Дзау (Джави) в Юго-Осетии. Материалы экспедиции 1961 г.

Таблица 58. Резьба по дереву

1 — люлька — *авдæн* из сел. Камунта Дигорского ущелья. Материалы экспедиции 1960 г.; 2 — кресло — *къæлæджын бандон* из сел. Нижний Рук (Рок) в верховьях Большой Лиахви. Материалы экспедиции 1961 г.; 3 — кресло — *къæлæджын бандон* из сел. Лисри Мамисонского ущелья в Центральной Осетии. Материалы экспедиции 1958 г.

Таблица 59. Изделия осетинских мастеров по дереву

1 — тахта — *даргъ бандон* из сел. Верхний Зарамаг. Материалы экспедиции 1958 г.; 2 — кресло — *къæлæджын бандон*. Из коллекции МКСОАССР; 3 — кровать — *сынтæг* из сел. Лац Куртатинского ущелья. Материалы экспедиции 1958 г.

VI. ОДЕЖДА

(табл. 60—74)

Таблица 60. Мужские головные уборы

1 — шапка — *худ*, рисунок XVIII в., 2—4 — папахи — *уэлдзарм худ*, относятся к XIX—XX вв.; 5 — аланский шлем из катакомб Верхнего Джулата (станция Змейская в Северной Осетии). Из коллекции МКСОАССР

Таблица 61. Баплыки — *басылыхъ*. Из коллекции ГМЭ

Таблица 62. Мужской костюм — *нэлгоймаджы дарæс*. Из коллекции ГМЭ

Таблица 63. Мужской костюм

1 — мужской костюм — *нэлгоймаджы дарæс* из сел. Кесатыкау в Центральной Осетии. Материалы экспедиции 1958 г.; 2 — бечераховка — *бечераховка* из сел. Карджын в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 64. Черкеска — *цухъхъа*. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 65. Элементы мужской одежды

1 — бешмет — *куырæт*, извлечен из надземного склепа сел. Даллагкау Куртатинского ущелья. Материалы экспедиции 1962 г.; 2 — рубашка со стоячим воротником — *барзонхъуыр хæдон* из сел. Кадгарон в Северной Осетии. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 66. Традиционная верхняя мужская одежда

1 — бешмет — *куырæт*; 2 — бечераховка — *бечераховка*. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 67. Традиционная праздничная обувь

1 — 4 — праздничная мужская обувь; 5, 6 — праздничная женская обувь. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 68. Старинная повседневная обувь

1, 3 — повседневная мужская обувь — *барзондхъусджын забыртæ*; 2 — обувь из сыромятной кожи для ходьбы по горам; 4 — повседневная женская обувь на подошве из сыромятной кожи. Материалы экспедиции 1957 г.

Таблица 69. Традиционный девичий головной убор — *чыжы худ*. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 70. Женский праздничный костюм — *къæрткъаба*. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 71. Праздничное платье — *къæрткъаба*. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 72. Праздничное платье — *къæрткъаба*. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 73. Старинное праздничное платье — *къæрткъаба*, извлечено из наземного склепа сел. Даллагкау Куртатинского ущелья. Материалы экспедиции 1952 г.

Таблица 74. Повседневное женское платье — *къаба* из сел. Ольгинское в Северной Осетии. Материалы 1960 г.

VII. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

(табл. 75—87)

Таблица 75. Образцы осетинского орнамента. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 76. Вышивки. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 77. Образцы орнамента на материи и дереве. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 78. Орудия рукоделия

1 — нож для тесьмы — *быды кард* (из кости); 2 — медный нож для тесьмы — *оыды кард*. Из коллекции ГМЭ; 3 — слоновый зуб для разглаживания тесьмы — *нылы дæндаг*; 4 — станок для тесьмы (из меди) — *быдтæ тухæн*; 5 — для растягивания петли — *сæхтæг уæрæхгæнæн* из сел. Ольгинское в Северной Осетии; 6 — ниточная доска — *æндахы фæйнæг*; 1—10 — тесьма — *æлдымбыдтæ*. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 79. Украшения традиционного костюма

1, 2, 4 — части женского пояса — *камара* из серебра; 3 — кинжал — *хъама*; 5 — пояс мужской — *рон*. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 80. Изделия златокузнеца — *зарингуыр* Джатиева Николая. Из коллекции МКЮОАО

Таблица 81. Образцы орнамента на металле. Из коллекции ГМЭ

Таблица 82. Образцы орнамента на металле. Из коллекции ГМЭ

Таблица 83. Образцы орнамента на камне. Из коллекции МКСОАССР

Таблица 84. Резьба по дереву

1, 2 — террасные карнизы — *тыргъы кæрнизтæ* из сел. Нижний Рук в верховье Большой Лиахви. Материалы экспедиции 1961 г.; 3, 4 — спинка скамьи — *даргъбандоны чылдым* из сел. Верхний Зарамаг. Материалы экспедиции 1959 г.

Таблица 85. Террасные и оконные карнизы — *тыргъы æмæ рузынджы кæрнизтæ* из сел. Нижний Рук. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 86. Резьба по дереву. Пивные бокалы — *бæггъны нуазæнтæ*. Из коллекции ГМЭ

Таблица 87. Навершия тростей. Из коллекции Художественного музея Северной Осетии

VIII. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ

(табл. 88—100)

Таблица 88. Памятники нартского эпоса

1 — камень великана — *уæйыджы дур*; 2 — нартский нихас — *нарты ныхас* из сел. Лац Куртатинского ущелья. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 89. Оборонительные сооружения

1 — сел. Лисри; 2 — боевая башня в сел. Донифарс в Дигорском ущелье; 3 — боевая башня в сел. Даллагкау. Материалы экспедиции 1959 г.

Таблица 90. Типы башен

1 — сторожевая башня в Куртатинском ущелье. Материалы экспедиции 1962 г.; 2 — фамильная башня Мамсуровых, сел. Даргавс; 3 — сторожевая башня Кануковых у входа в Даргавское ущелье

Таблица 91. Оборонительные сооружения

1 — часть сел. Хидикус; 2 — боевая башня в сел. Даргавс; 3 — боевая башня в сел. Хидикус. Материалы экспедиции 1958 г.

Таблица 92. Погребальные сооружения

1, 3 — полуподземные склепы — *зæппаз*; 2, 5 — надгробные памятники — *цырт* в сел. Галиат Дигорского ущелья. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 93. Типы склепов

1 — «город мертвых» в сел. Даргавс; 2 — склепы в «городе мертвых»; 3 — склепы на кладбище «Царциат» в сел. Махческ в Дигорском ущелье Северной Осетии. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 94. Надгробные памятники

1 — изображение на стене христианского храма, пос. Квайса; 2 — надгробный памятник, сел. Заманкул; 3 — древний надгробный памятник. Сел. Суатис в верховьях Терека. Материалы экспедиции 1958, 1962 гг.

Таблица 95. Типы склепов

1 — полуподземный склеп, сел. Кобан; 2, 3 — надземные склепы в сел. Даллагкау. Материалы экспедиции 1958 г.

Таблица 96. Надгробия

1 — изображение на стене христианского храма, пос. Квайса в Кударском ущелье. Южная Осетия; 2 — надгробные памятники в память пяти погибших здесь братьев у входа в Куртатинское ущелье. Северная Осетия; 3 — на кладбище сел. Кора-Синдикау. Материалы экспедиции 1960 г.

Таблица 97. На кладбище сел. Кора-Синдикау. Северная Осетия. Материалы экспедиции 1966 г.

Таблица 98. Древние святилища

1 — святилище Реком — *Рекомы дзуар* (сел. Цей Алагирского ущелья); 2 — Нузальская церковь — *Нузалы аргъуан* (сел. Нузал Алагирского ущелья); 3 — святилище Дзвгиса — *Дзвгъисы дзуар* (сел. Дзвгис Куртатинского ущелья). Зарисовки сделаны П. С. Уваровой в 1879 г.

Таблица 99. Памятники дохристианской религии

1, 2 — фрагменты святилища Реком; 3 — надземные склепы — *зæппаз* из сел. Дзинага Дигорского ущелья. Материалы экспедиции 1962 г.

Таблица 100. Культовые сооружения

1 — Аланский храм XI—XII вв. в сел. Верхняя Теберда; 2 — языческое святилище в сел. Заманкул; 3 — святилище Реком. Материалы экспедиции 1966 г.

IX. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

(табл. 101, 102)

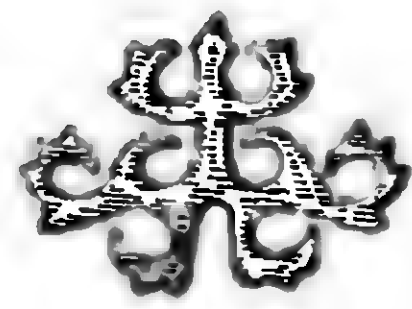
Таблица 101. Музыкальные инструменты

1—2 — трещотки — *къæрцкæнæнтæ*, 3 — барабан — *барабан*; 4 — ирон *кандзел-фæндыр*; 5 — дала-фæндыр; 6 — свирель — *уадындз*; 7 — *хъисын-фæндыр*; 8 — гармоника. Из коллекции композитора Б. А. Галаева (г. Цхинвали).

Таблица 102. Арфы

1—3 — осетинские арфы — *дыууадæстæнон фæндыр*; 4 — абхазская арфа — *ахы-маа*; 5 — сванская арфа — *чанг*. Из коллекции ГМЭ

Иллюстрации

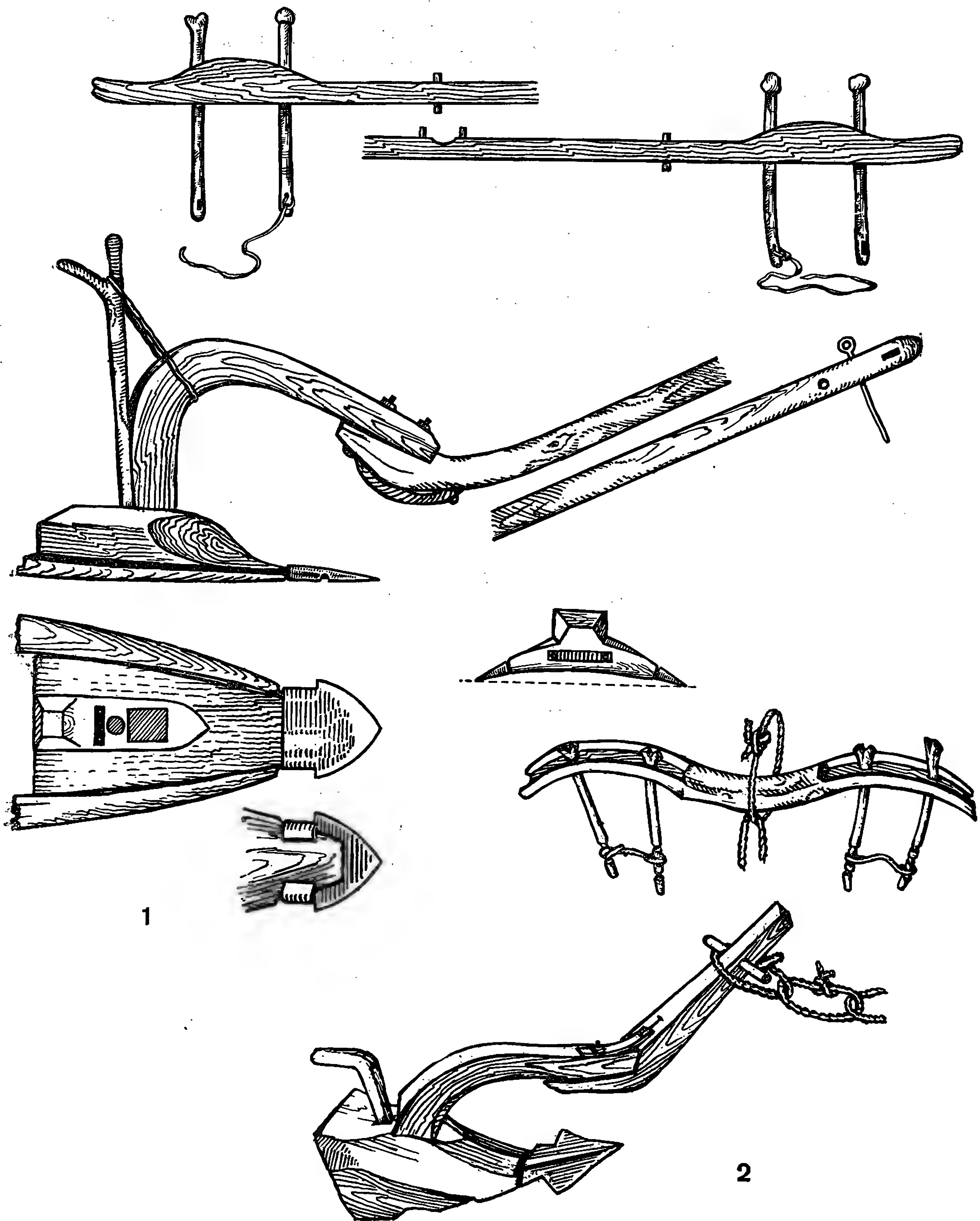

Таблица 1. Горное пахотное орудие.

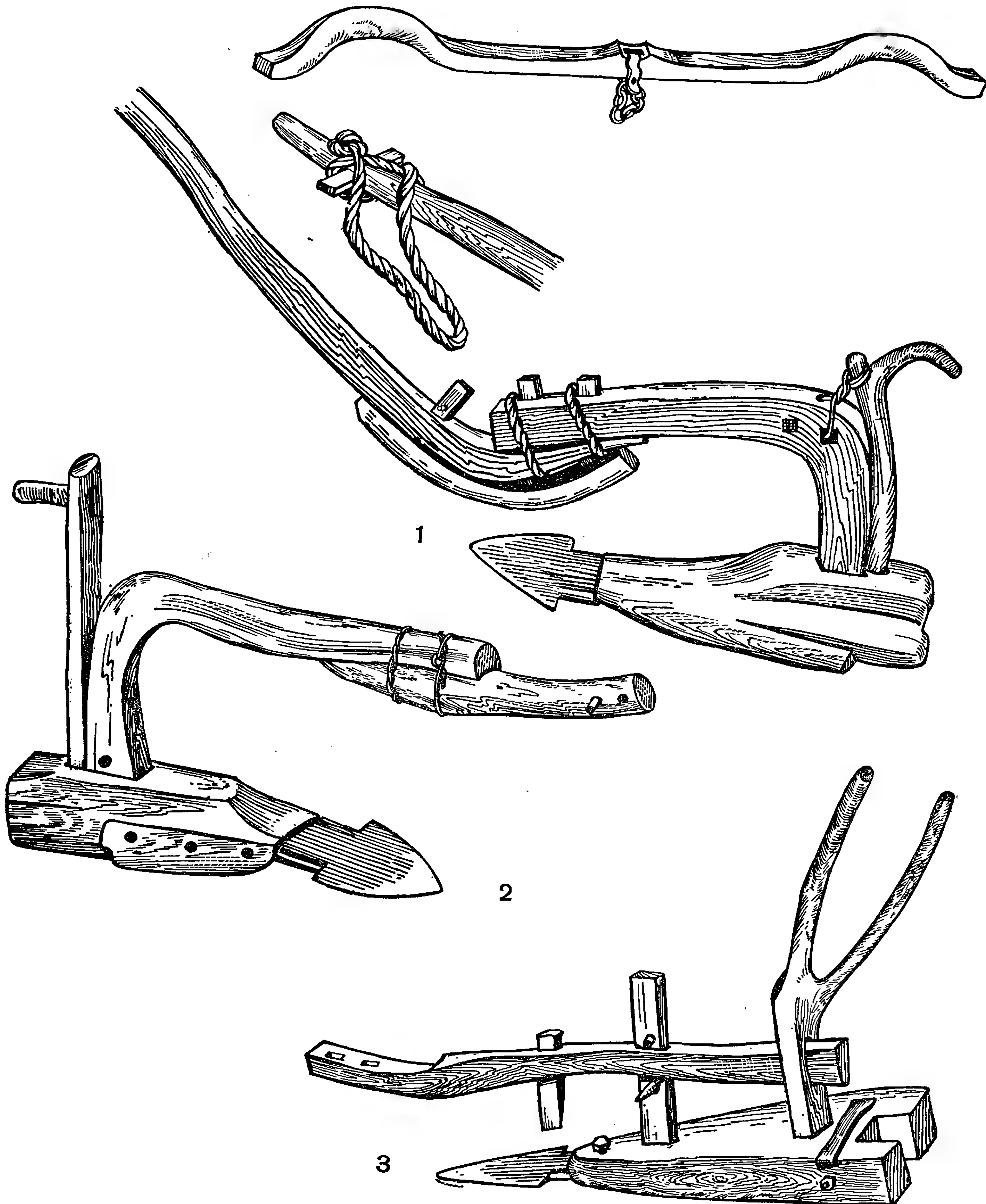

Таблица 2. Горное пахотное орудие.

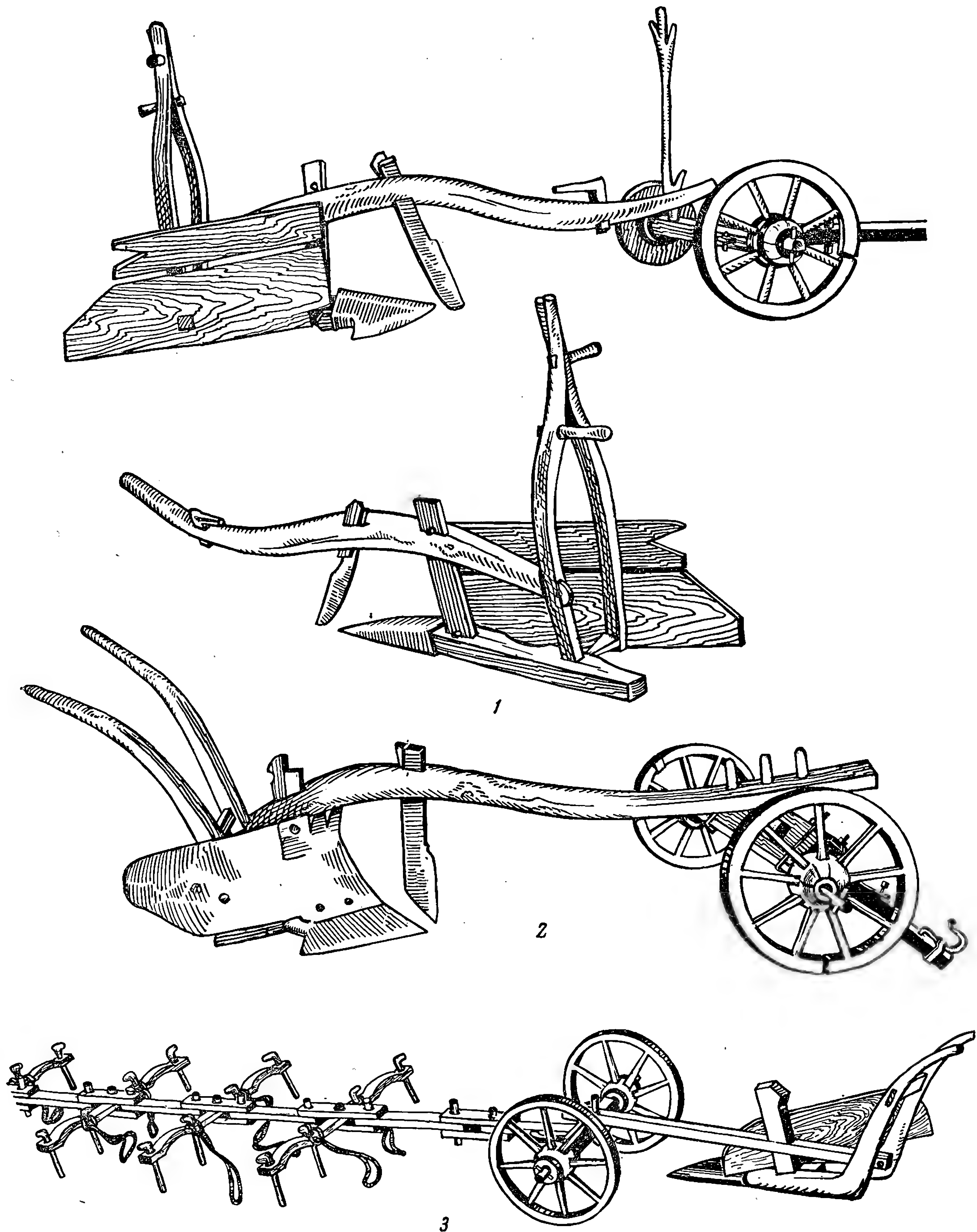

Таблица 3. Тяжелые деревянные передковые плуги.

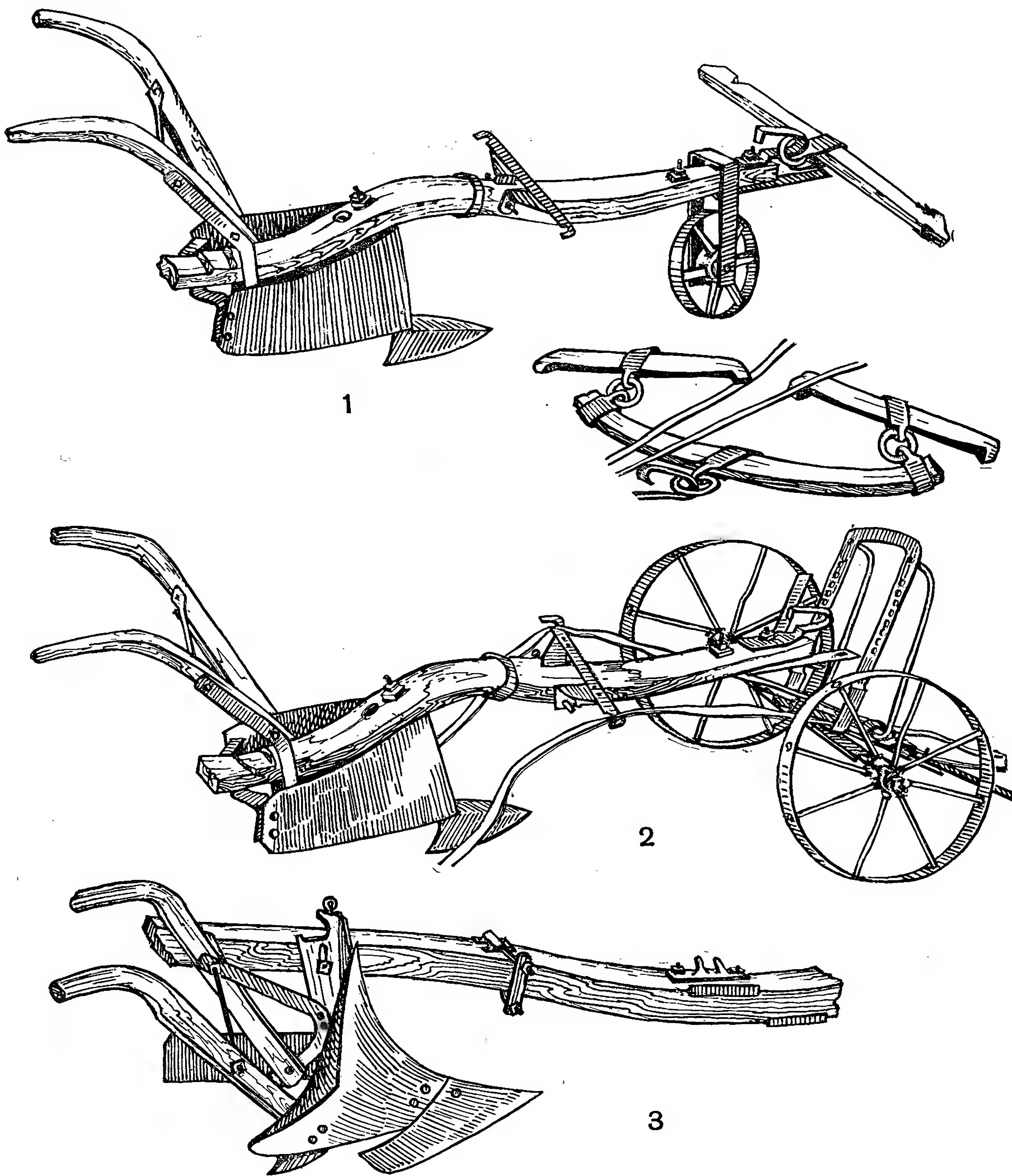

Таблица 4. Орудия для обработки почвы.

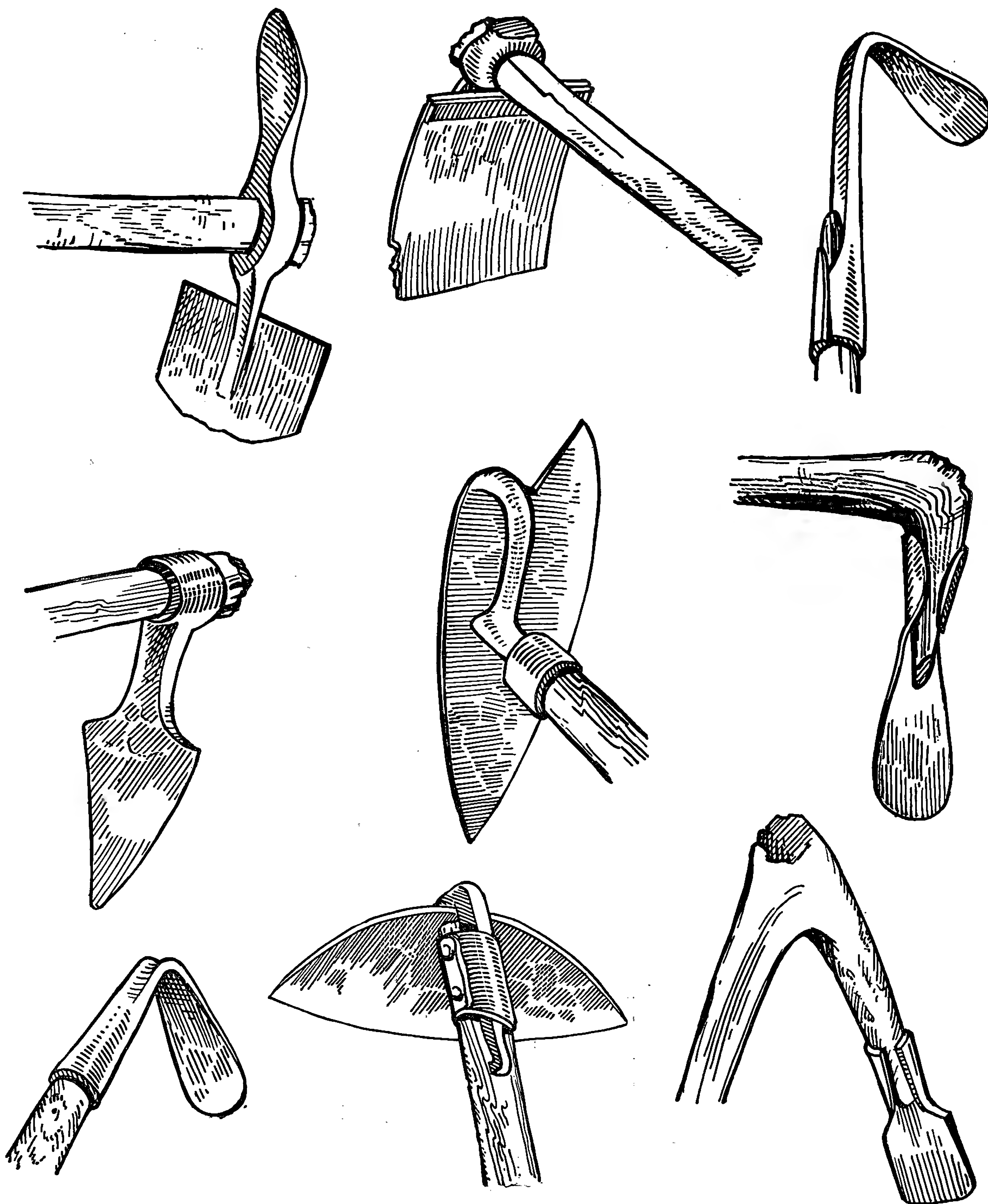

Таблица 5. Мотыги.

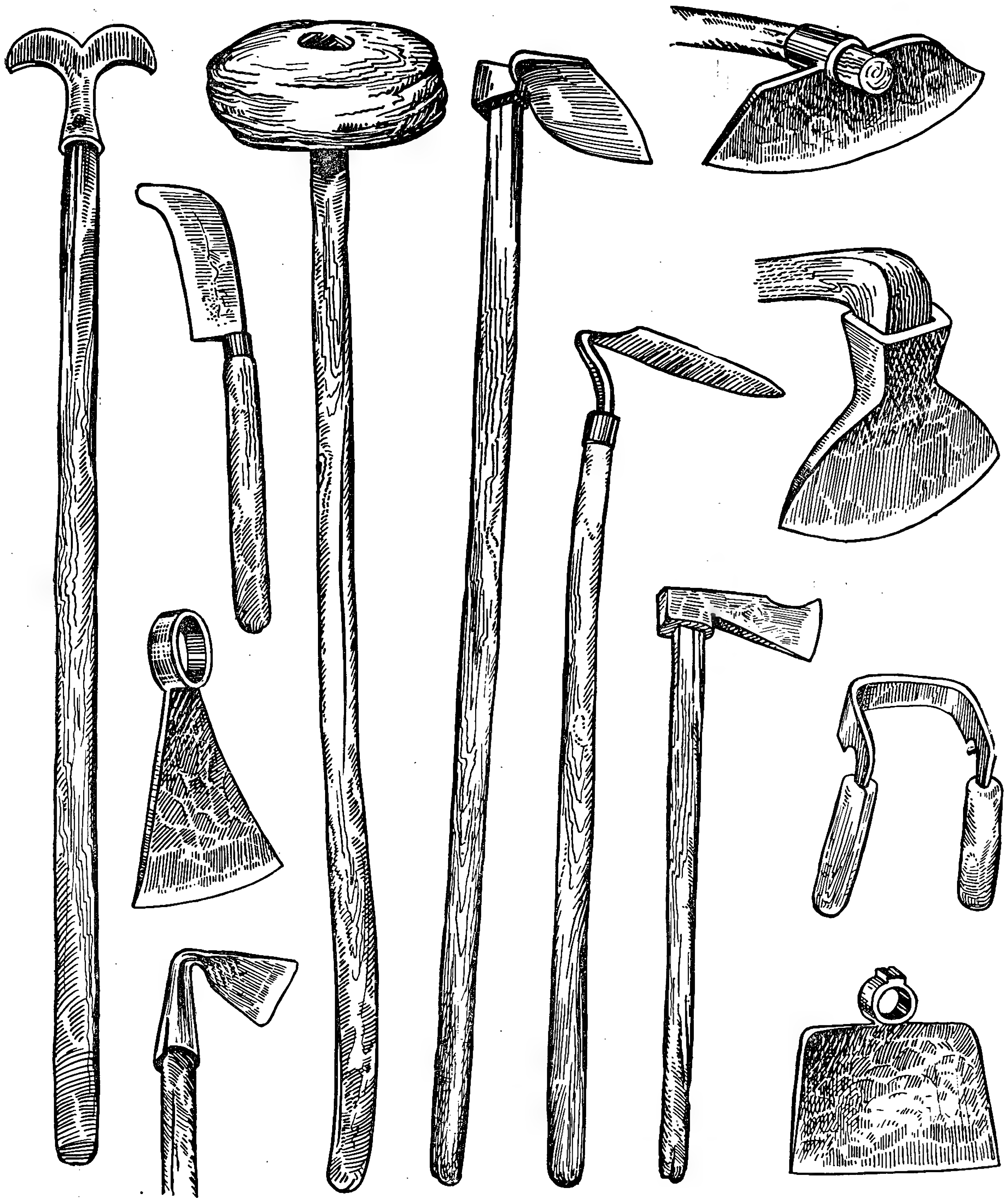

Таблица 6. Орудия подсечного земледелия.

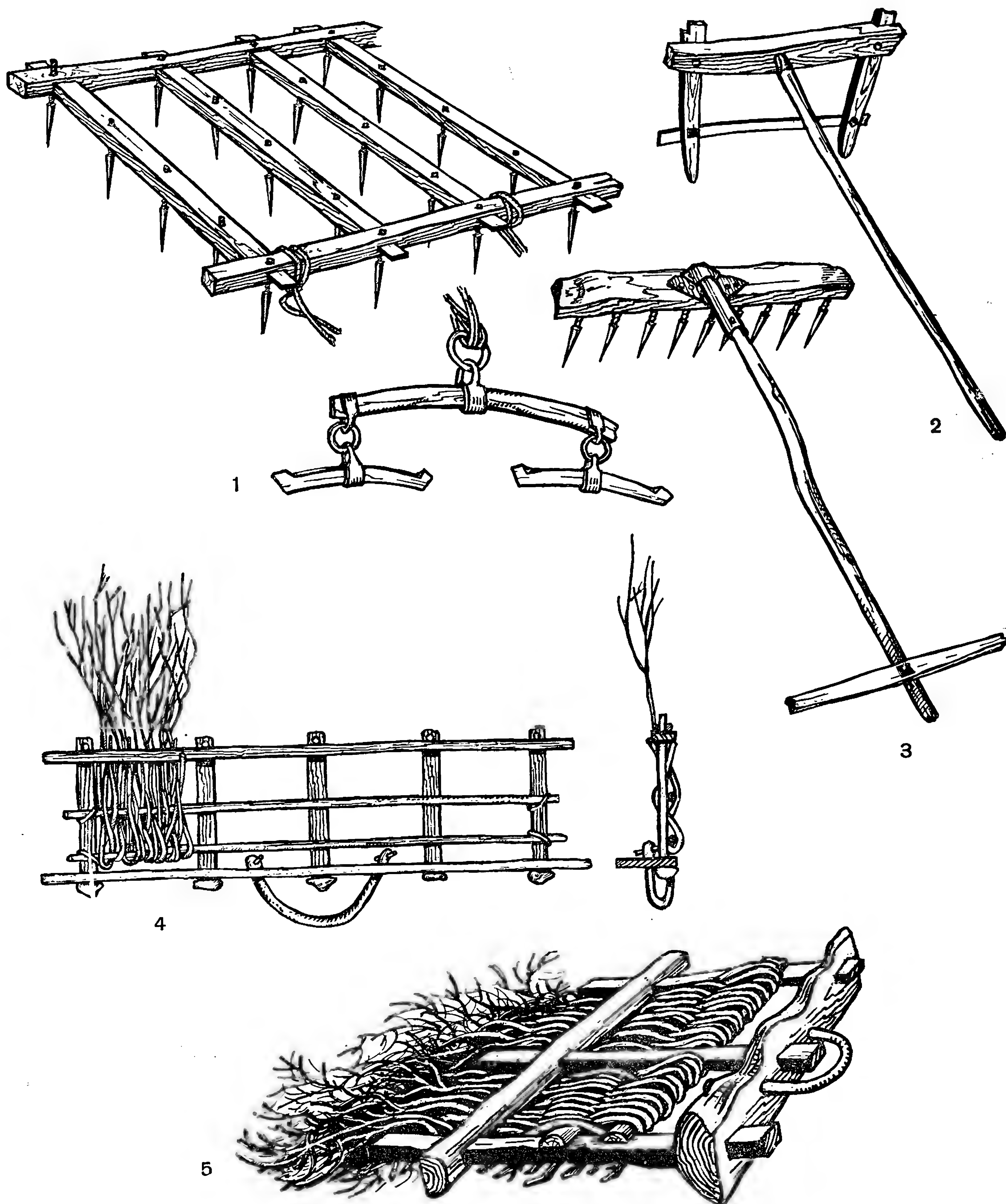

Таблица 7. Бороны.

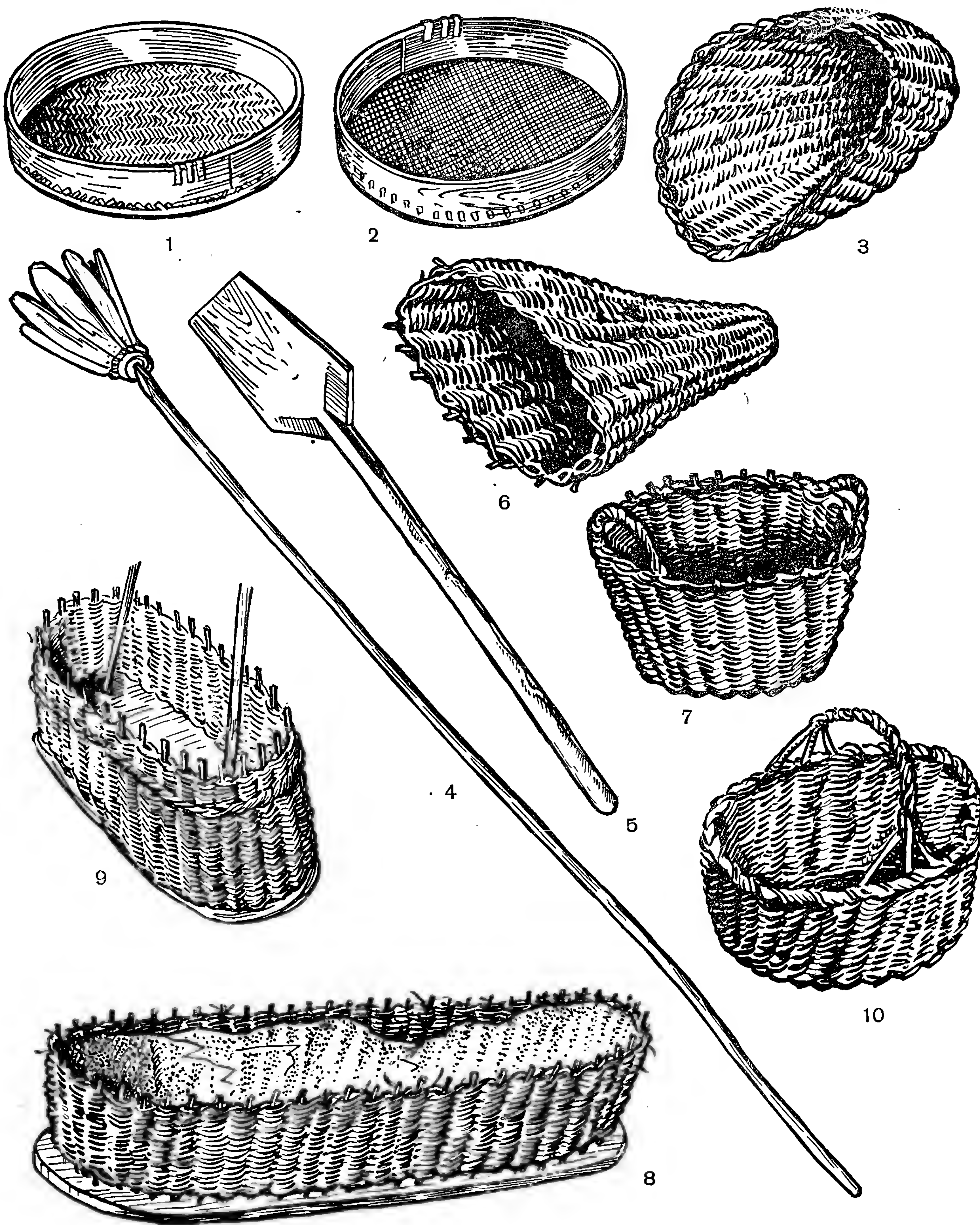

Таблица 8. Орудия посева, уборки и веяния.

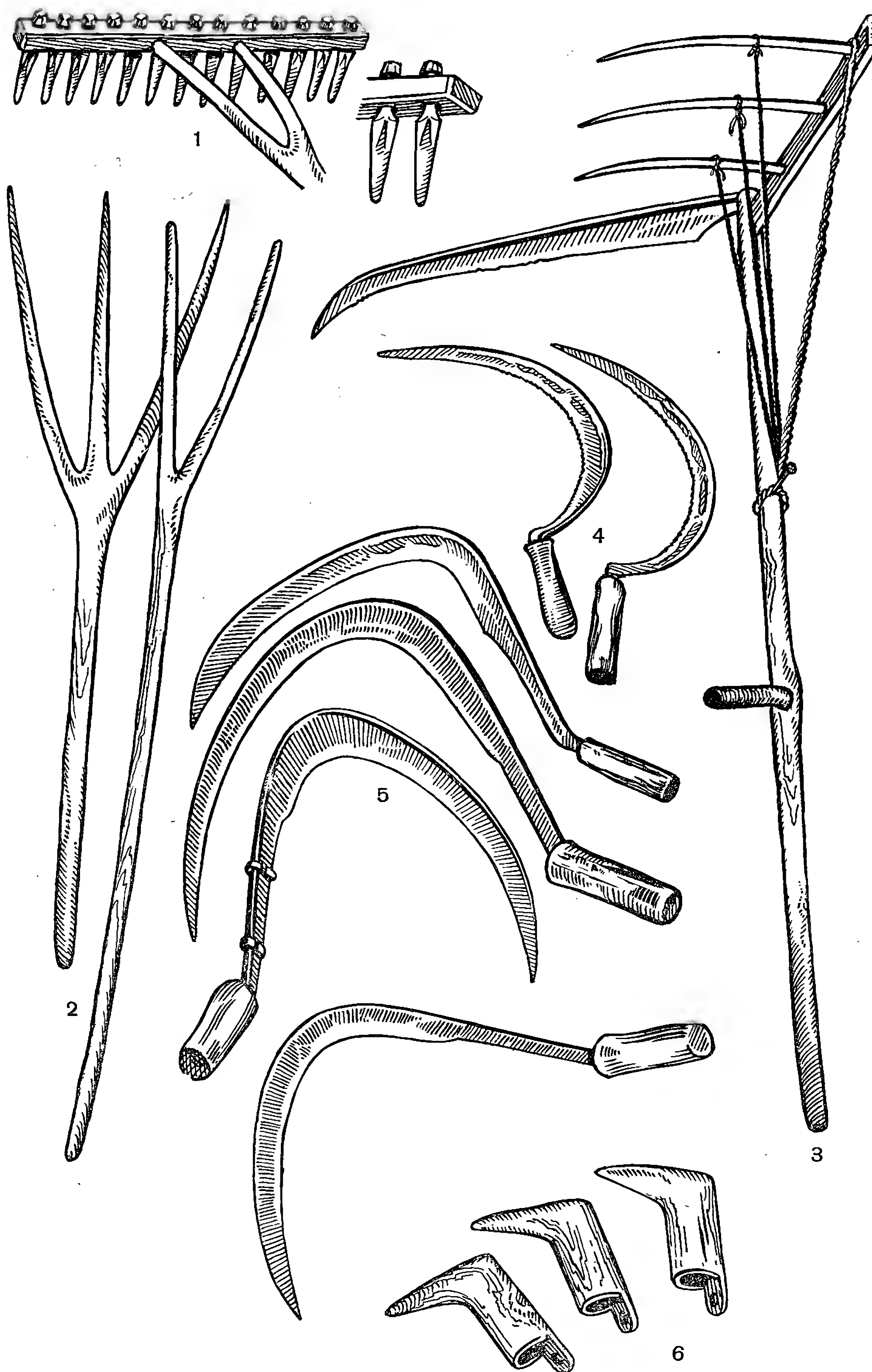

Таблица 9. Орудия жатвы и уборки.

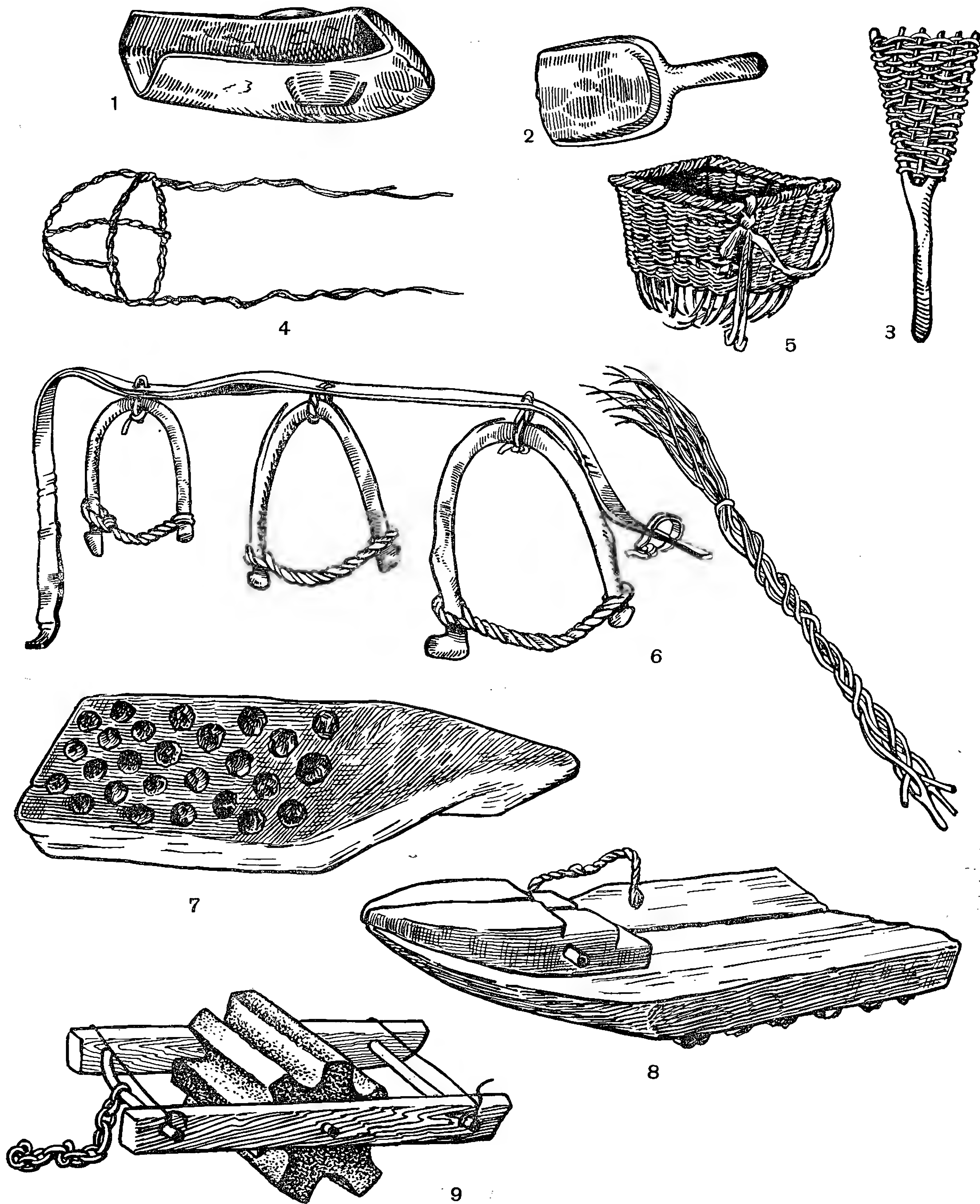

Таблица 10. Орудия молотьбы и веяния.

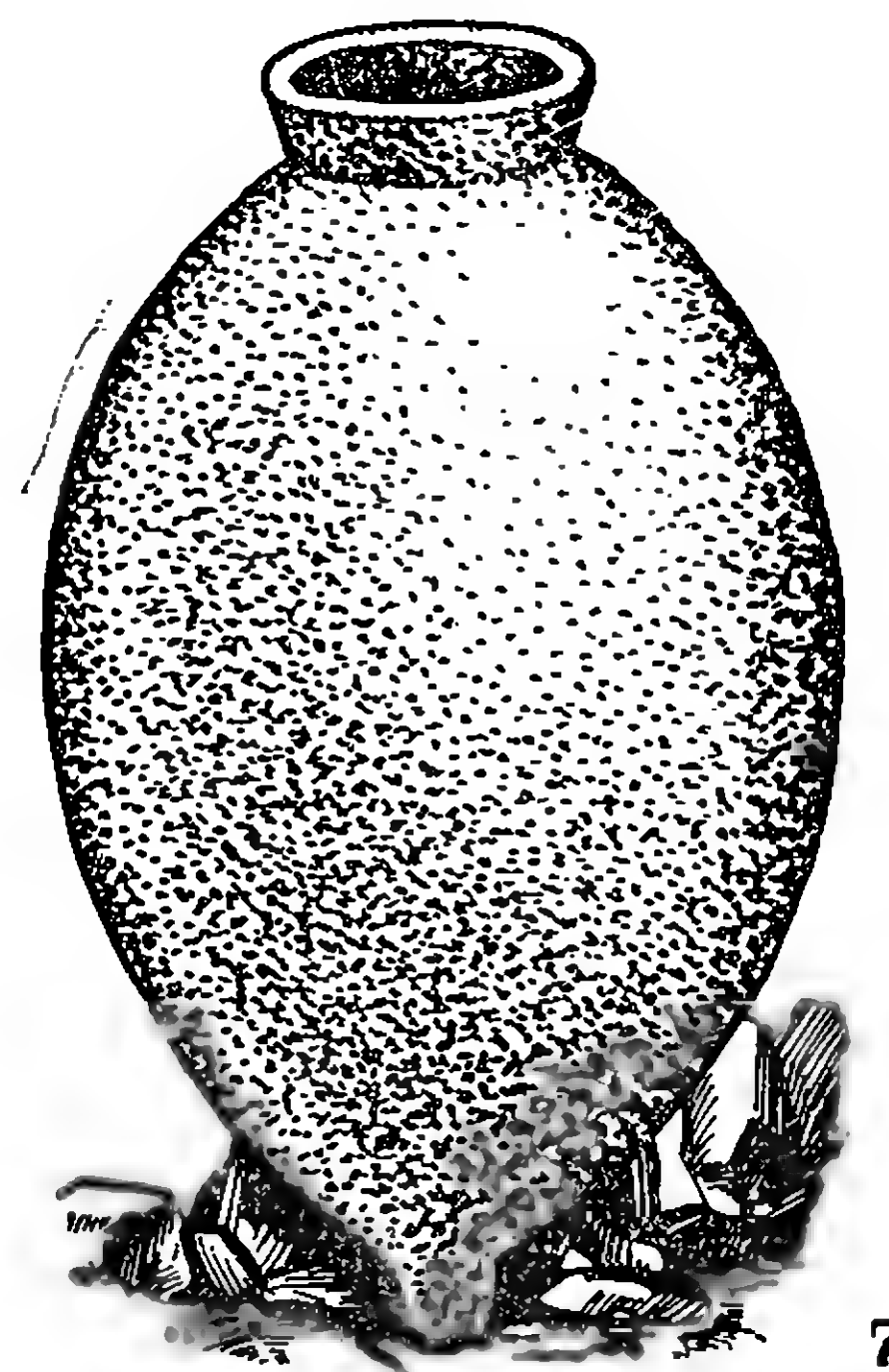
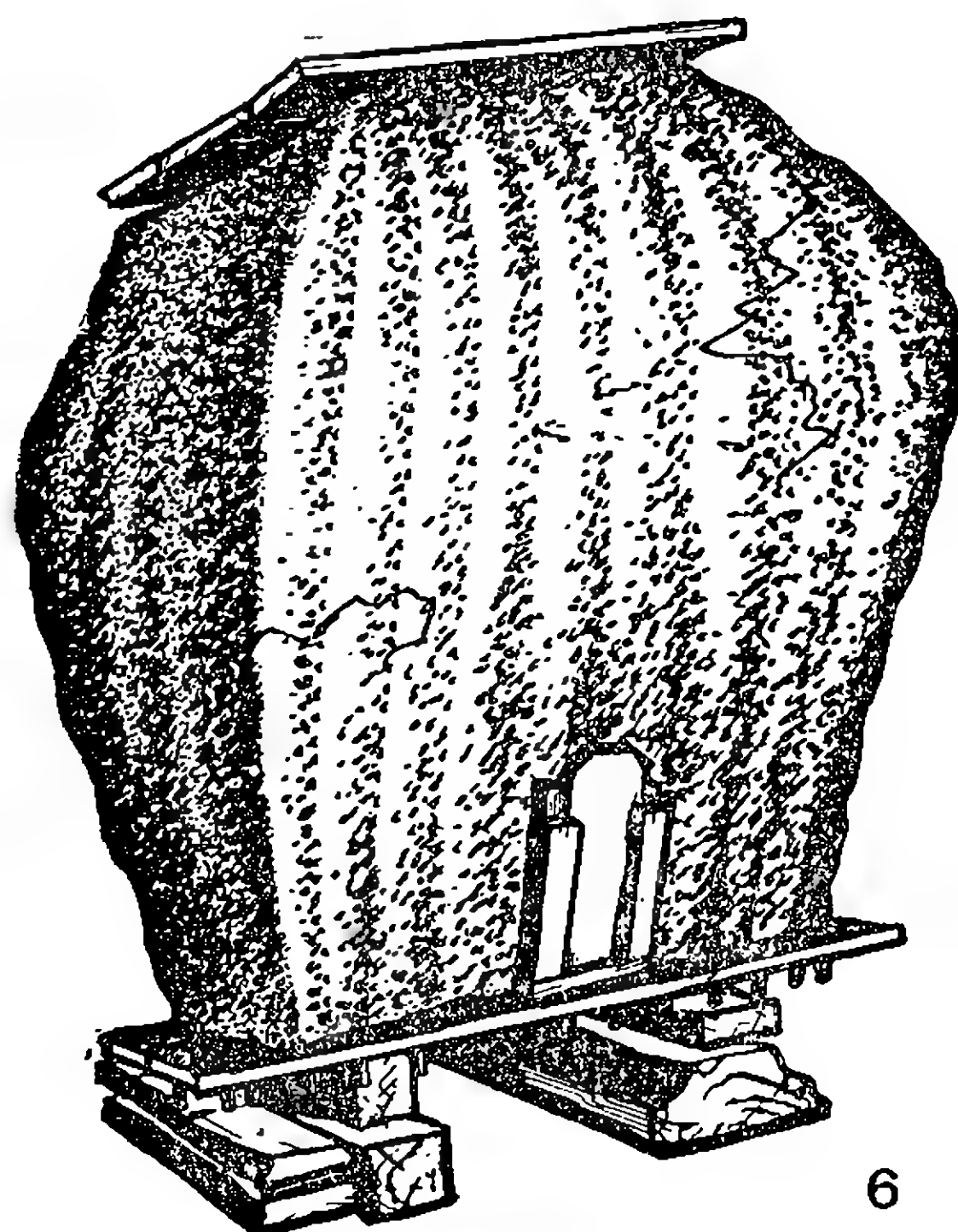
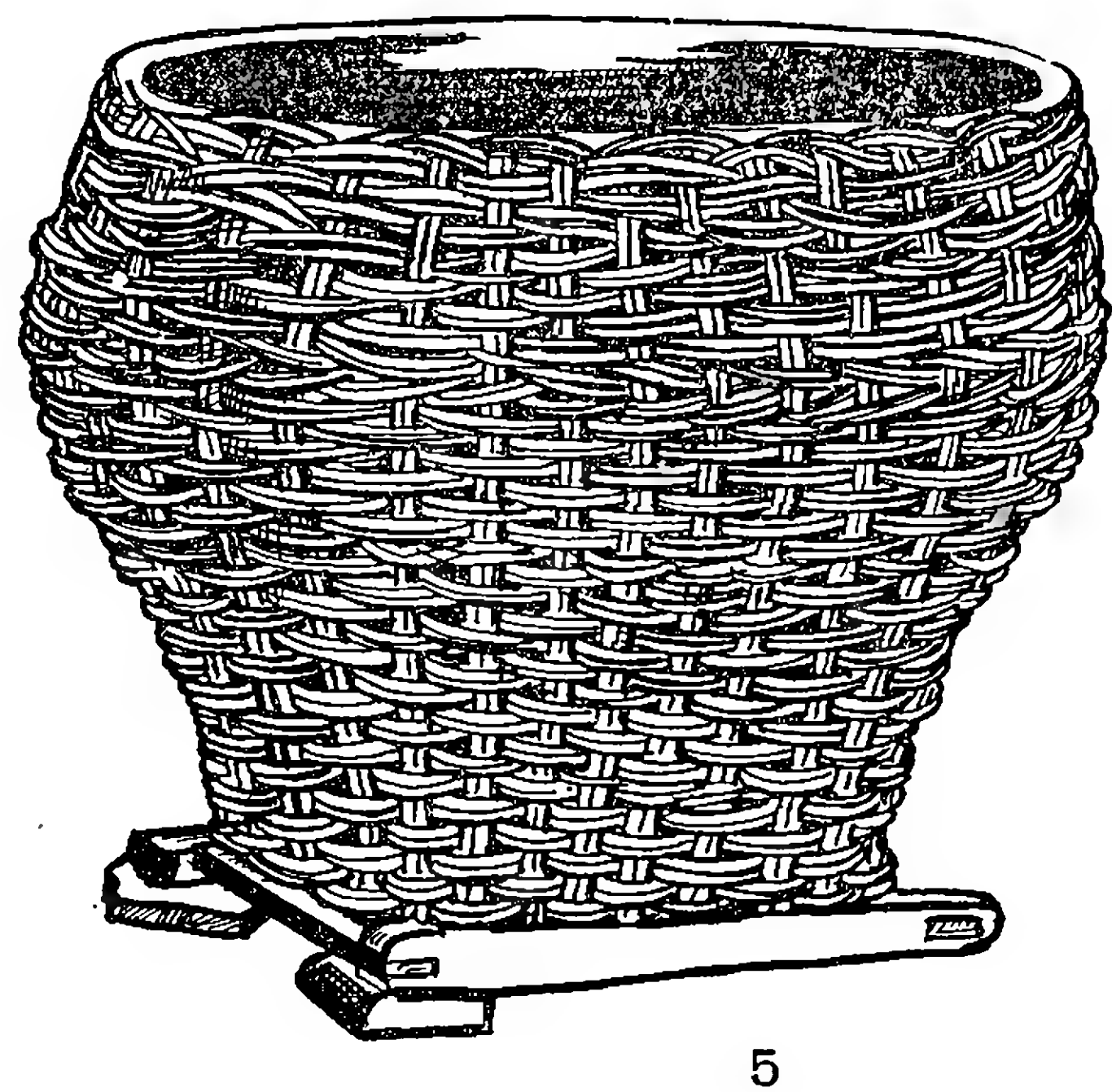
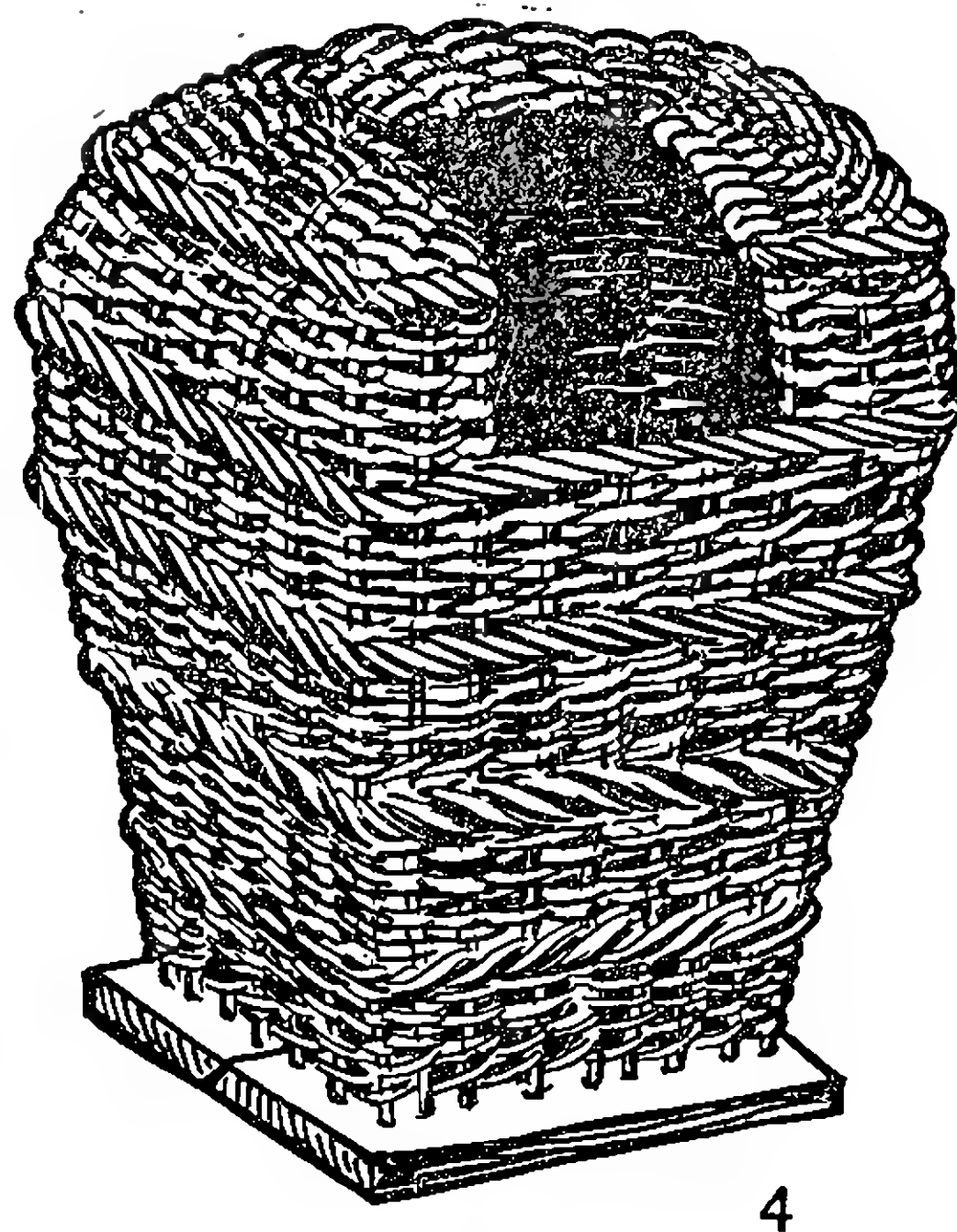
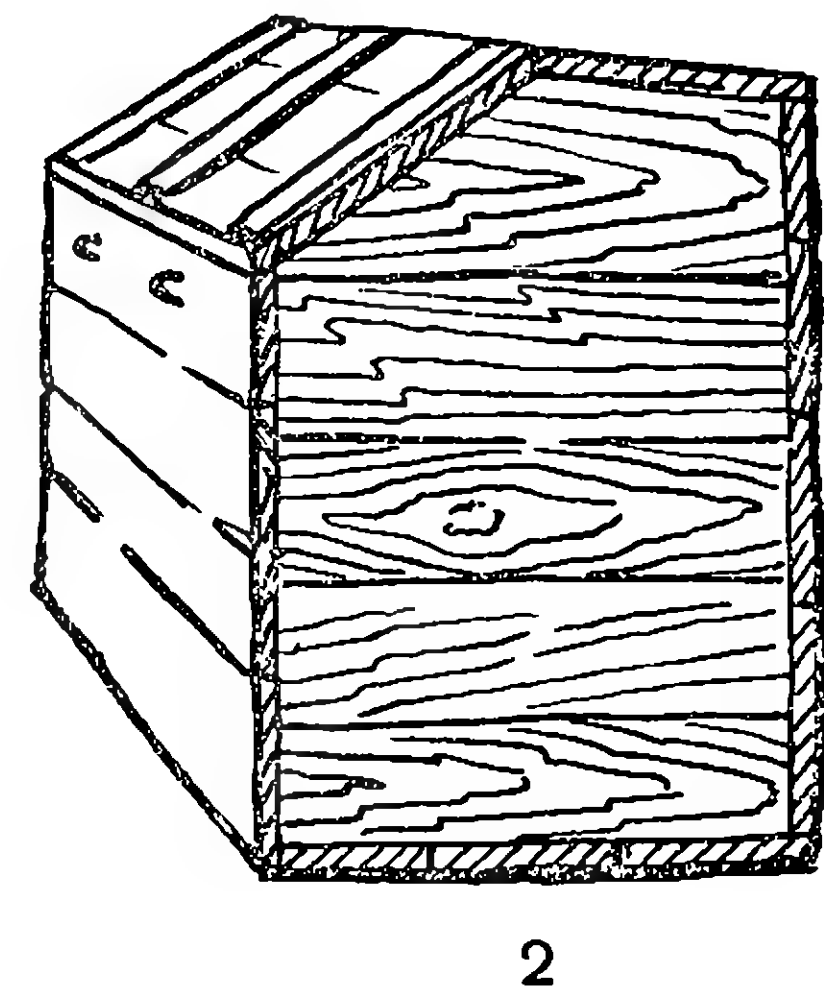
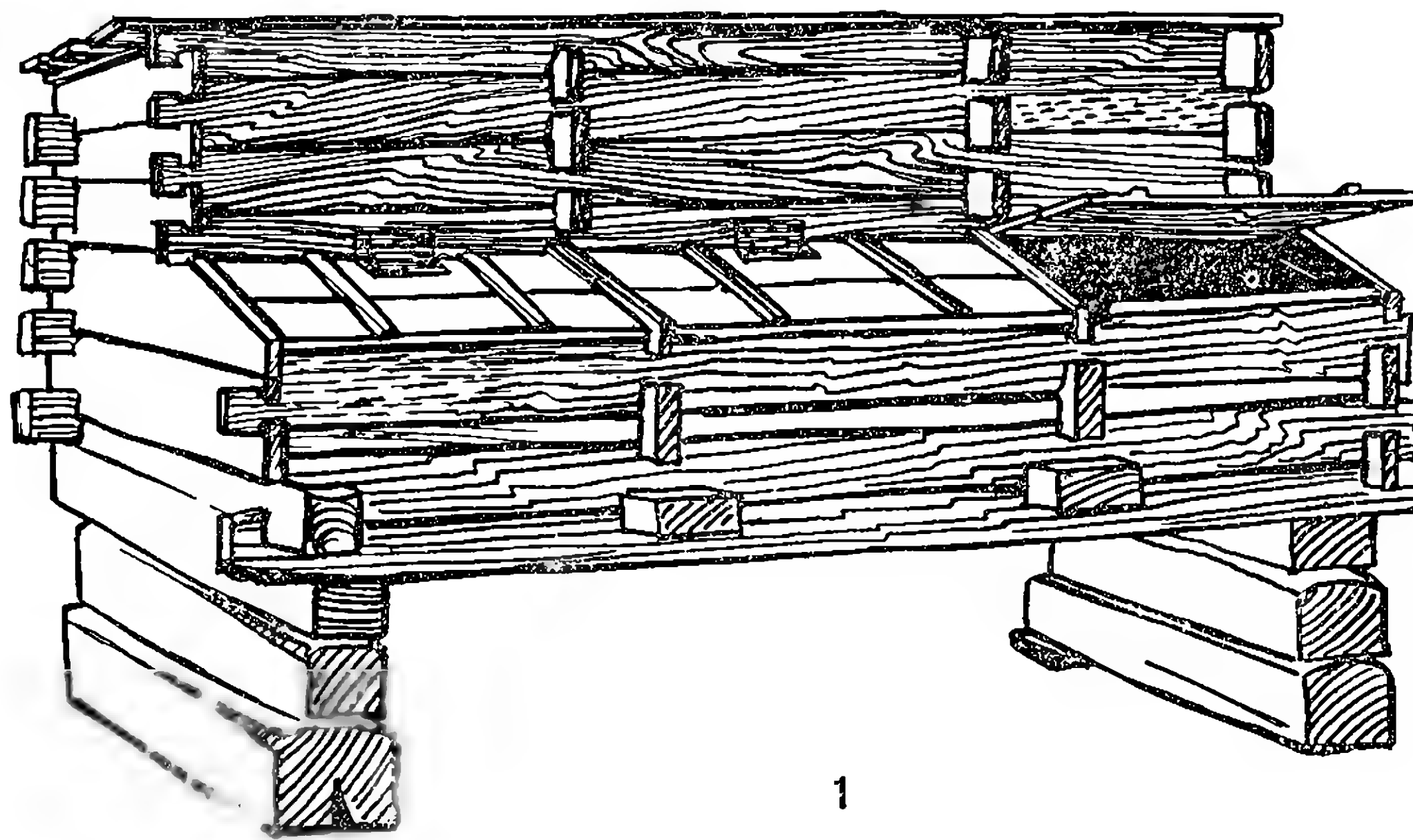

Таблица 11. Амбары и сапетки.

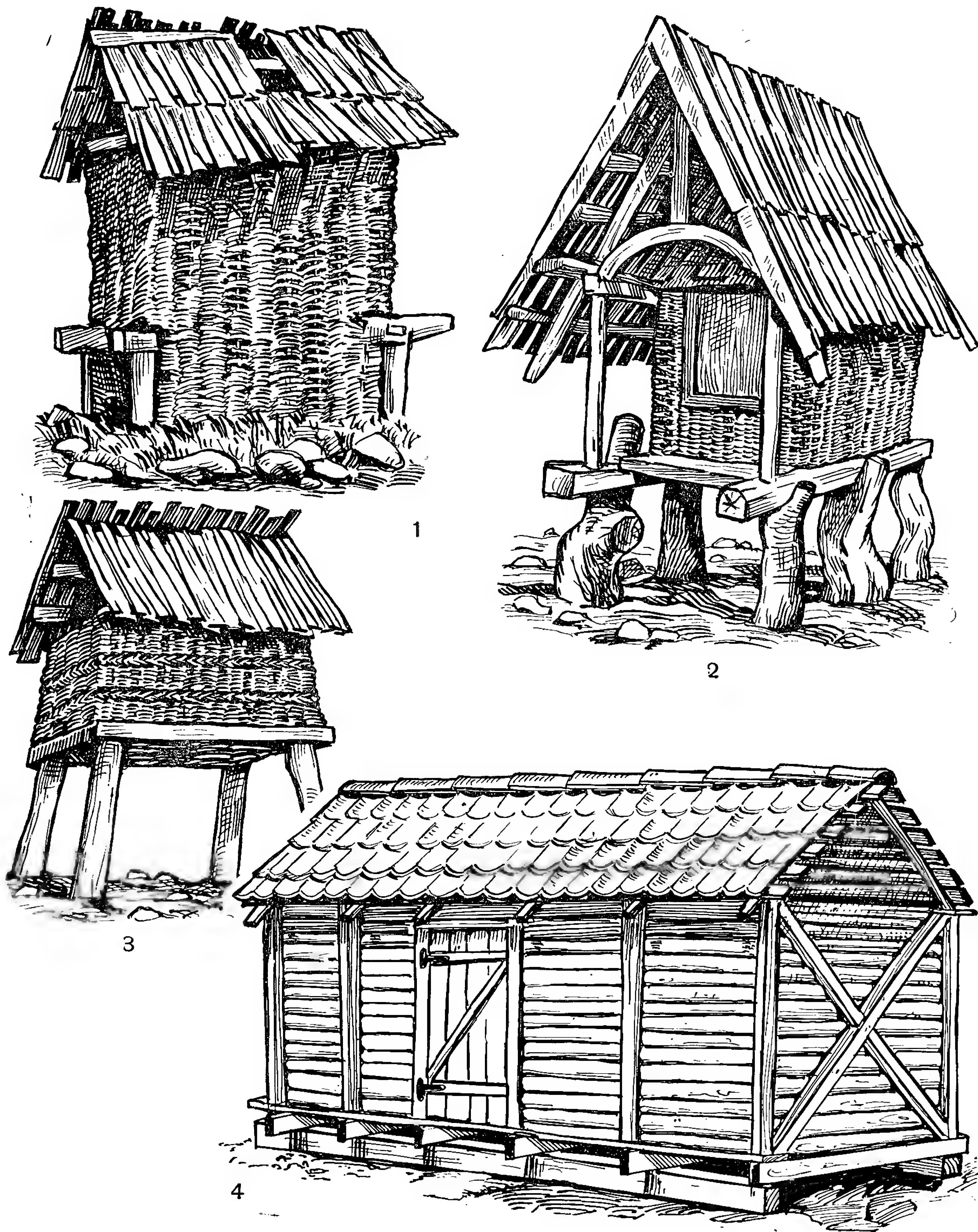

Таблица 12. Помещения для хранения кукурузы.

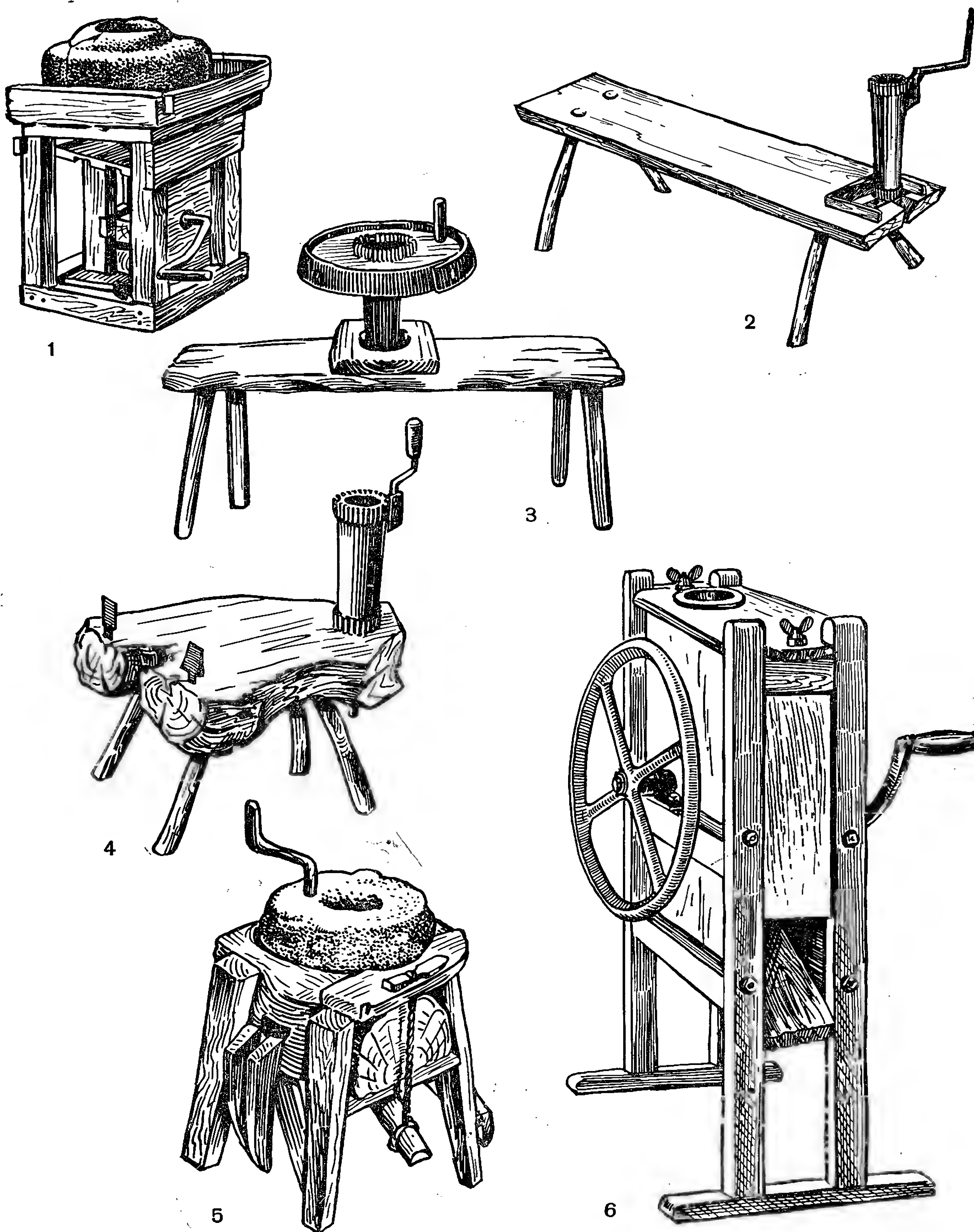

Таблица 13. Ручные мельницы.

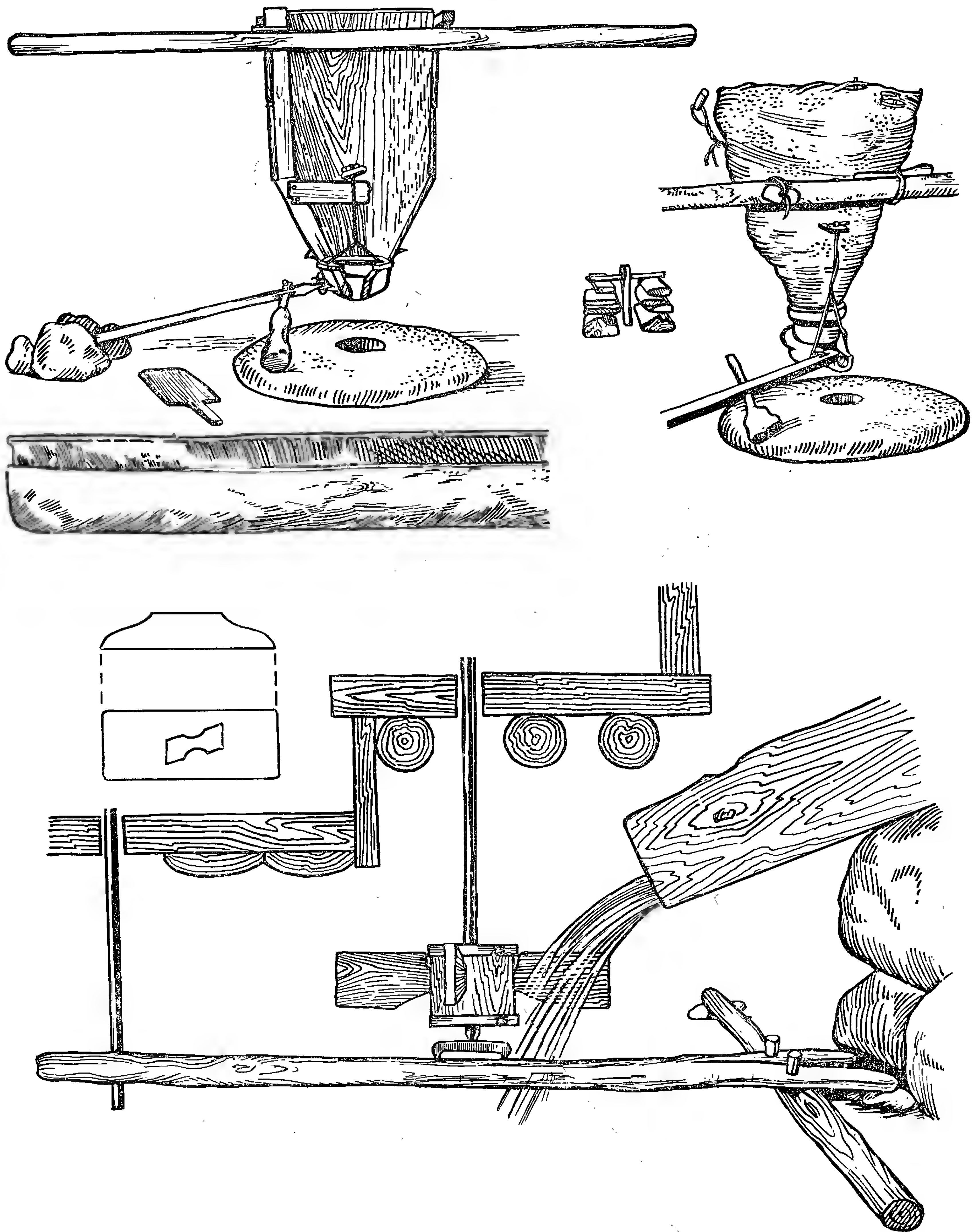

Таблица 14. Водяная мельница.

Таблица 15. Из осетинского быта.

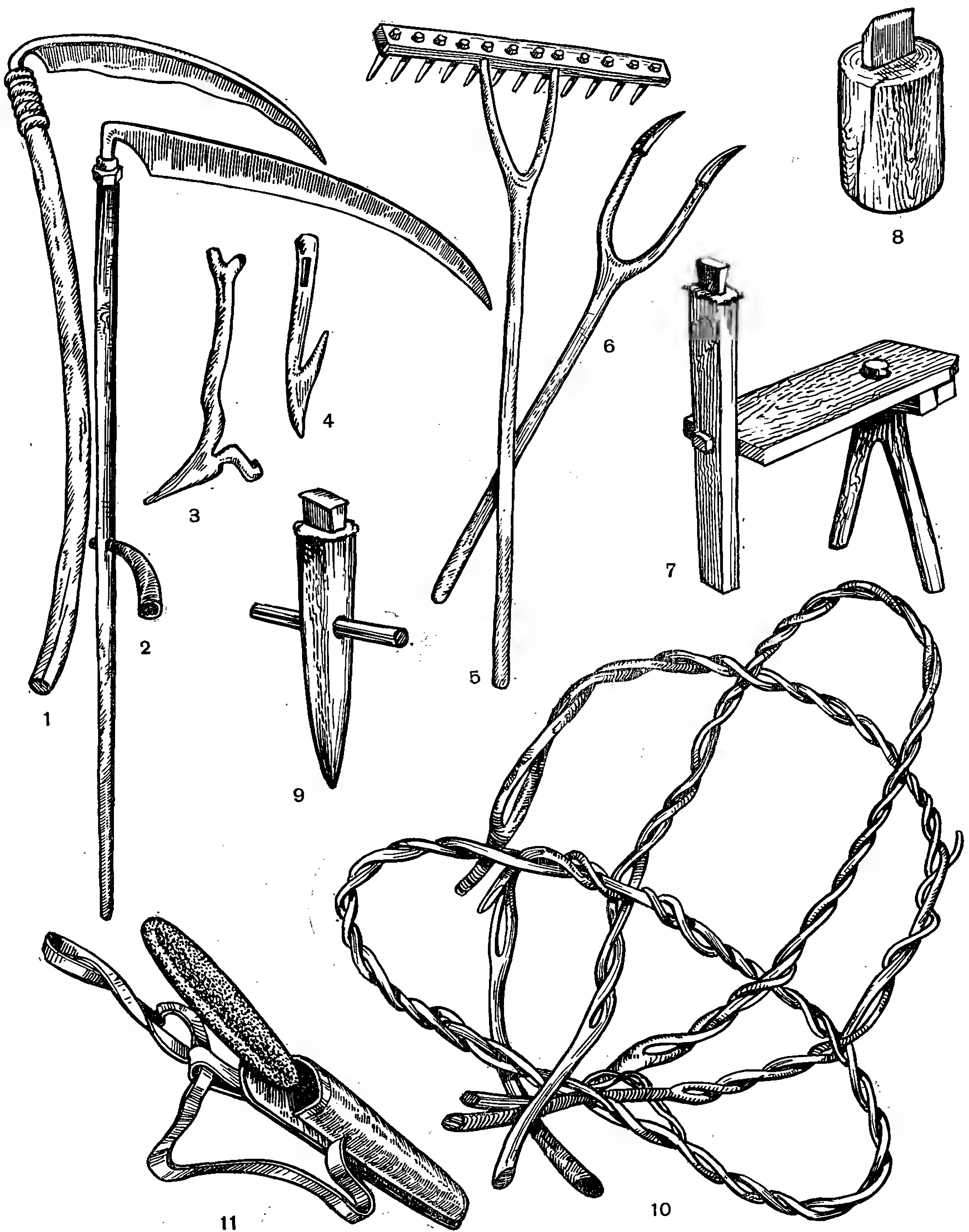

Таблица 16. Орудия косьбы и уборки сена.

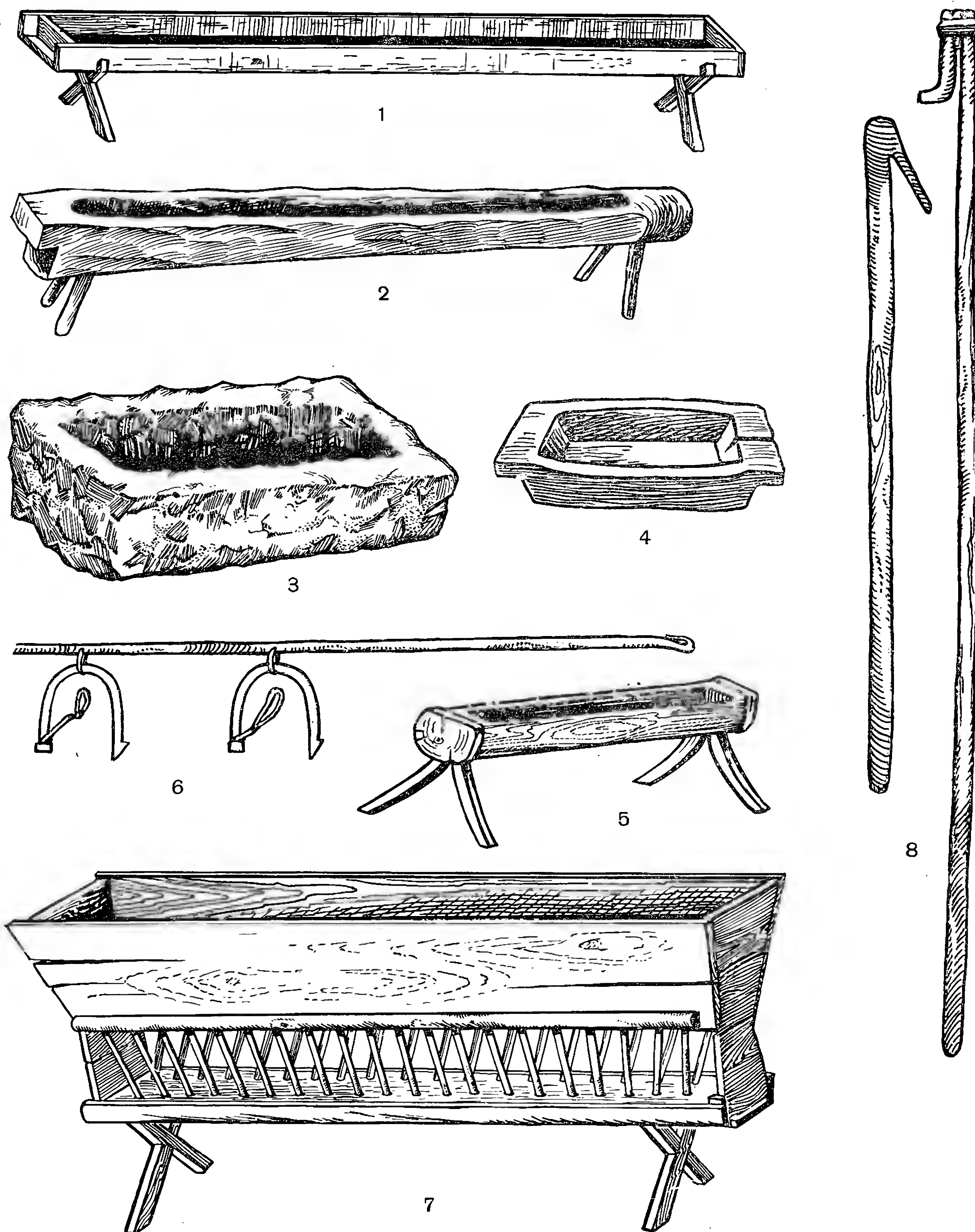

Таблица 17. Предметы, связанные с животноводством.

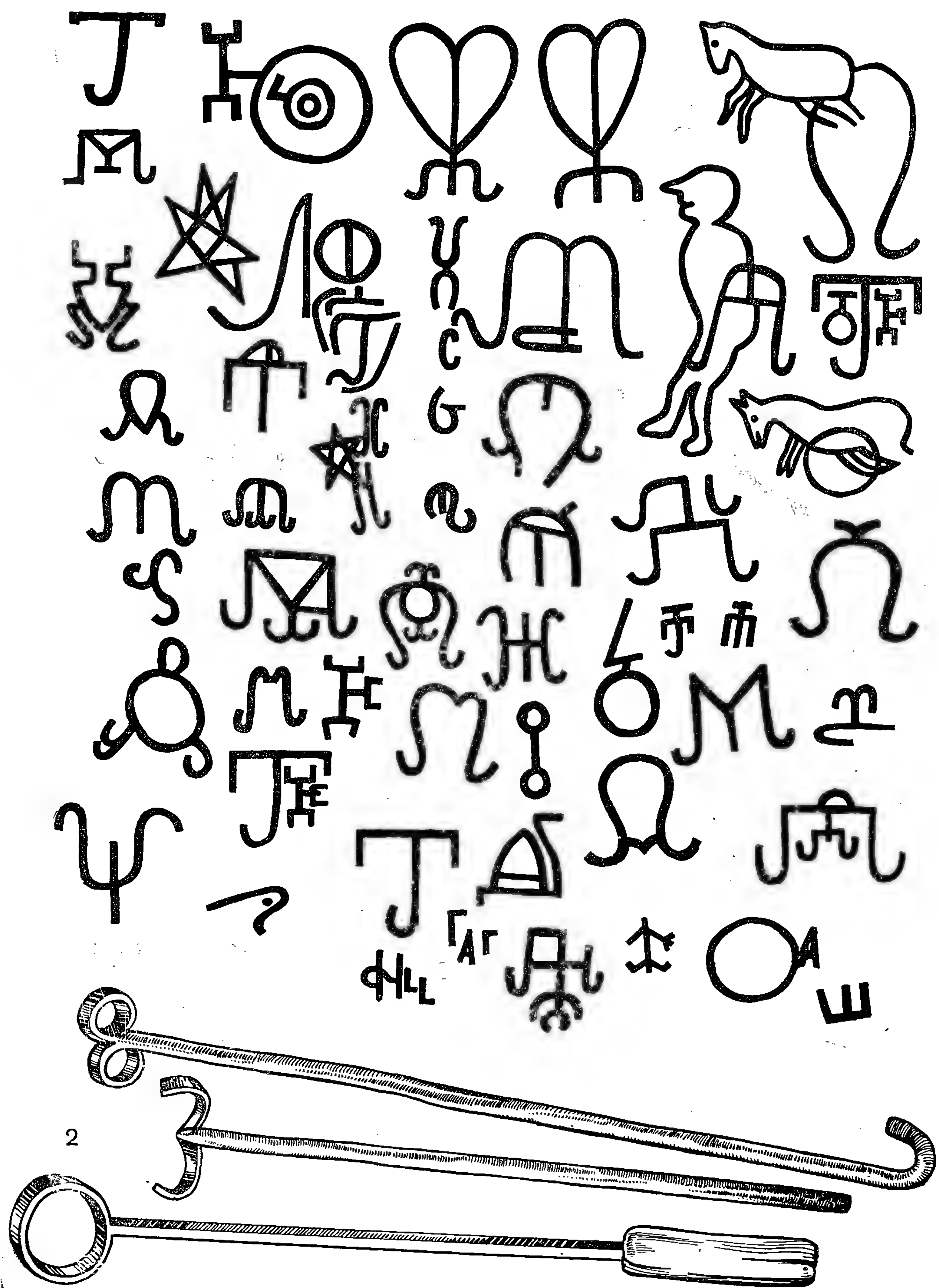

Таблица 18. Тамги и клейма.

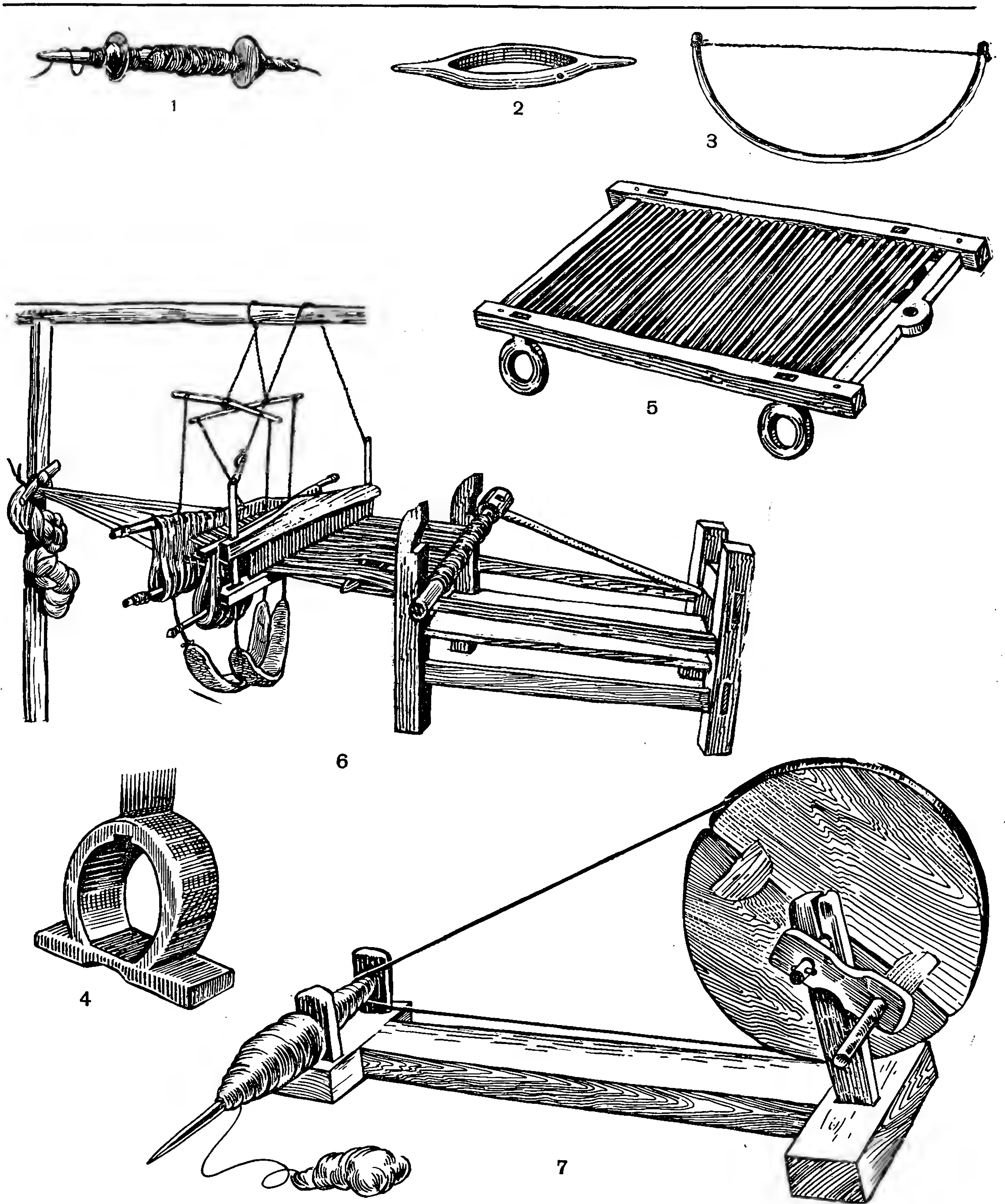

Таблица 19. Орудия для обработки шерсти и изготовления сукна.

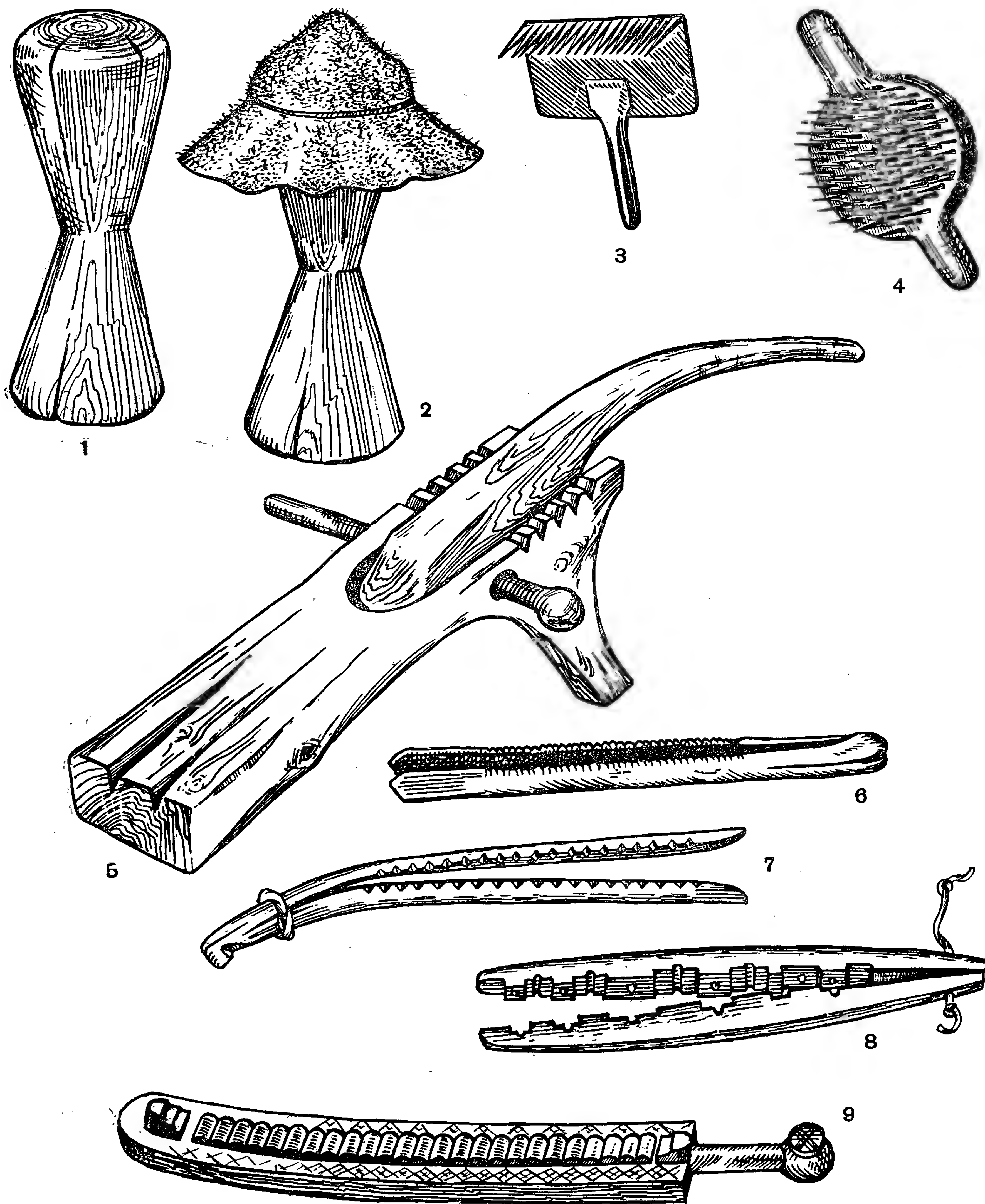

Таблица 20. Орудия для обработки шерсти и кожи.

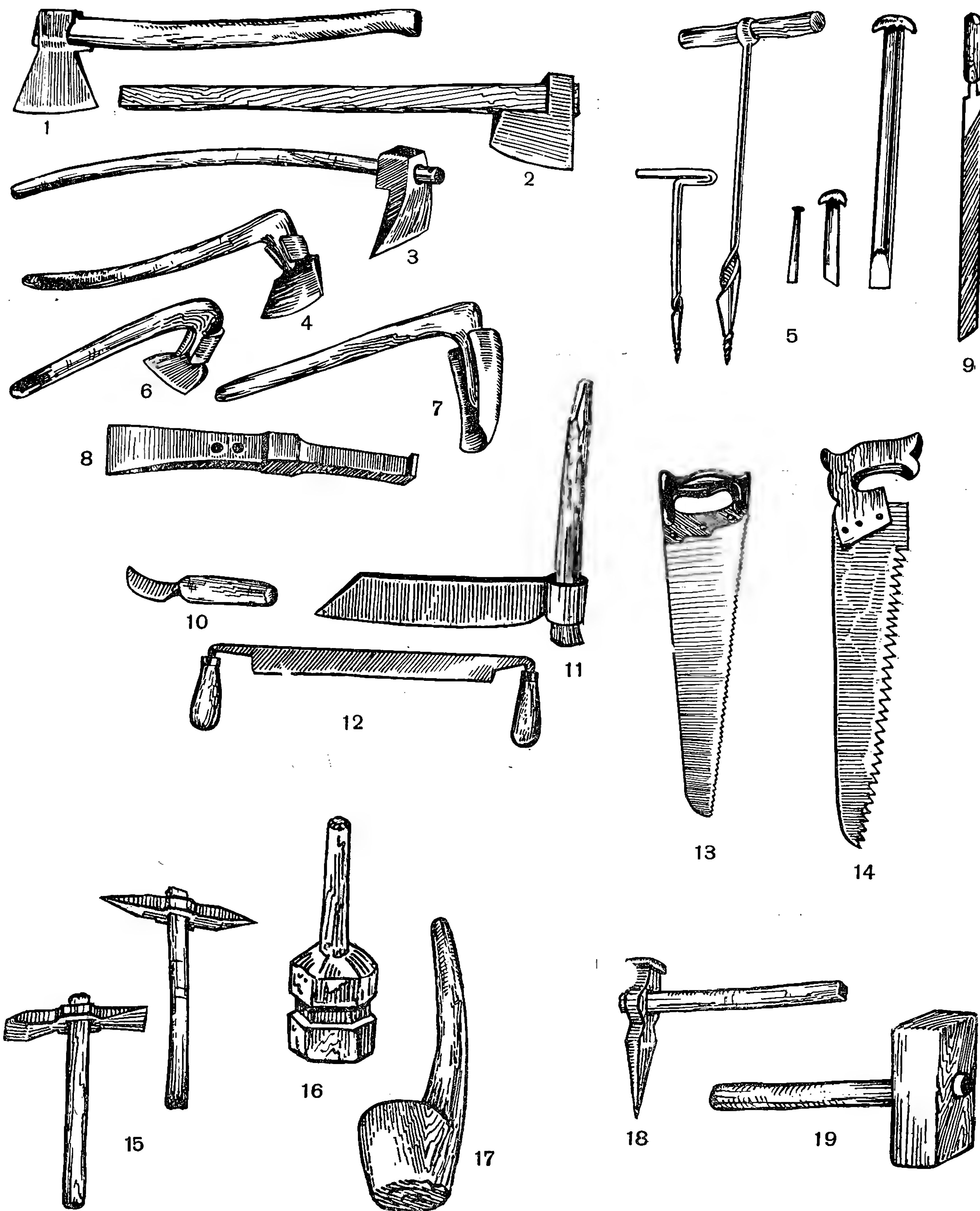

Таблица 21. Инструменты для обработки дерева.

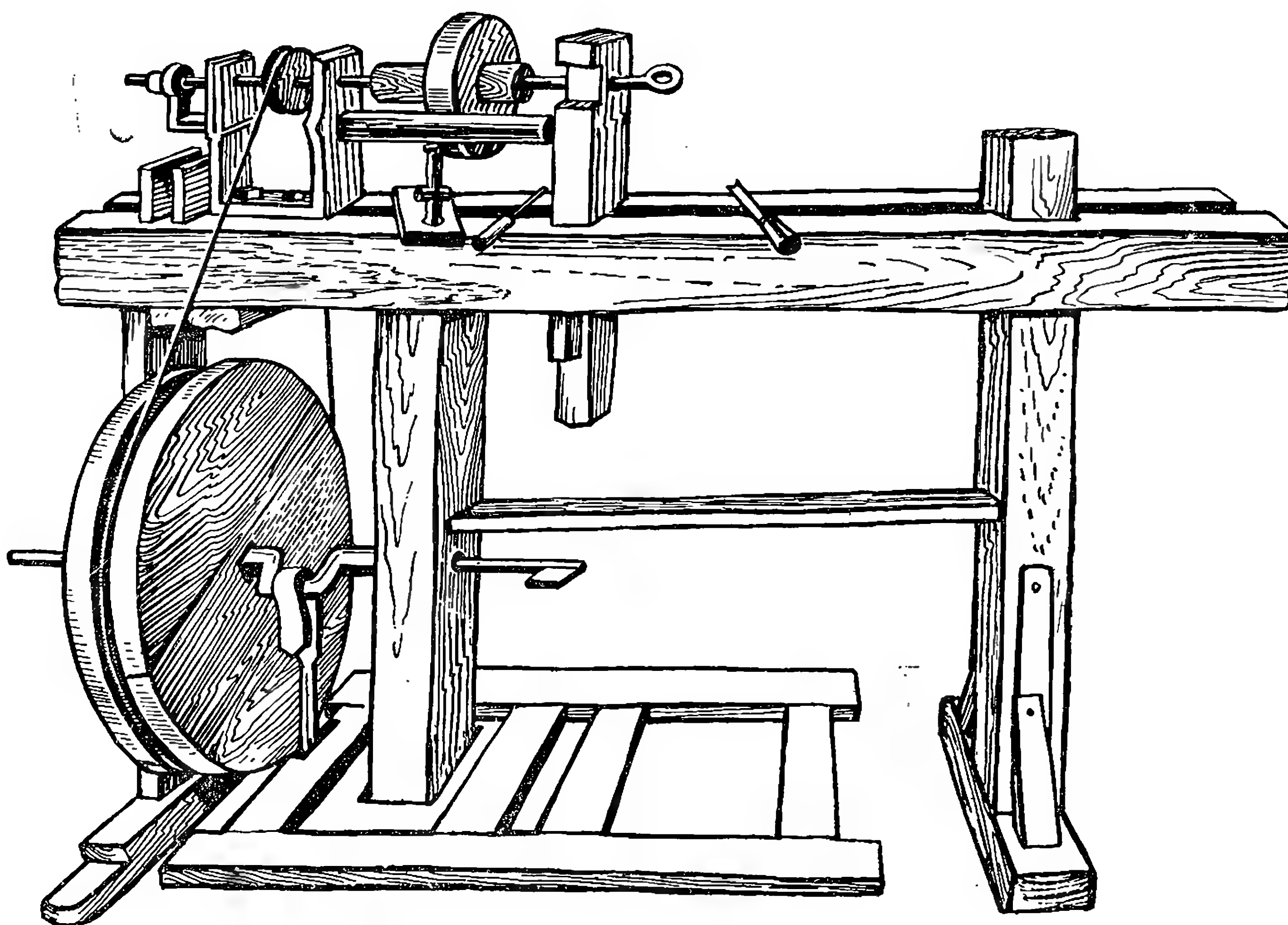
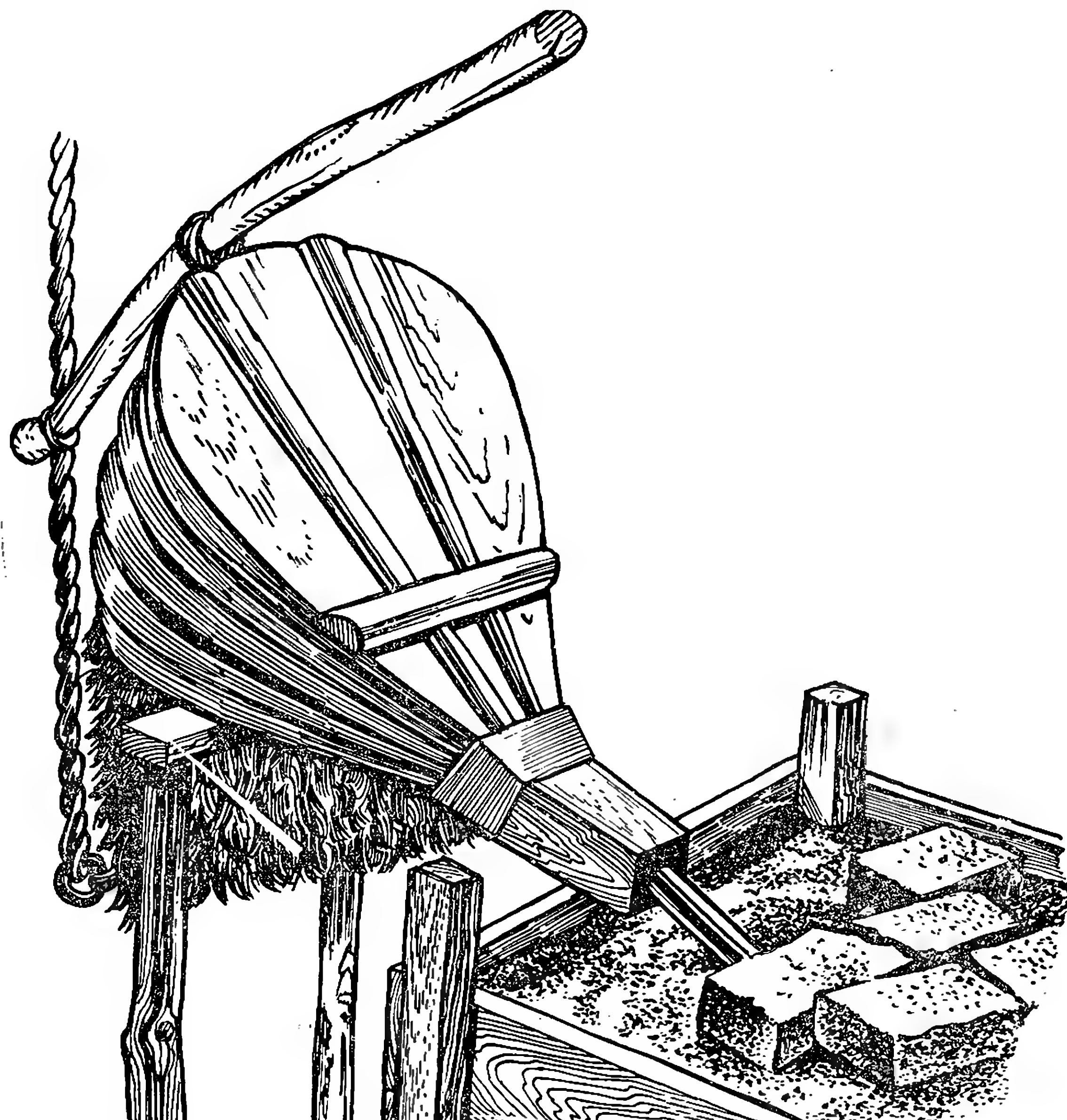

Таблица 22. Кузнечный мех и токарный станок.

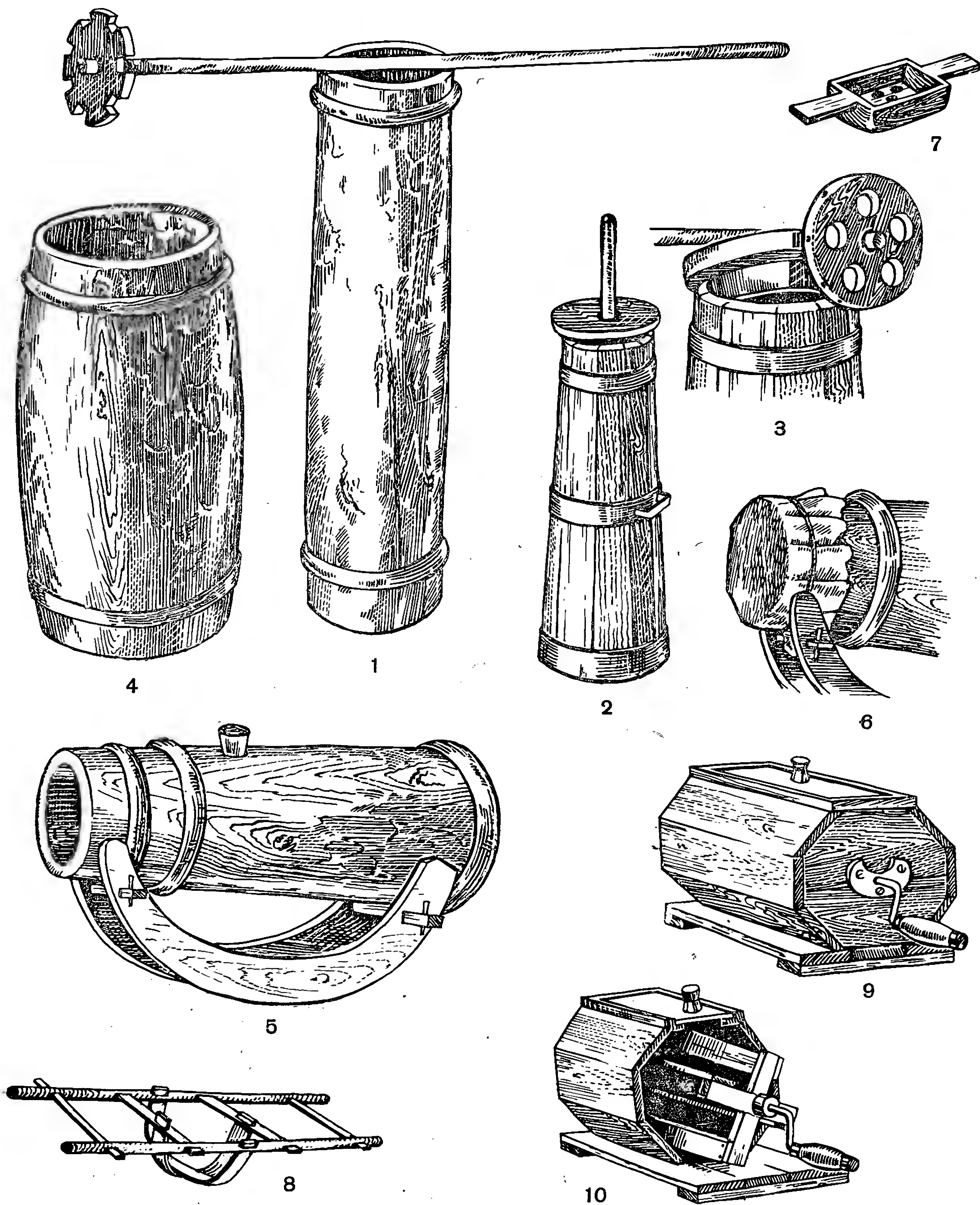

Таблица 23. Маслобойки и цедилки для молока.

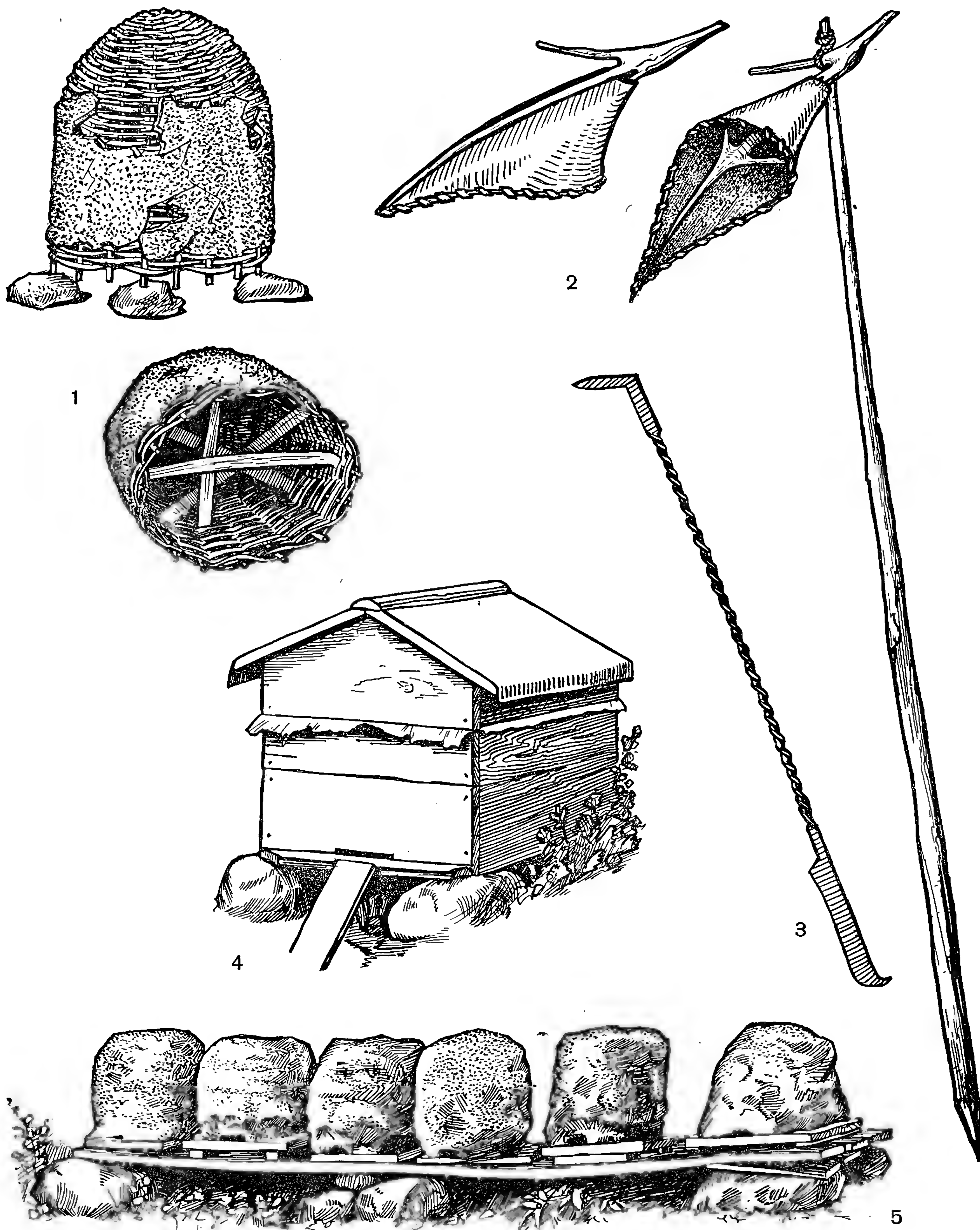

Таблица 24. Ульи и предметы, связанные с пчеловодством.

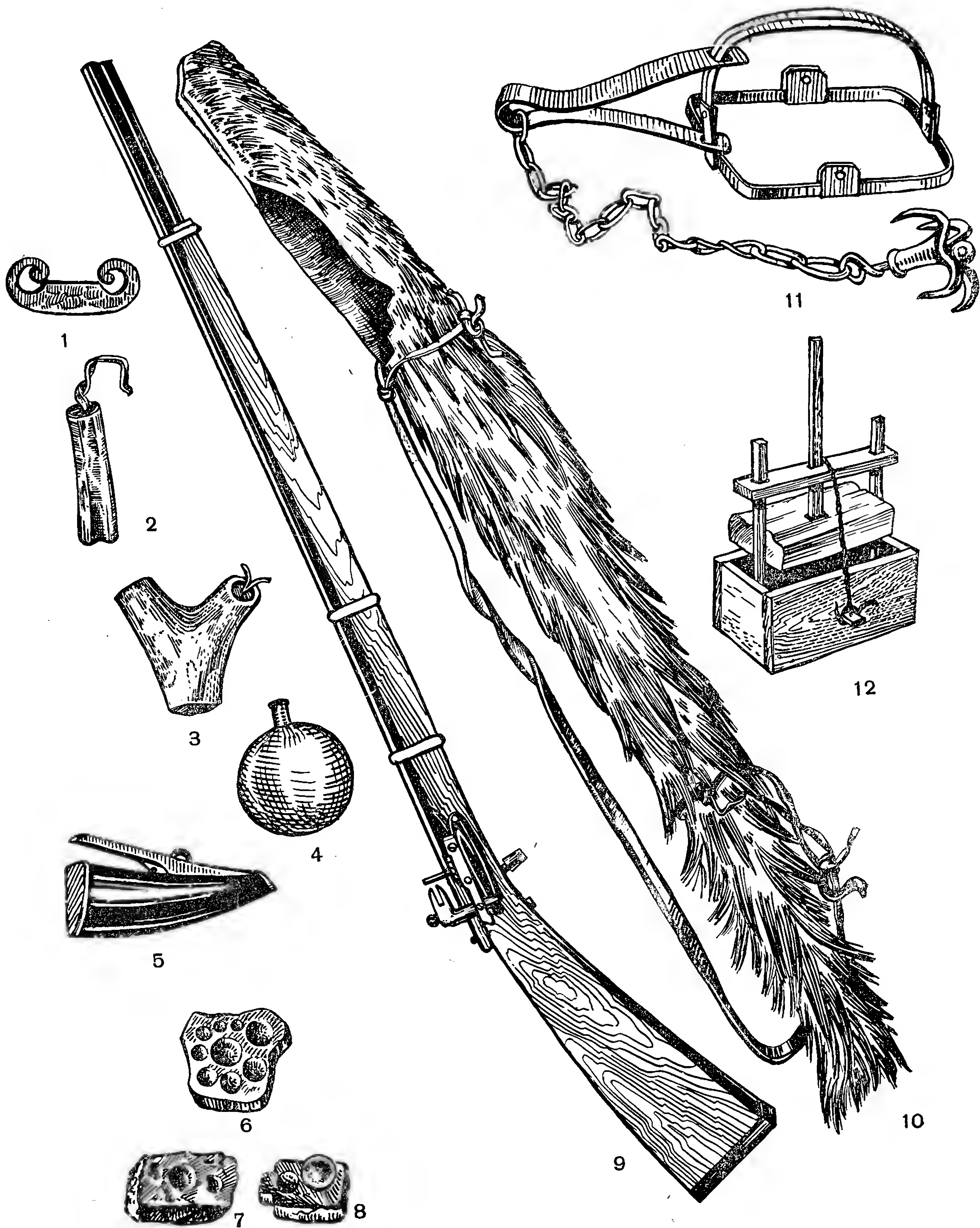
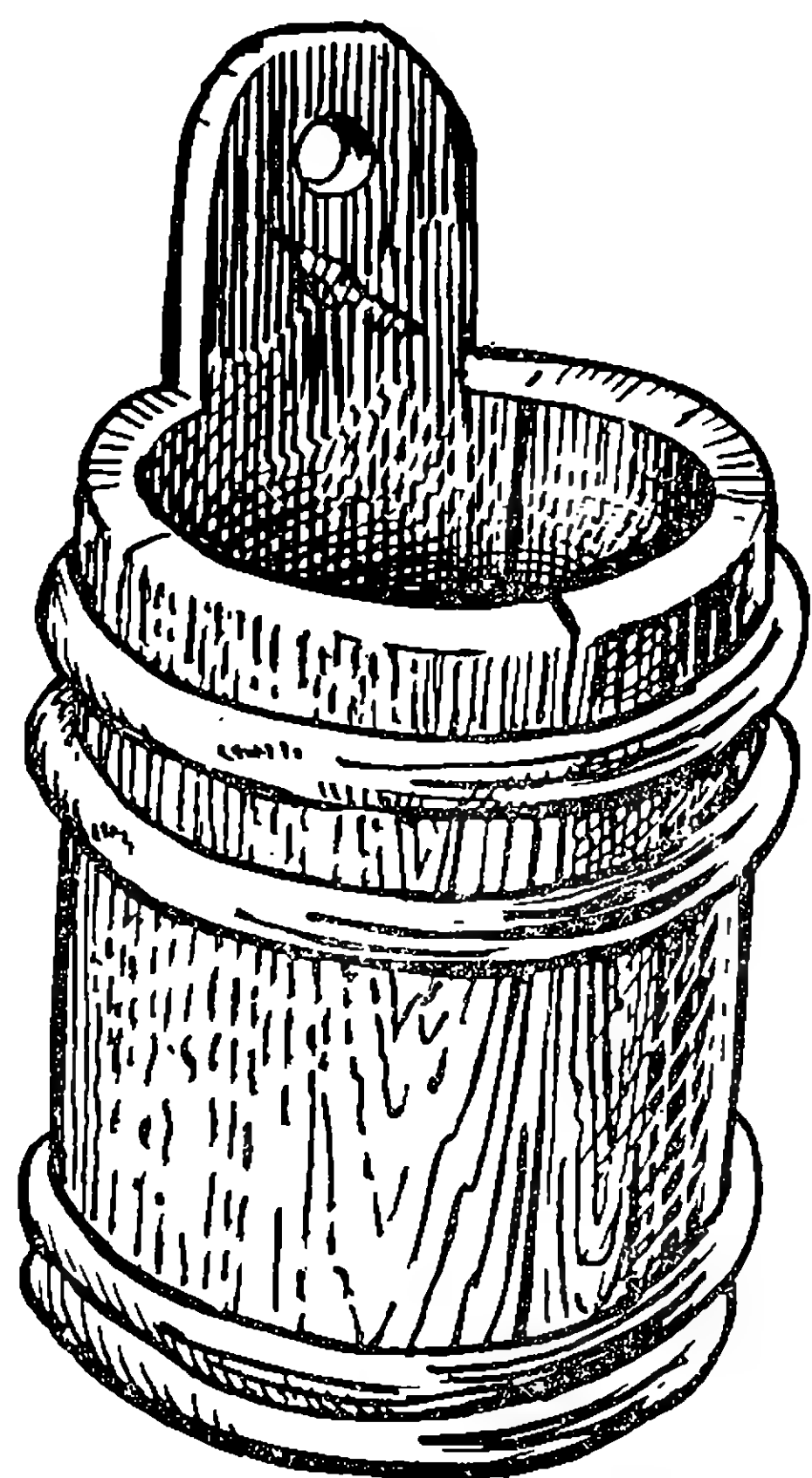
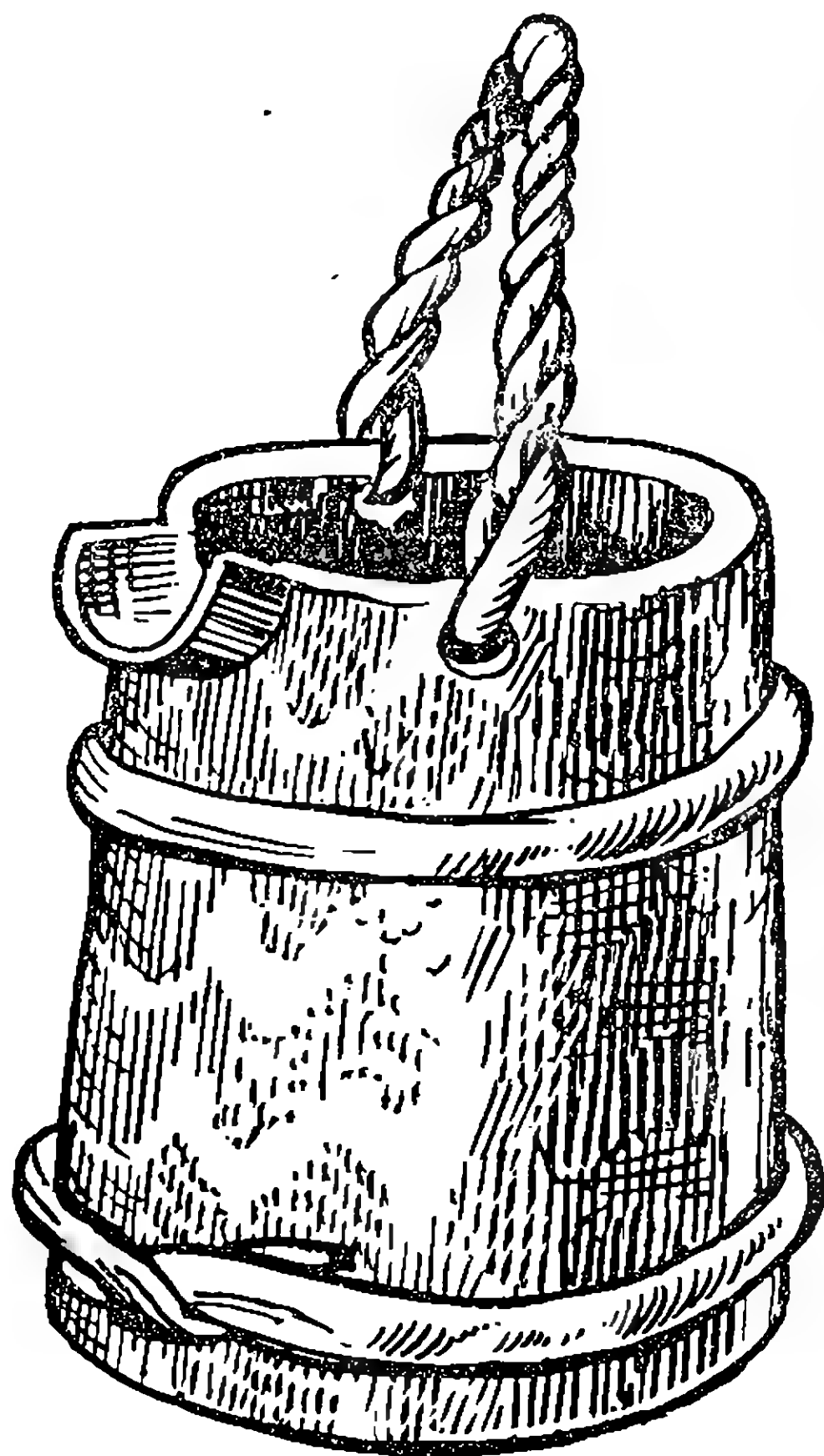

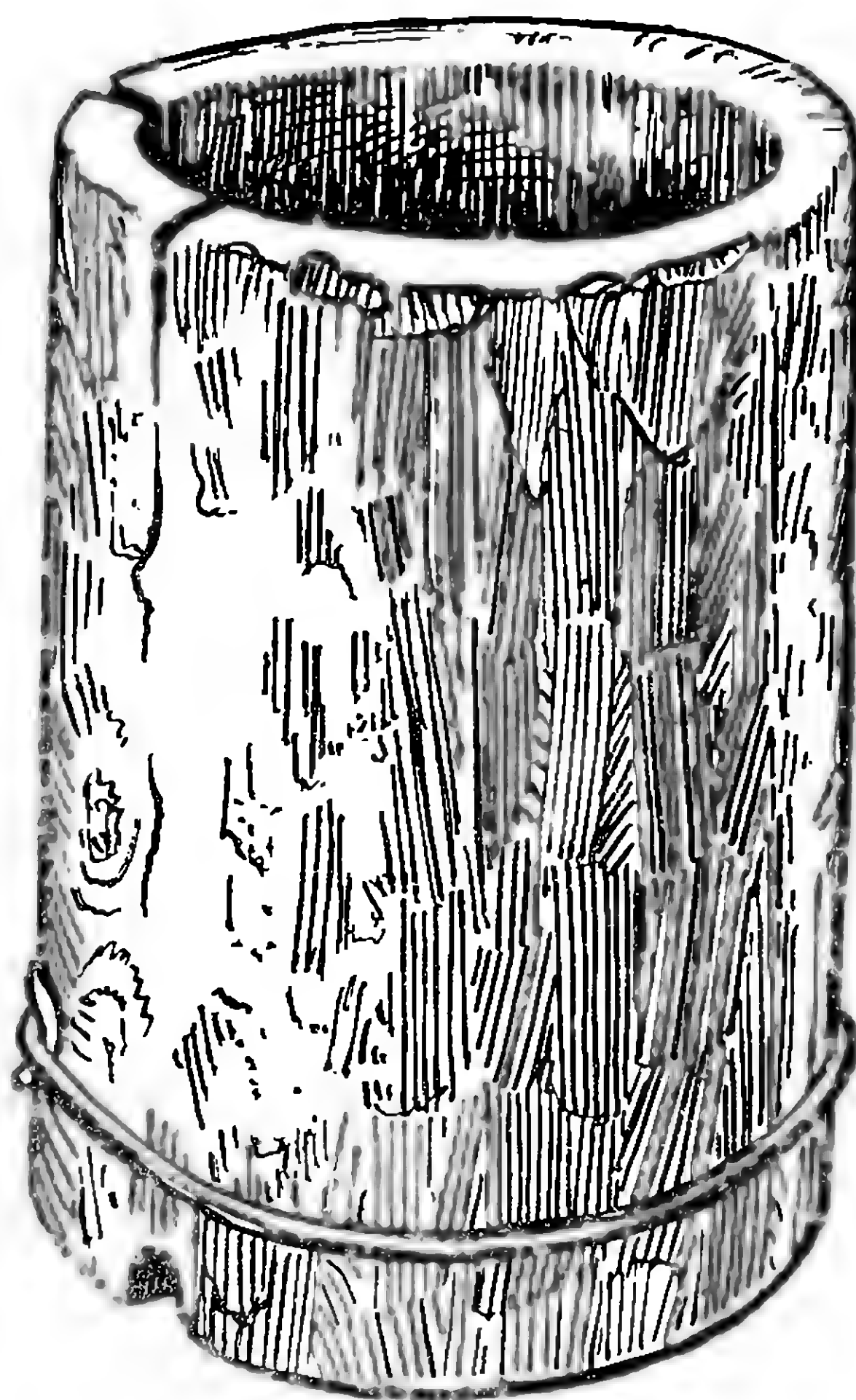
Таблица 25. Охотничьи ружья и принадлежности. Формы для изготовления пороха и пуль.

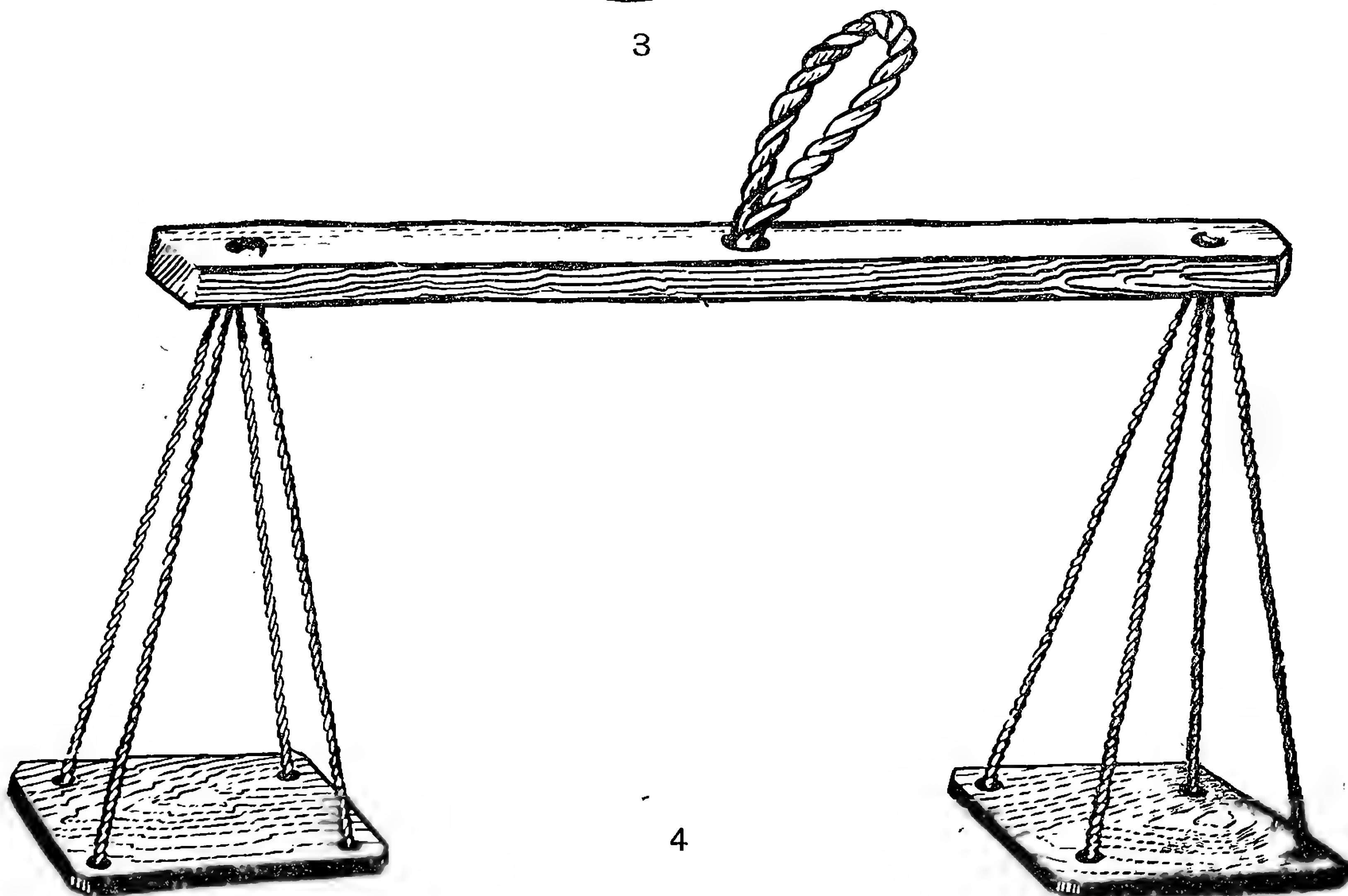
1

3

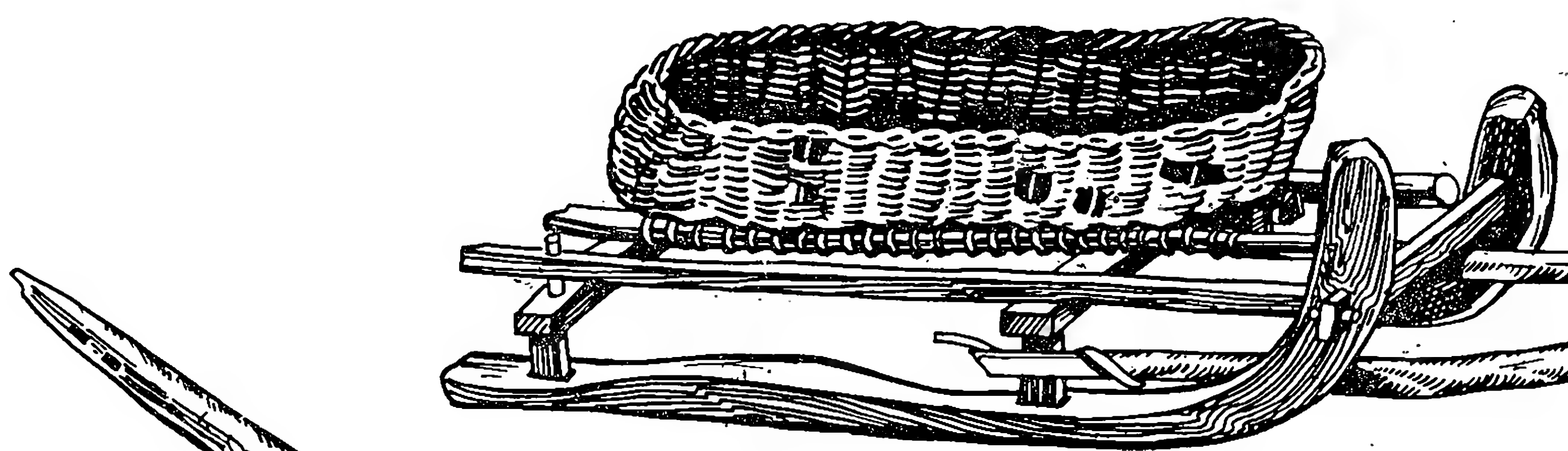

2

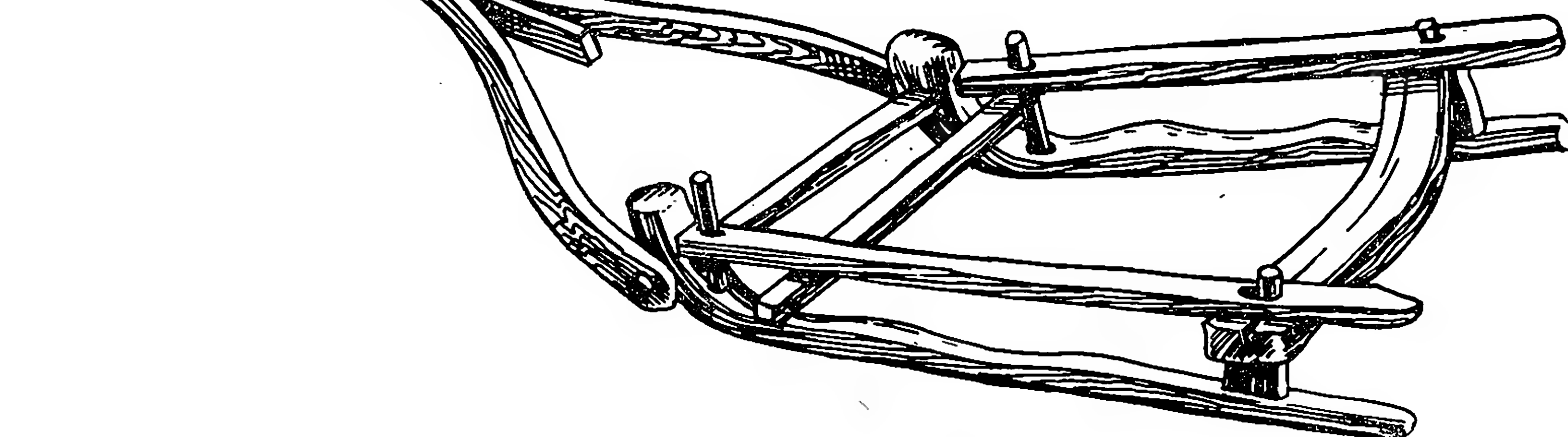

4

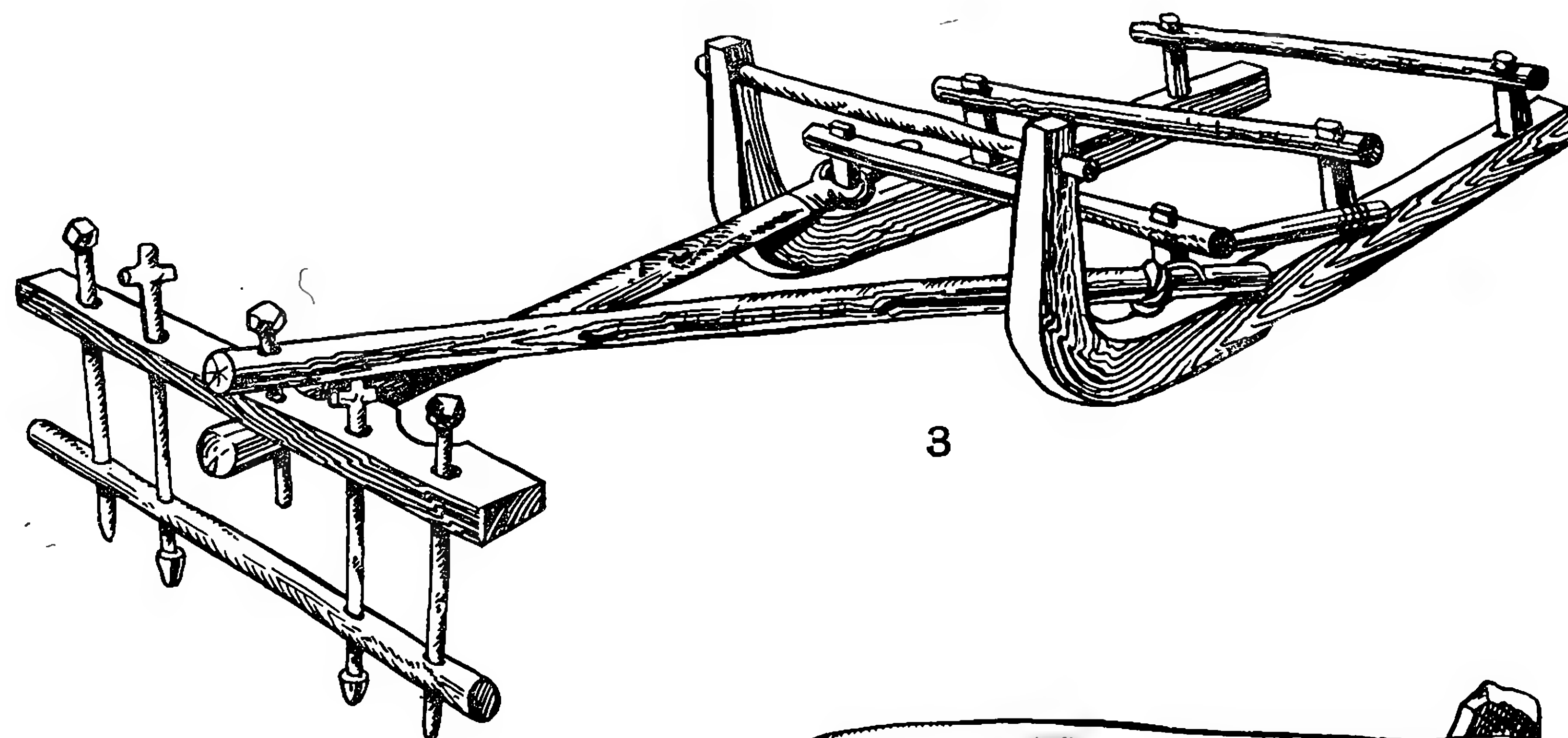
Таблица 26. Меры весов.

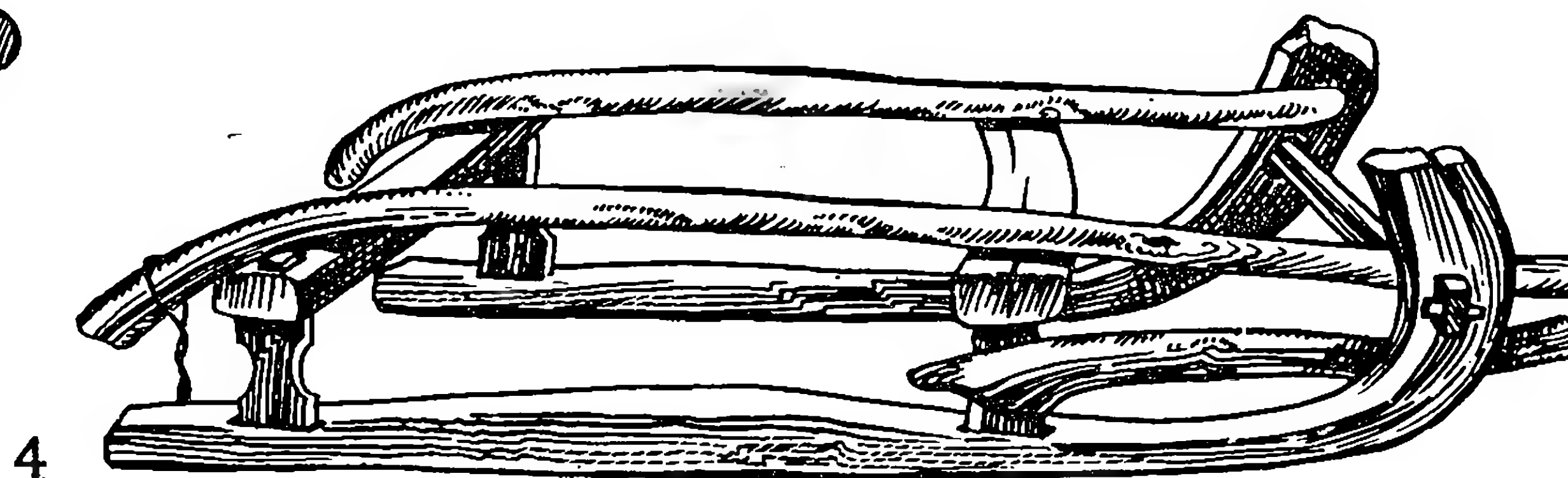
1

2

3

4

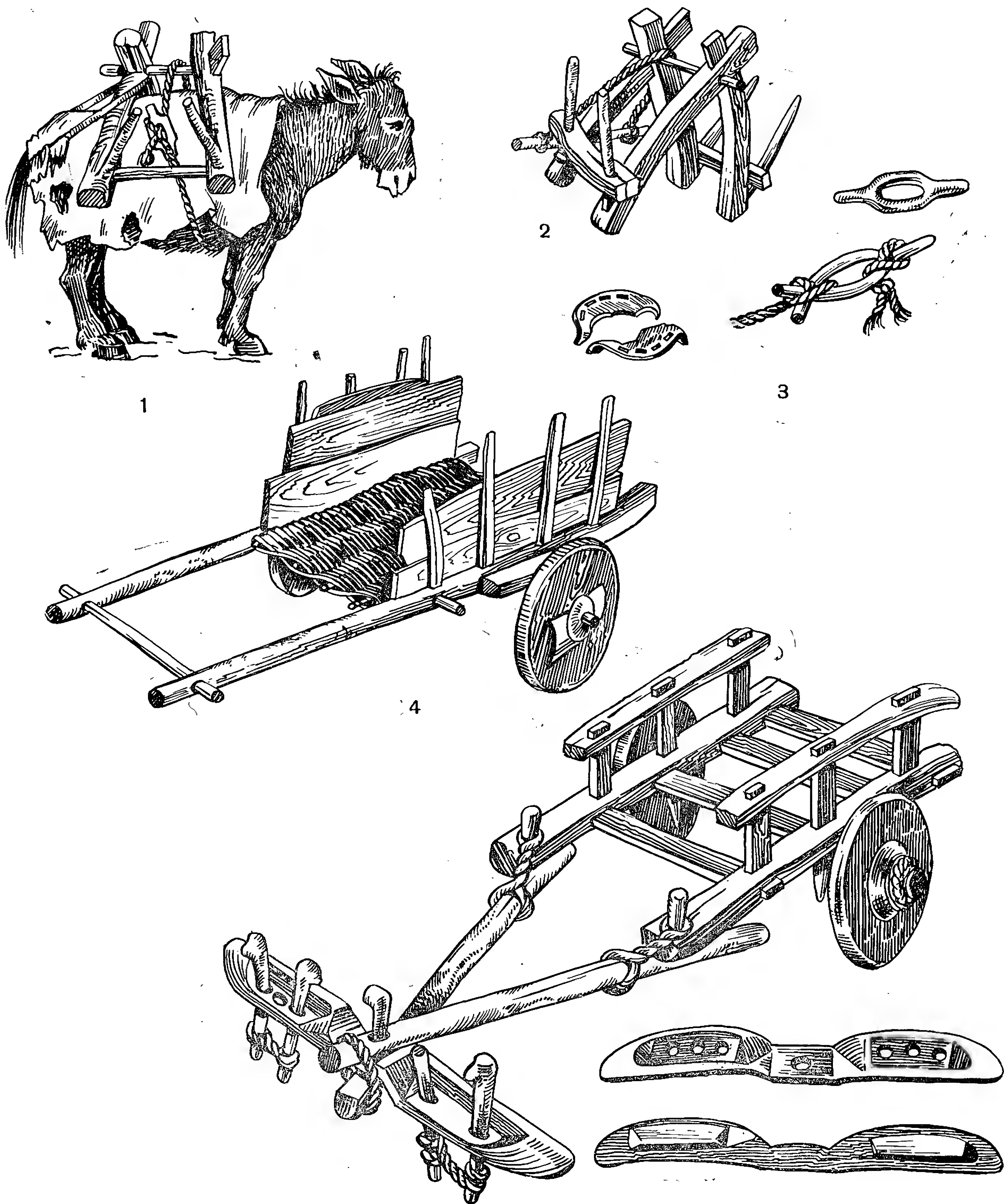

Таблица 28. Средства передвижения.

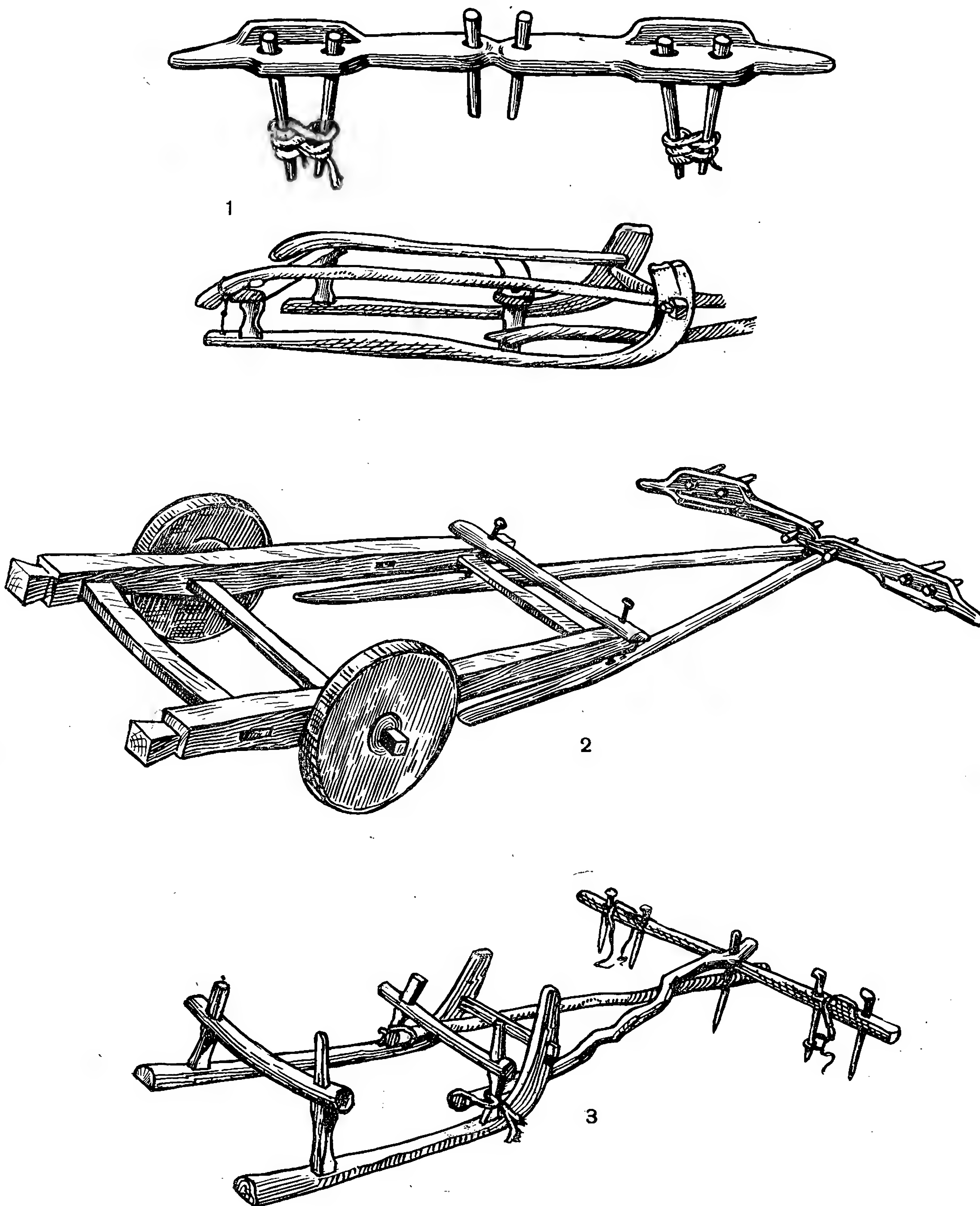

Таблица 29. Средства передвижения.

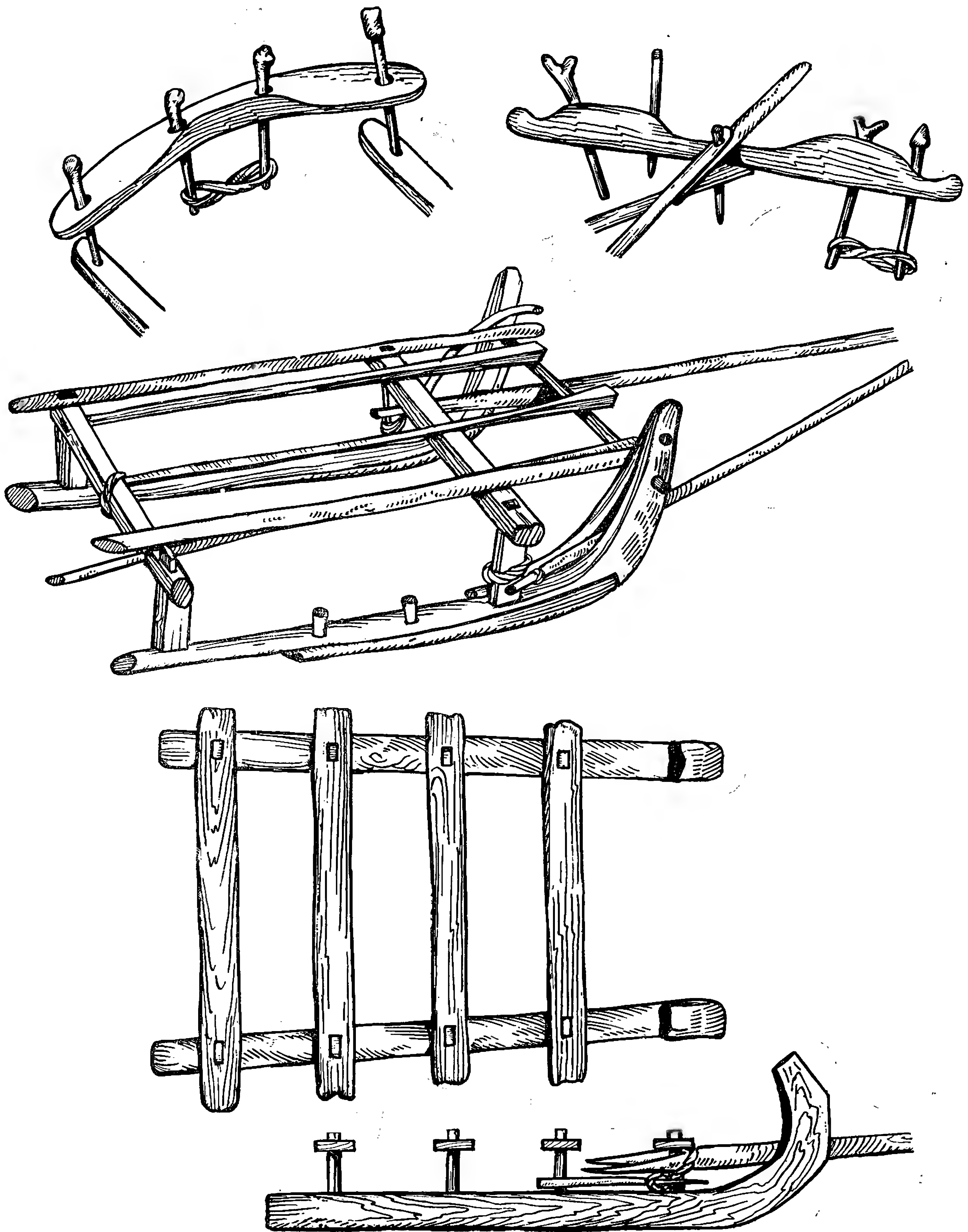

Таблица 30. Сани и их части.

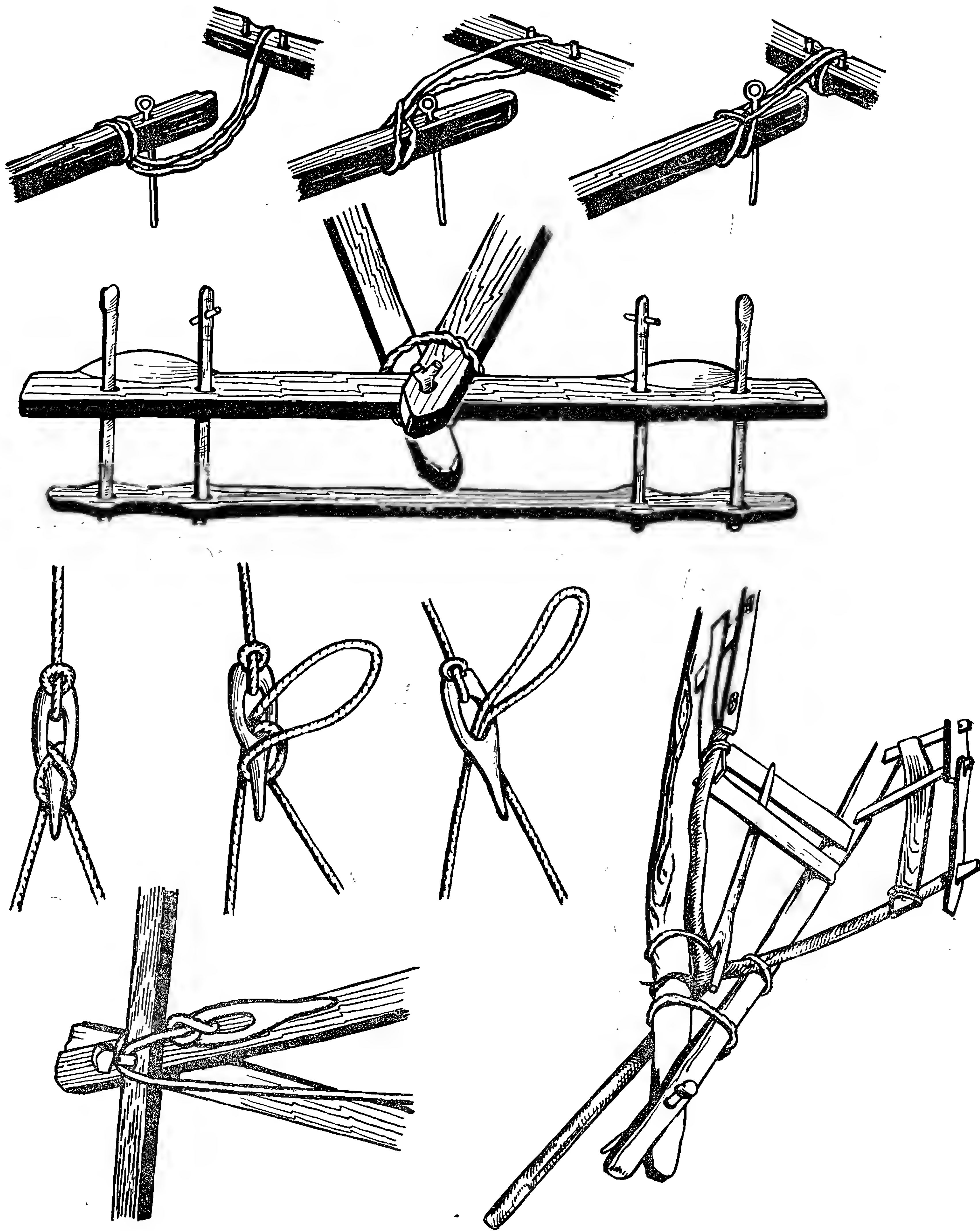
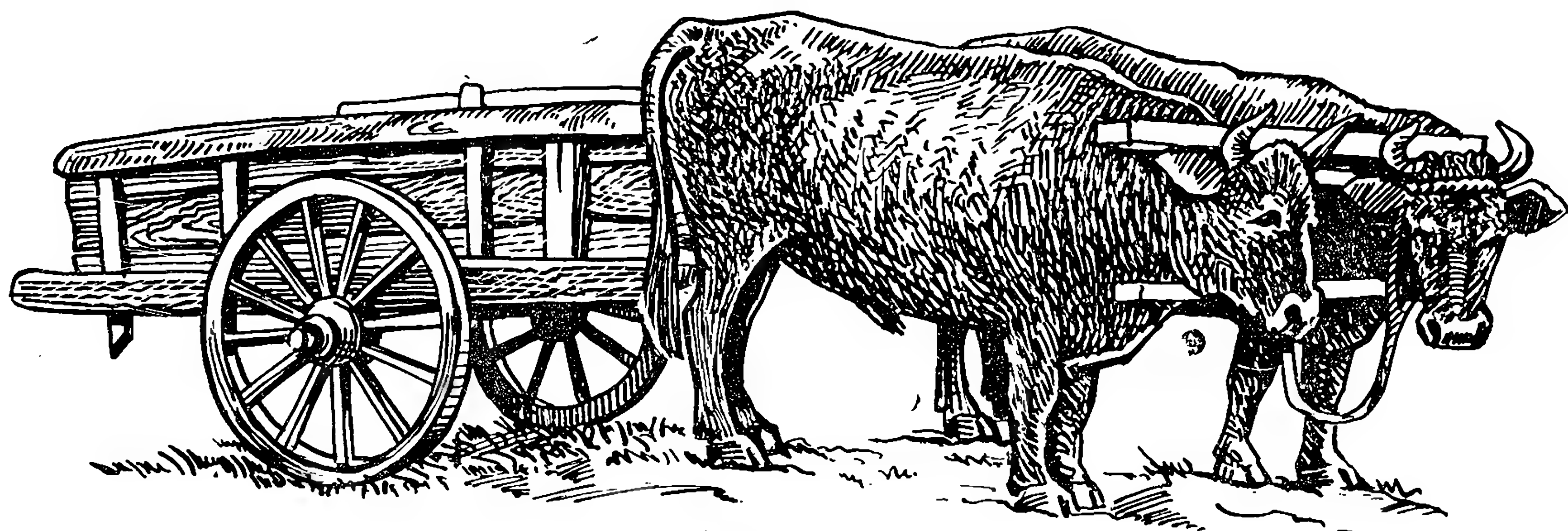
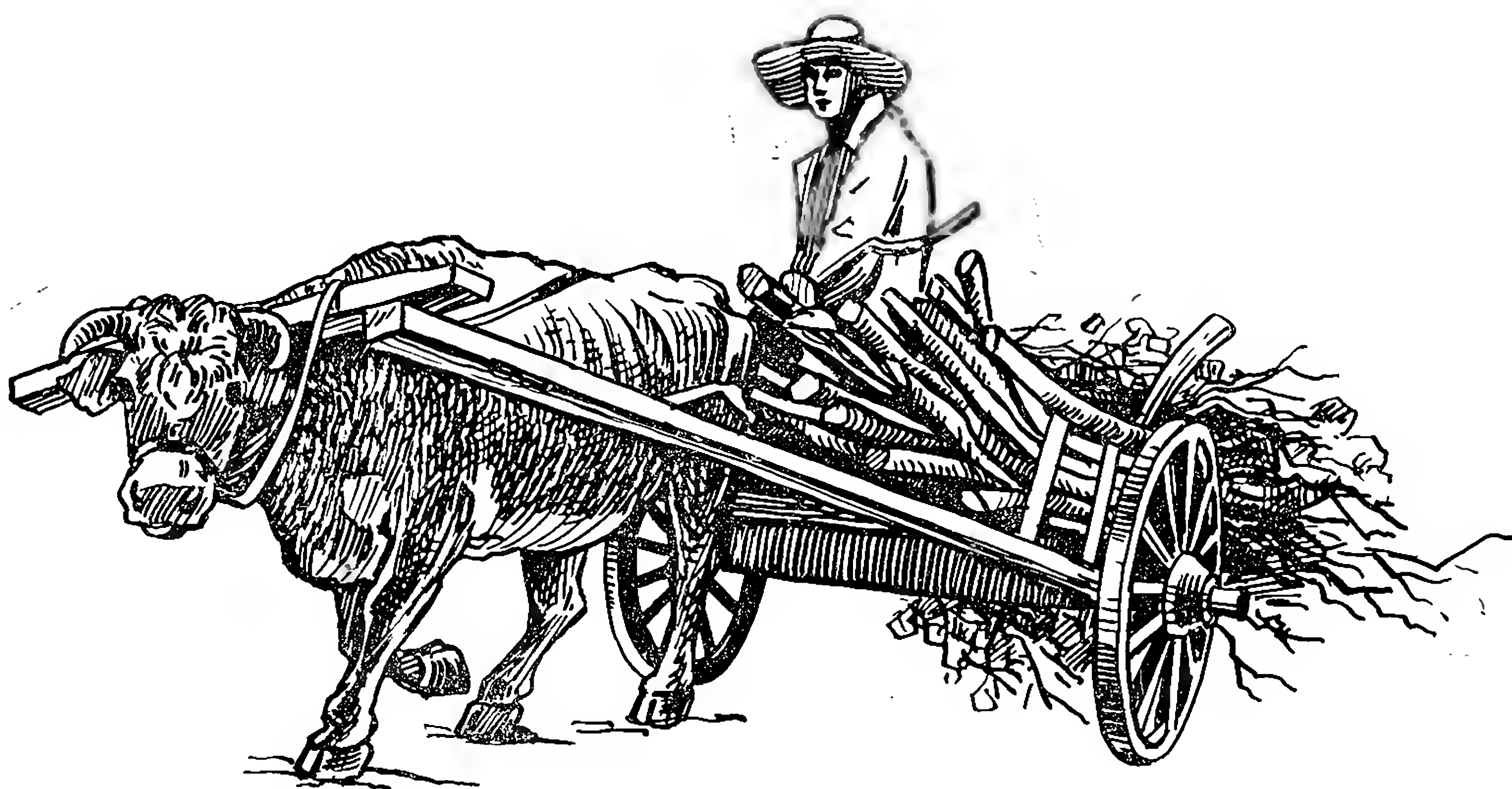

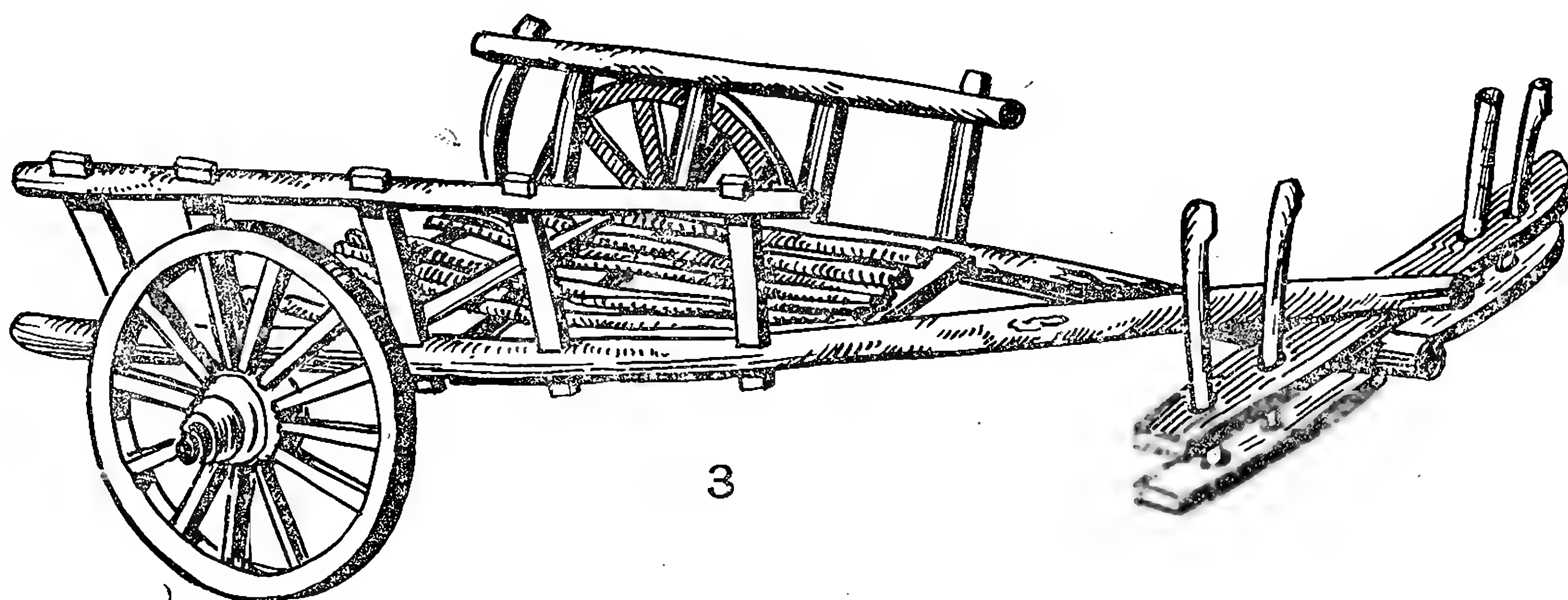
Таблица 31. Различные виды креплений для перевозки тяжестей.

1

2

3

Таблица 32. Арбы.

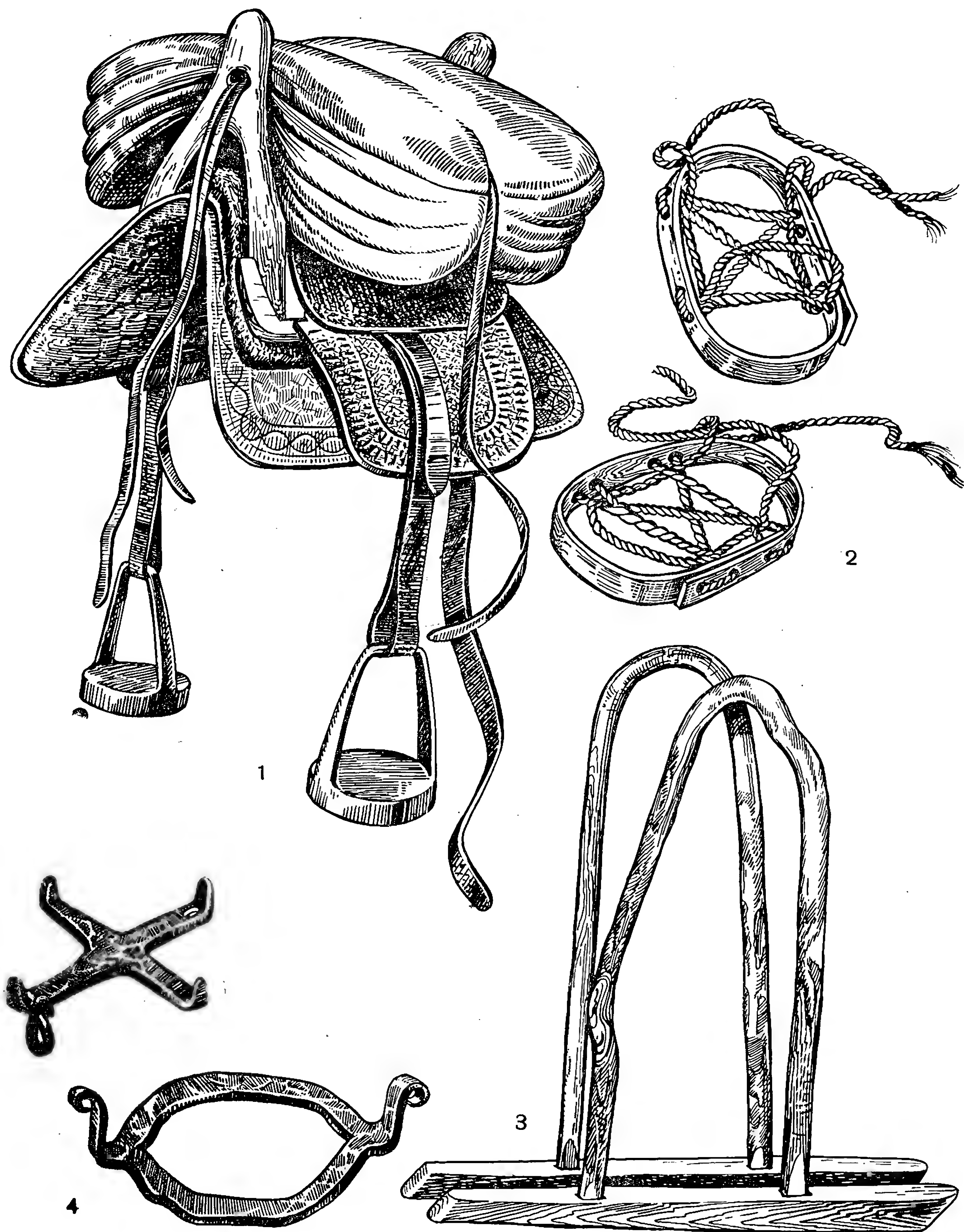

Таблица 33. Седло и лыжи.

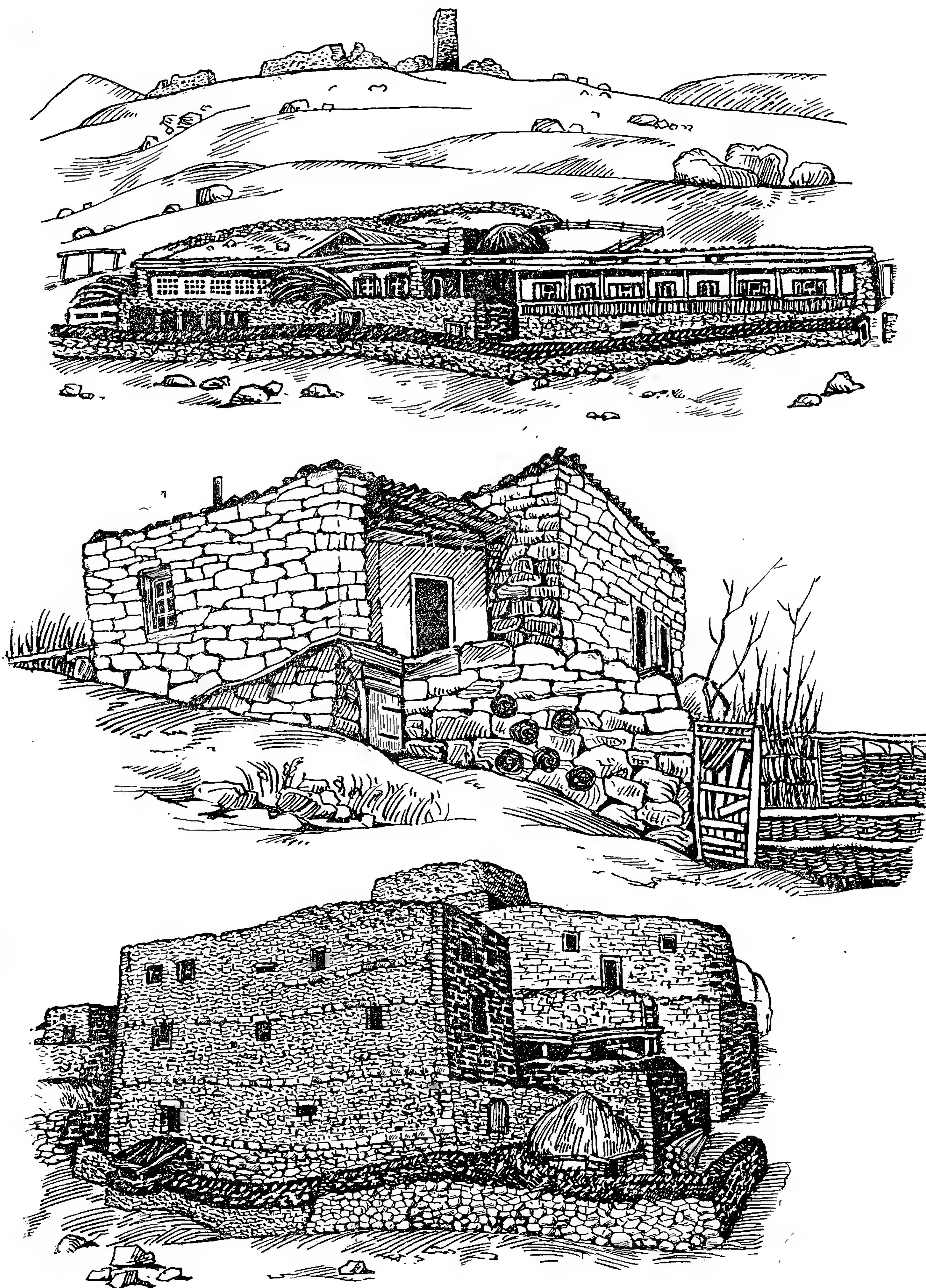

Таблица 34. Типы горного жилища.

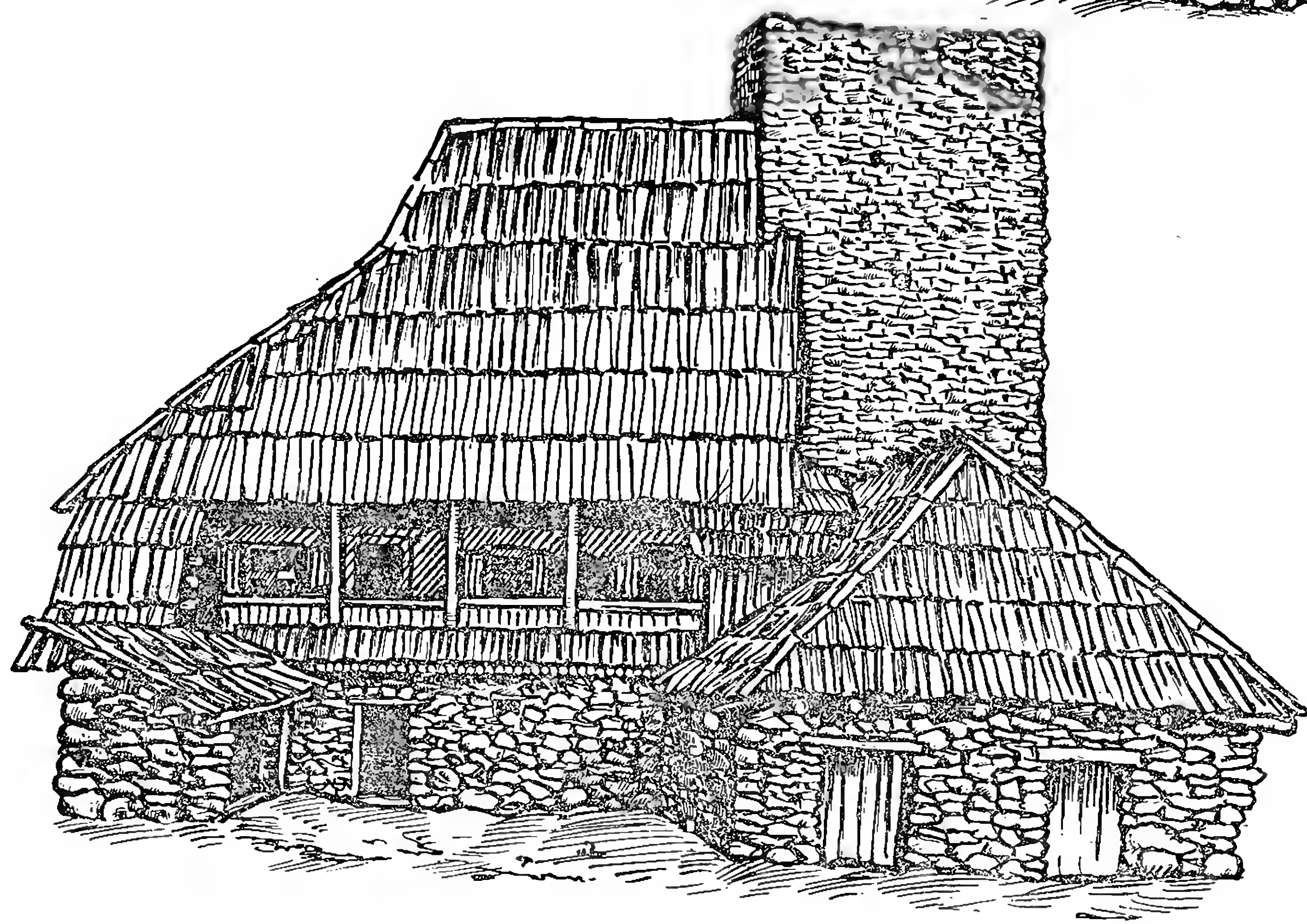
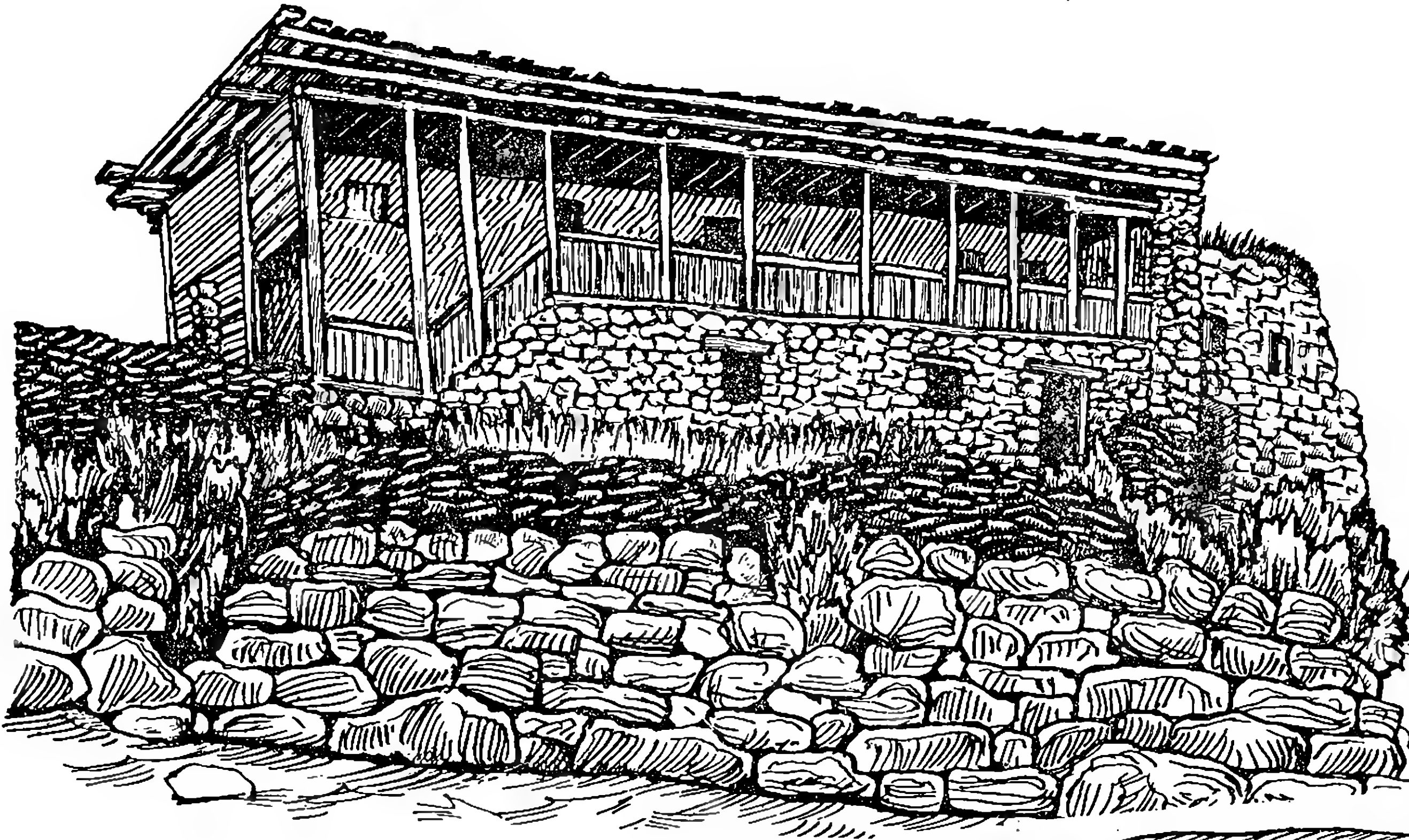

Таблица 35. Типы горного жилища.

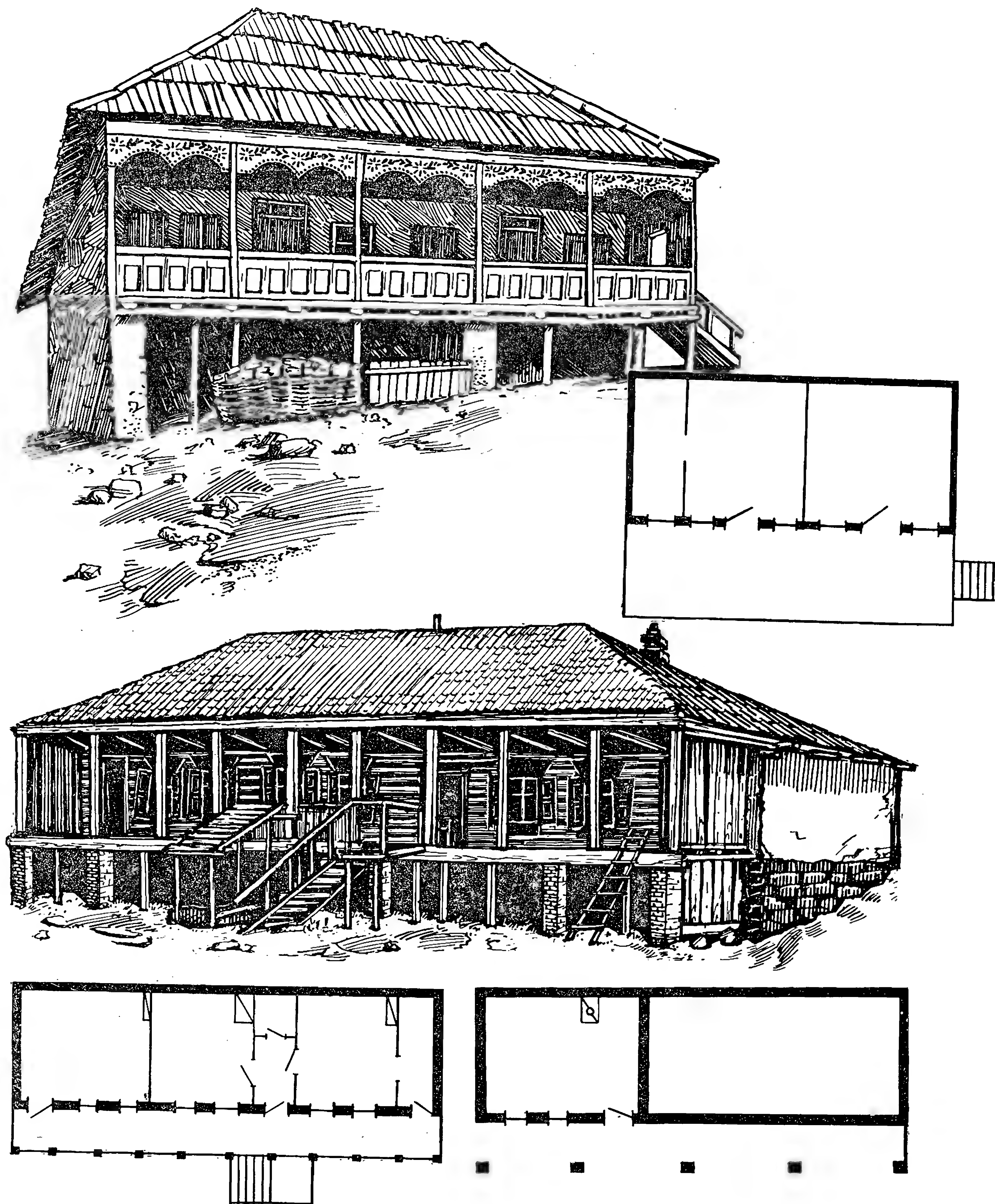

Таблица 36. Типы горного жилища в Юго-Осетии.

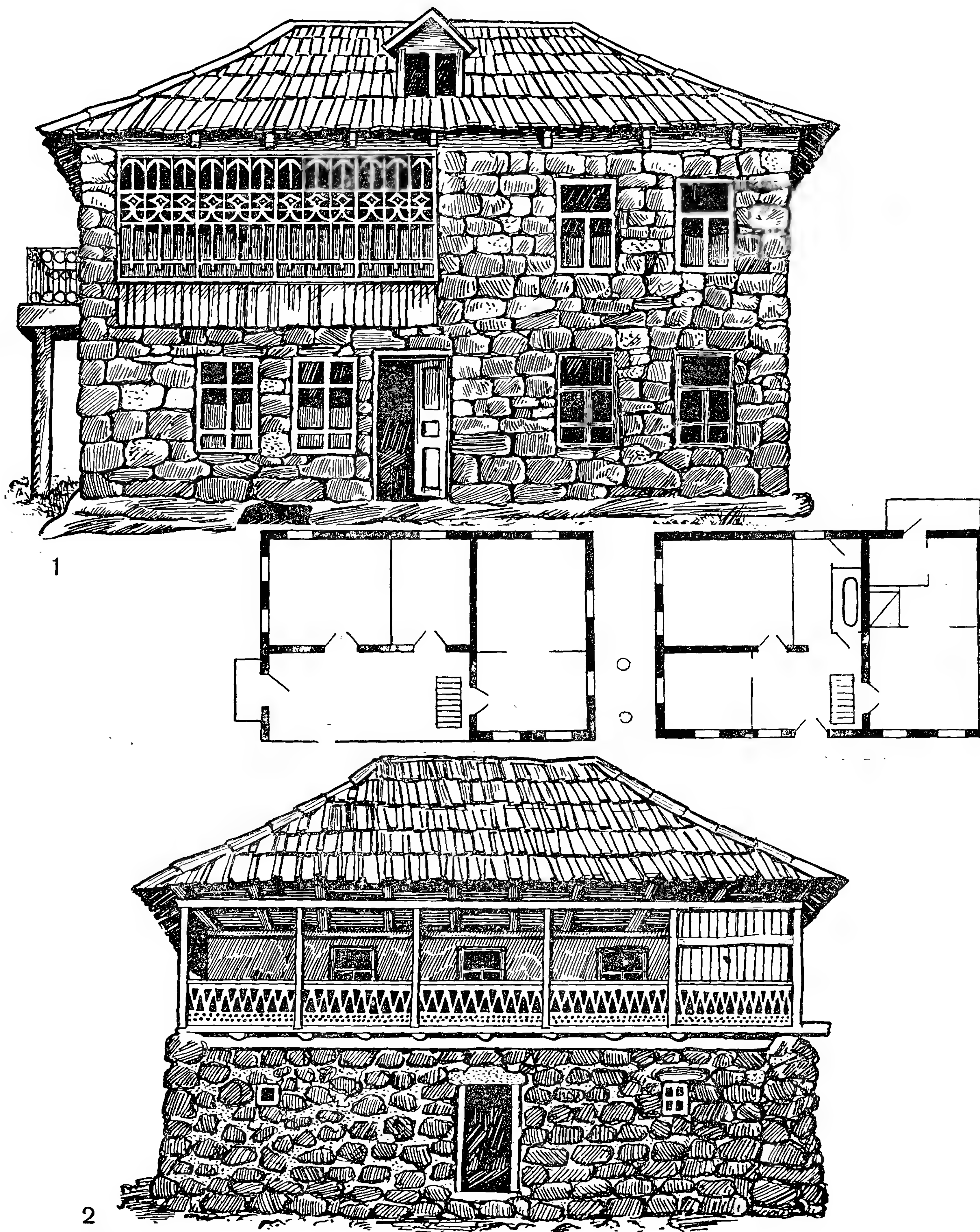

Таблица 37. Типы жилища в Кударском ущелье Юго-Осетии.

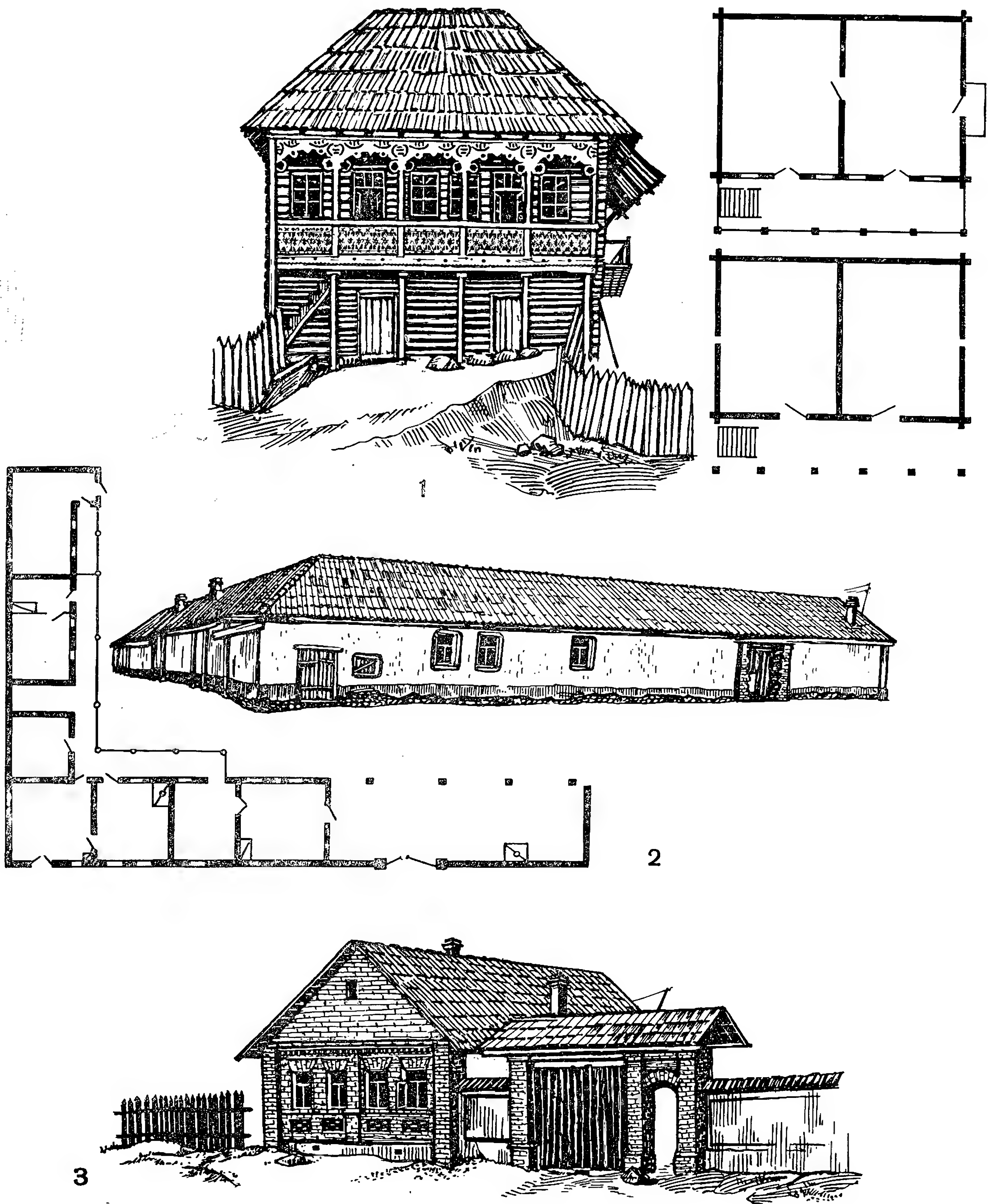

Таблица 38. Типы жилища.

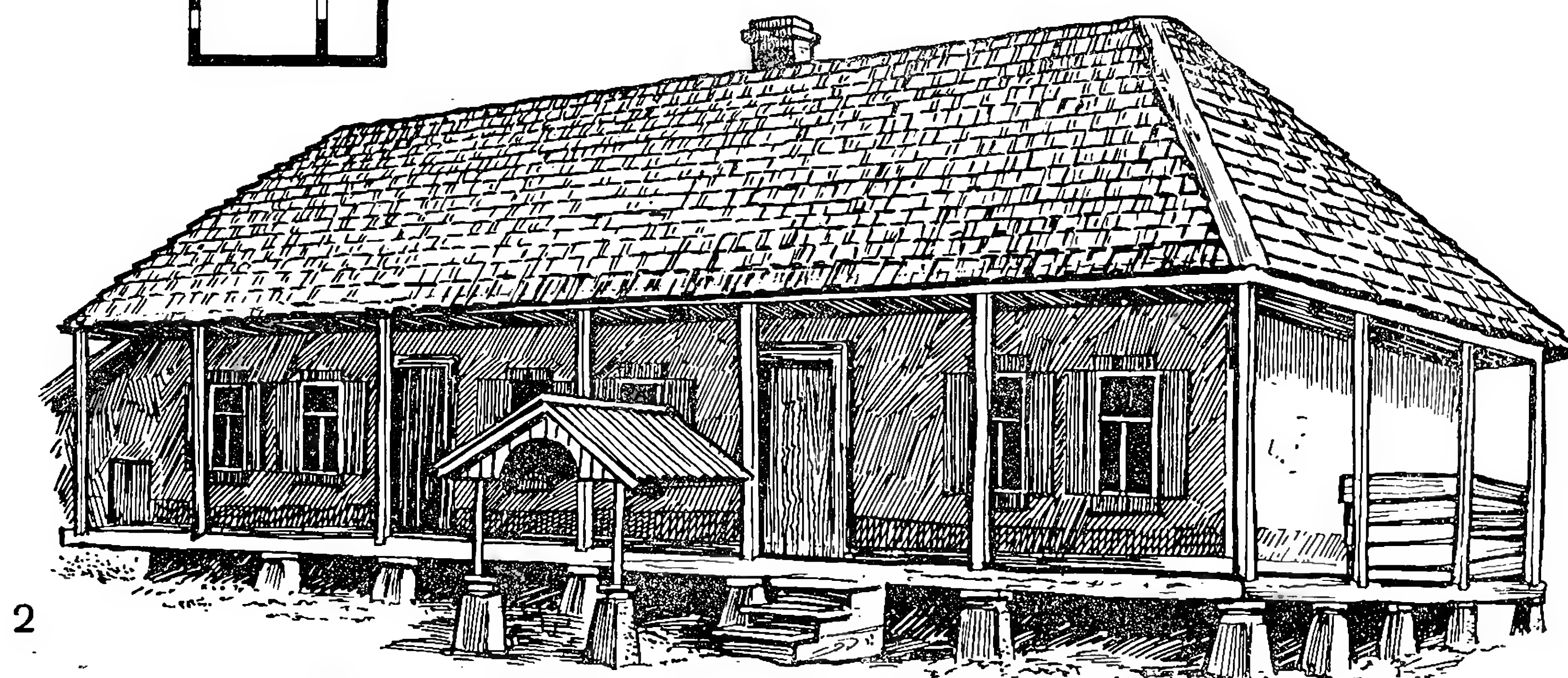
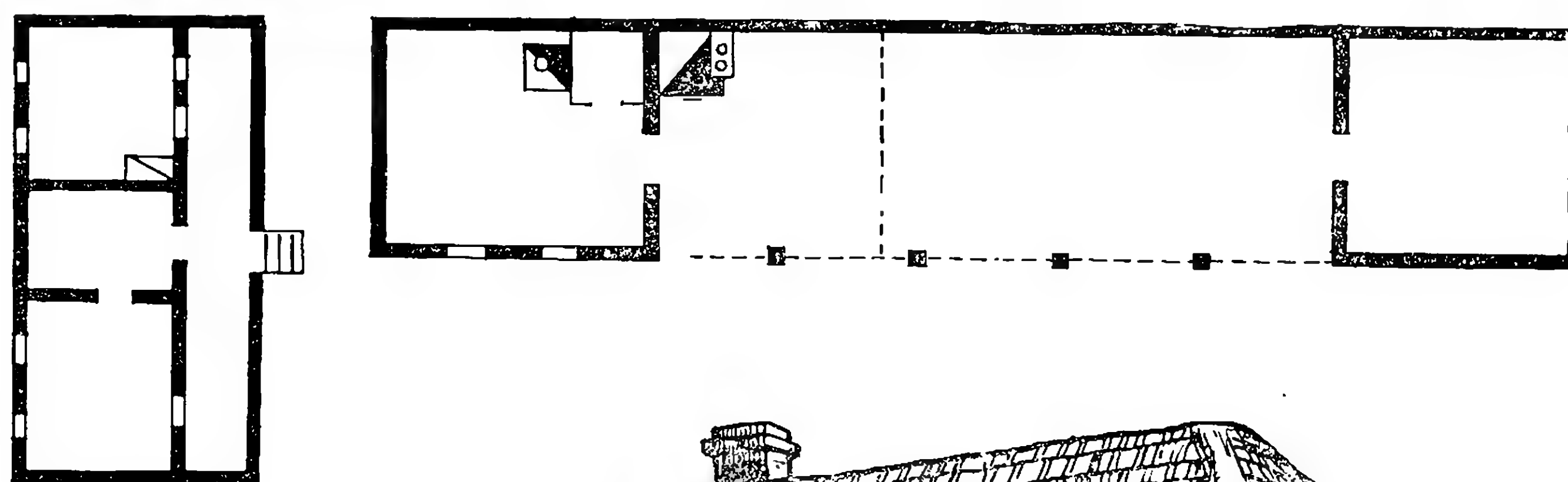
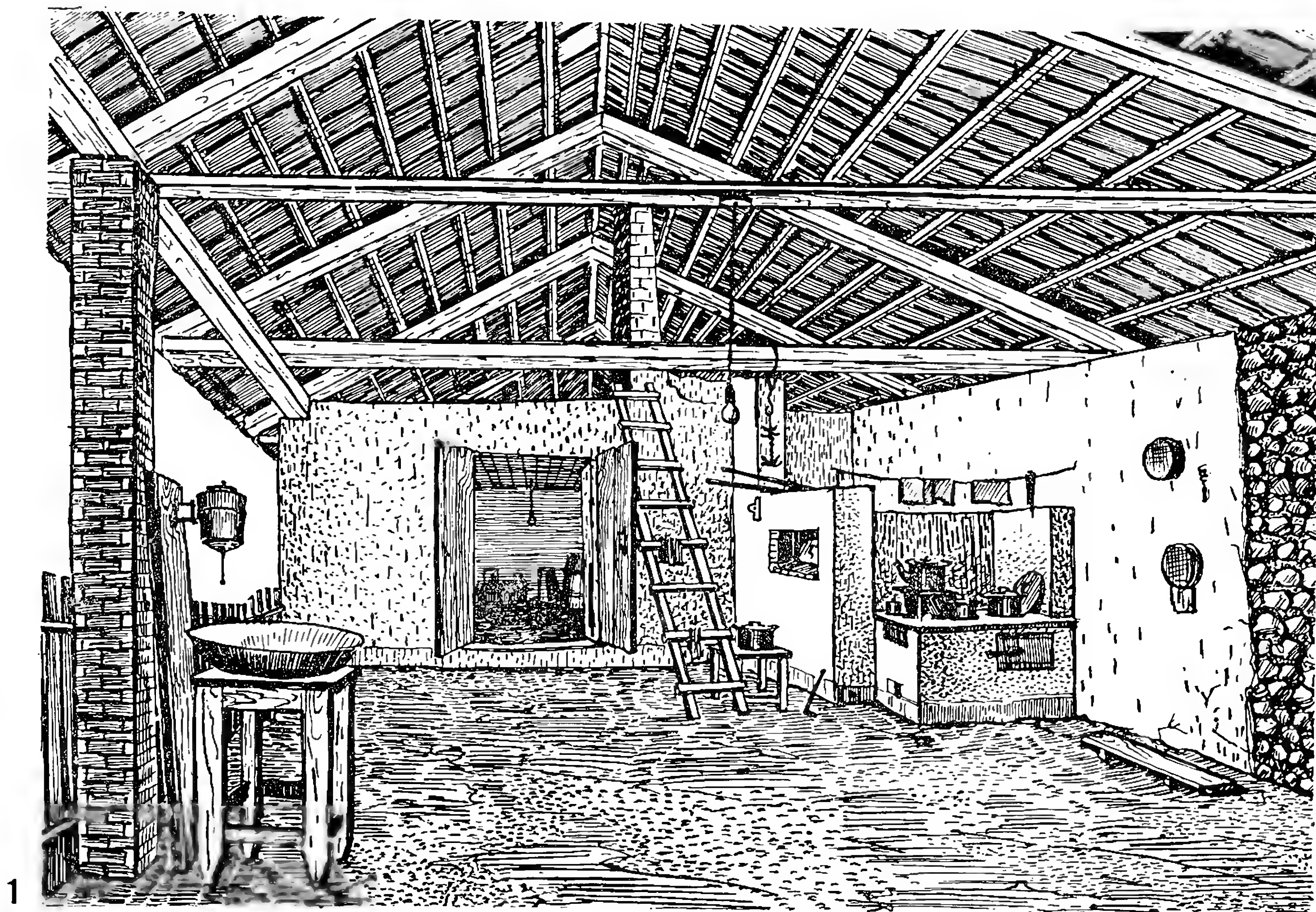

Таблица 39. Равнинное жилище в Северной Осетии.

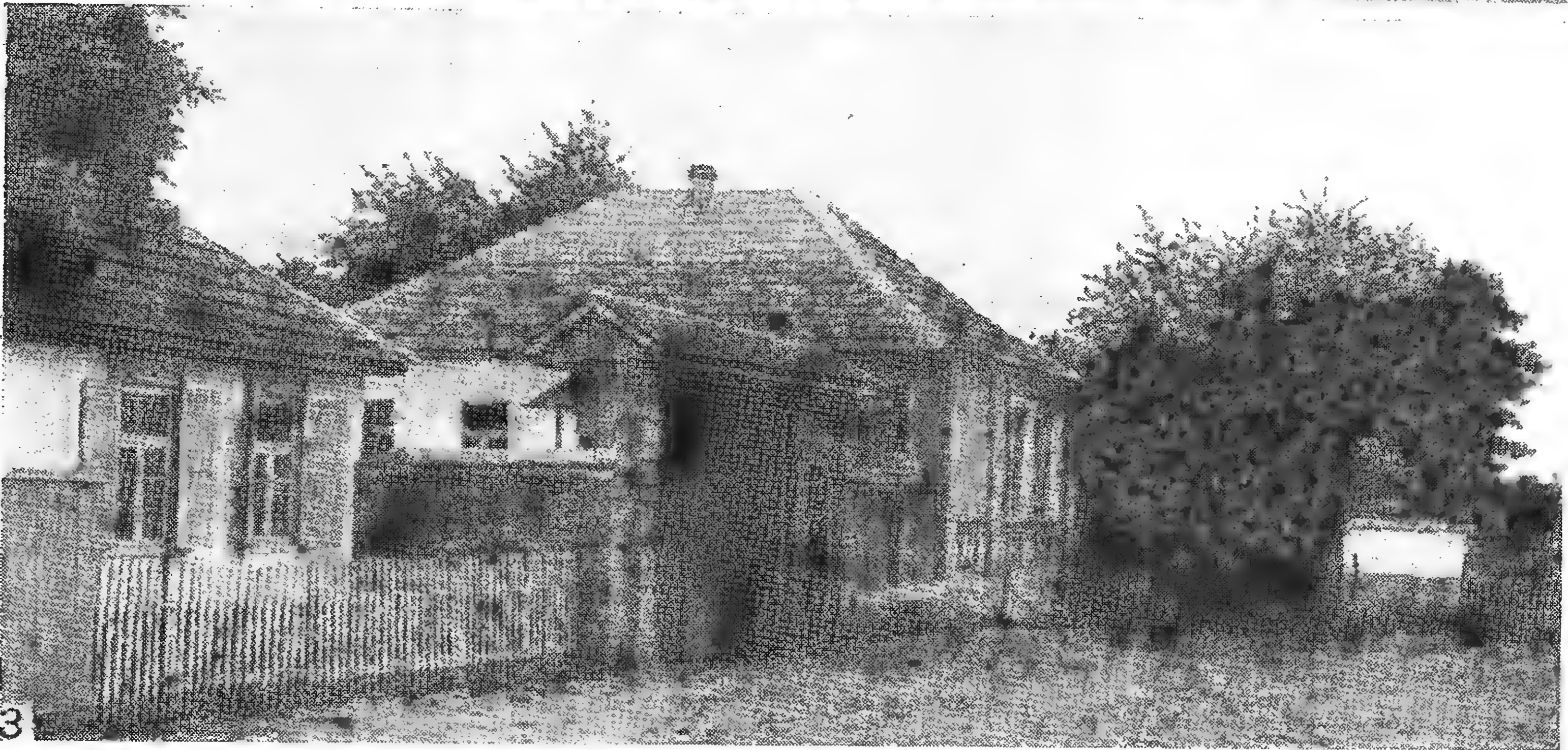
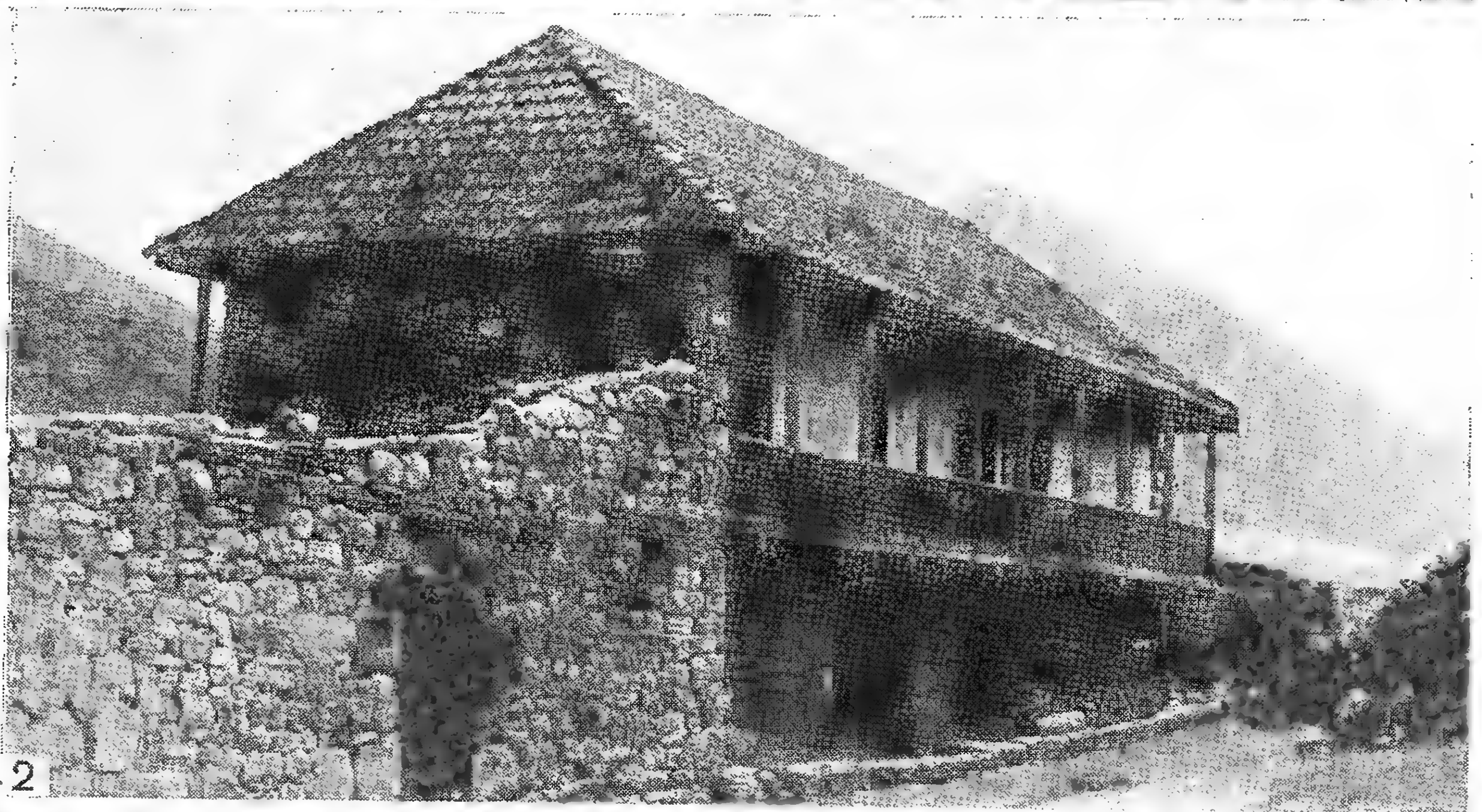
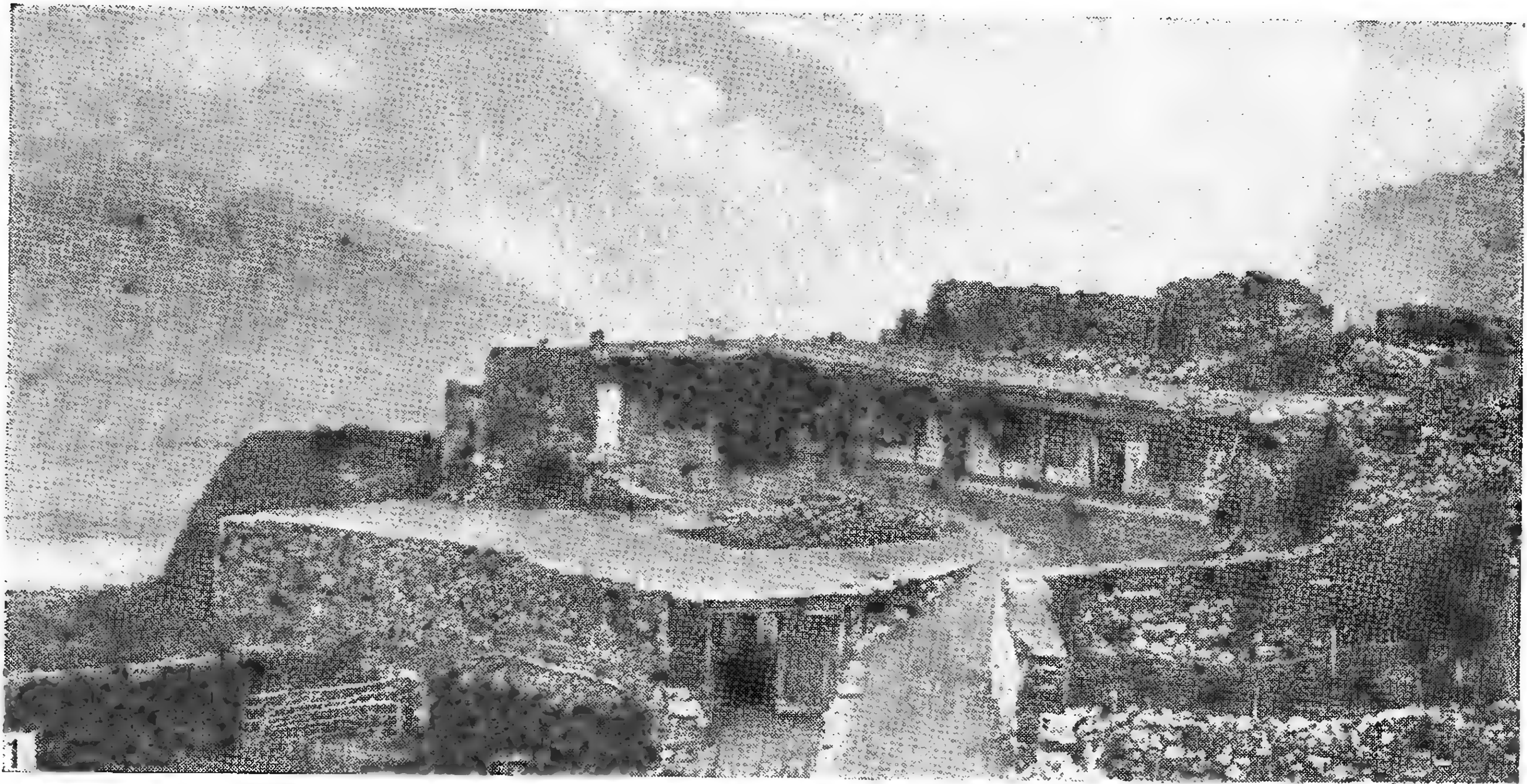

Таблица 40. Типы жилища горной и равнинной Северной Осетии.

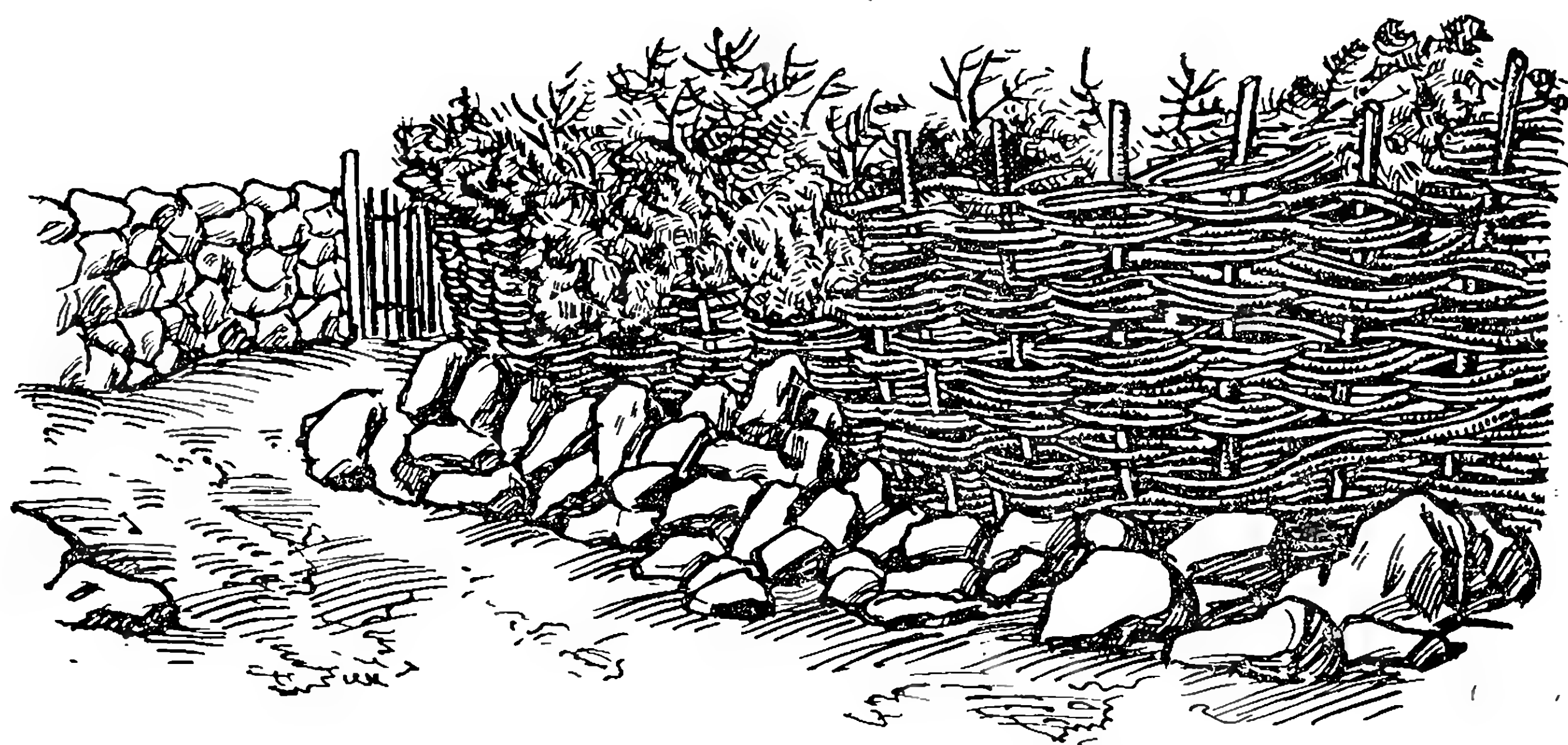
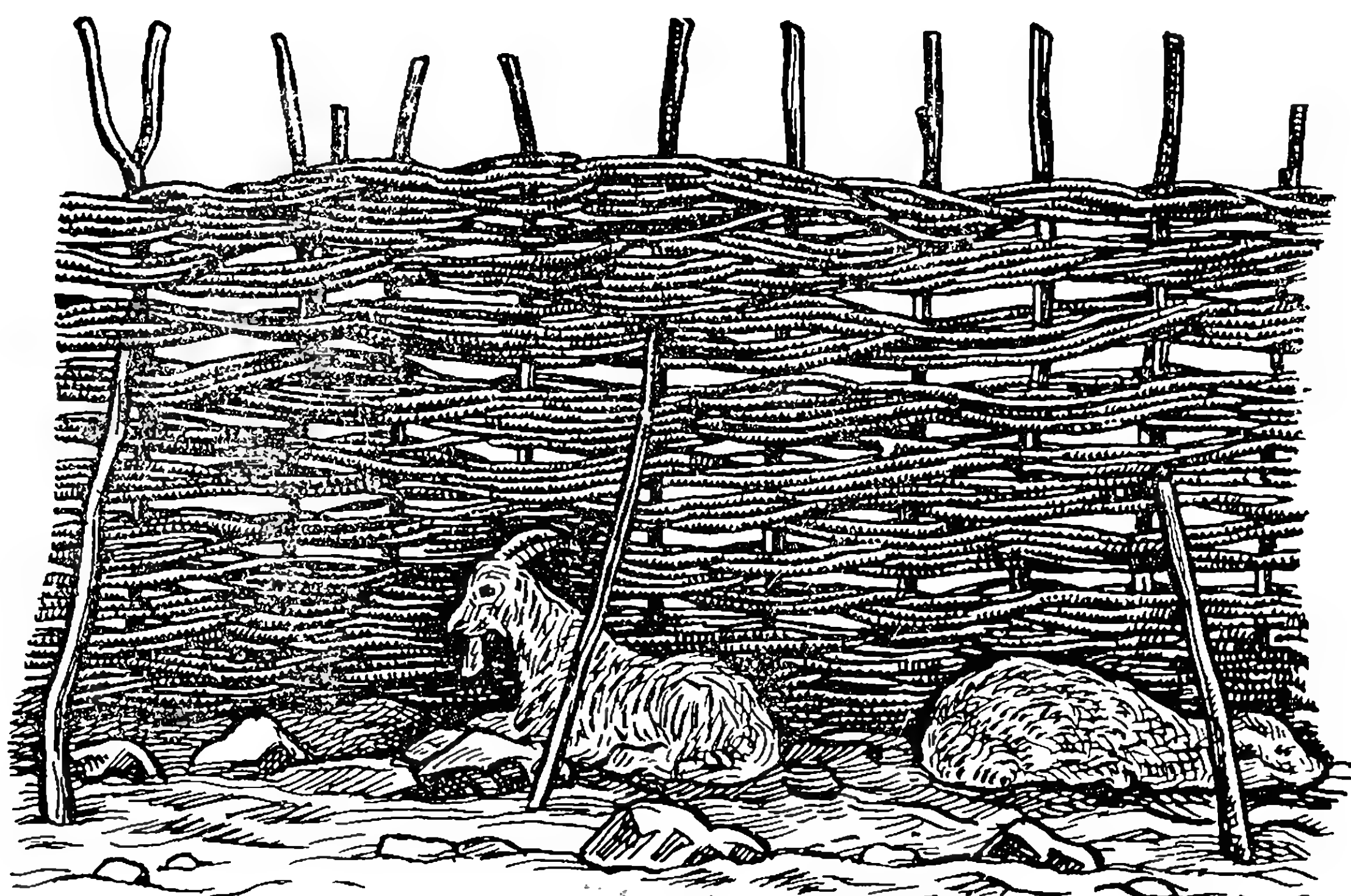
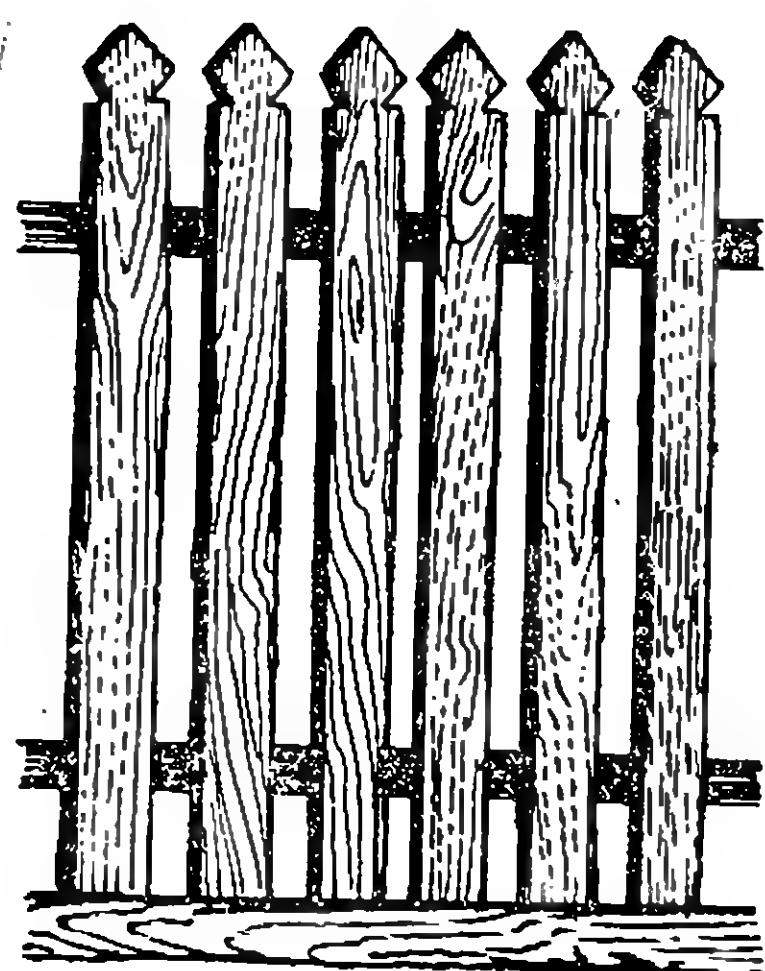
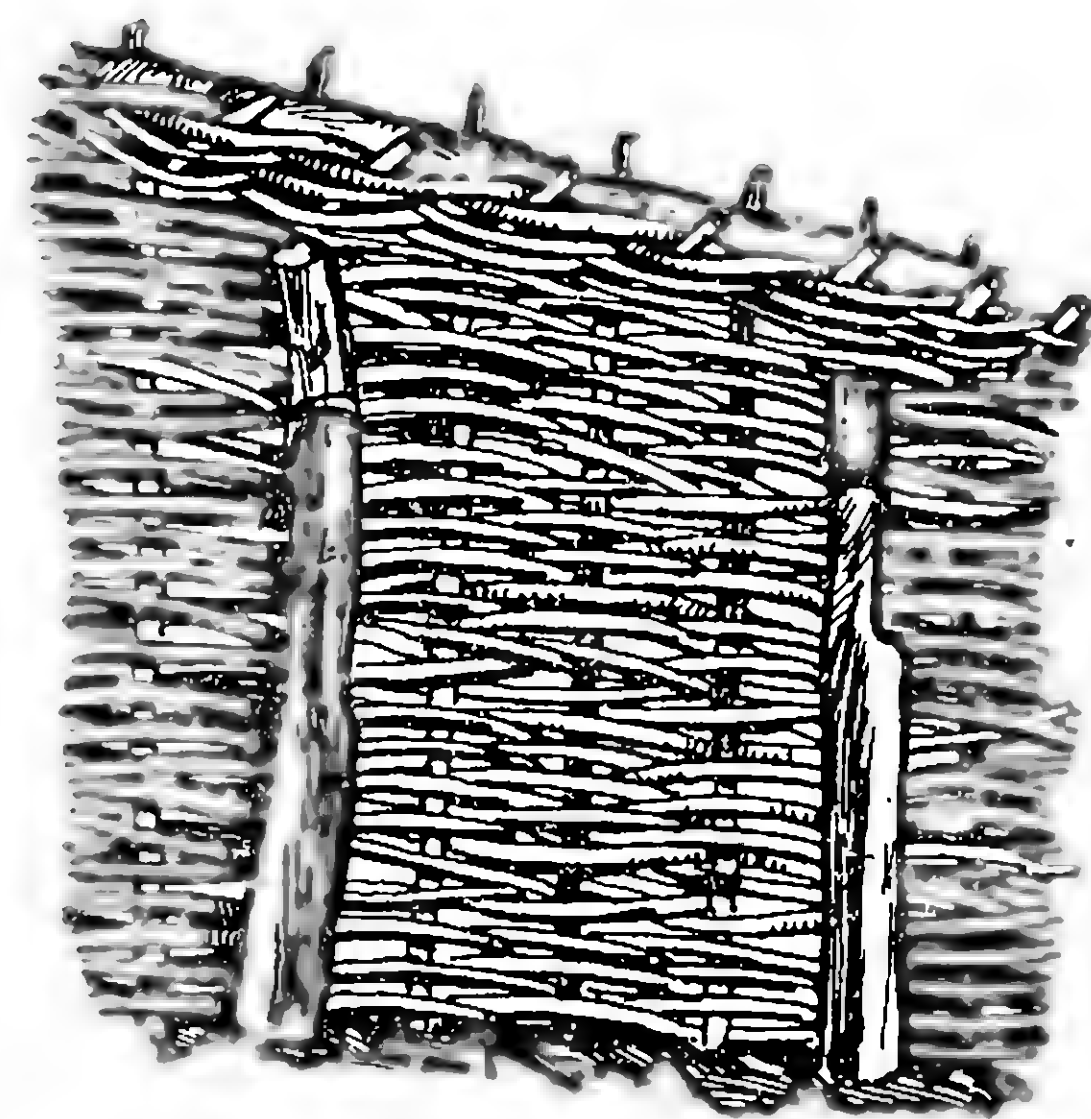
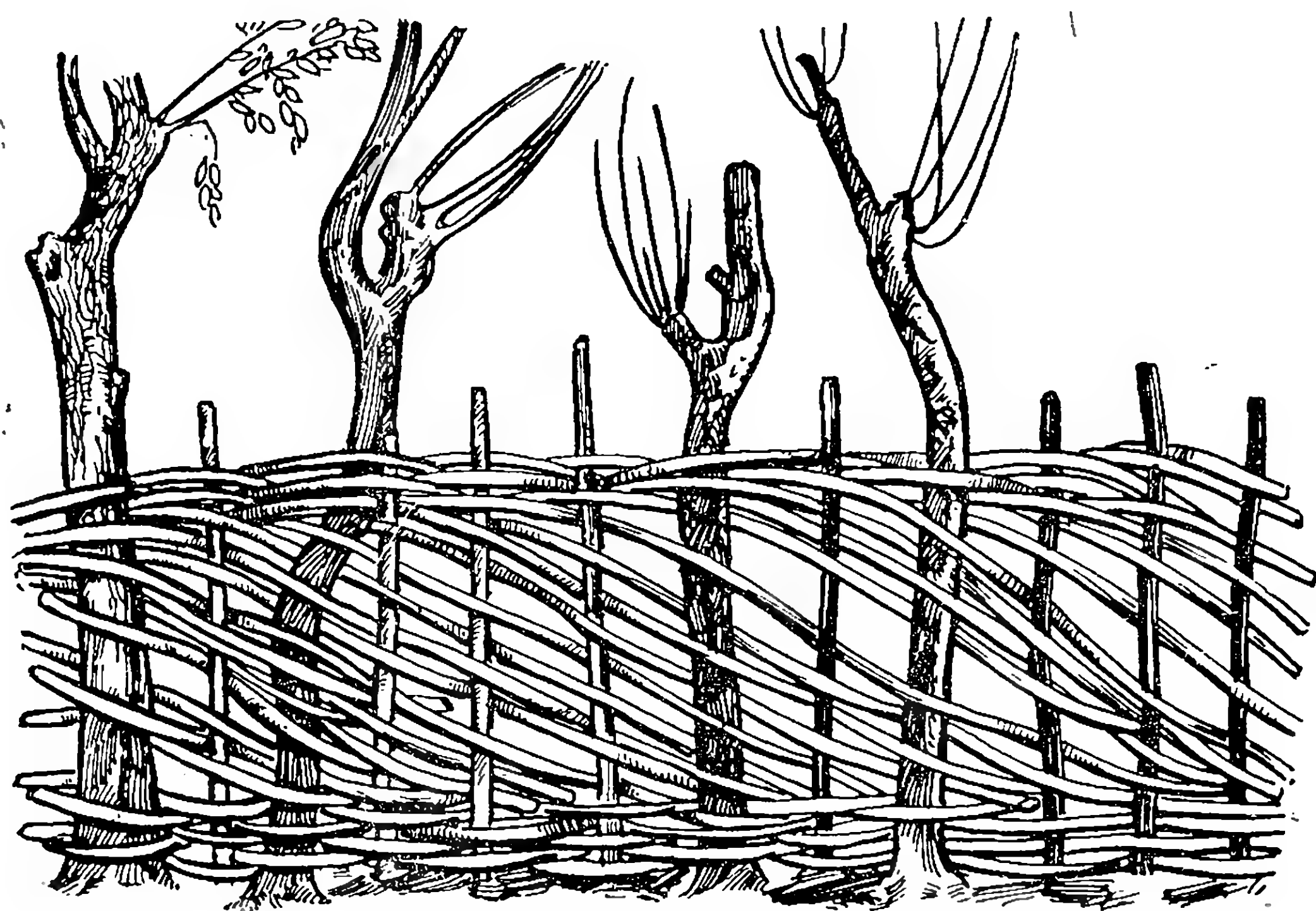

Таблица 41. Виды оград.

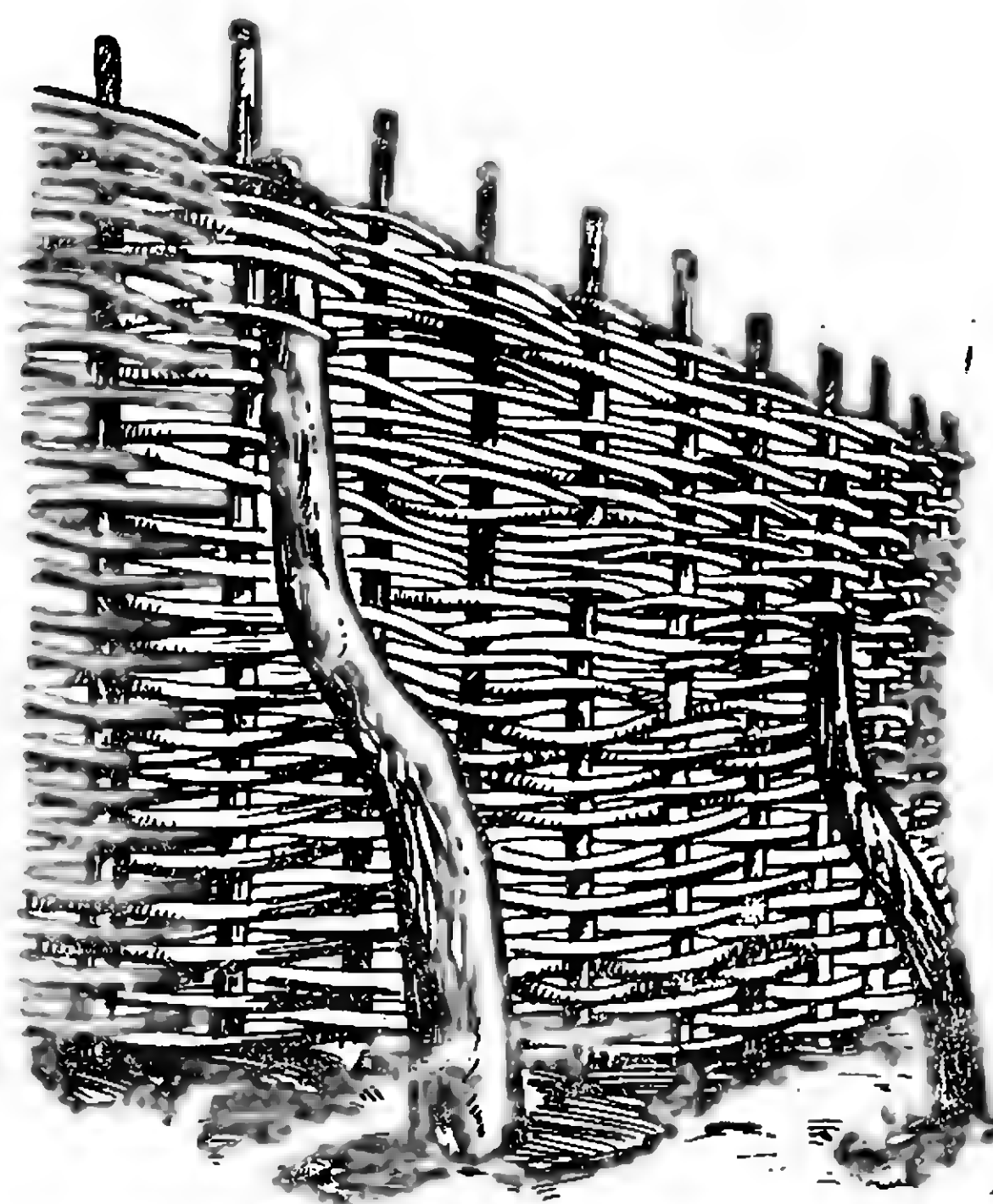
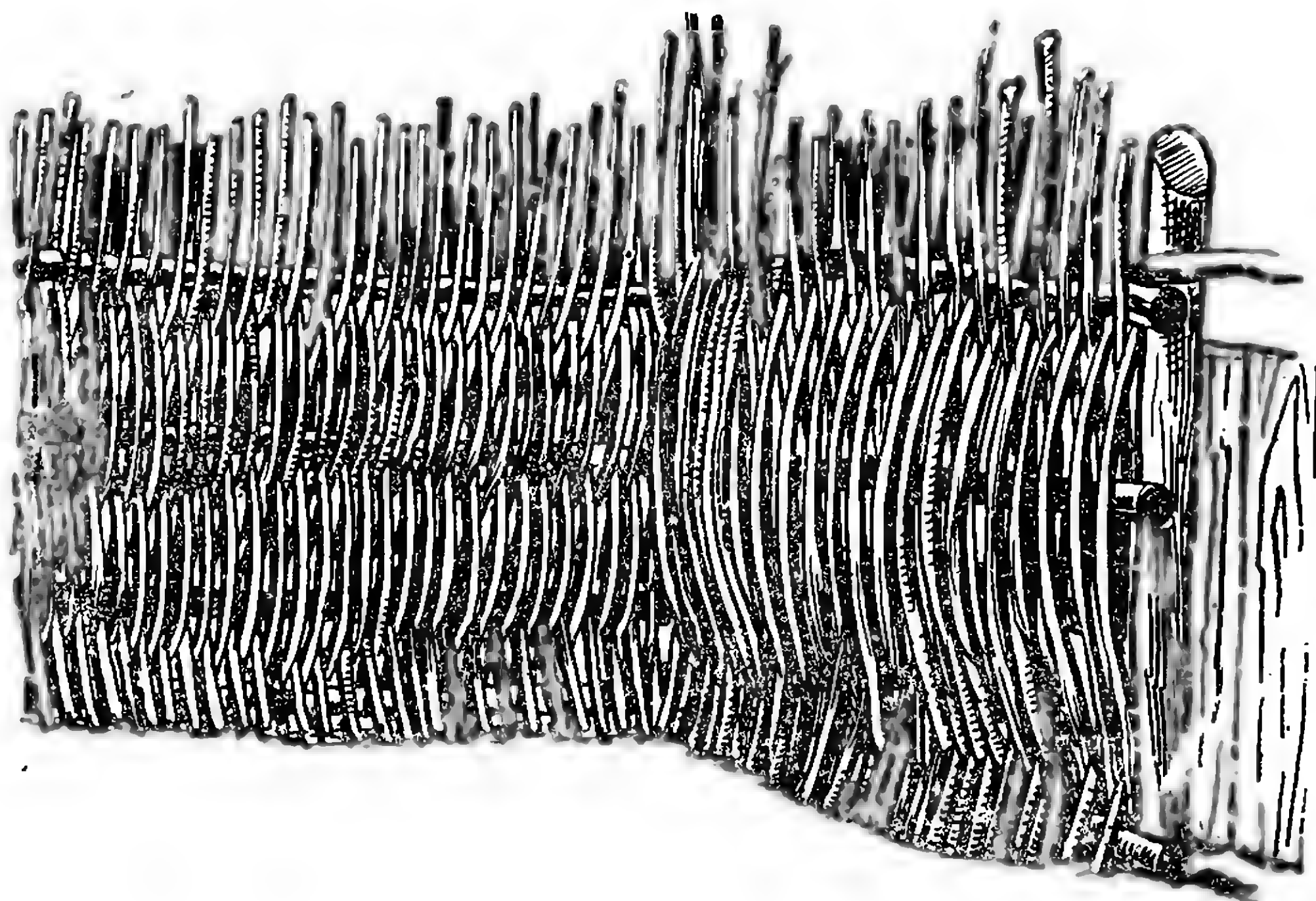
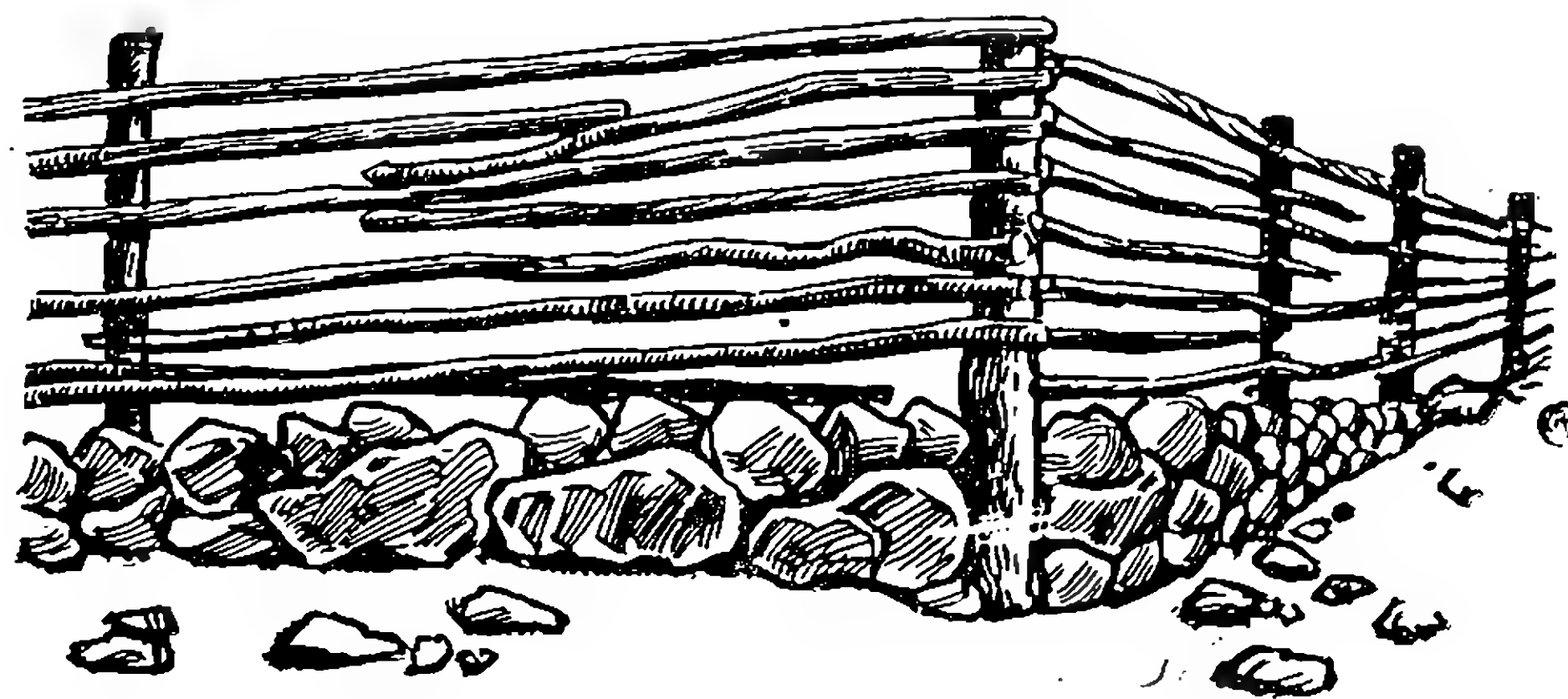
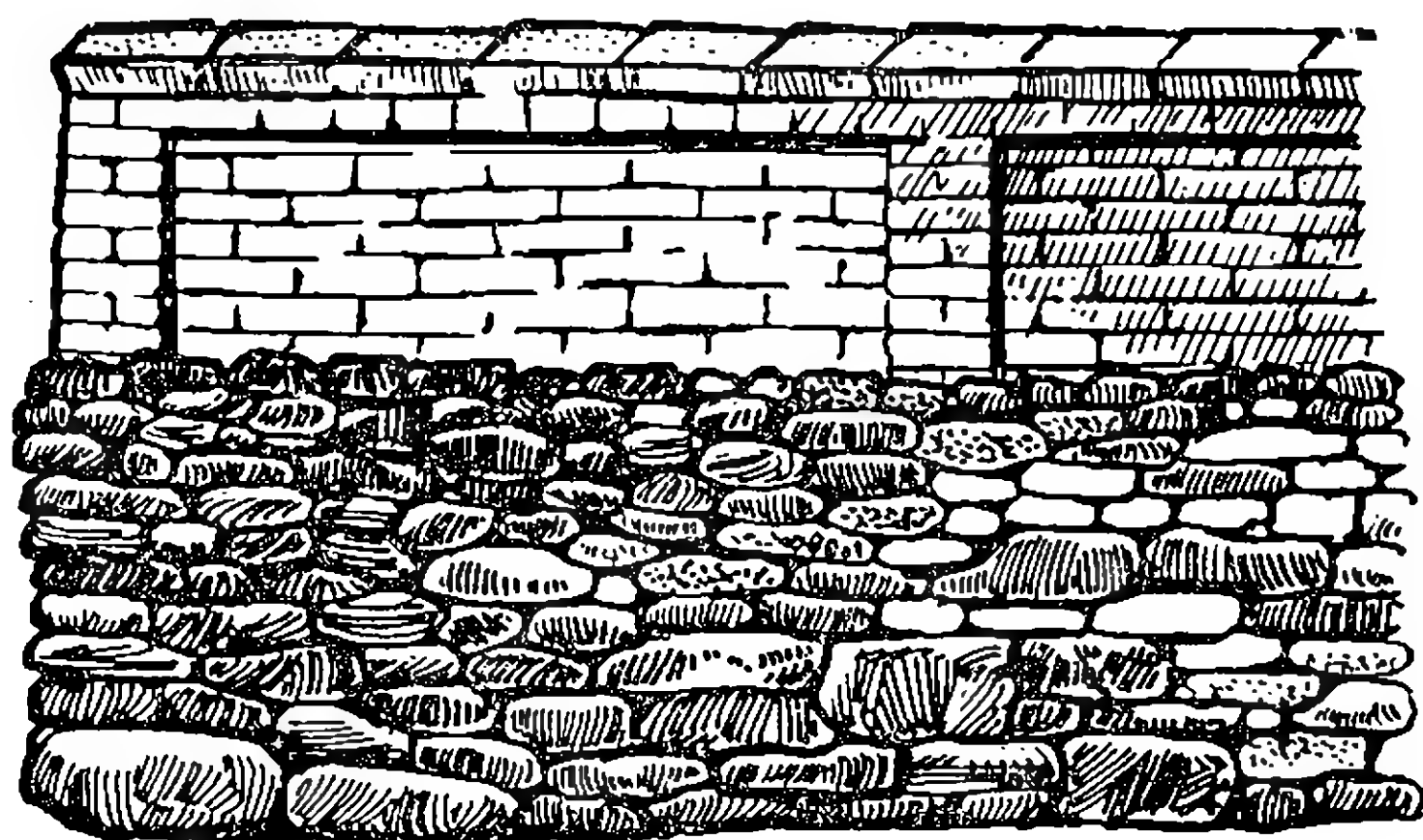
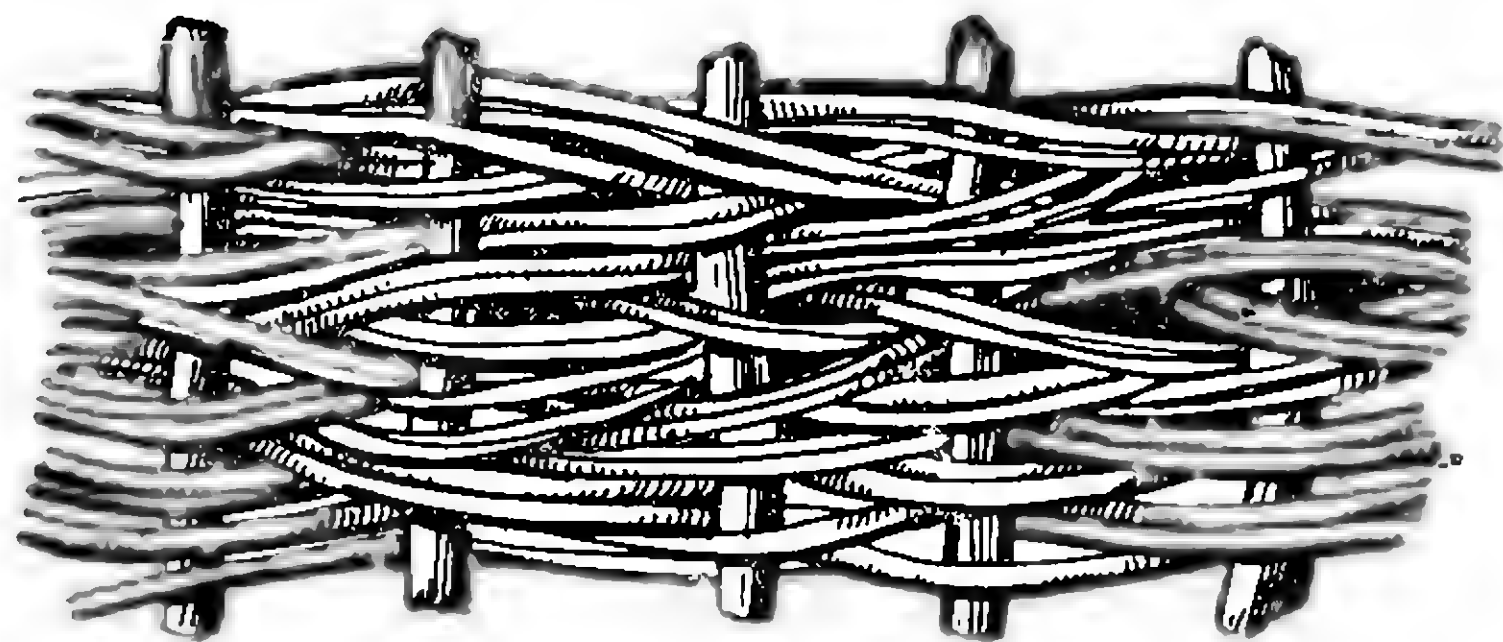
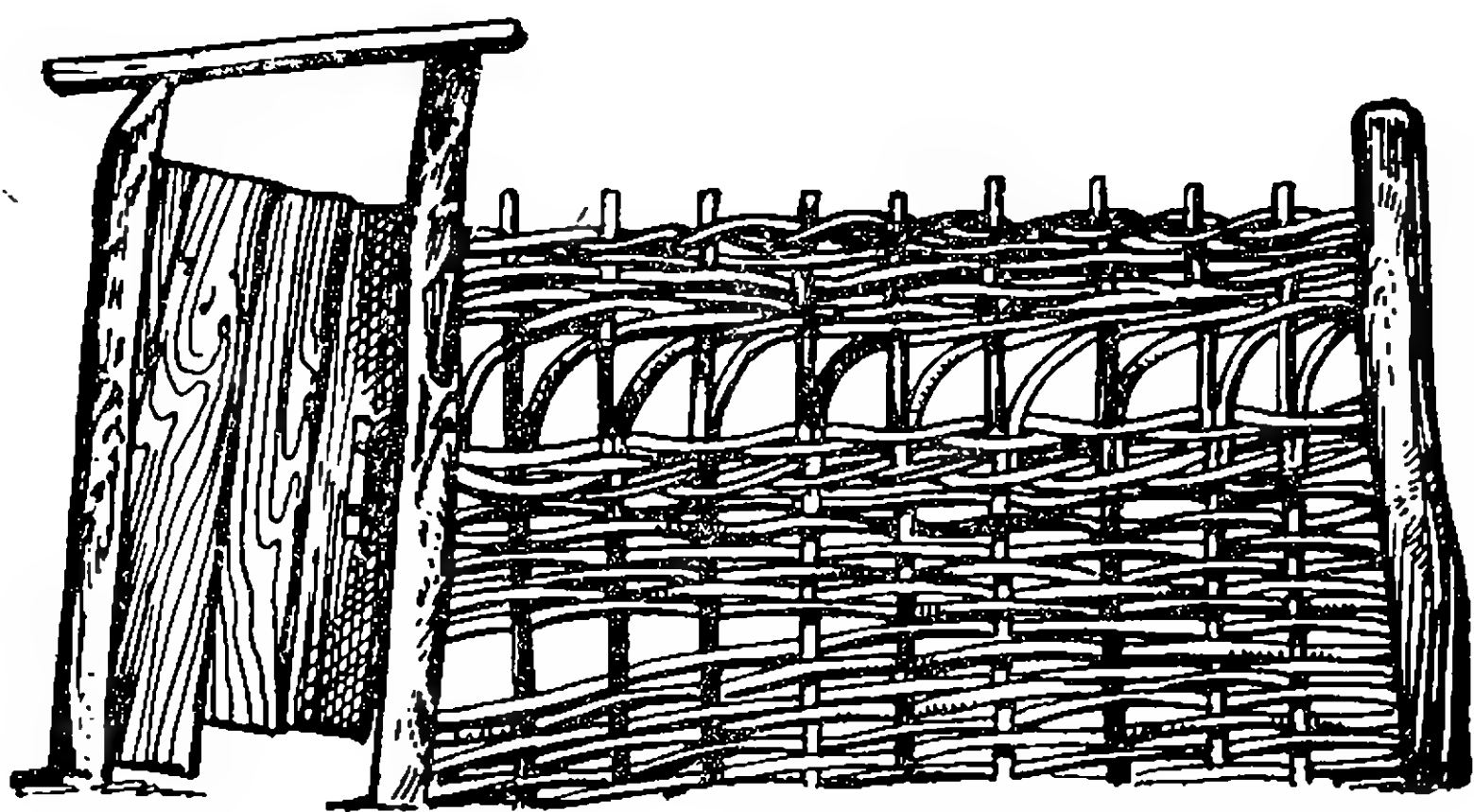

Таблица 42. Виды оград.

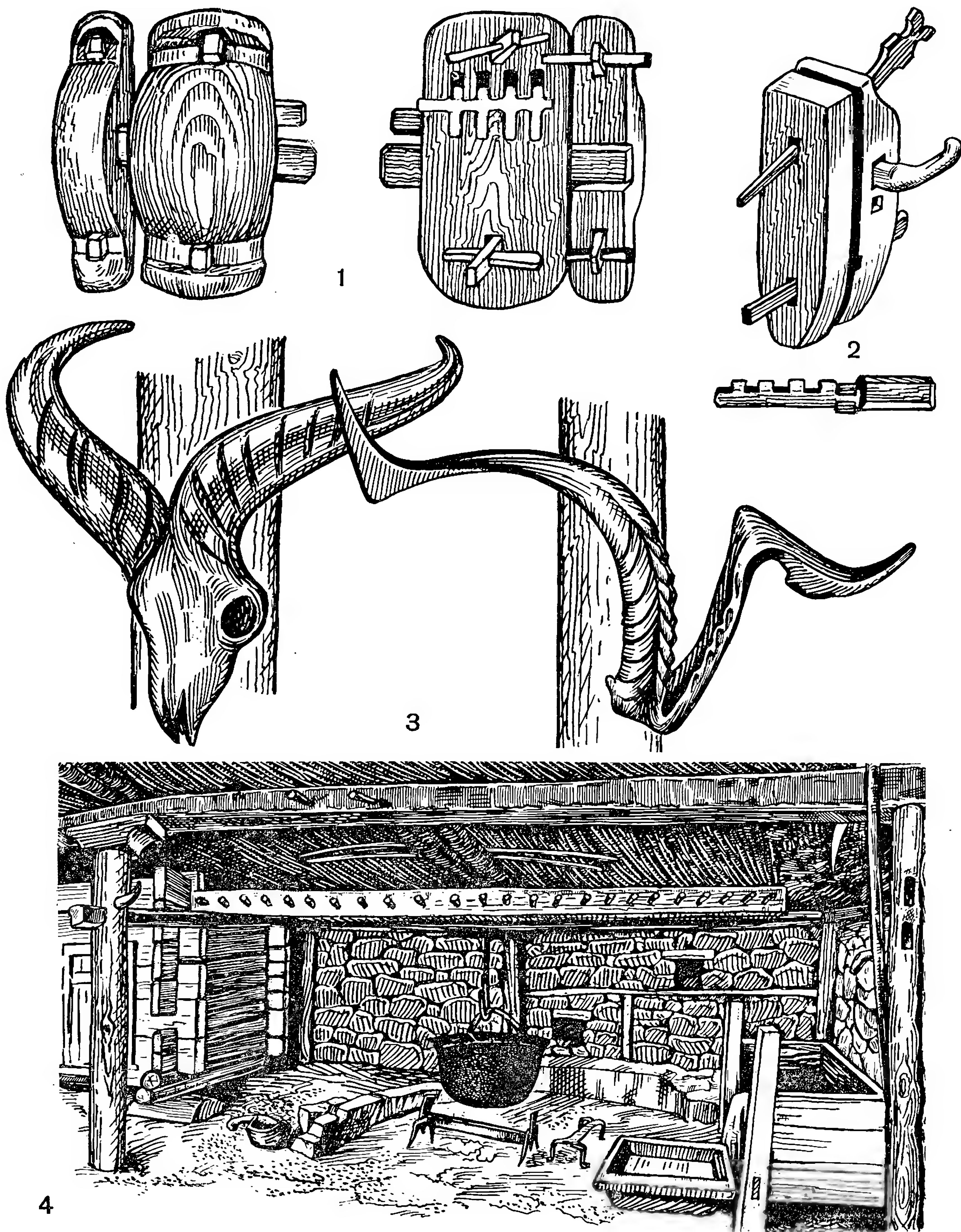
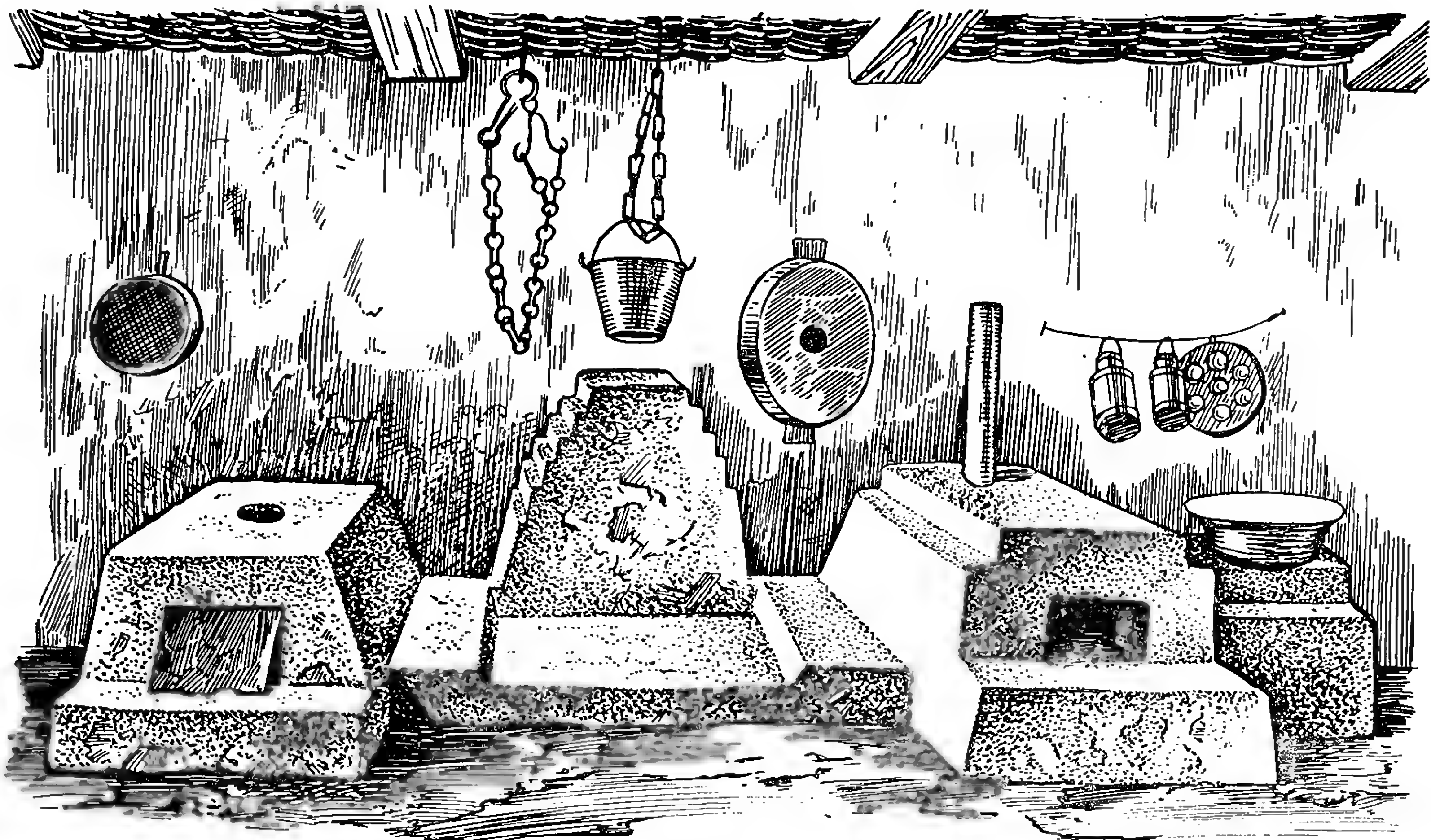
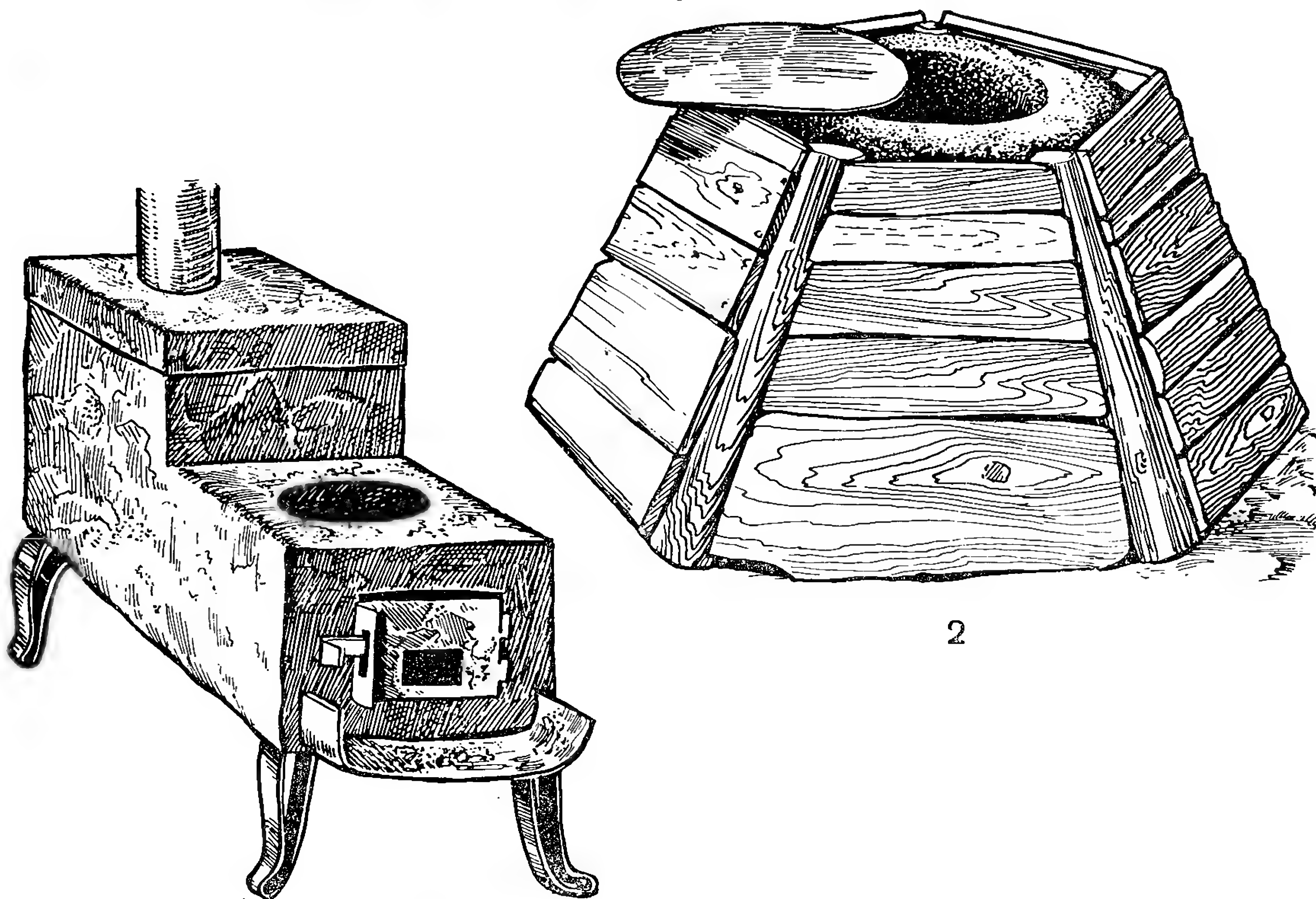

Таблица 43. Из осетинского быта.

1

2

3

Таблица 44. Печи.

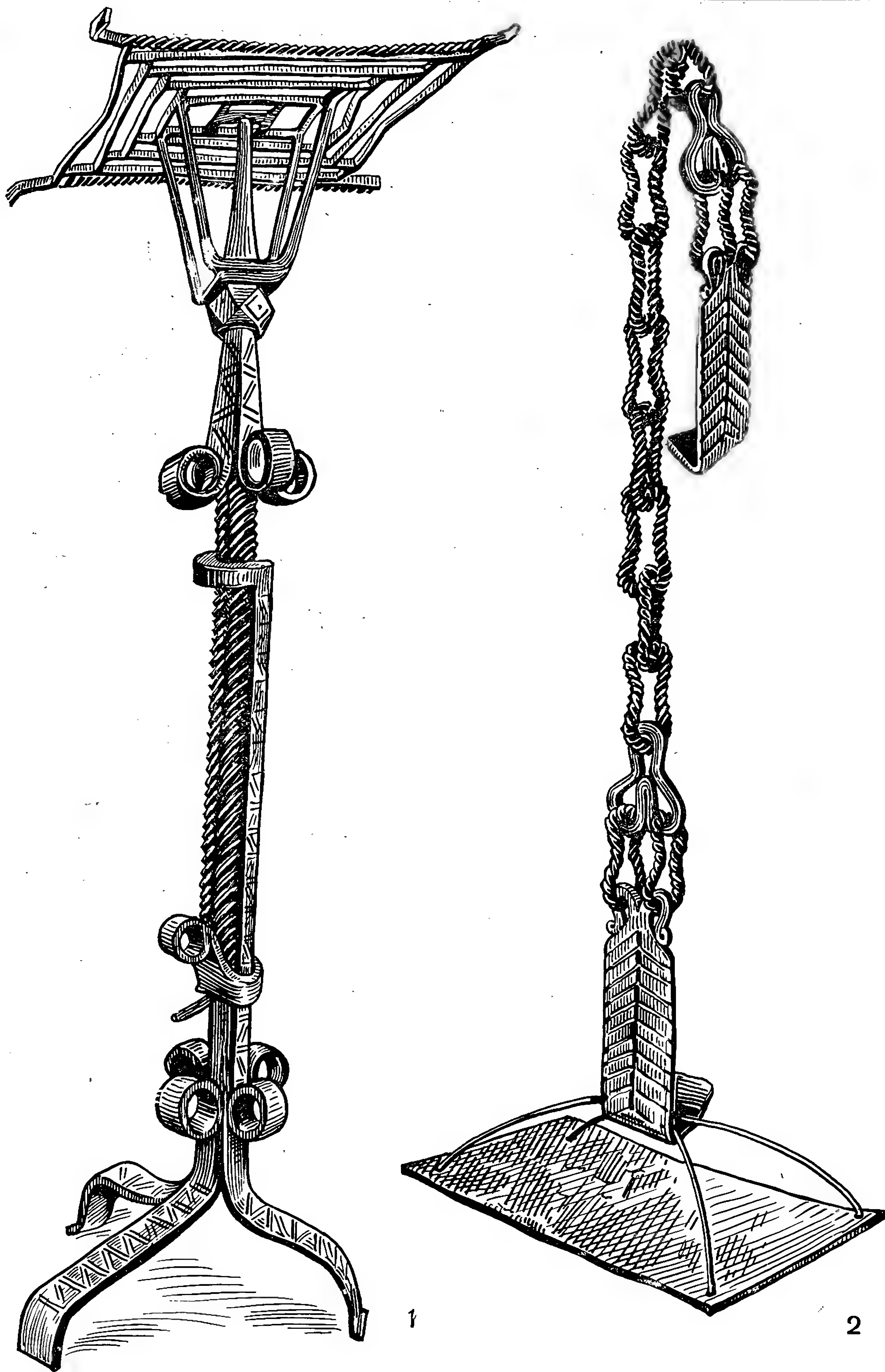

Таблица 45. Предметы осетинского быта.

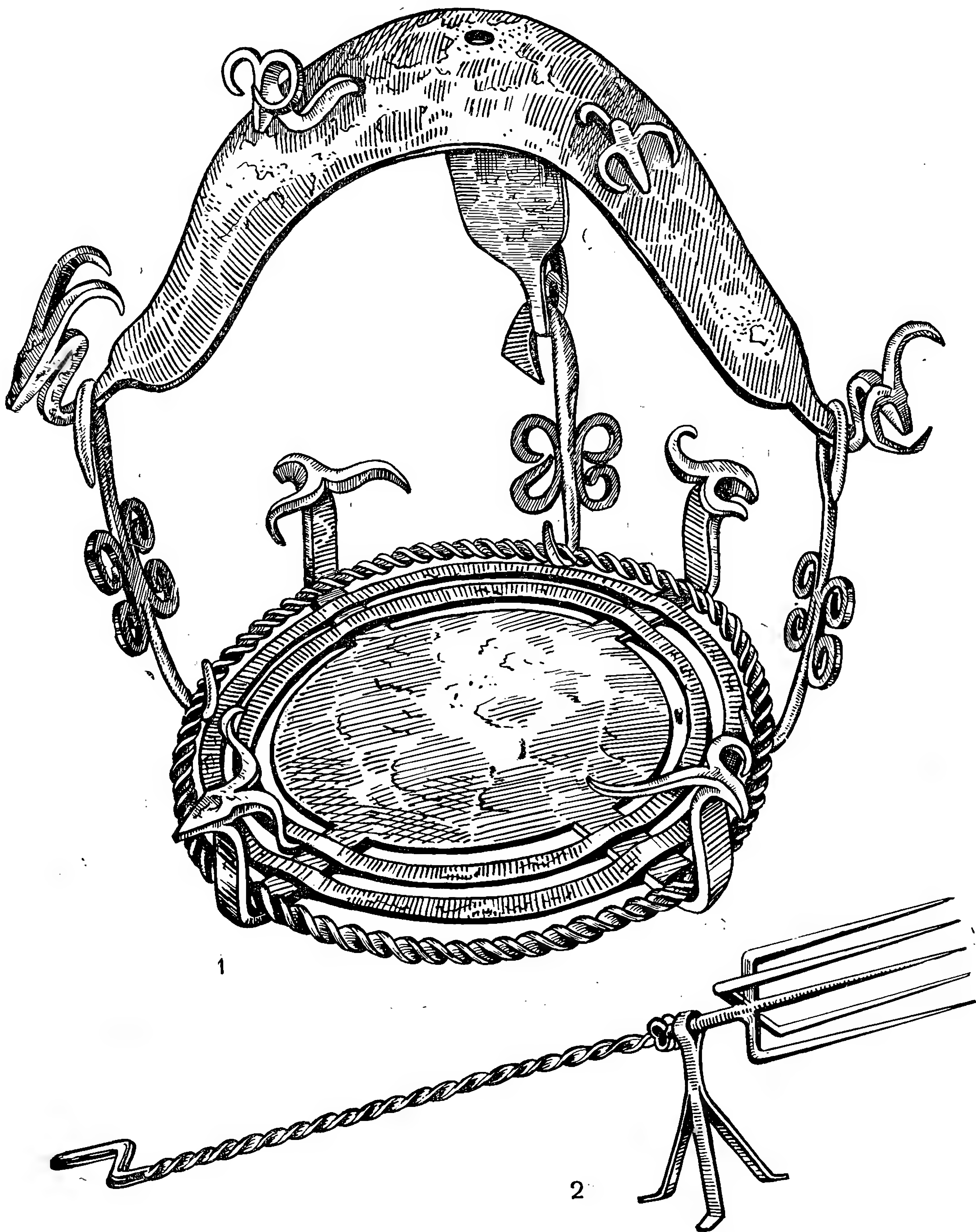

Таблица 46. Предметы осетинского быта.

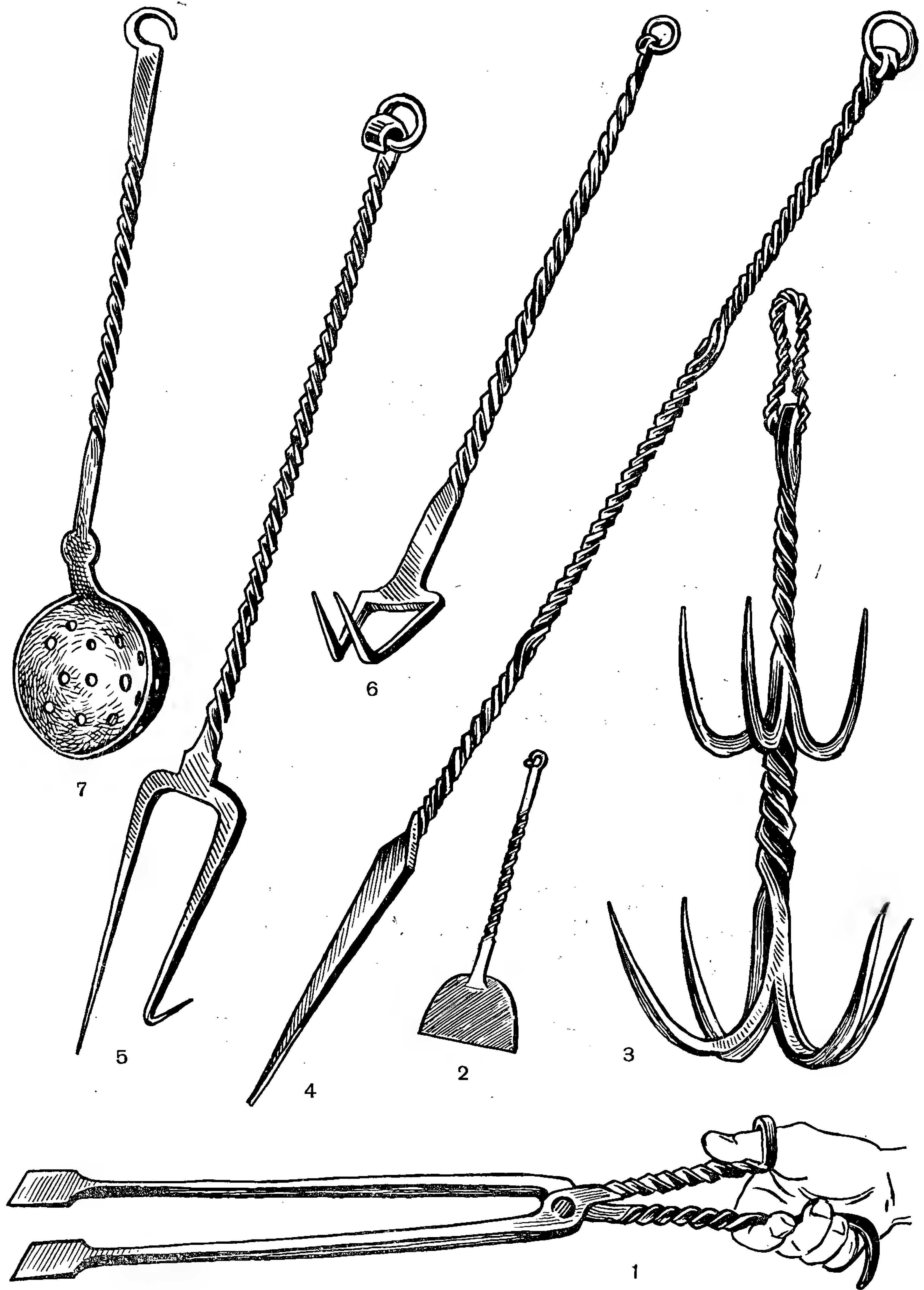

Таблица 47. Утварь.

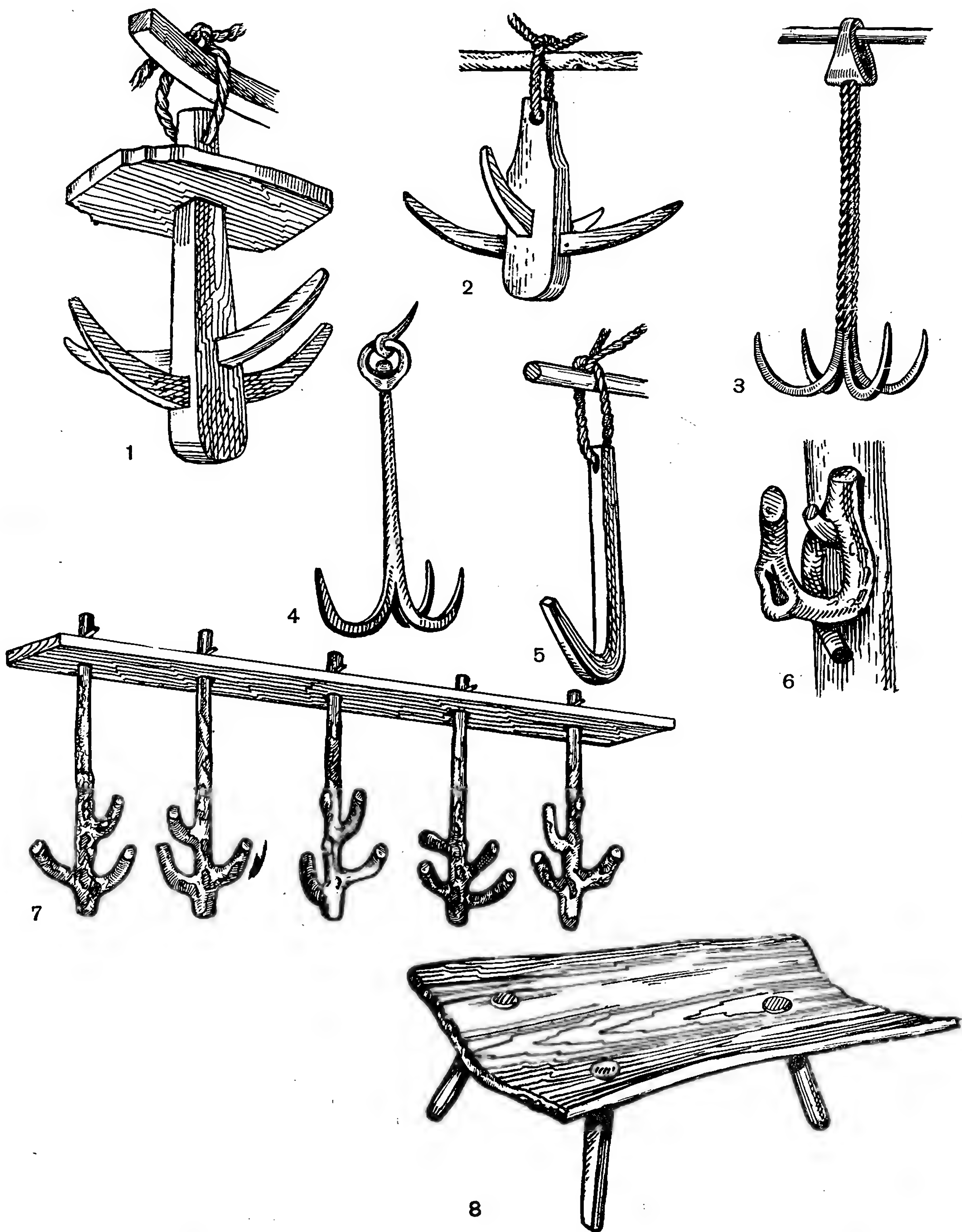

Таблица 48. Крюки для подвешивания мяса и сала.

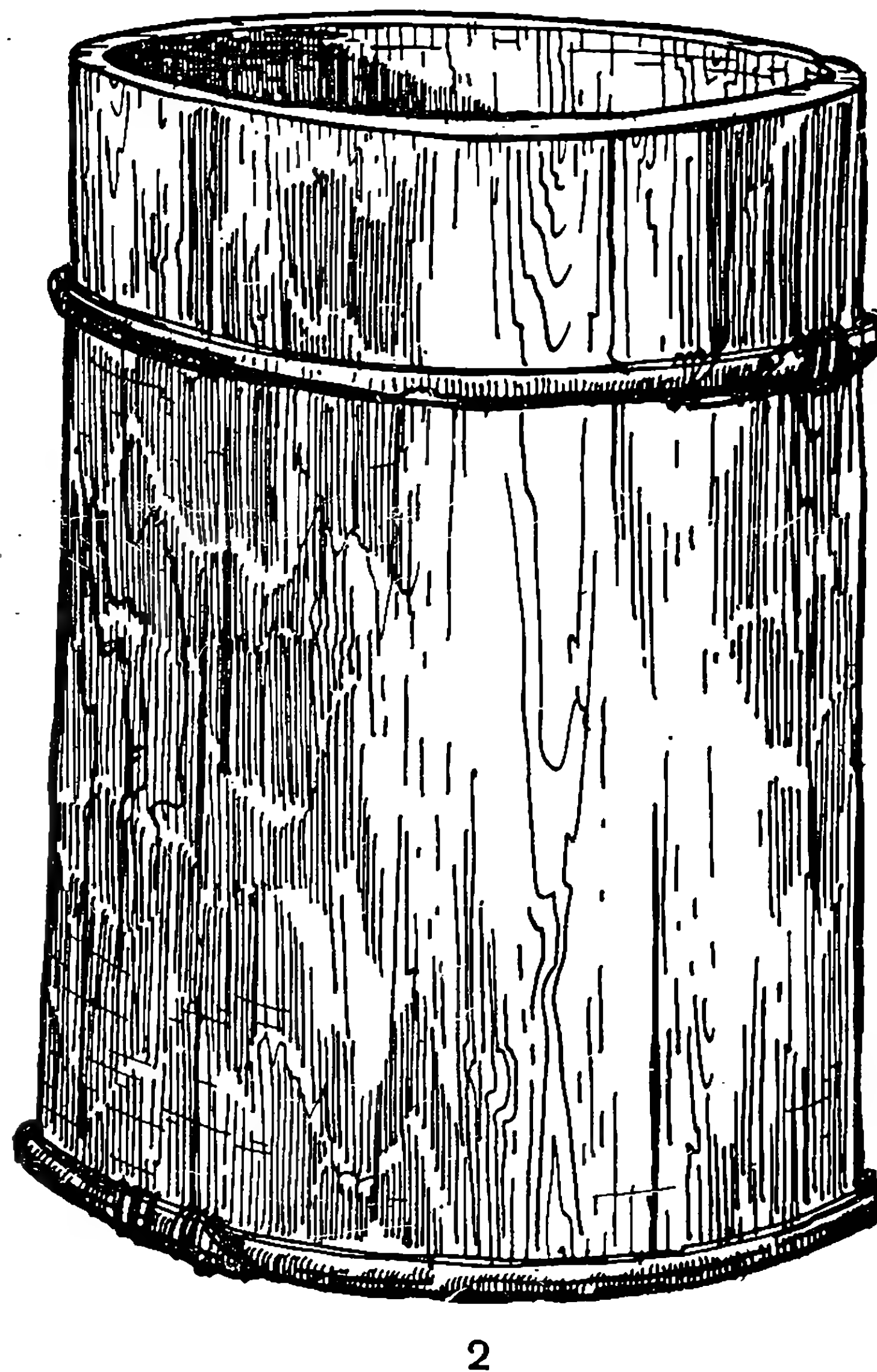
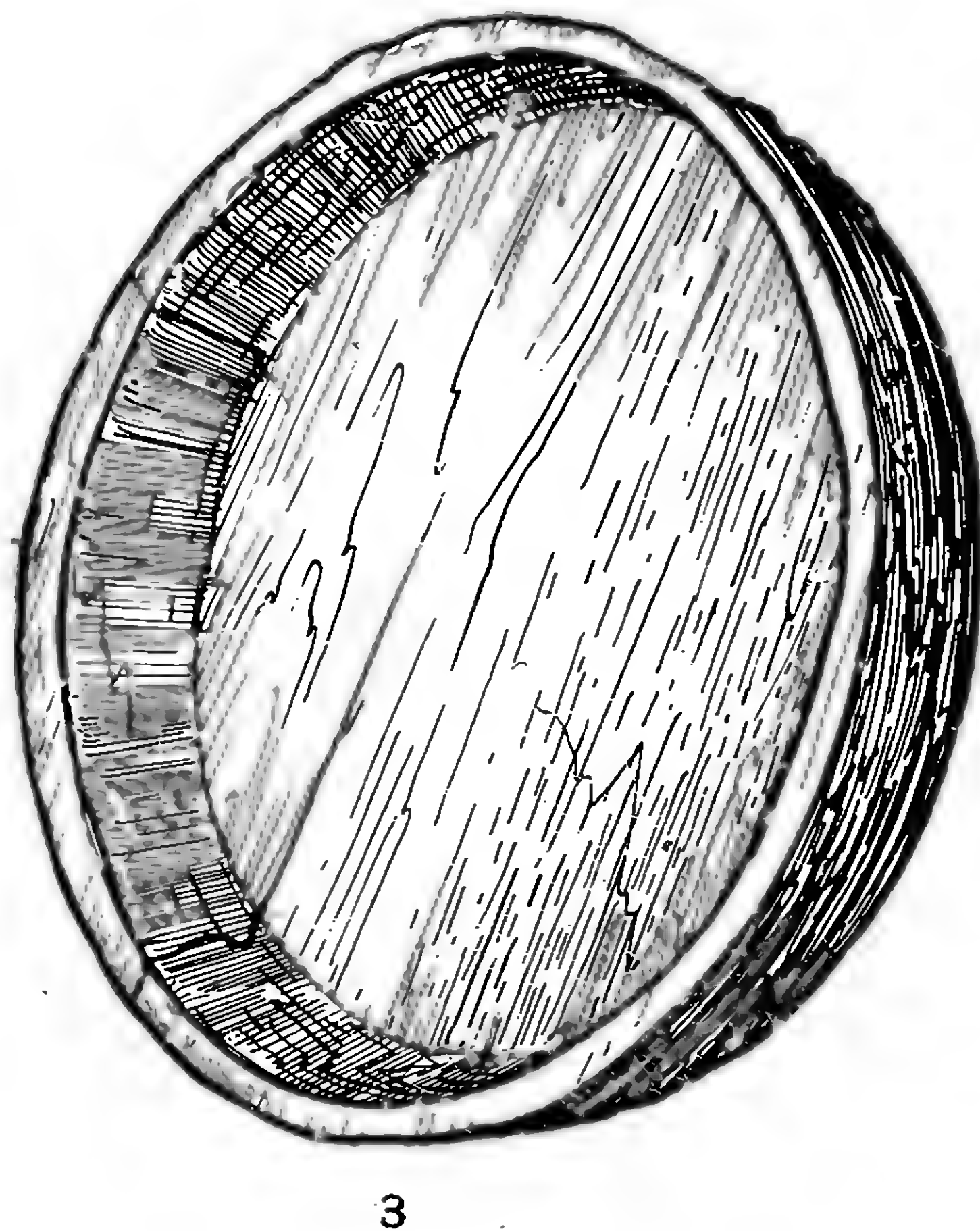
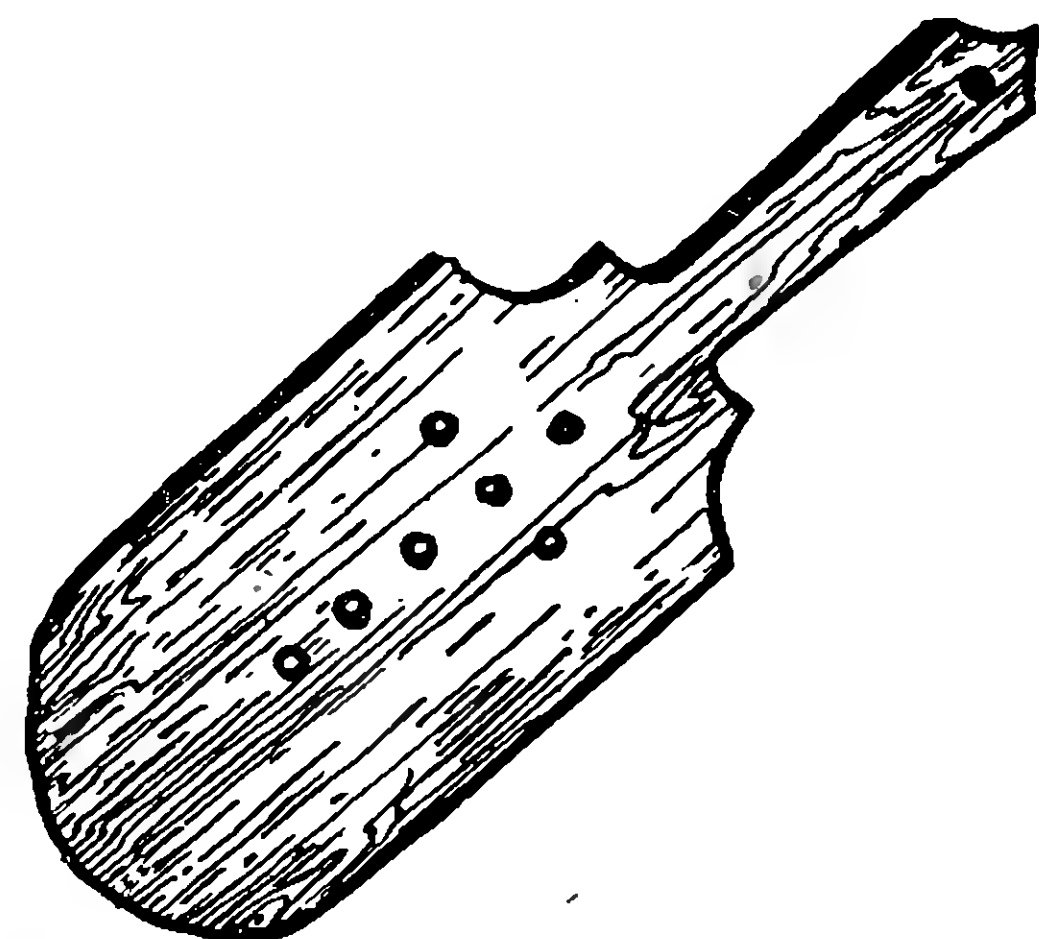
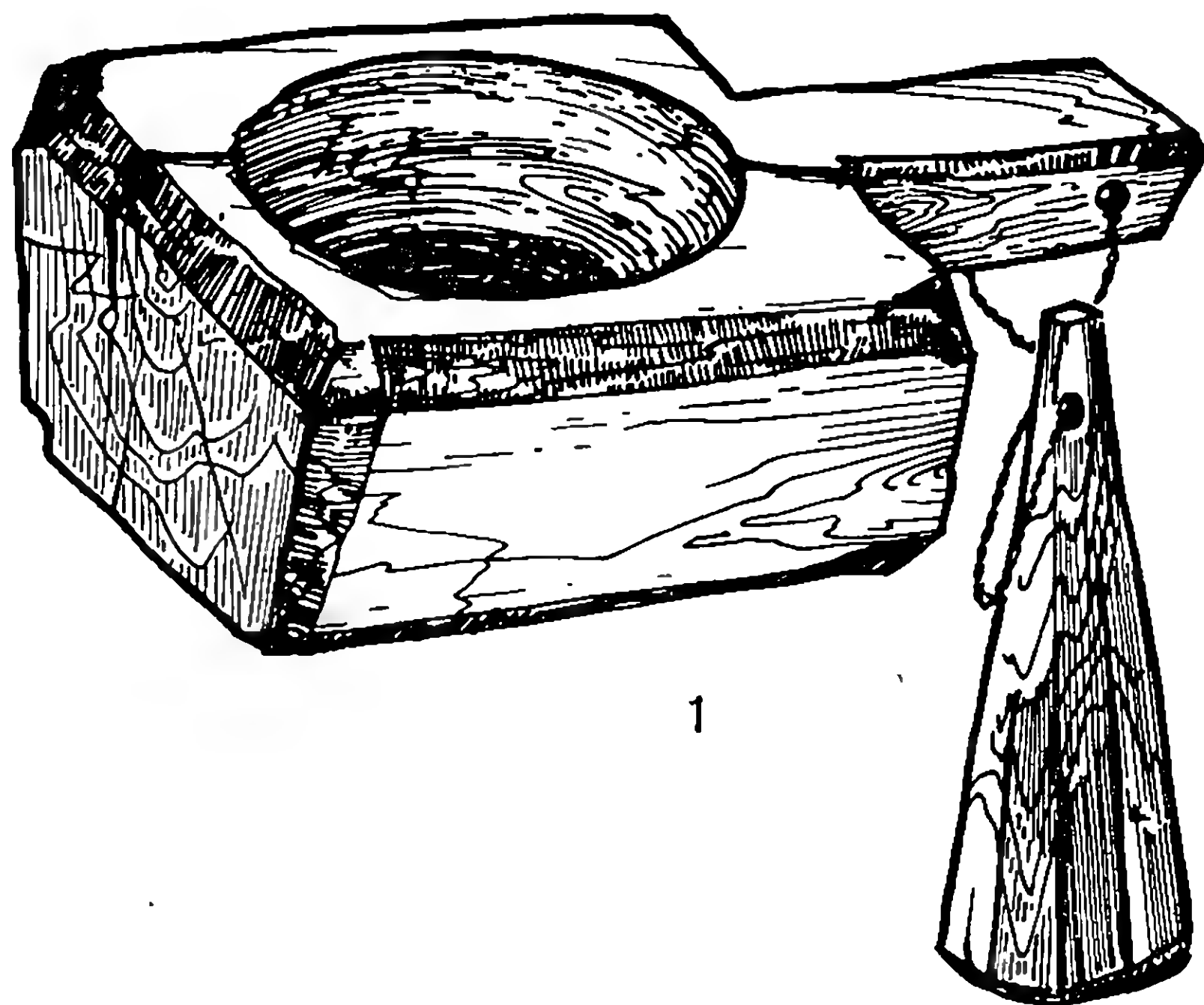

Таблица 49. Деревянная утварь.

Таблица 50. Приготовление осетинского пива.

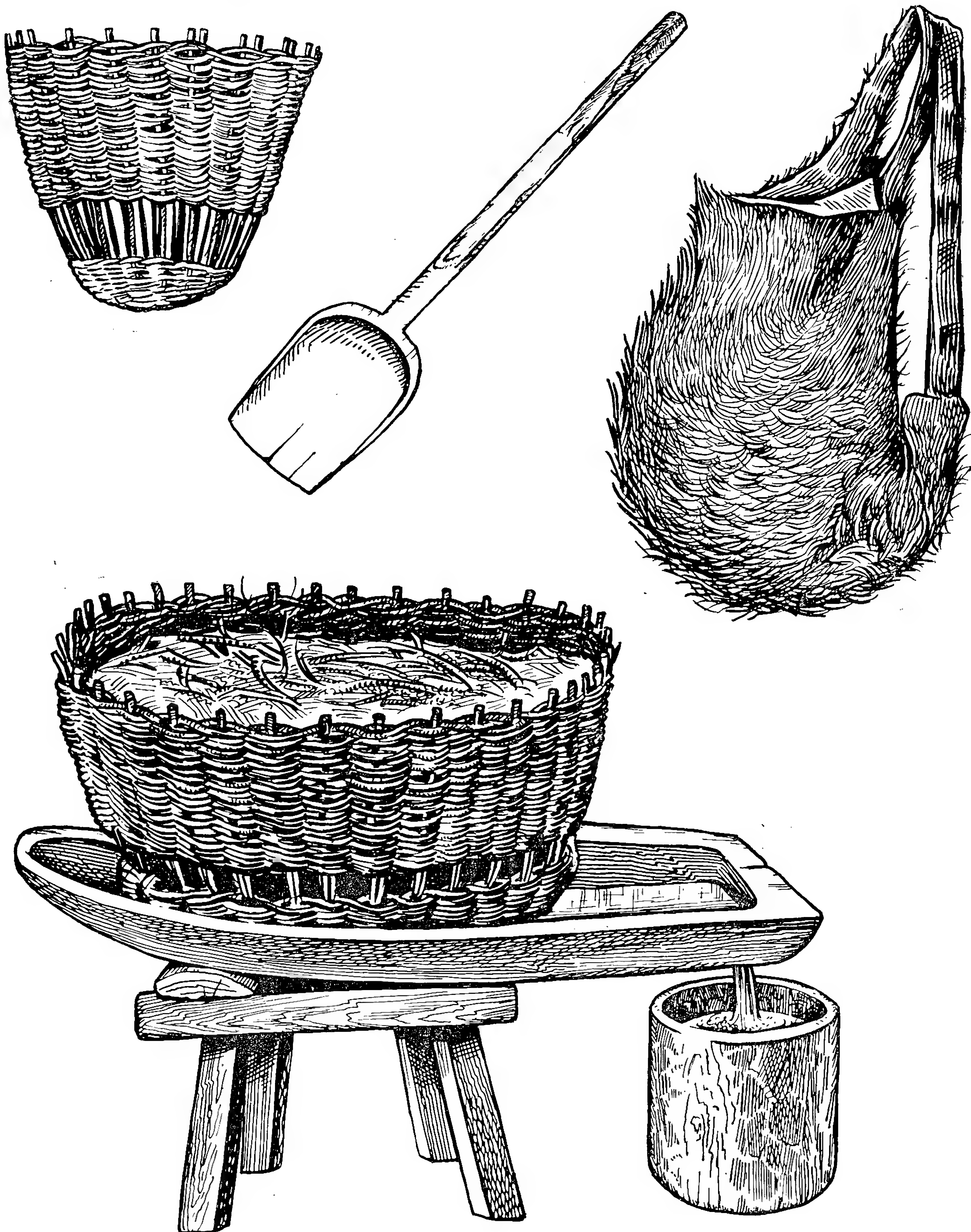

Таблица 51. Приготовление осетинского пива.

Таблица 52. Сосуды для пива.

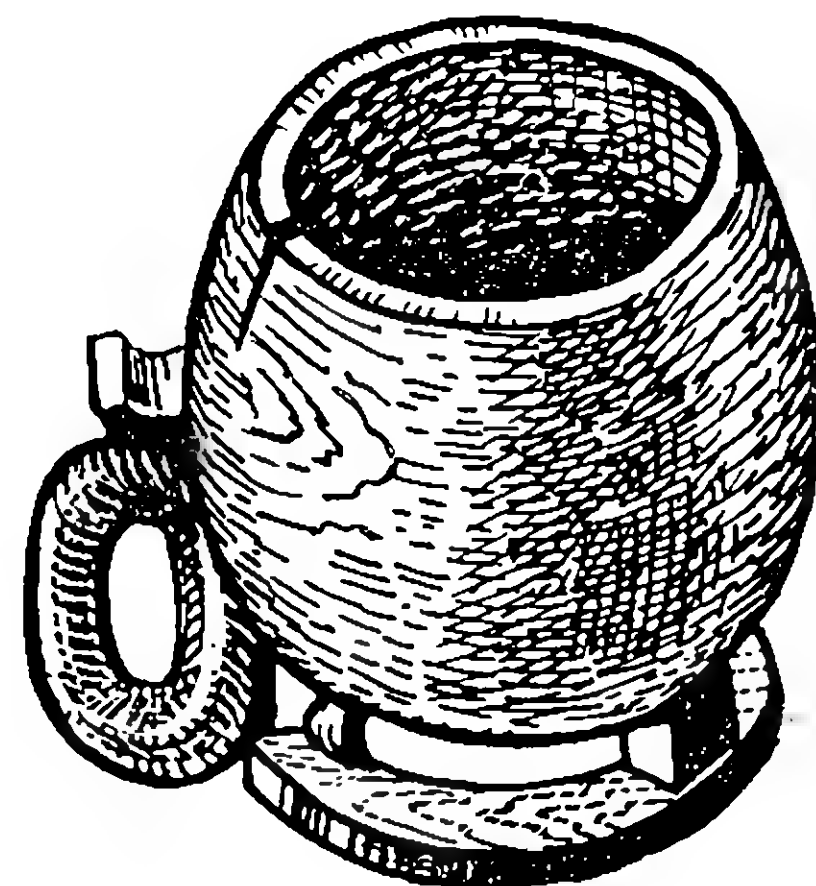
1

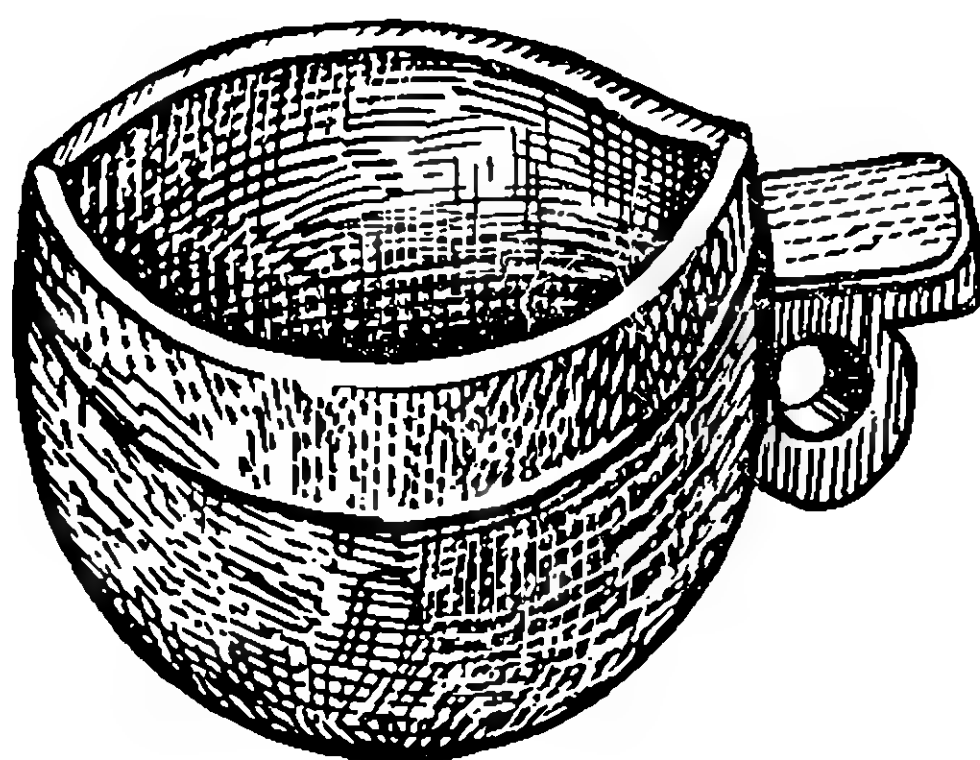
2

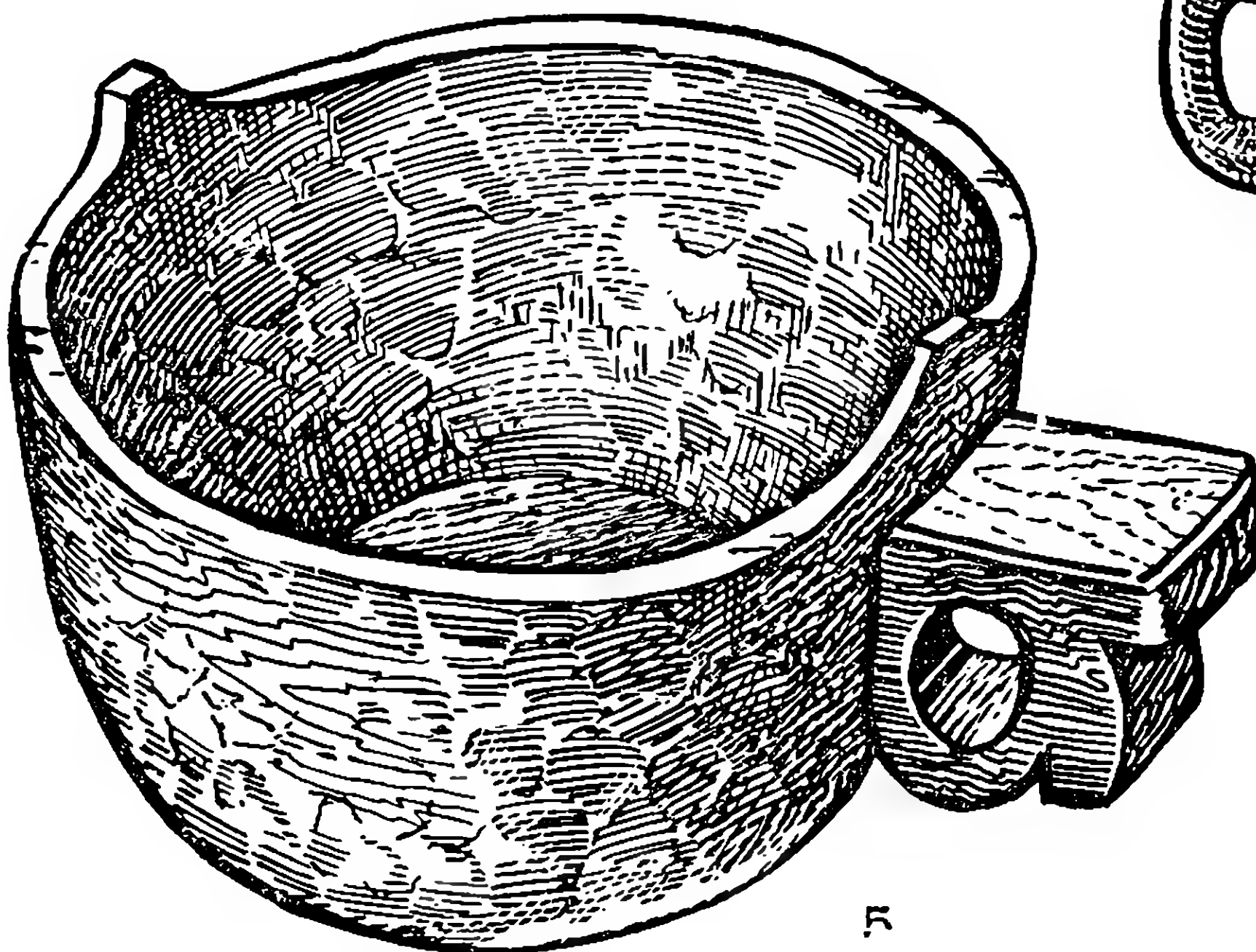
3

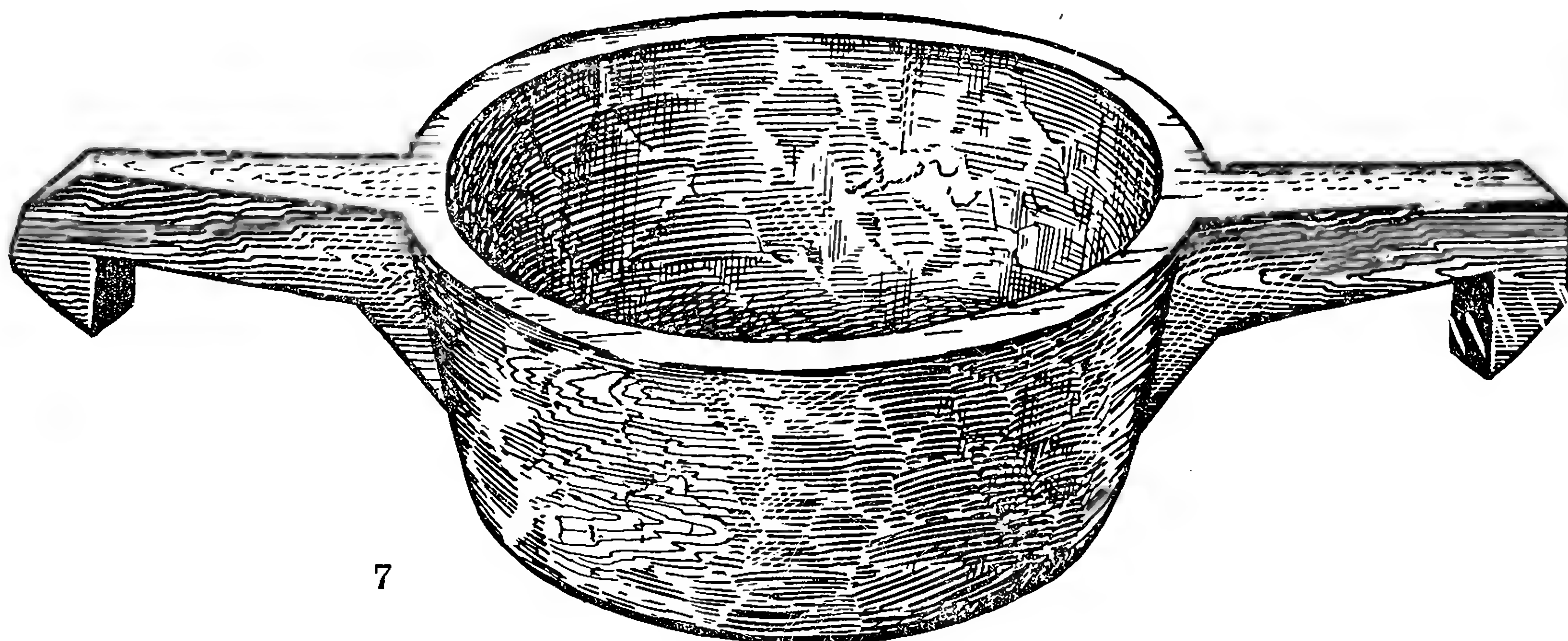
6

4

5

7

Таблица 53. Бокалы и ковши для пива.

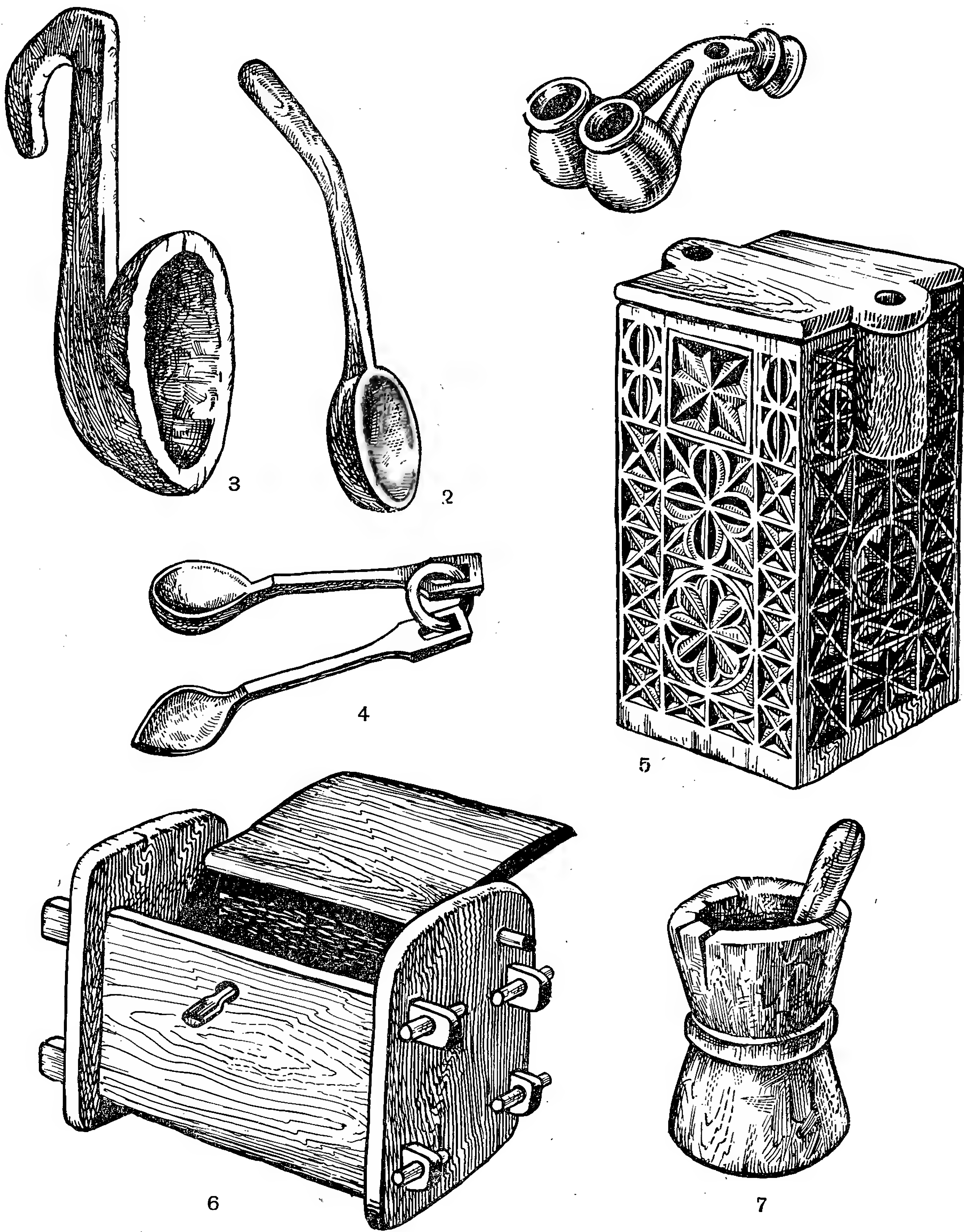

Таблица 54. Утварь и лари.

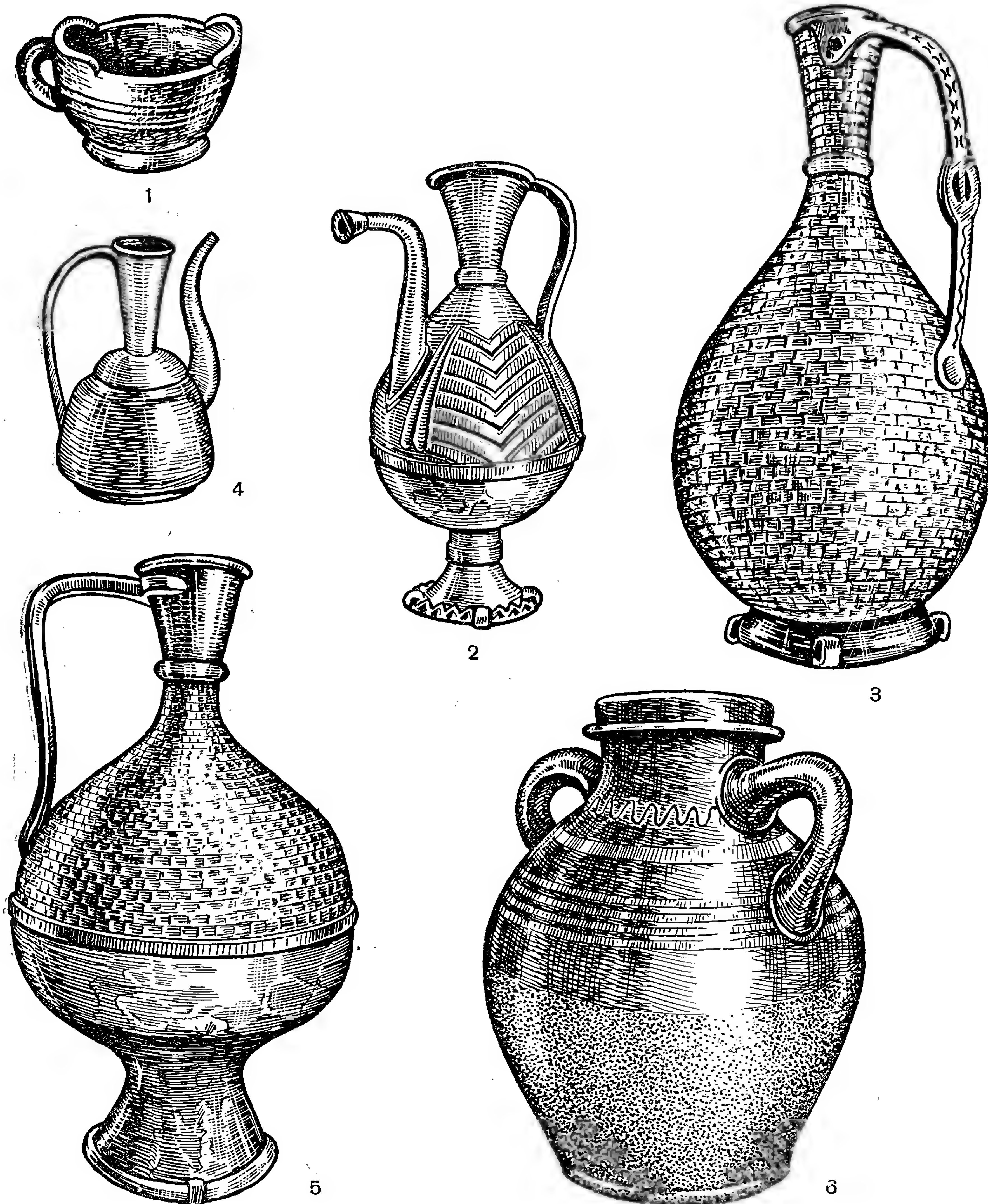

Таблица 55. Глиняная и медная посуда.

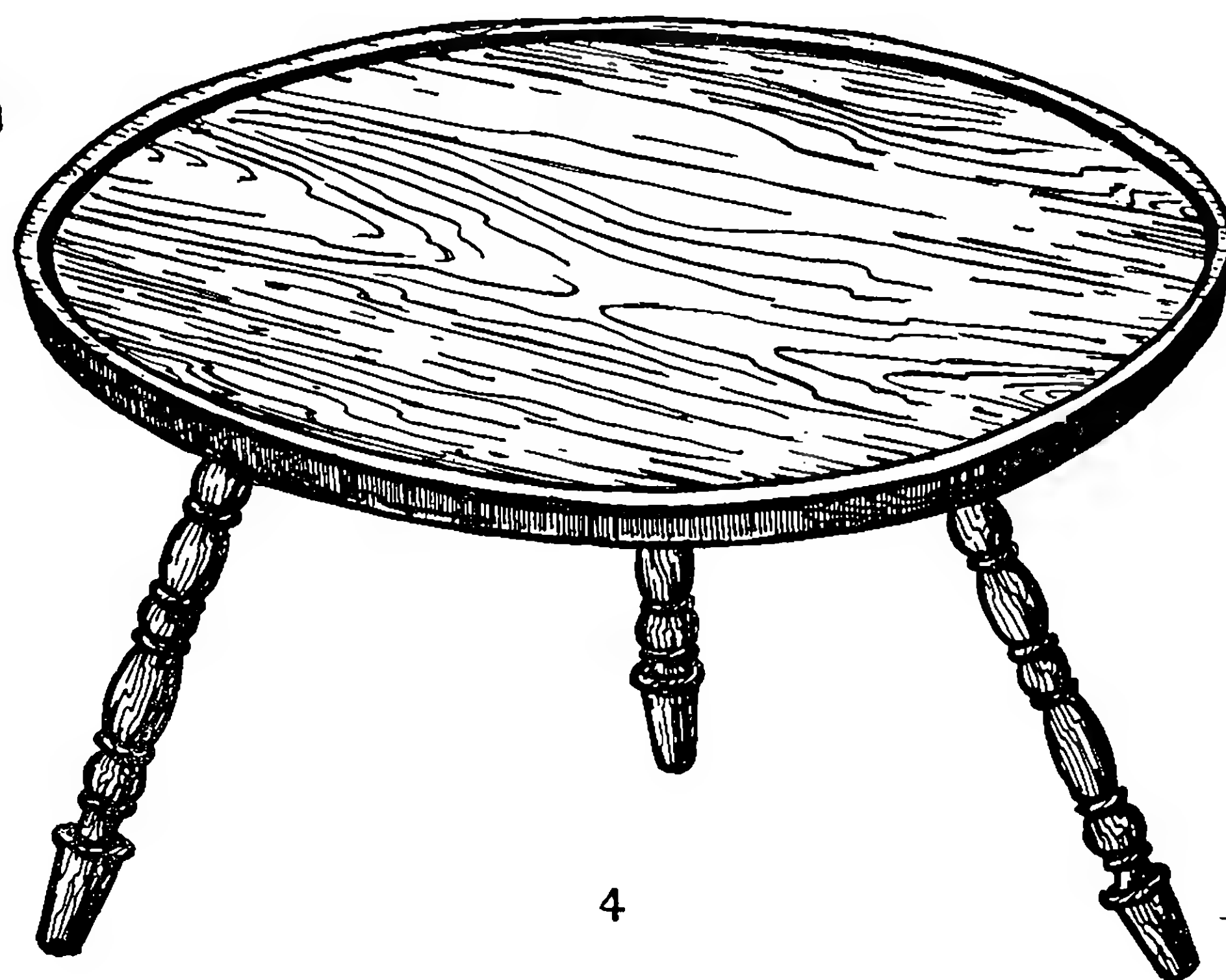
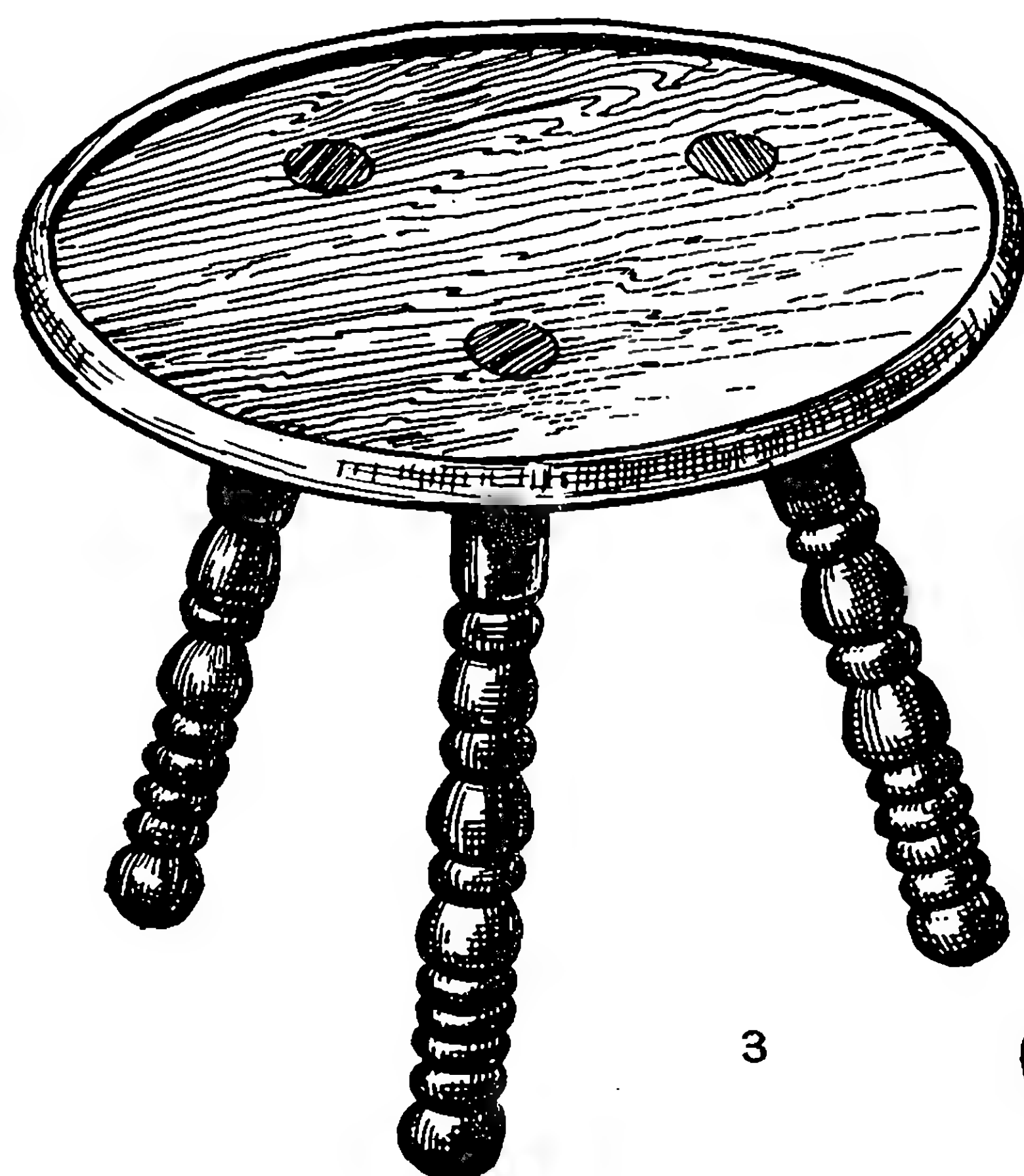

Таблица 56. Осетинские столики.

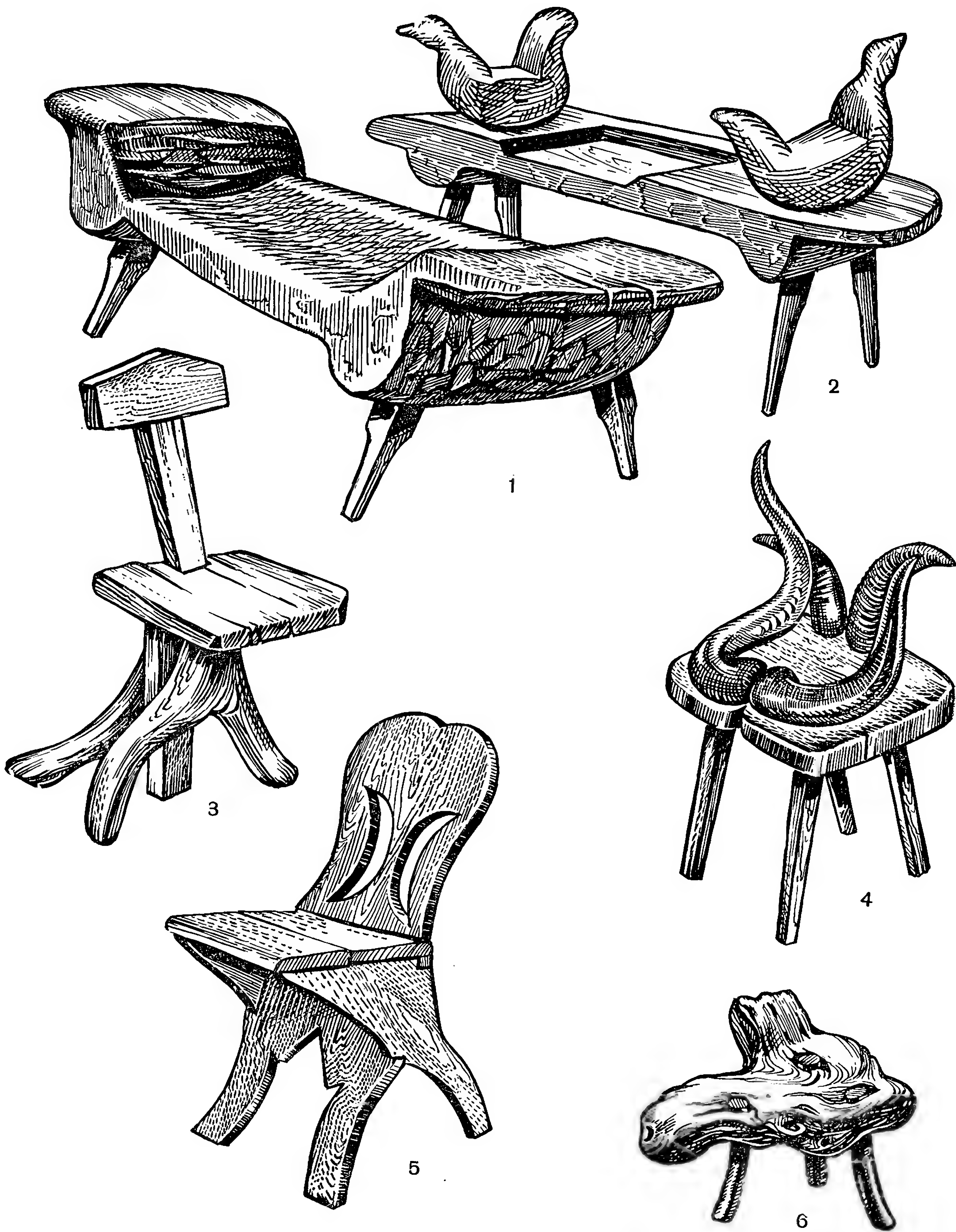
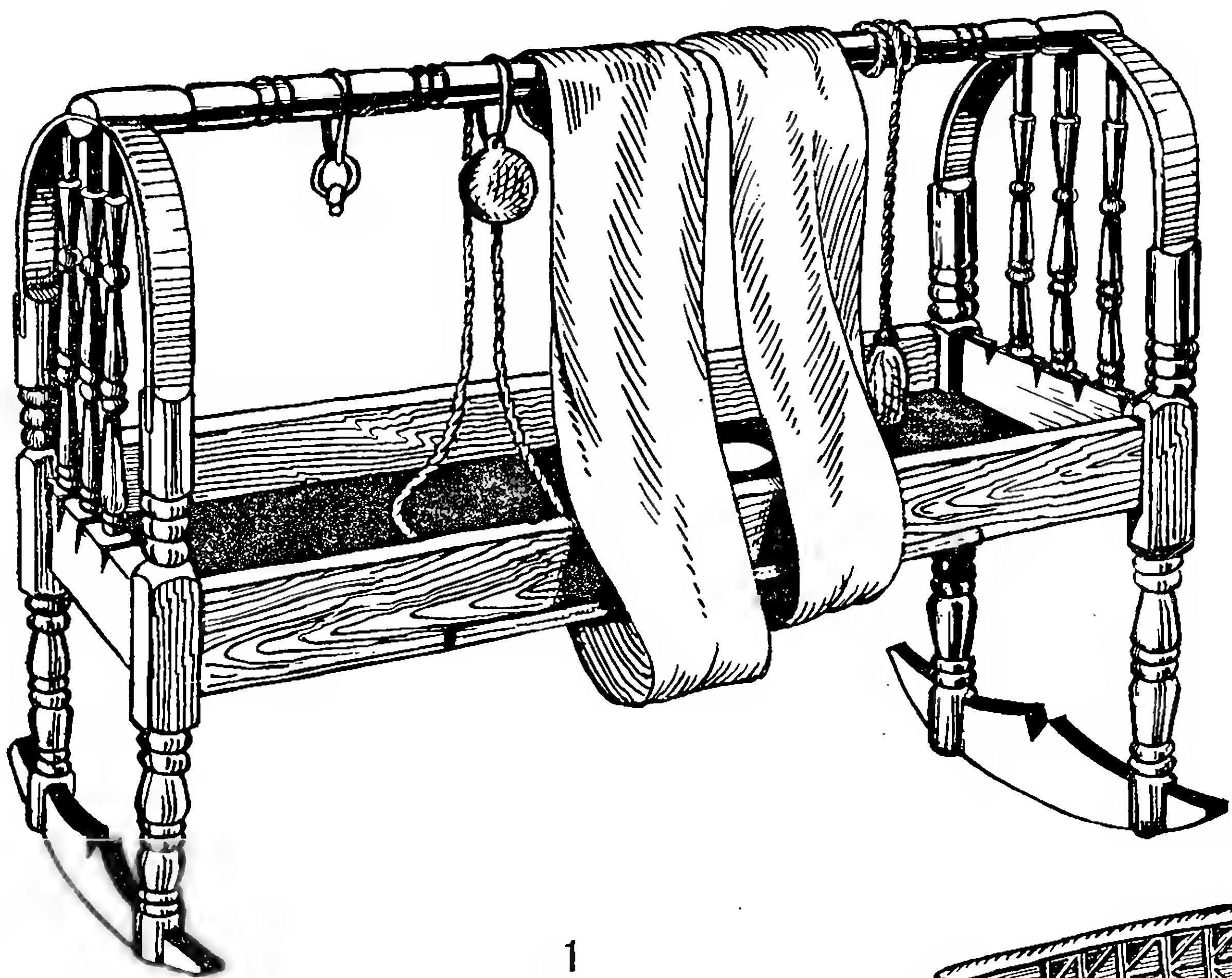
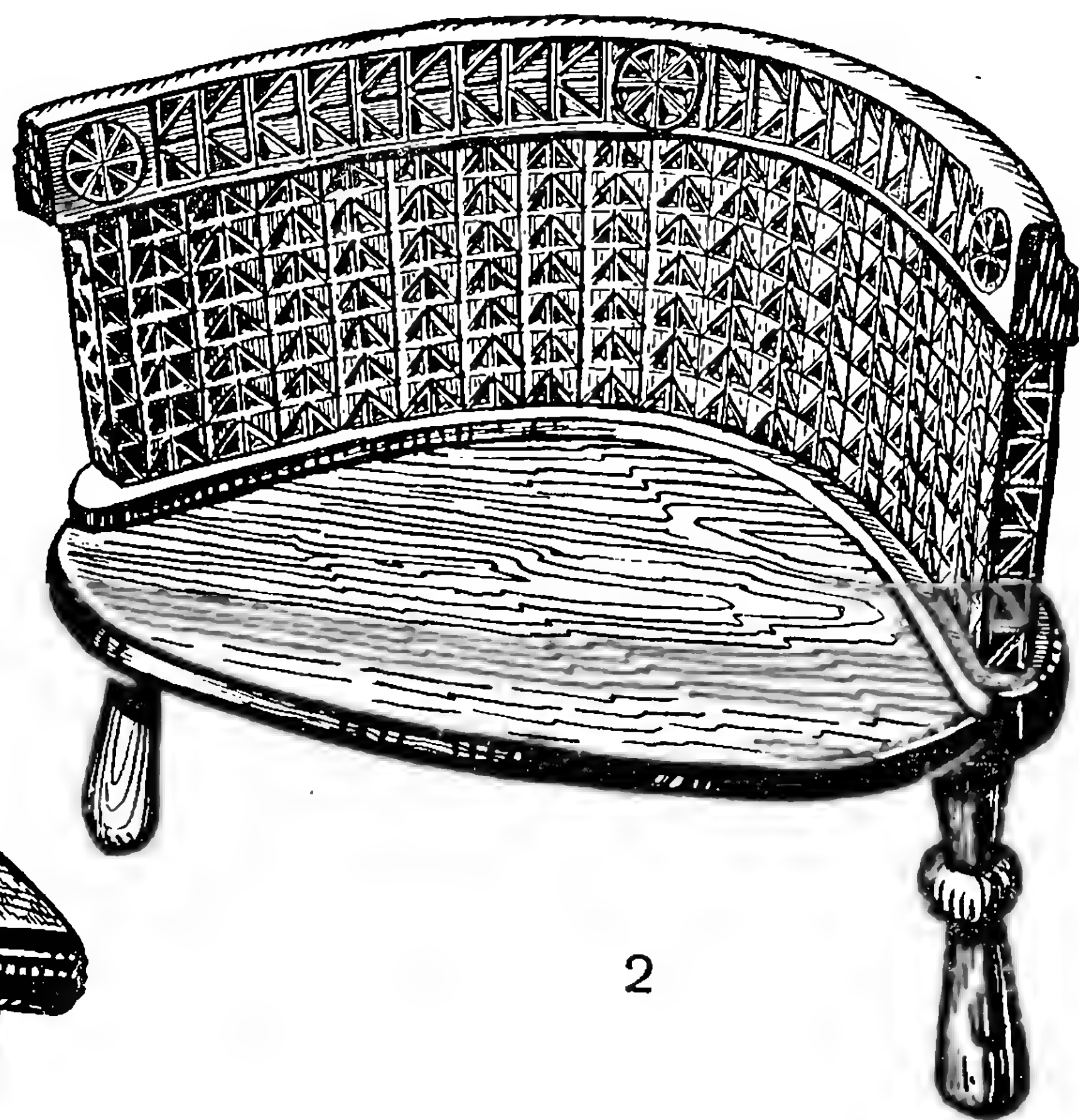

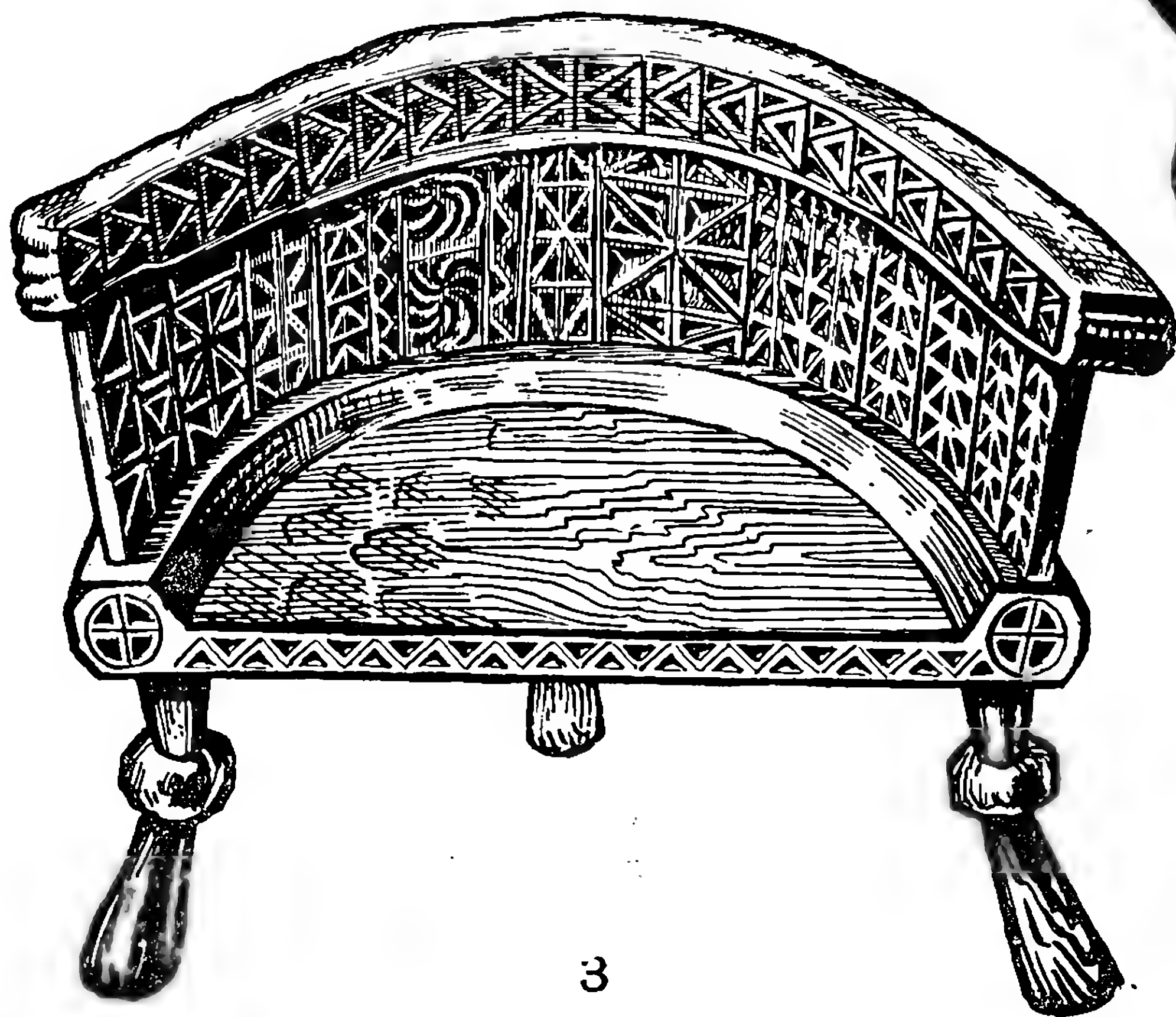
Таблица 57. Из обстановки старинного осетинского жилища.

1

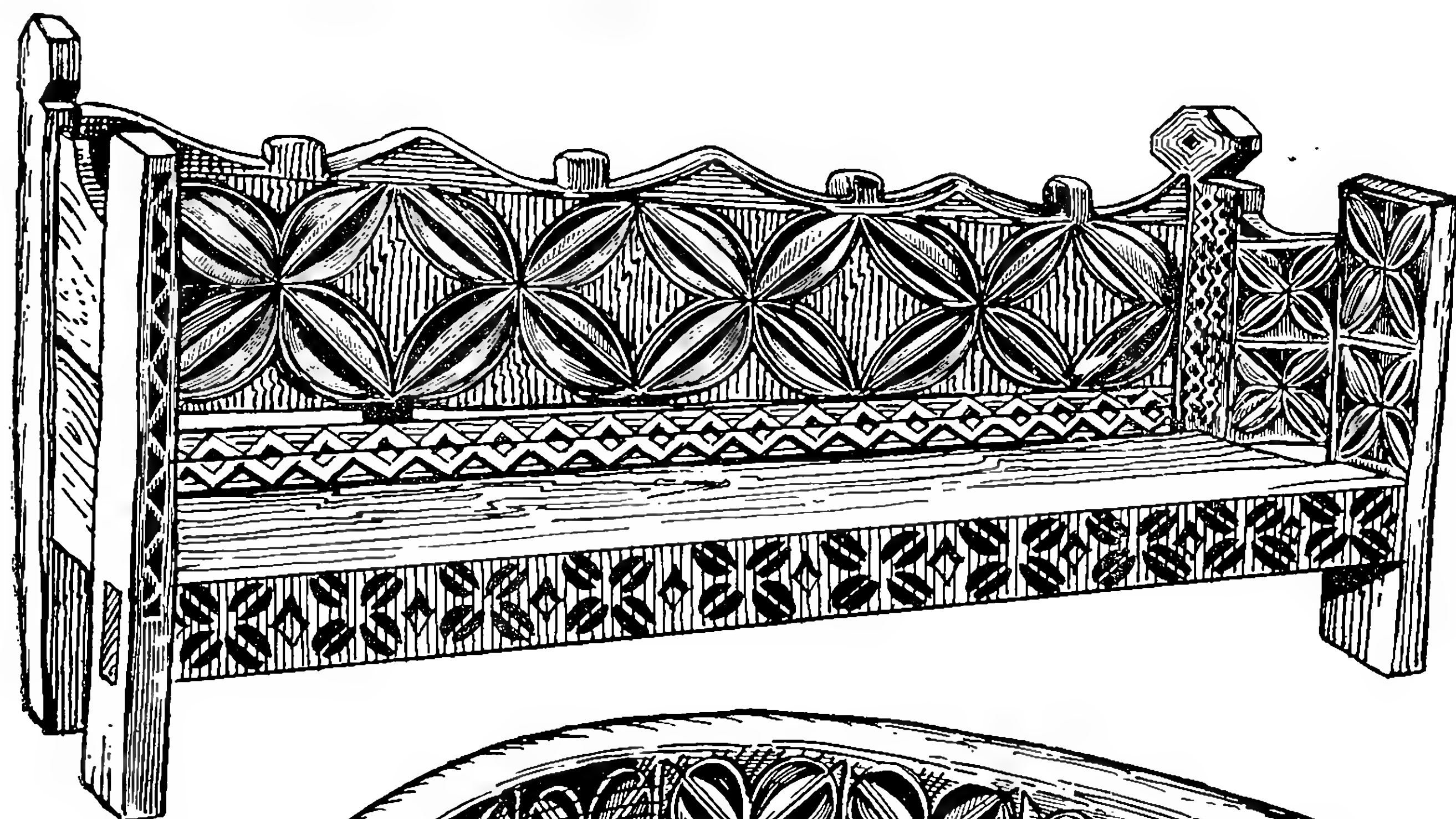

2

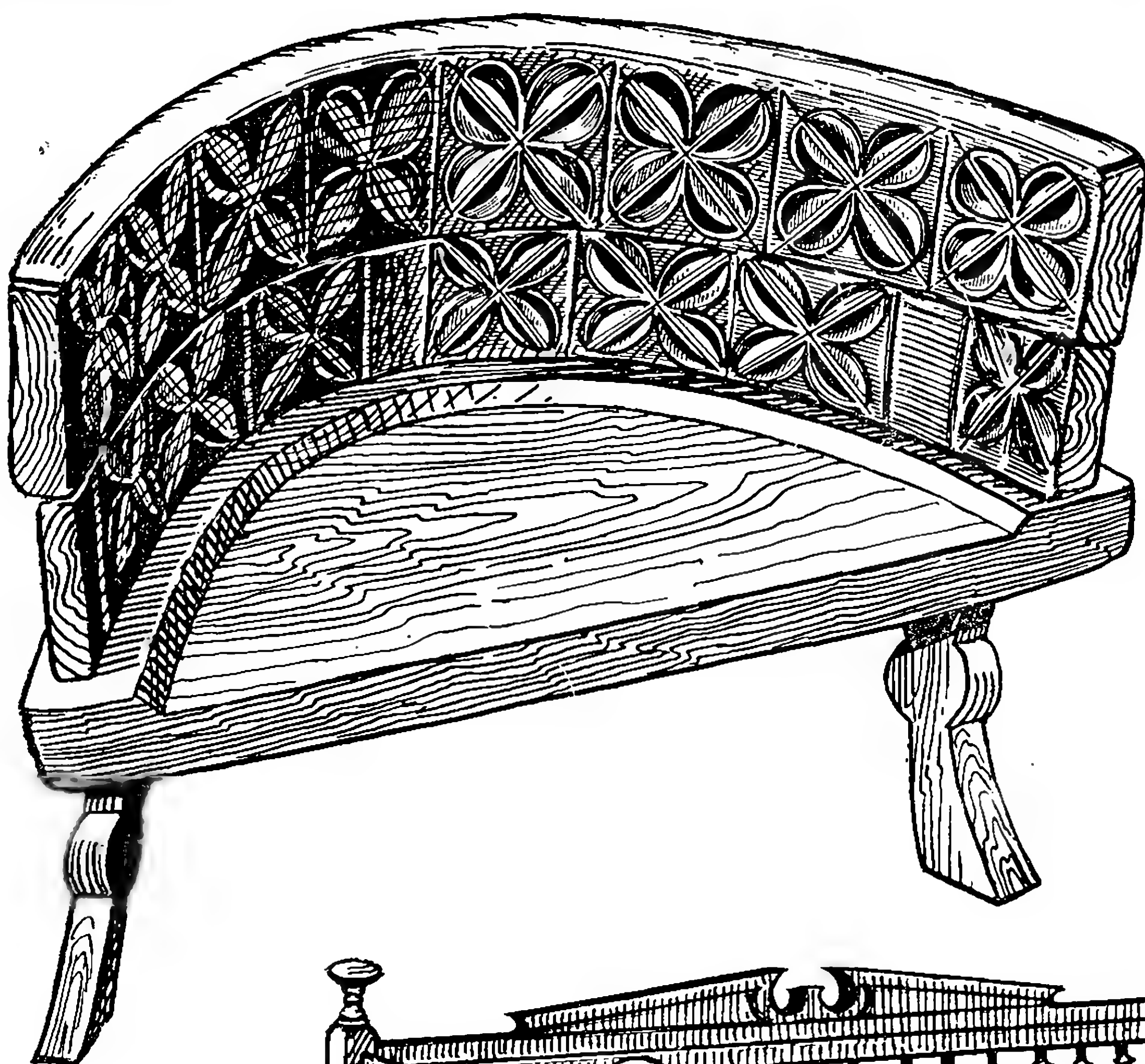

3

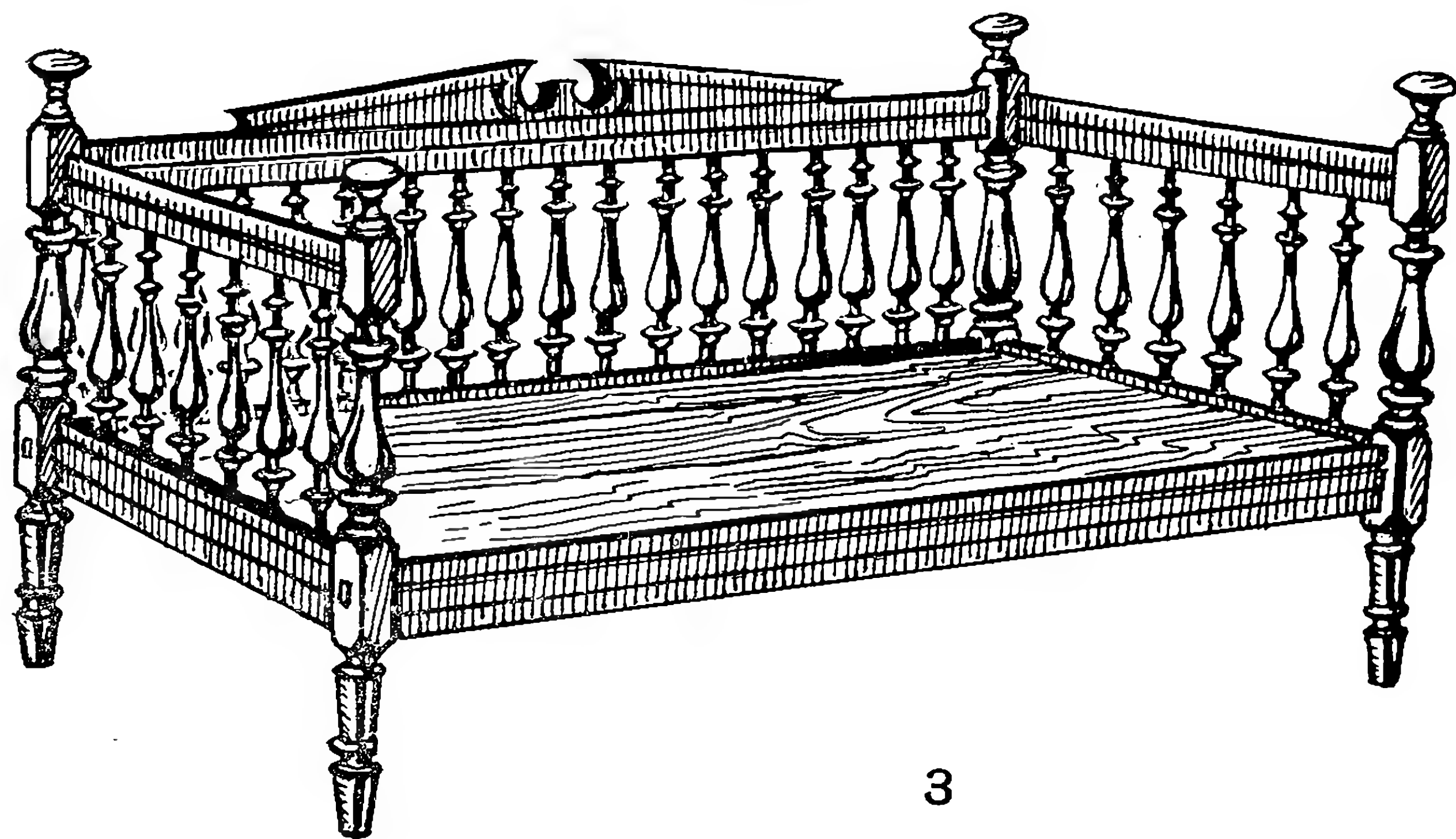
Таблица 58. Резьба по дереву.

1

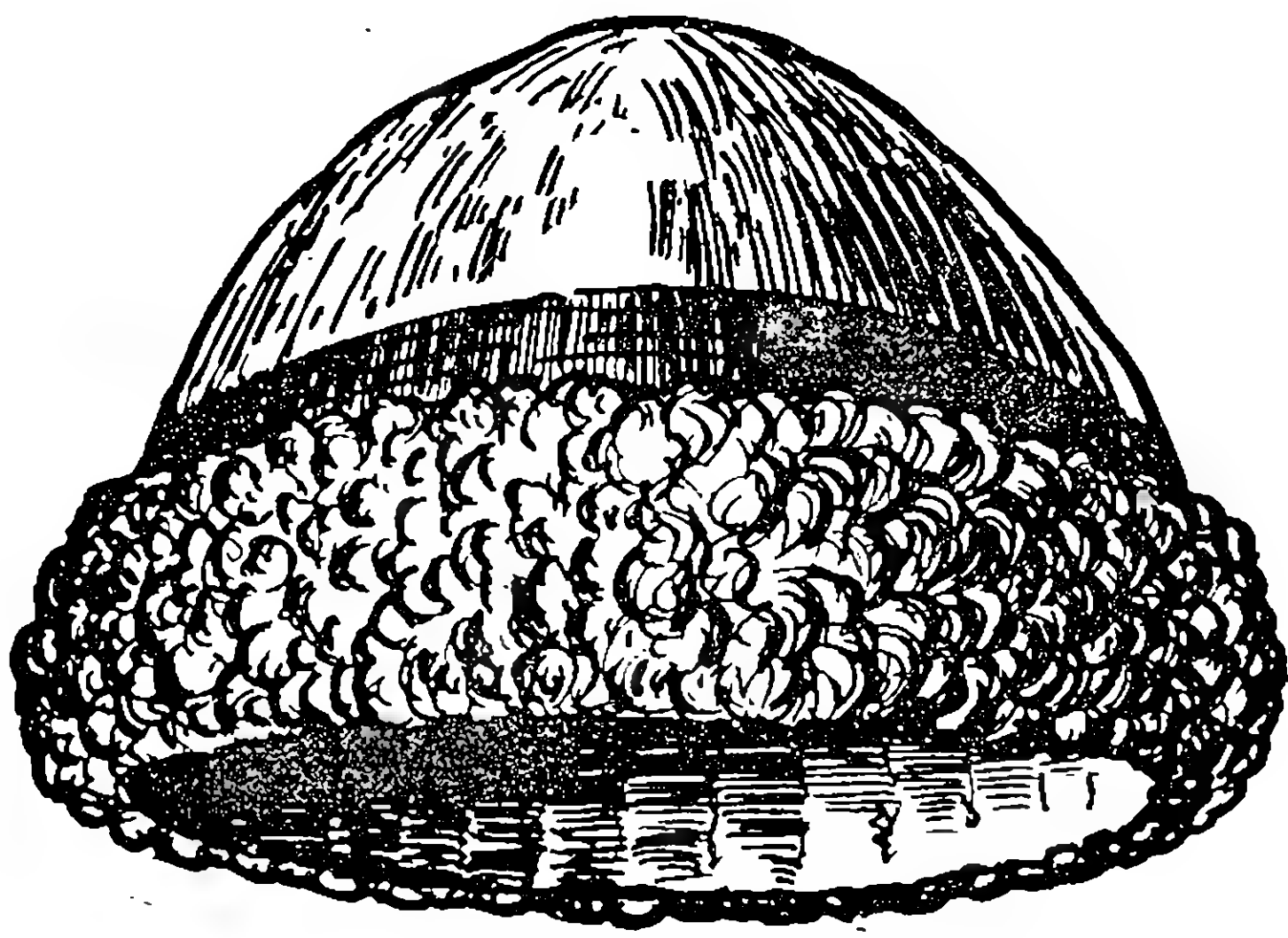

2

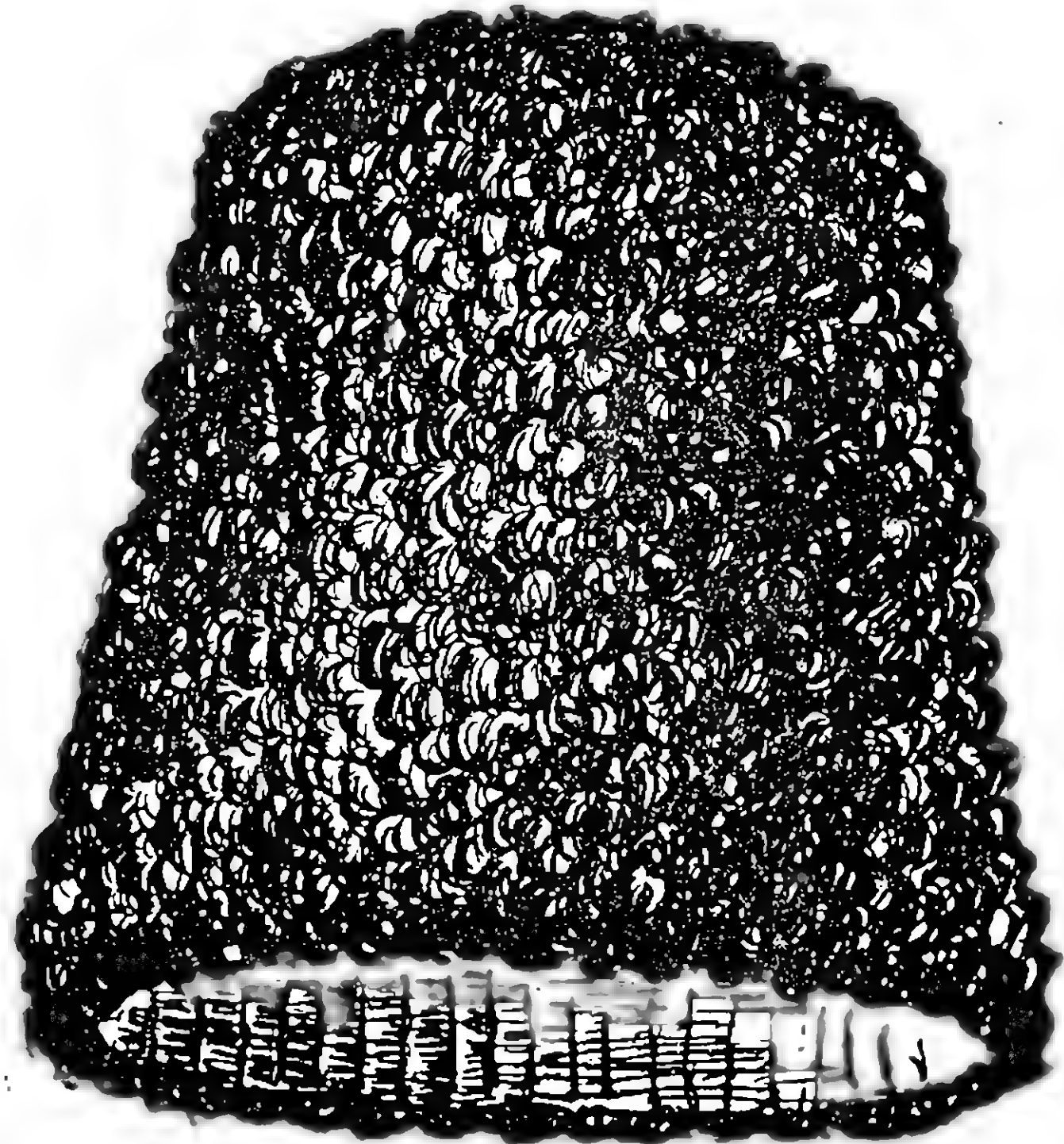

3

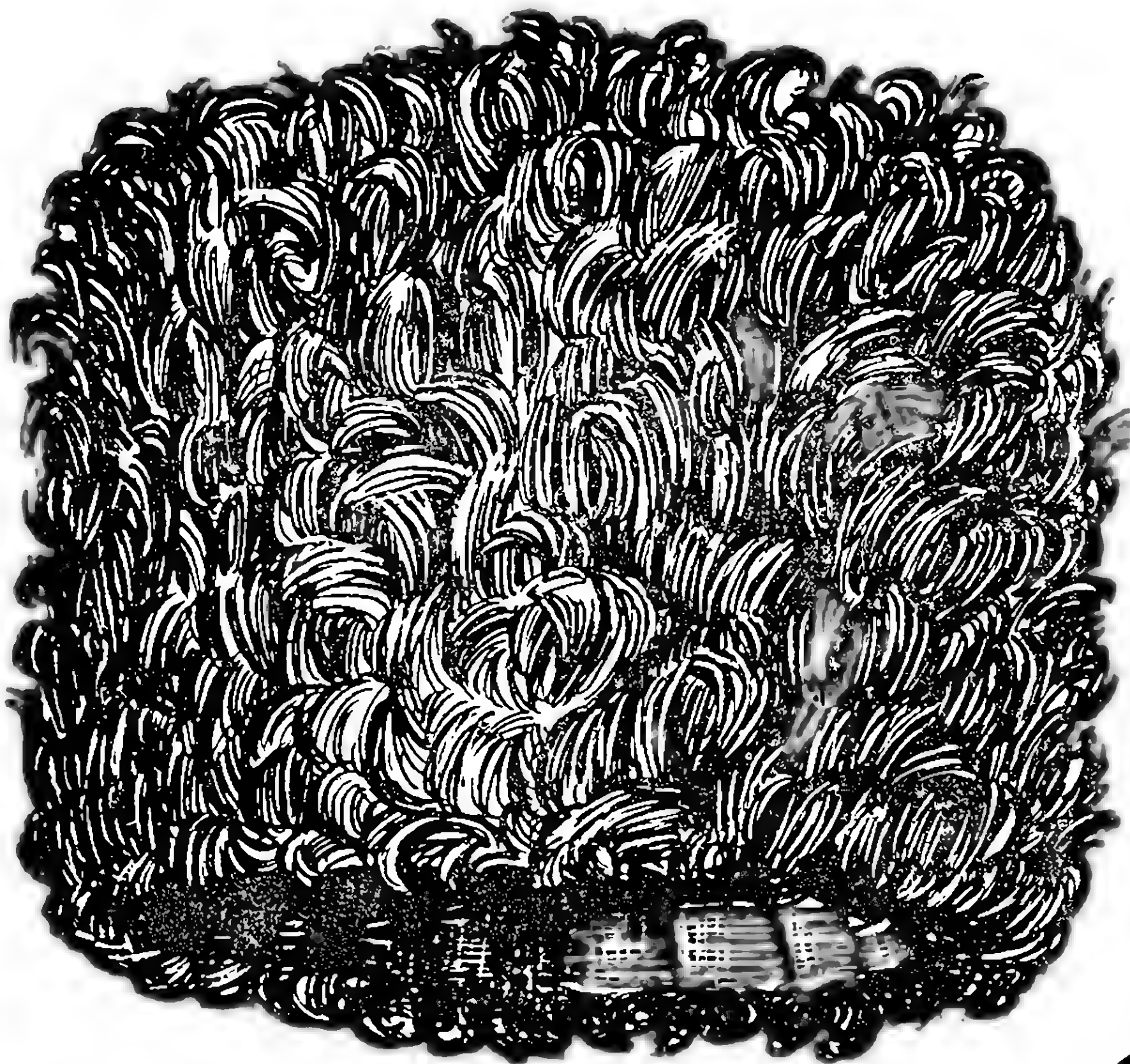
Таблица 59. Изделия осетинских мастеров по дереву.

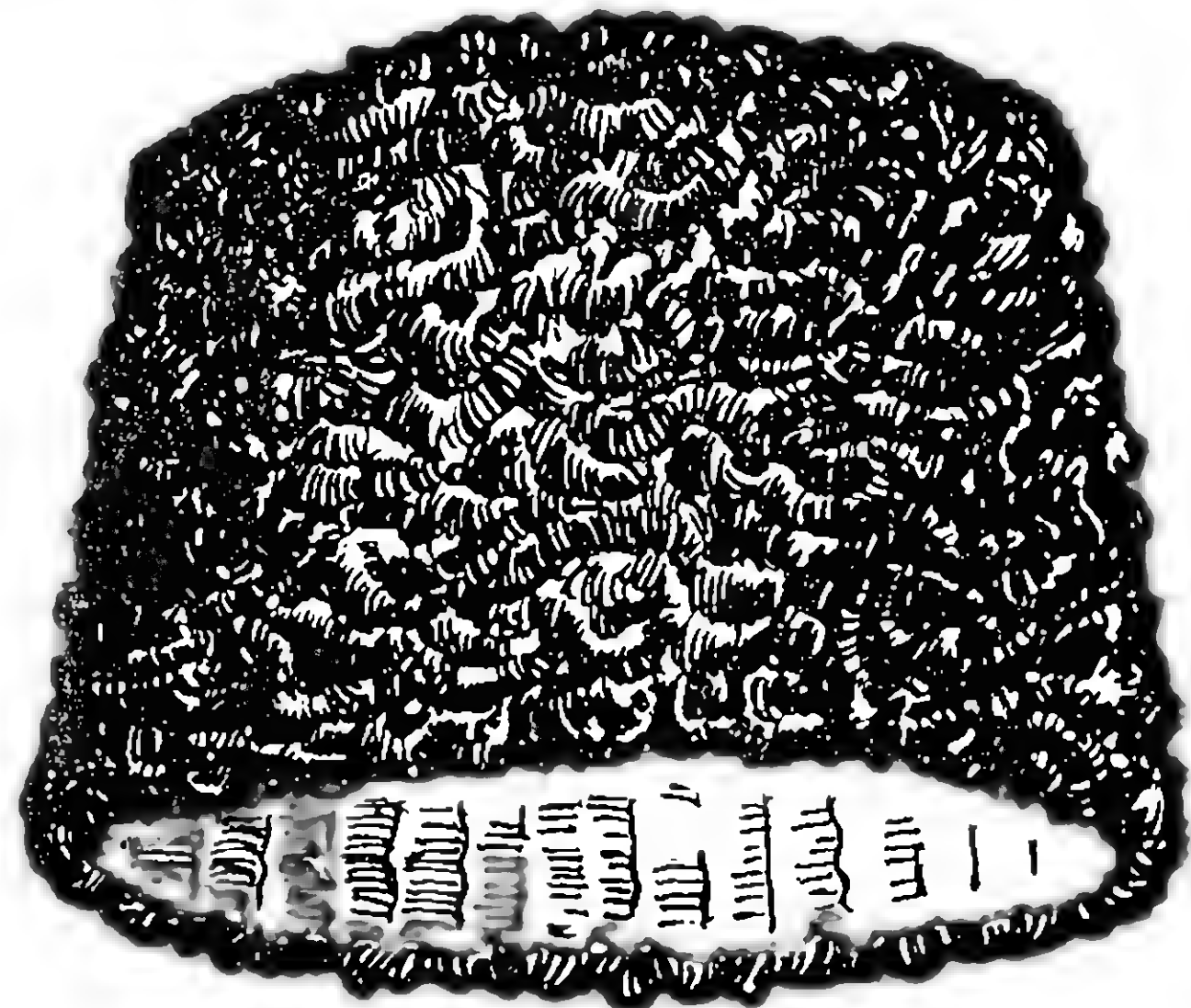
1

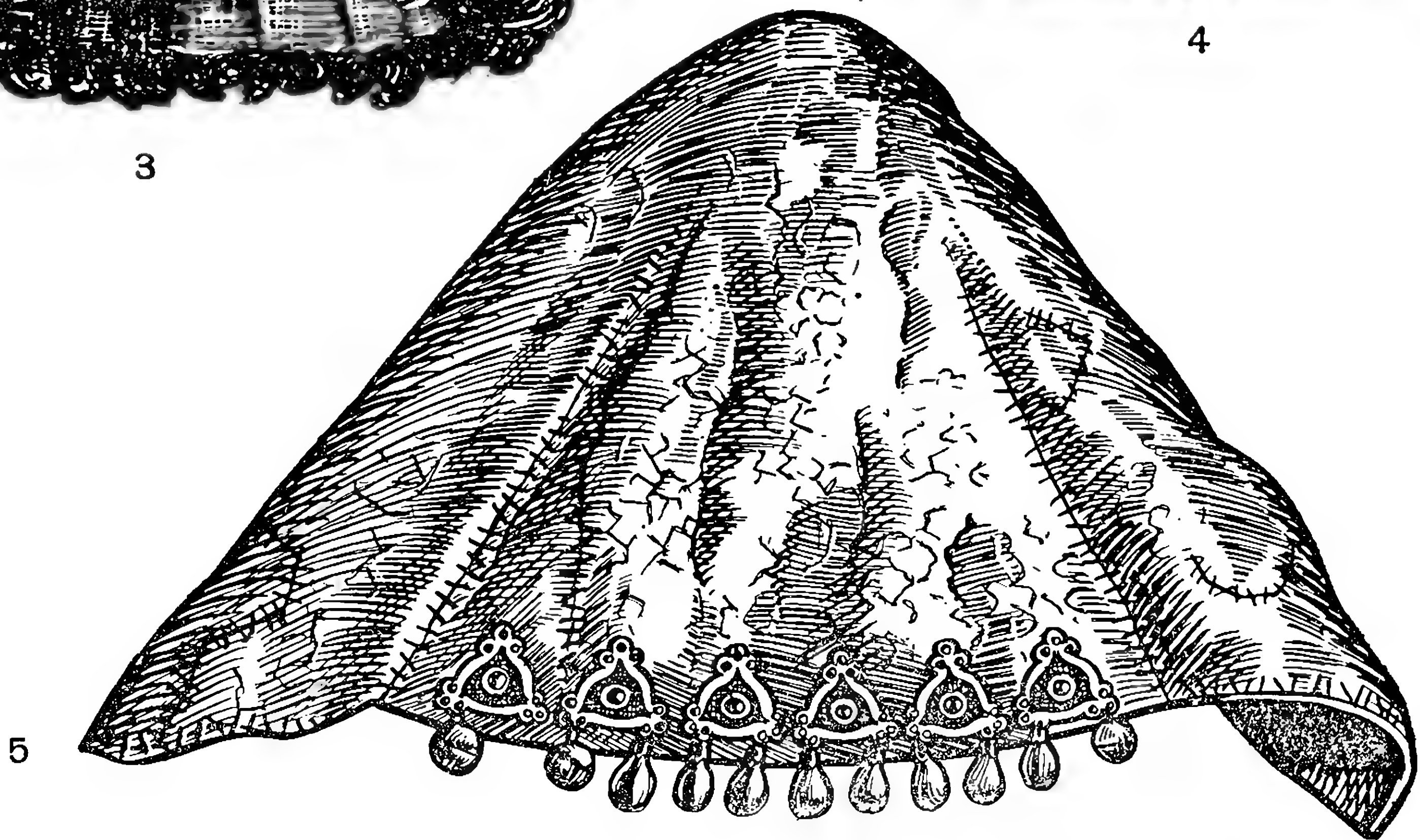
2

3

4

5

Таблица 60. Мужские головные уборы.

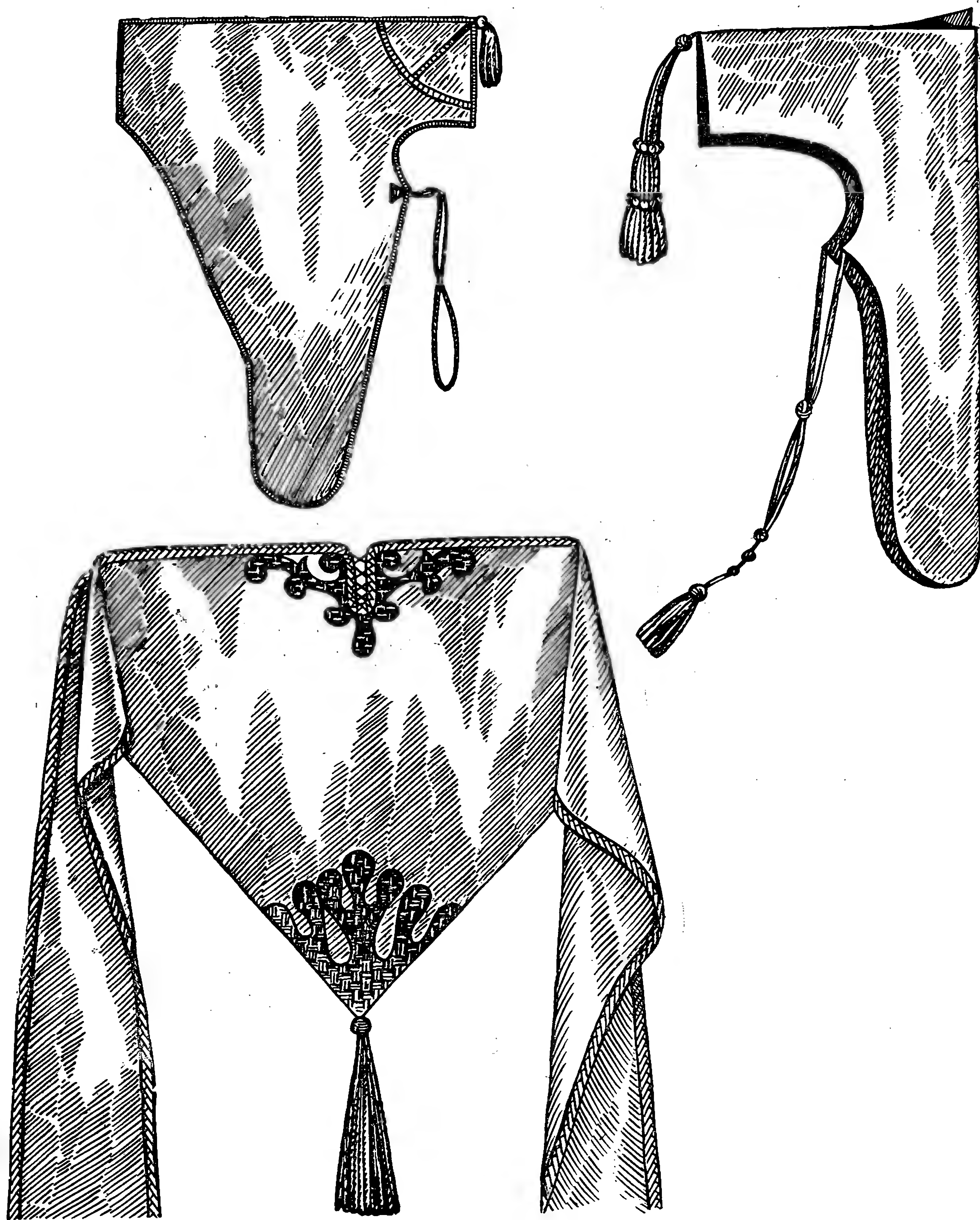

Таблица 61. Башлыки.

Таблица 62. Мужской костюм.

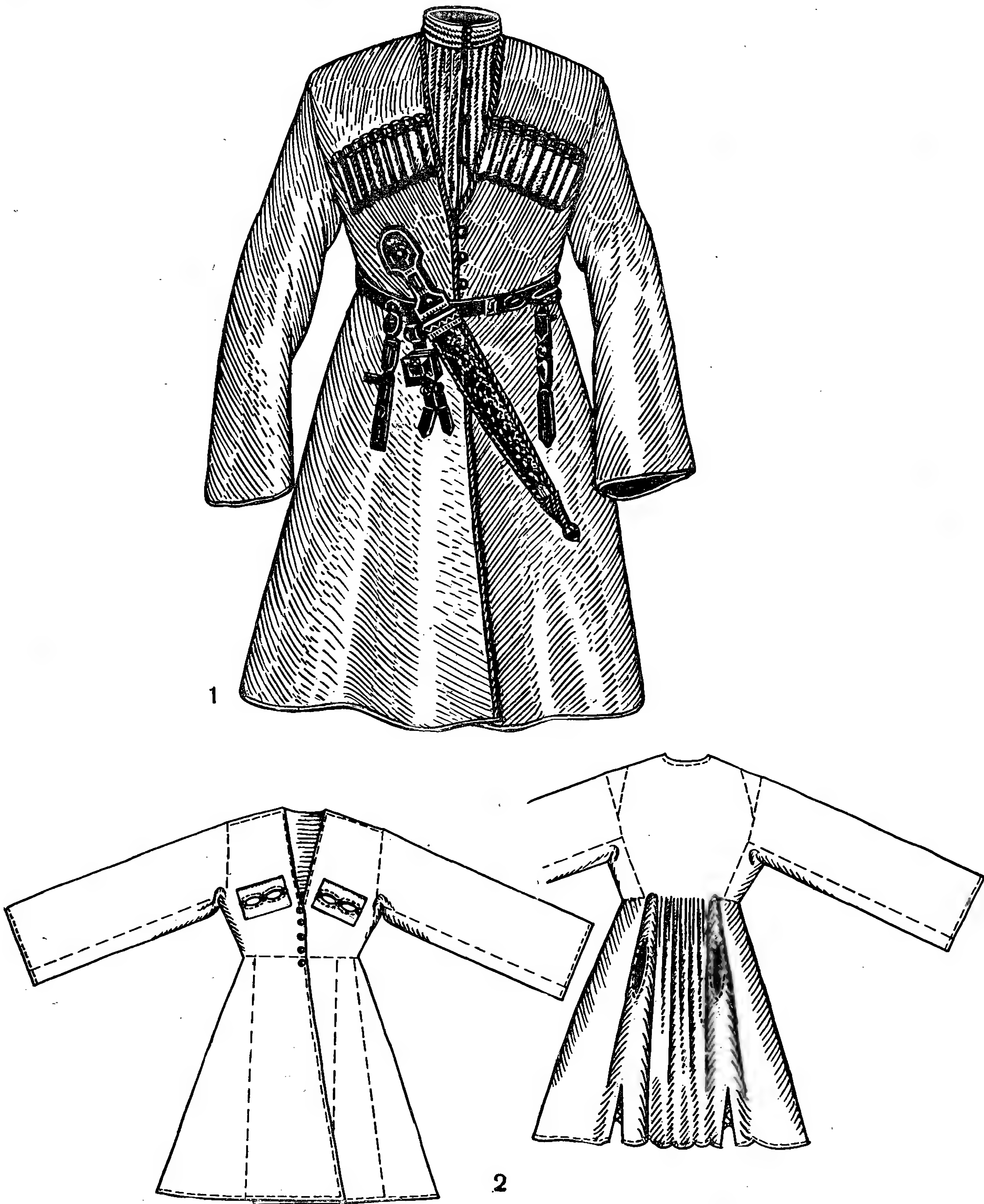

Таблица 63.1 Мужской костюм.

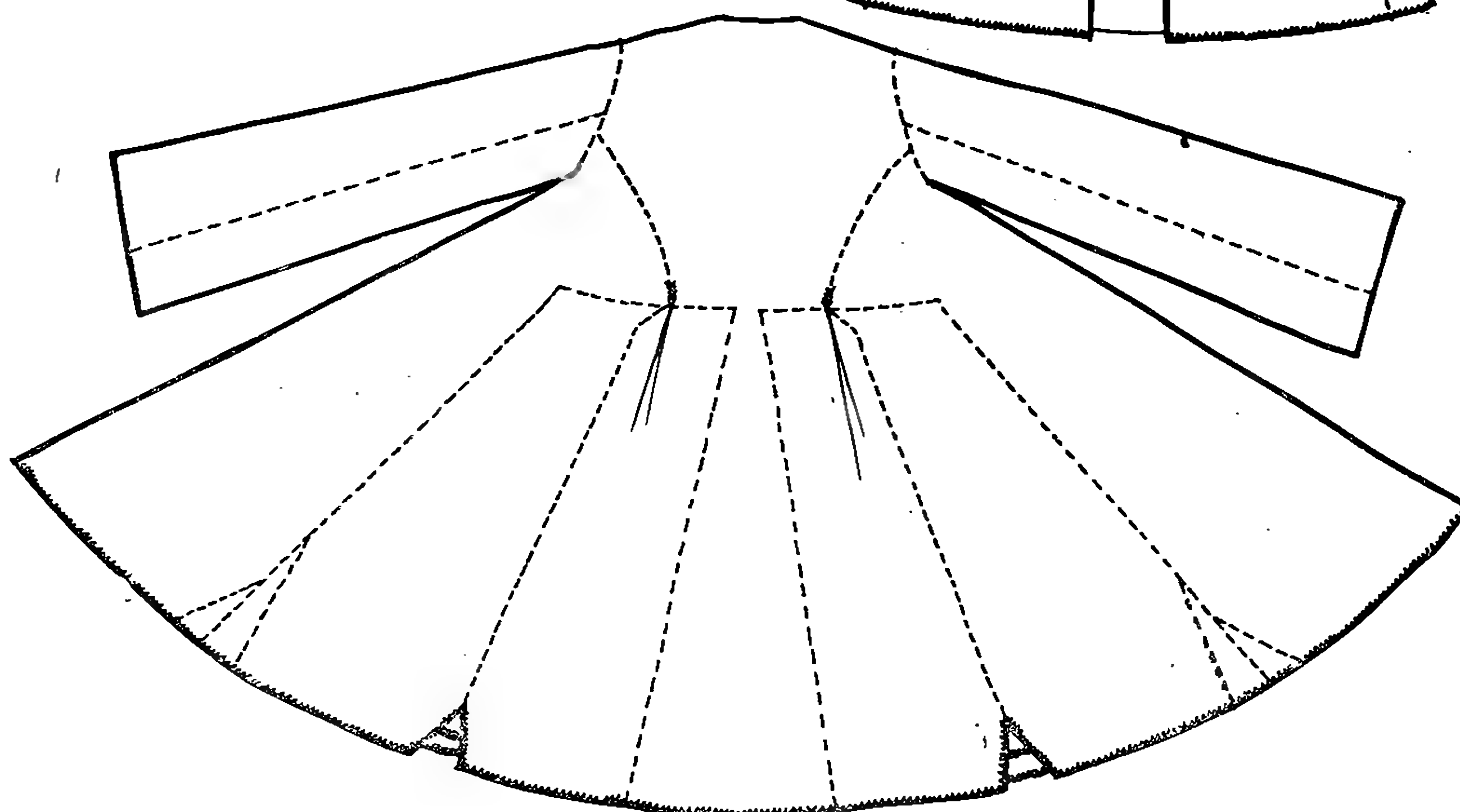
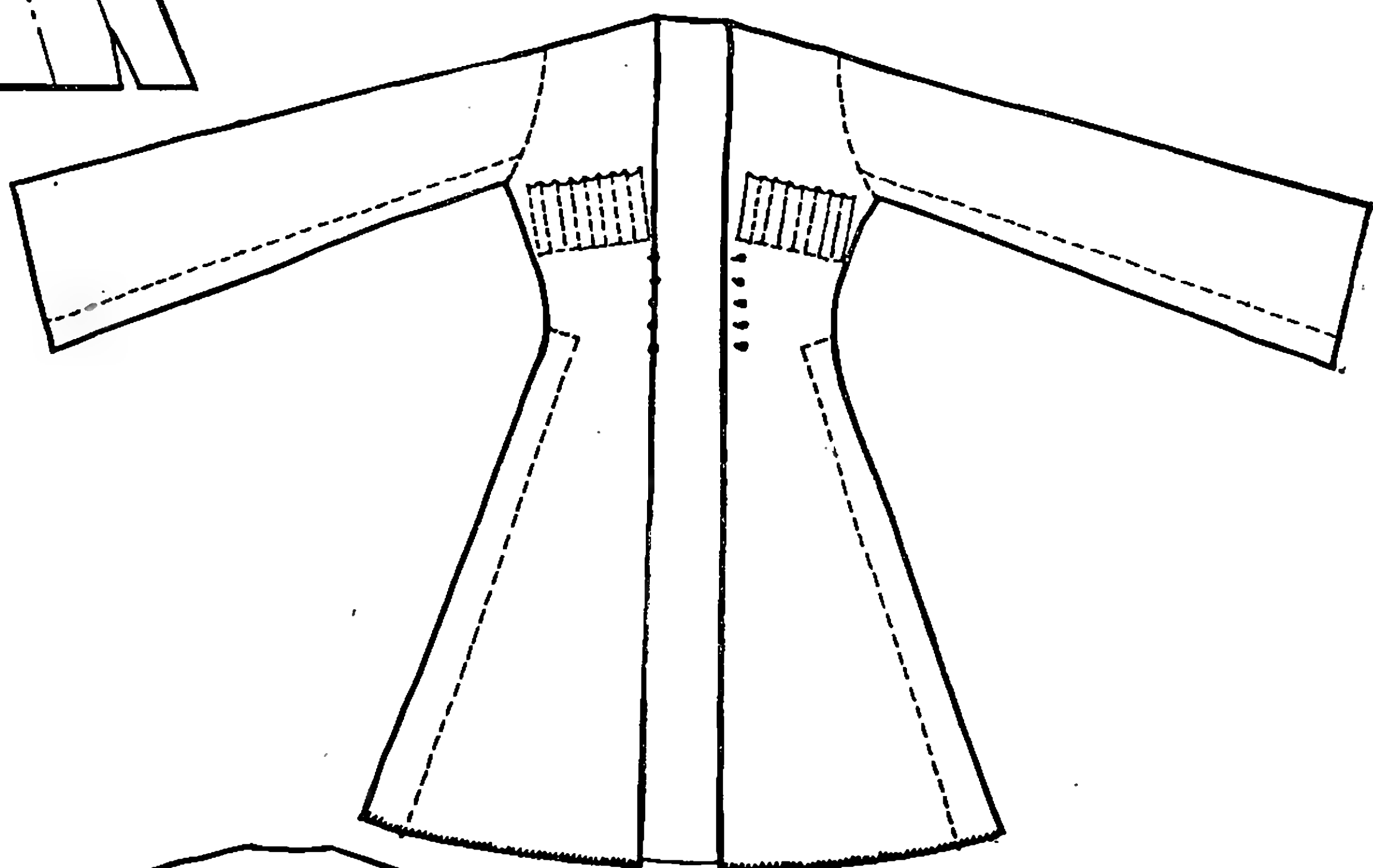
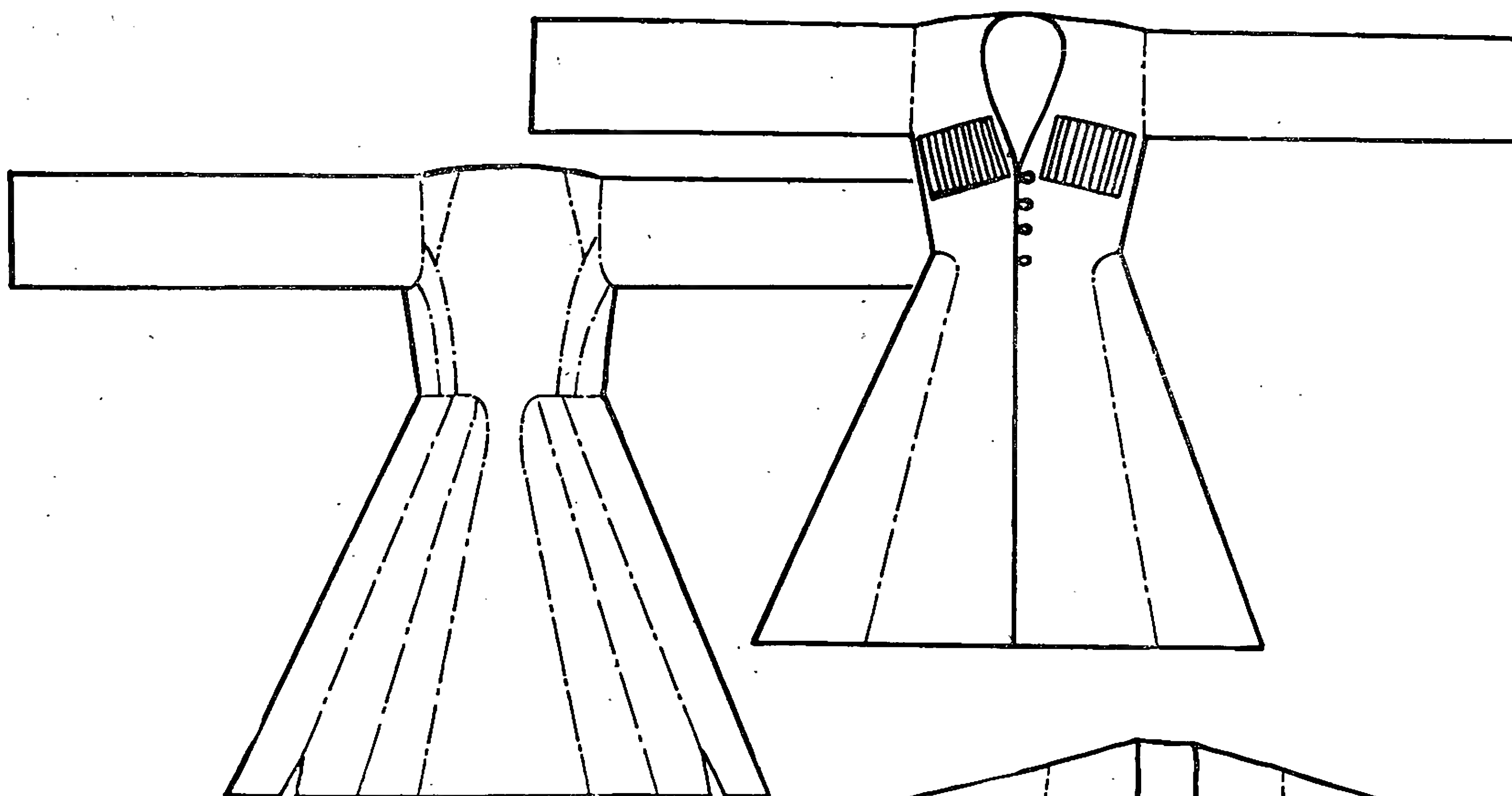

Таблица 64. Черкеска.

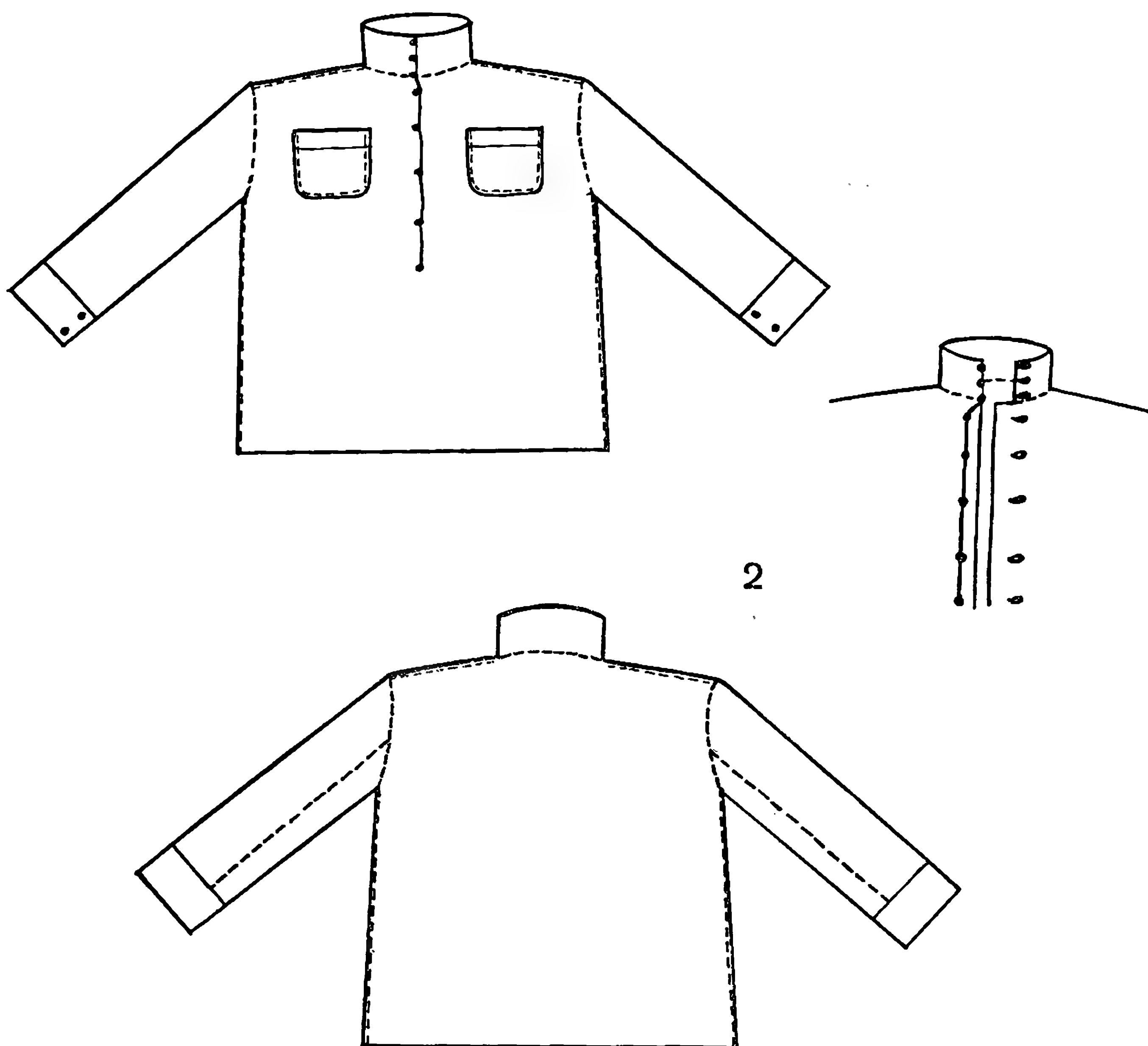
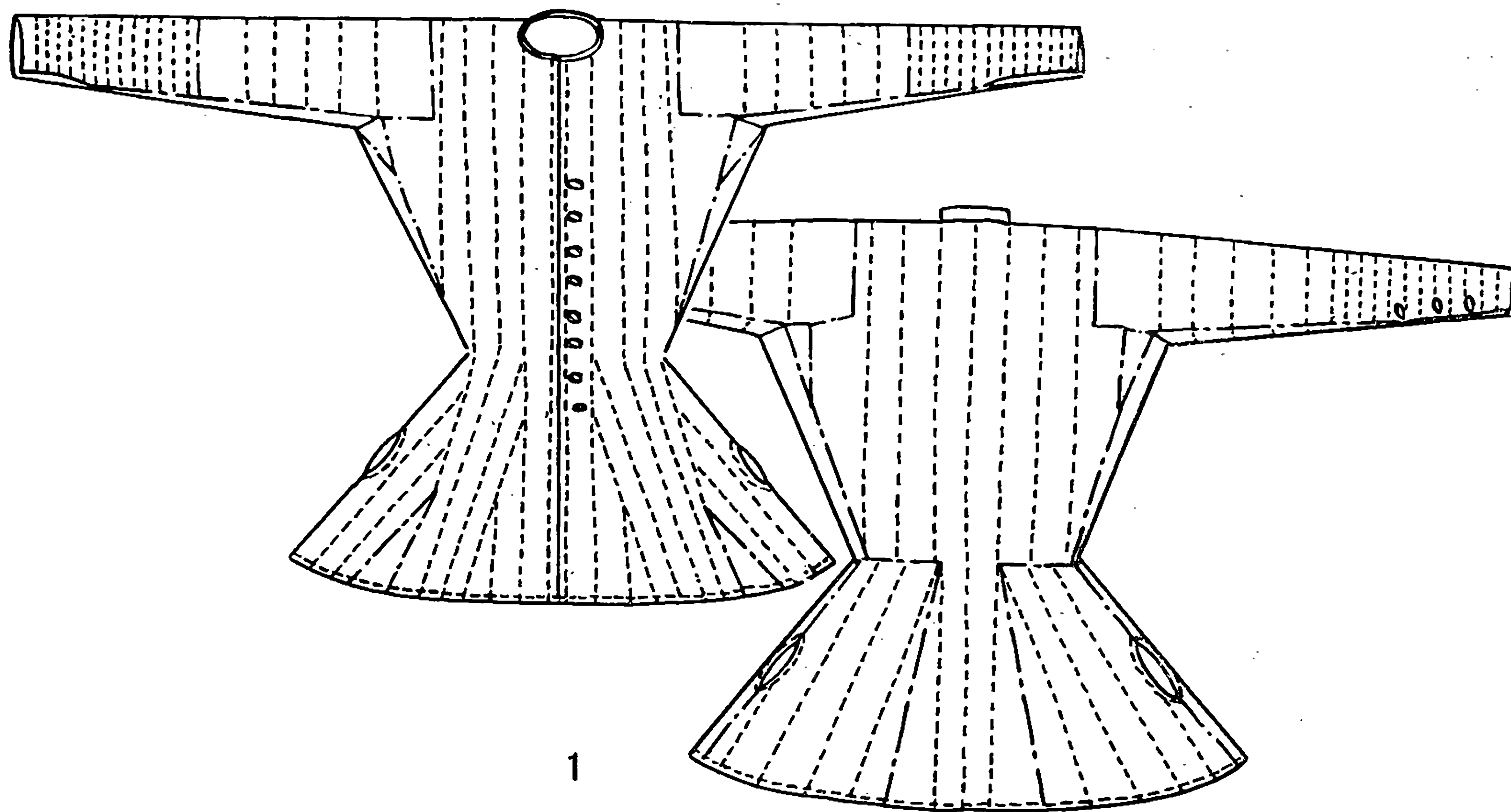
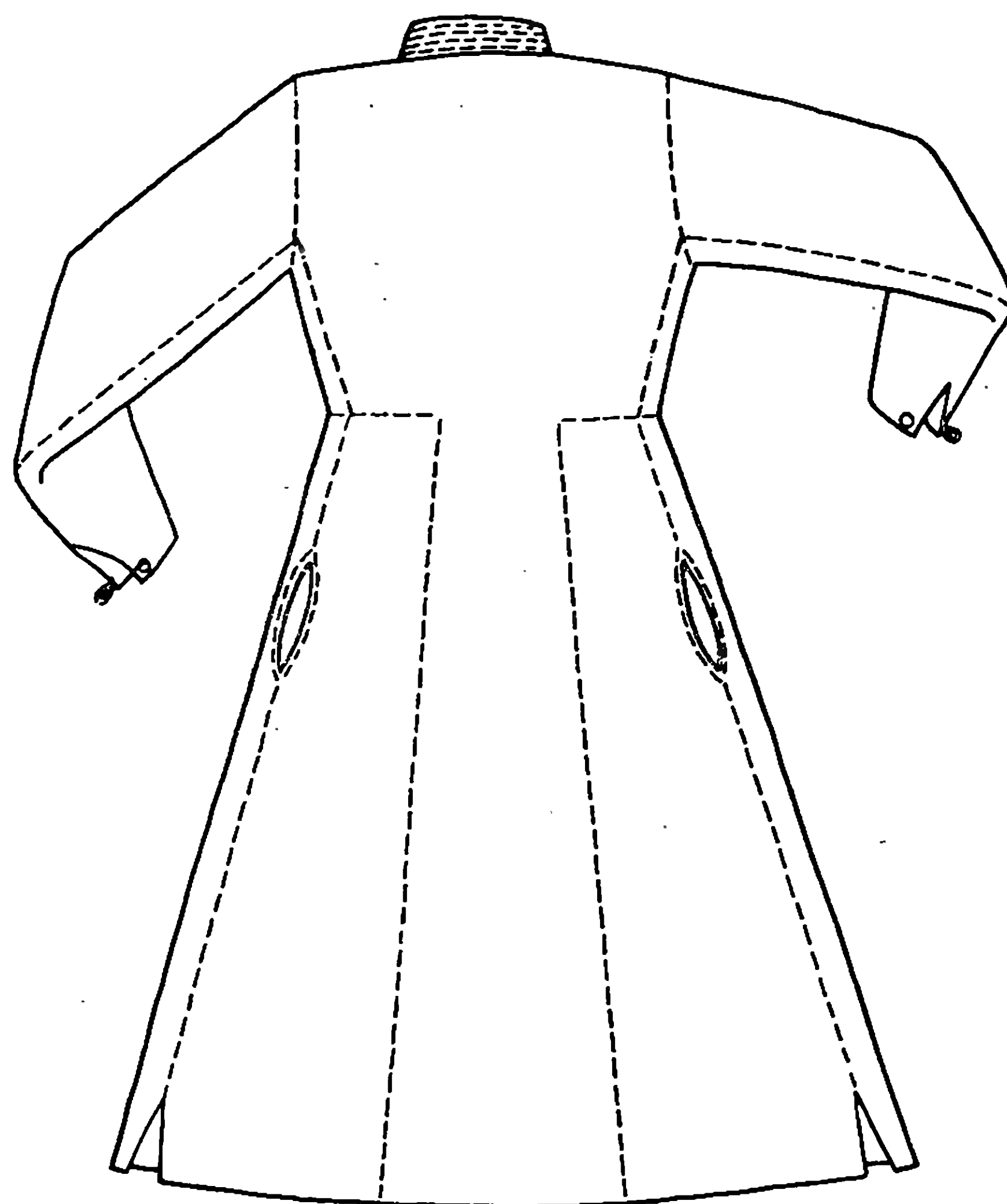
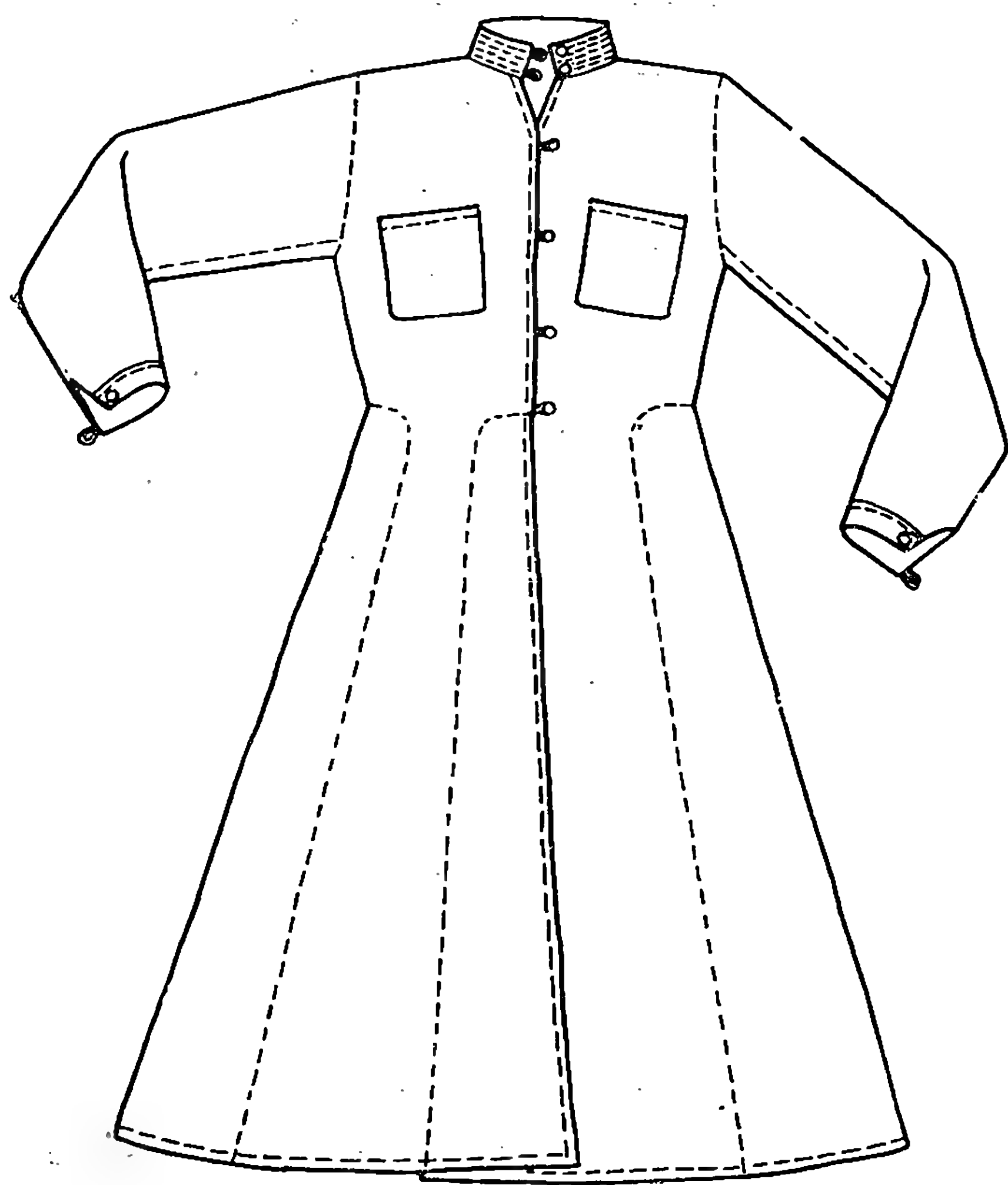
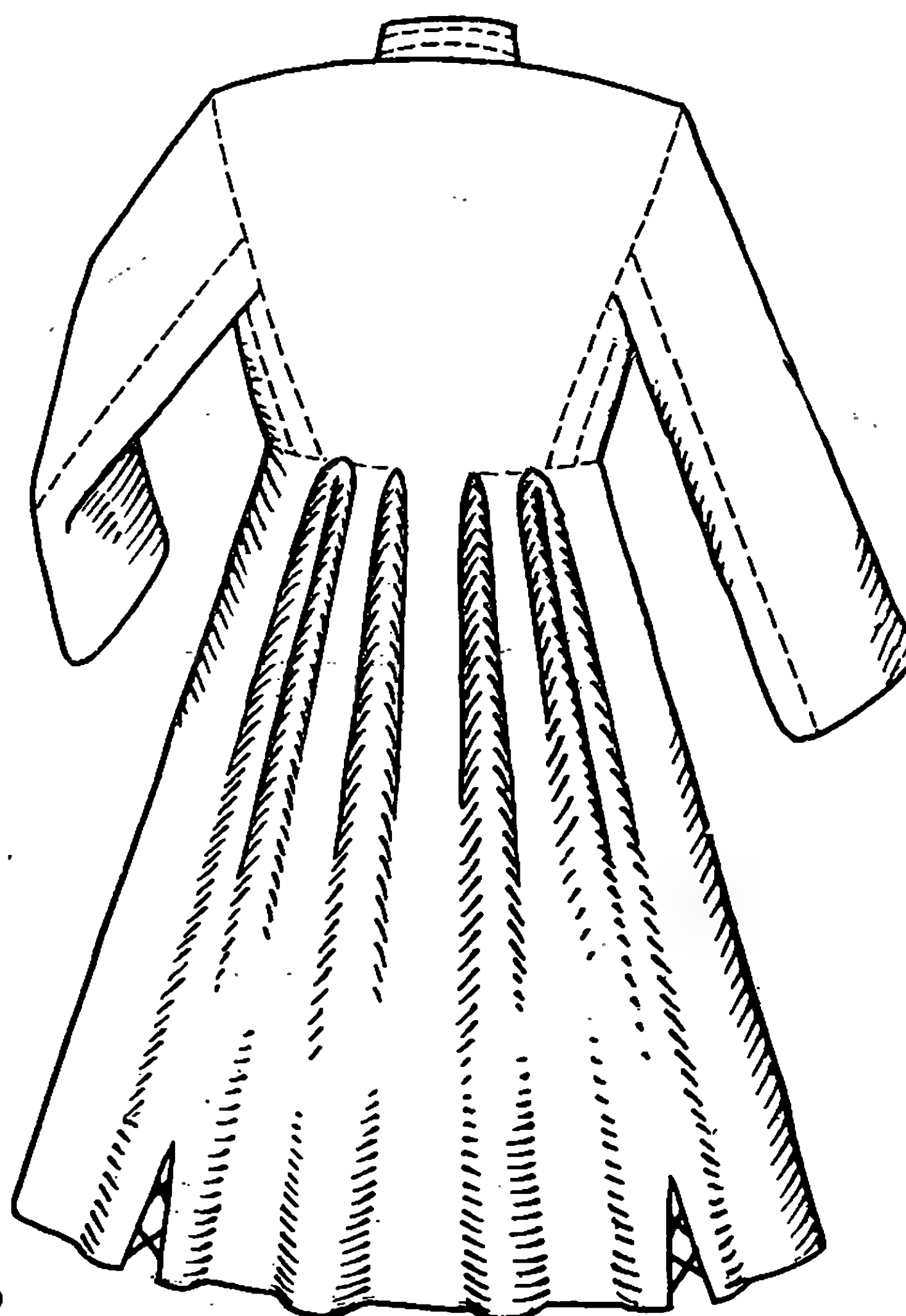
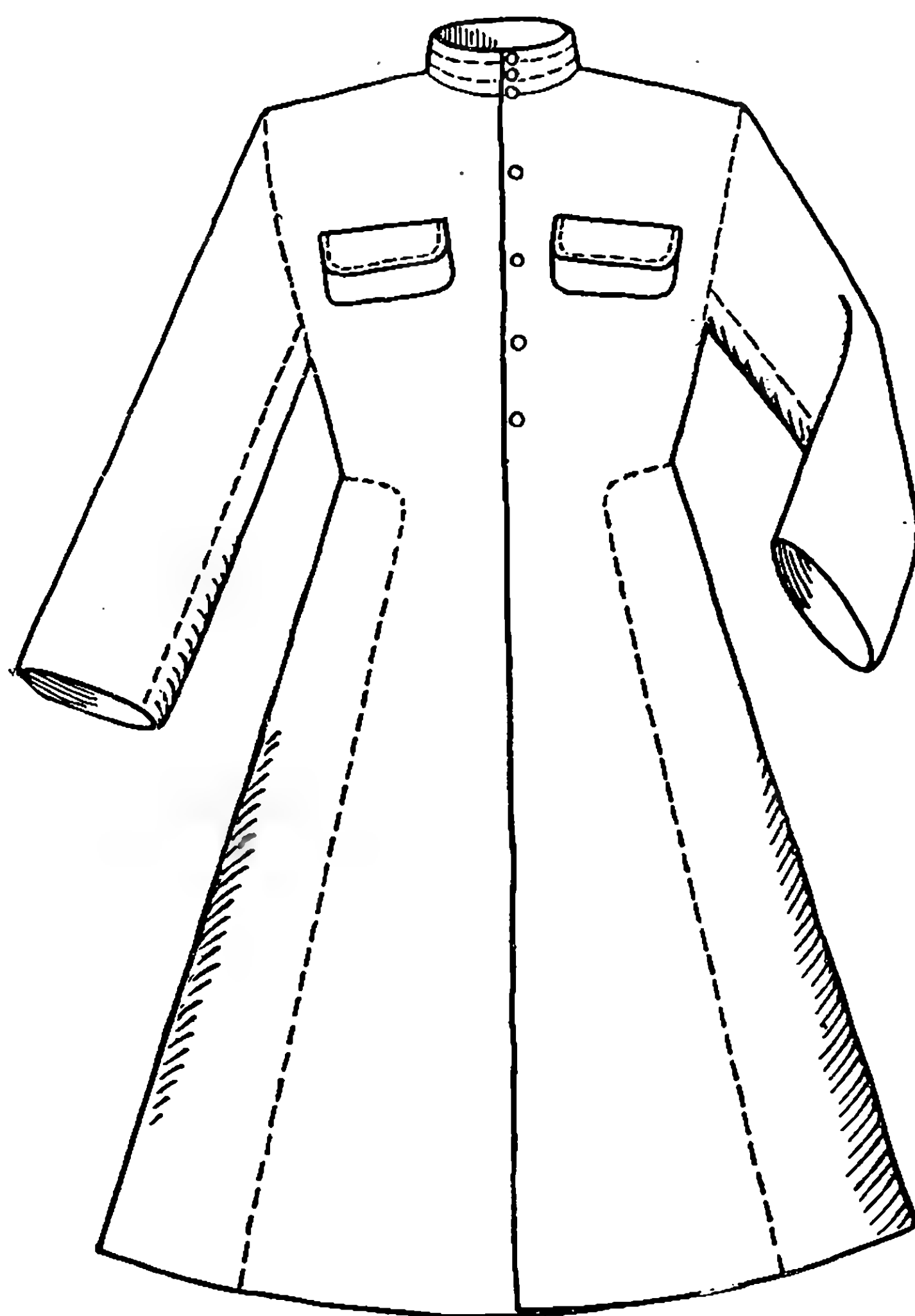

Таблица 65. Элементы мужской одежды.

1

2

Таблица 66. Традиционная верхняя мужская одежда.

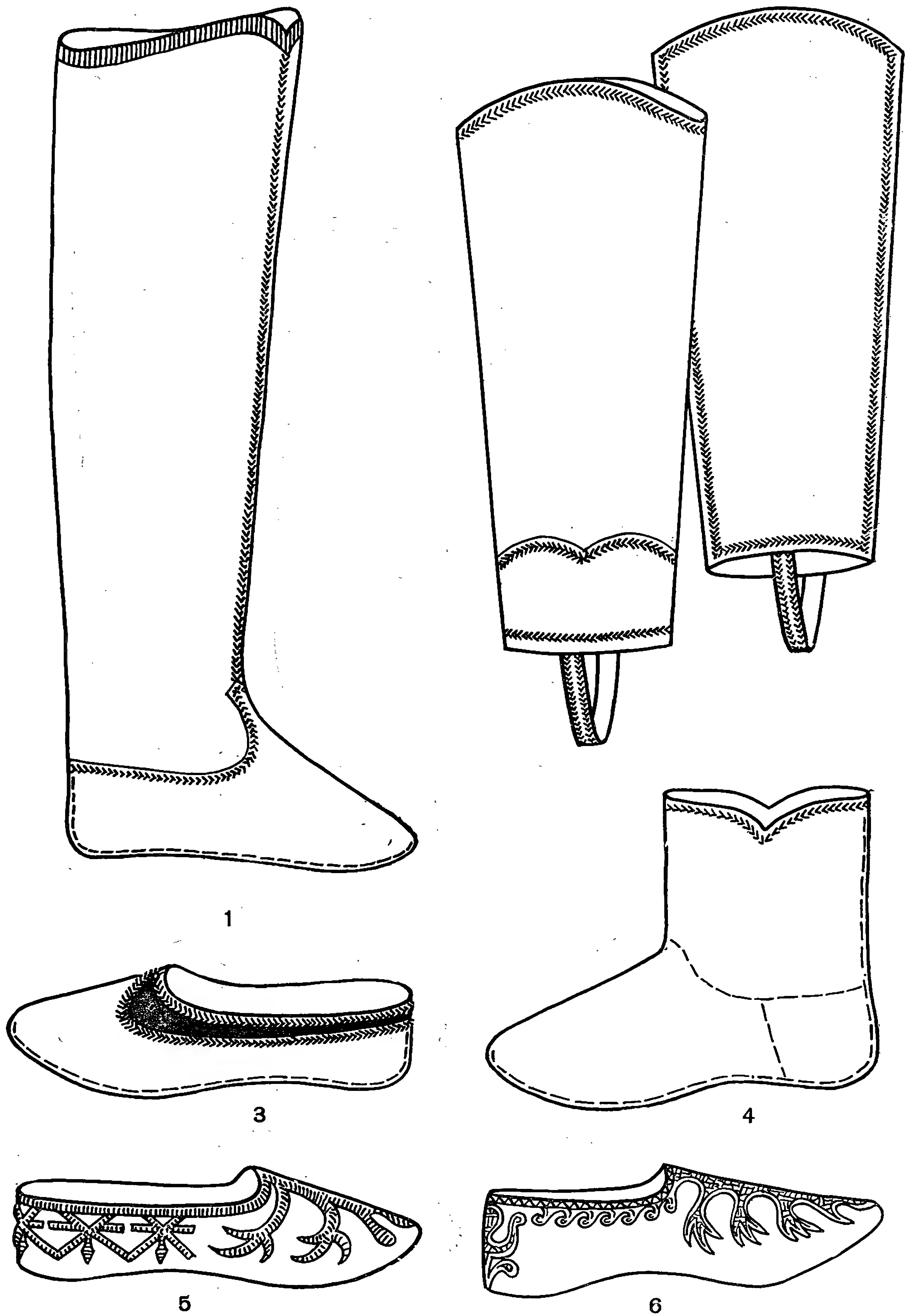

Таблица 67. Традиционная праздничная обувь.

Таблица 68. Старинная повседневная обувь.

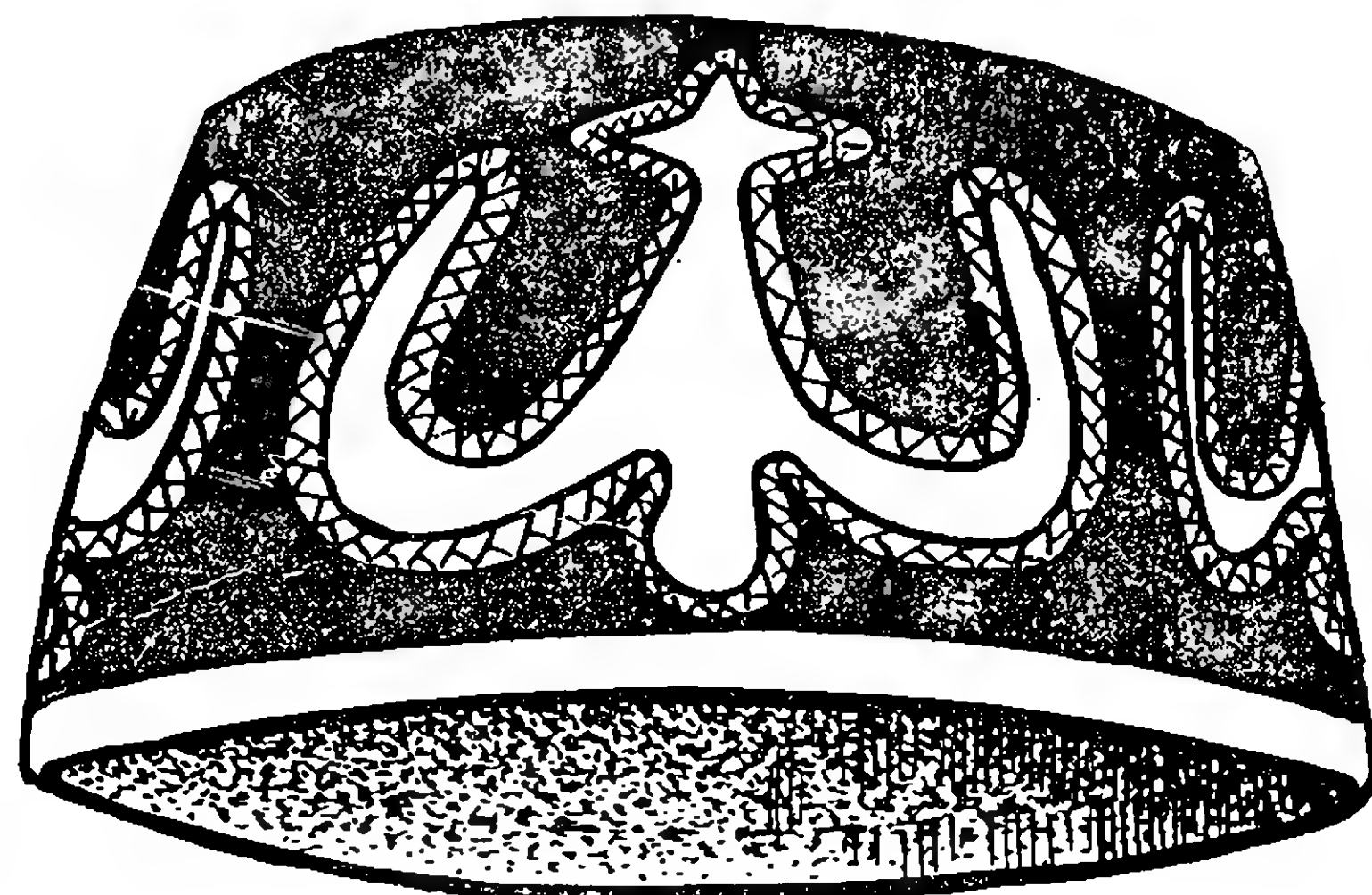
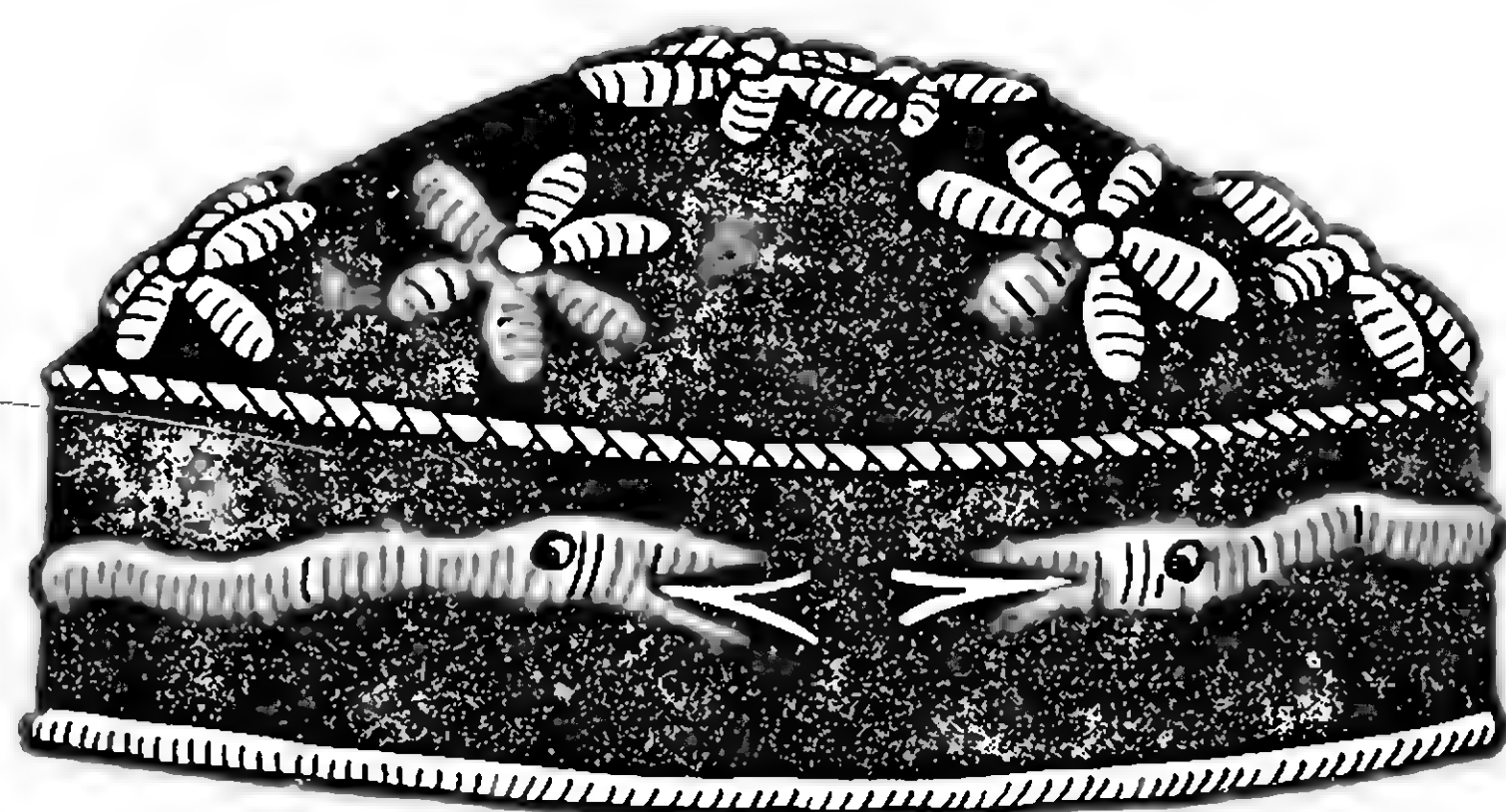
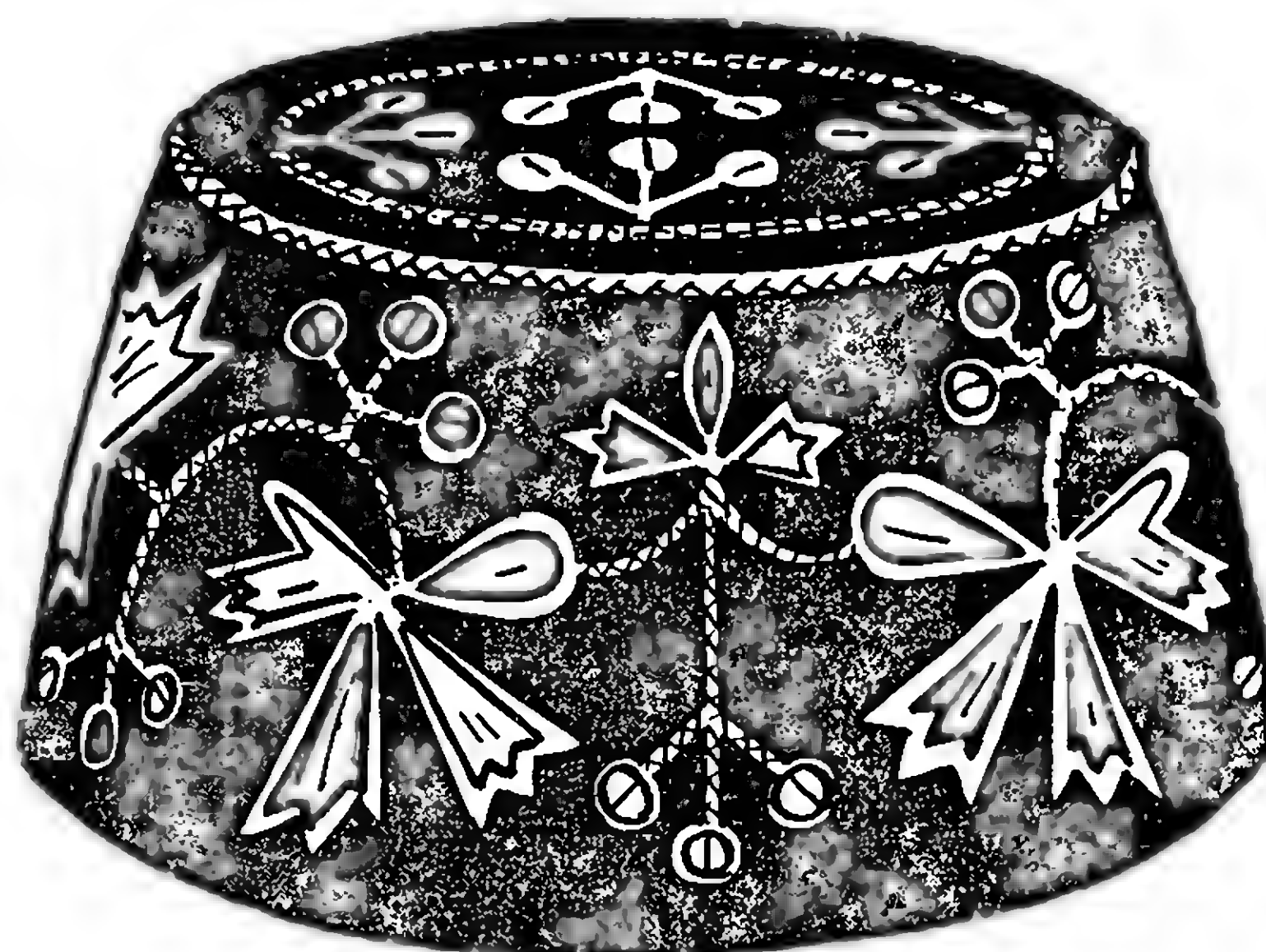
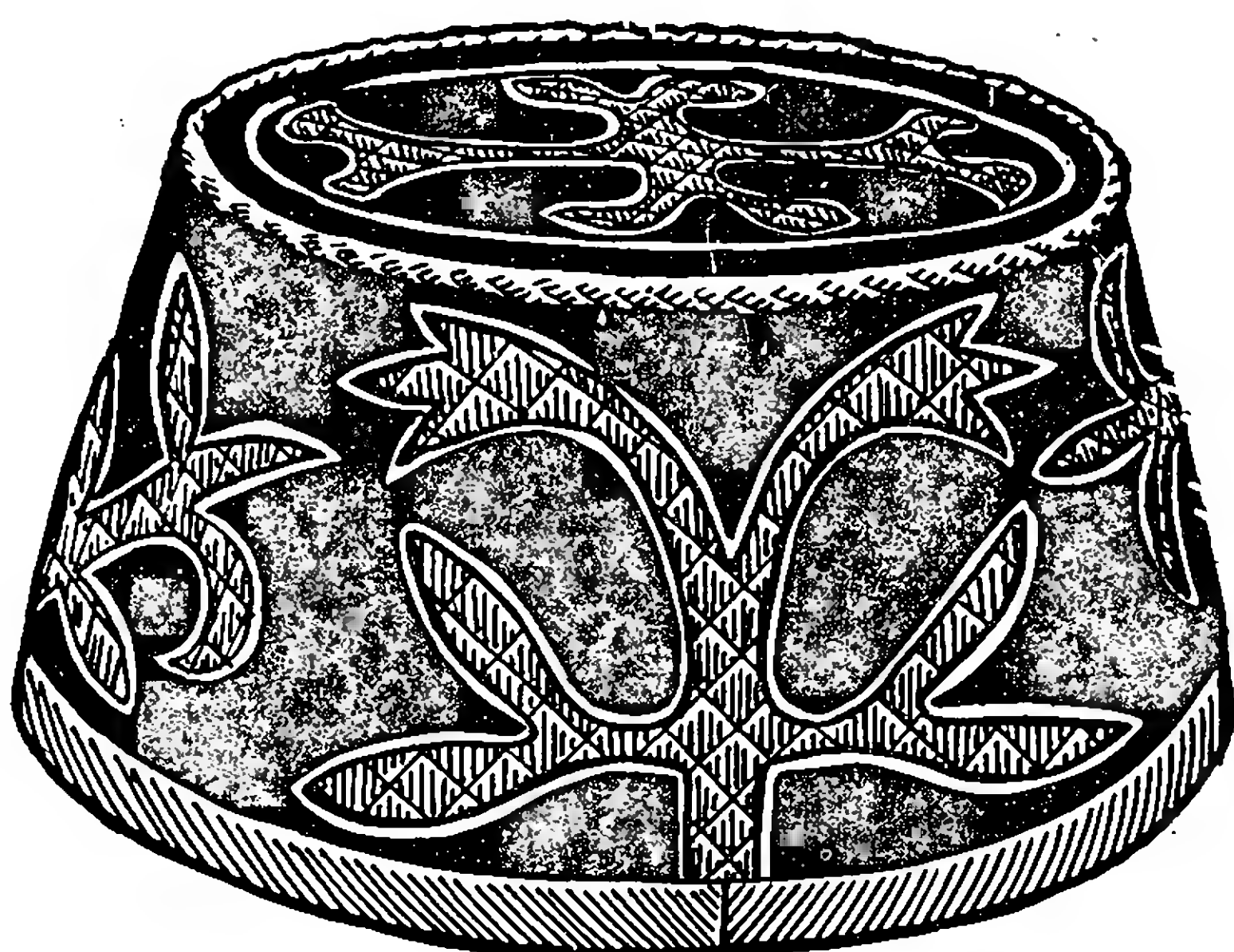

Таблица 69. Традиционный девичий головной убор.

Таблица 70. Праздничный женский костюм.

Таблица 71—72. Праздничные платья.

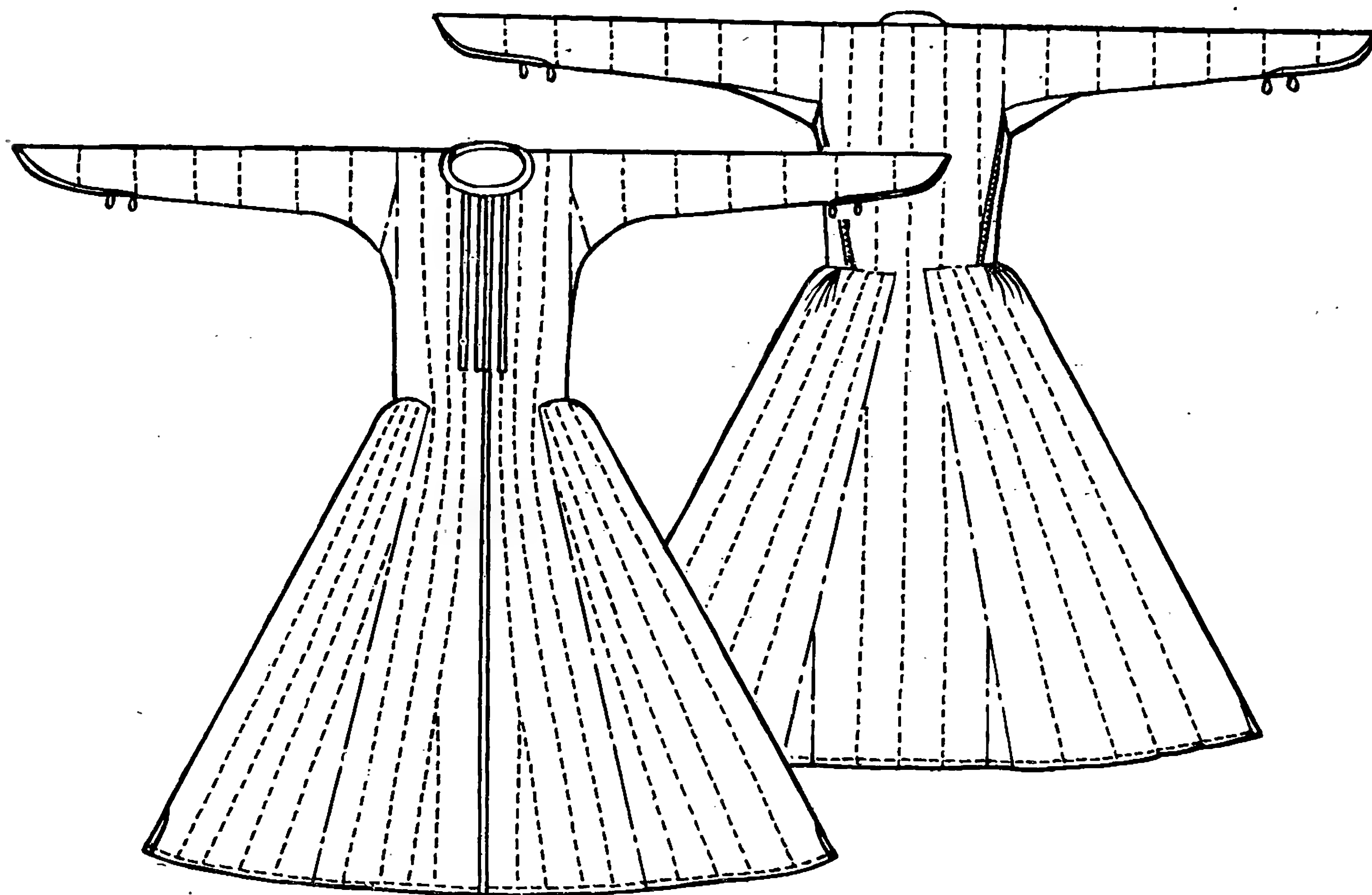
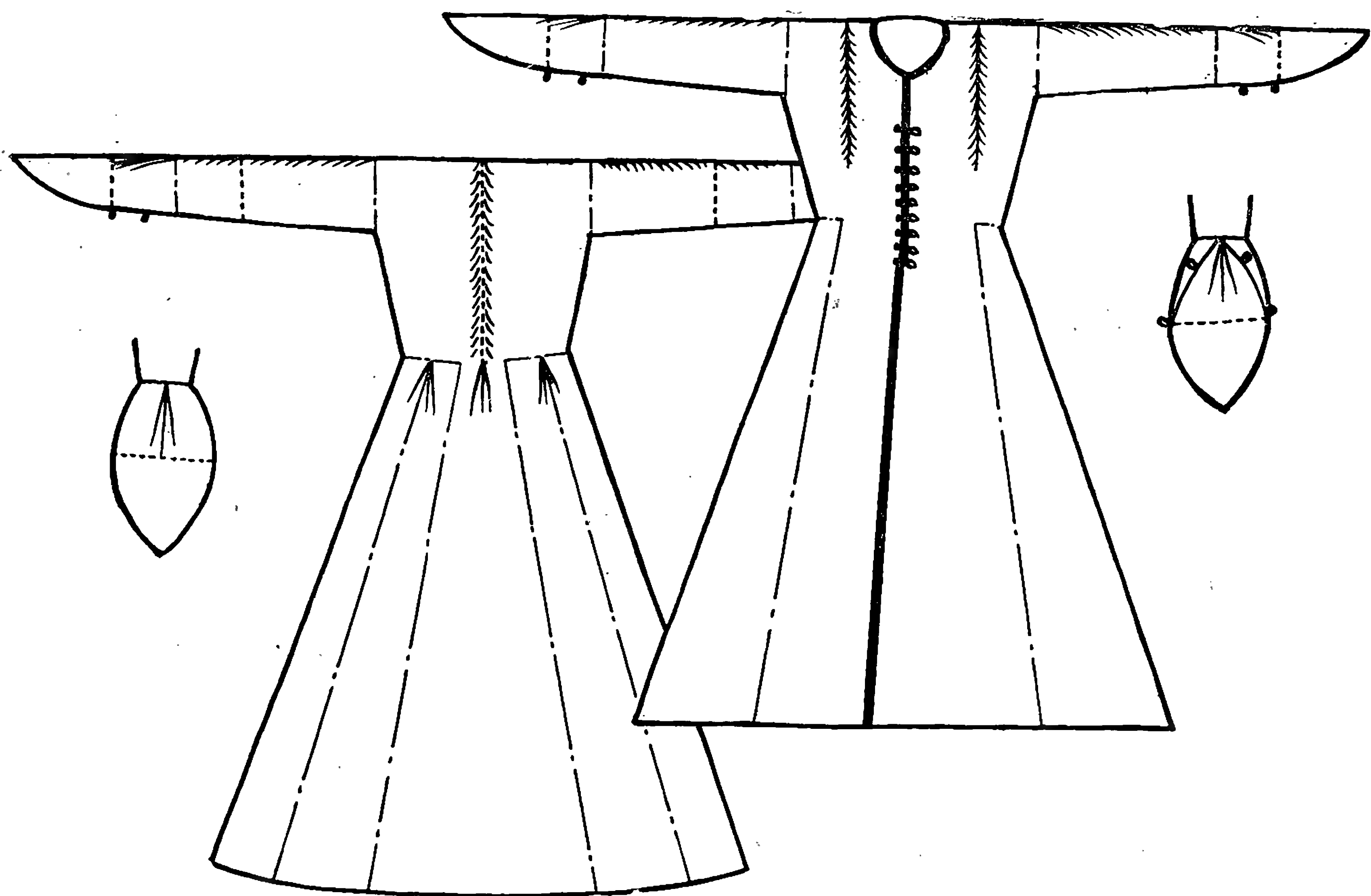

Таблица 73. Старинное праздничное платье.

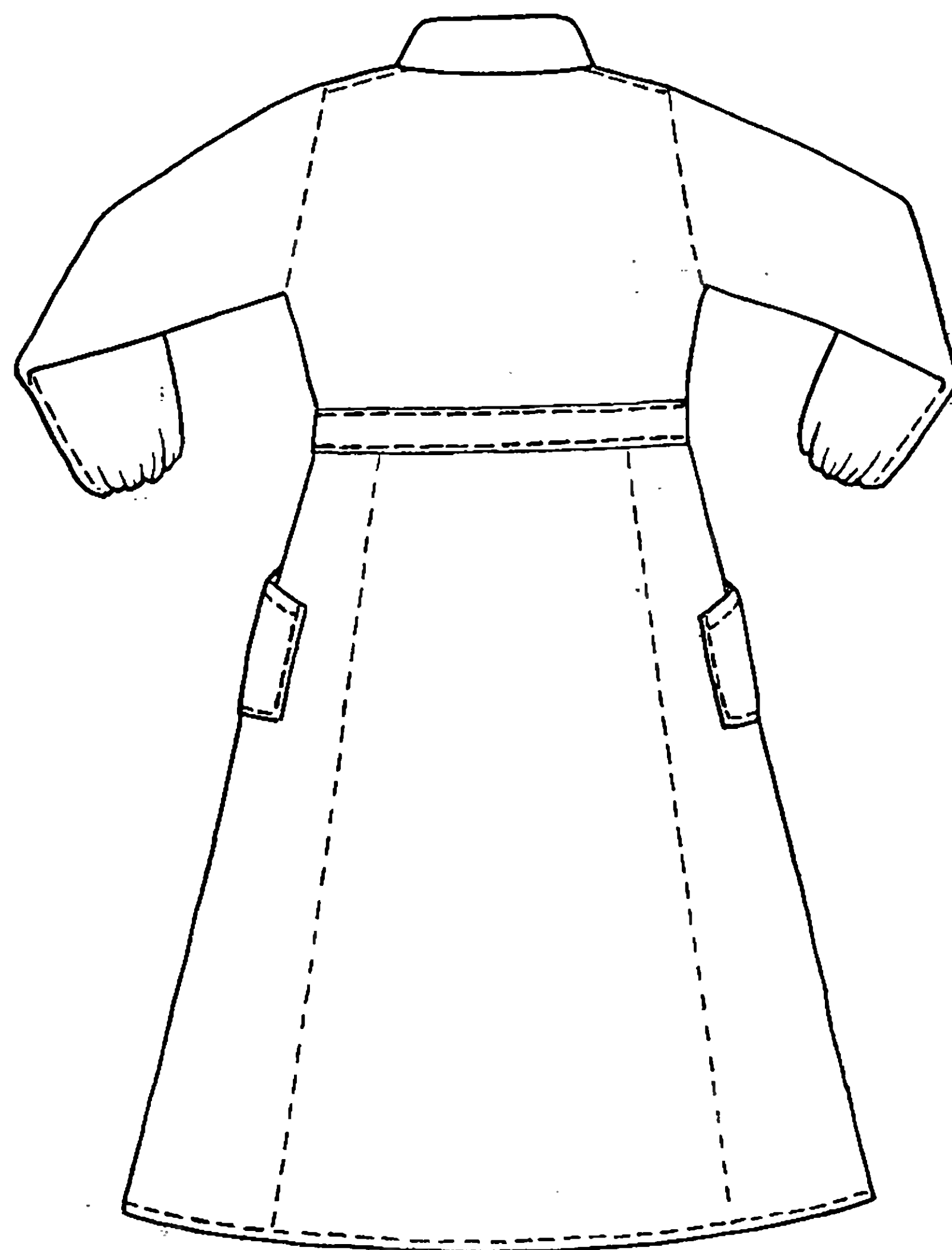
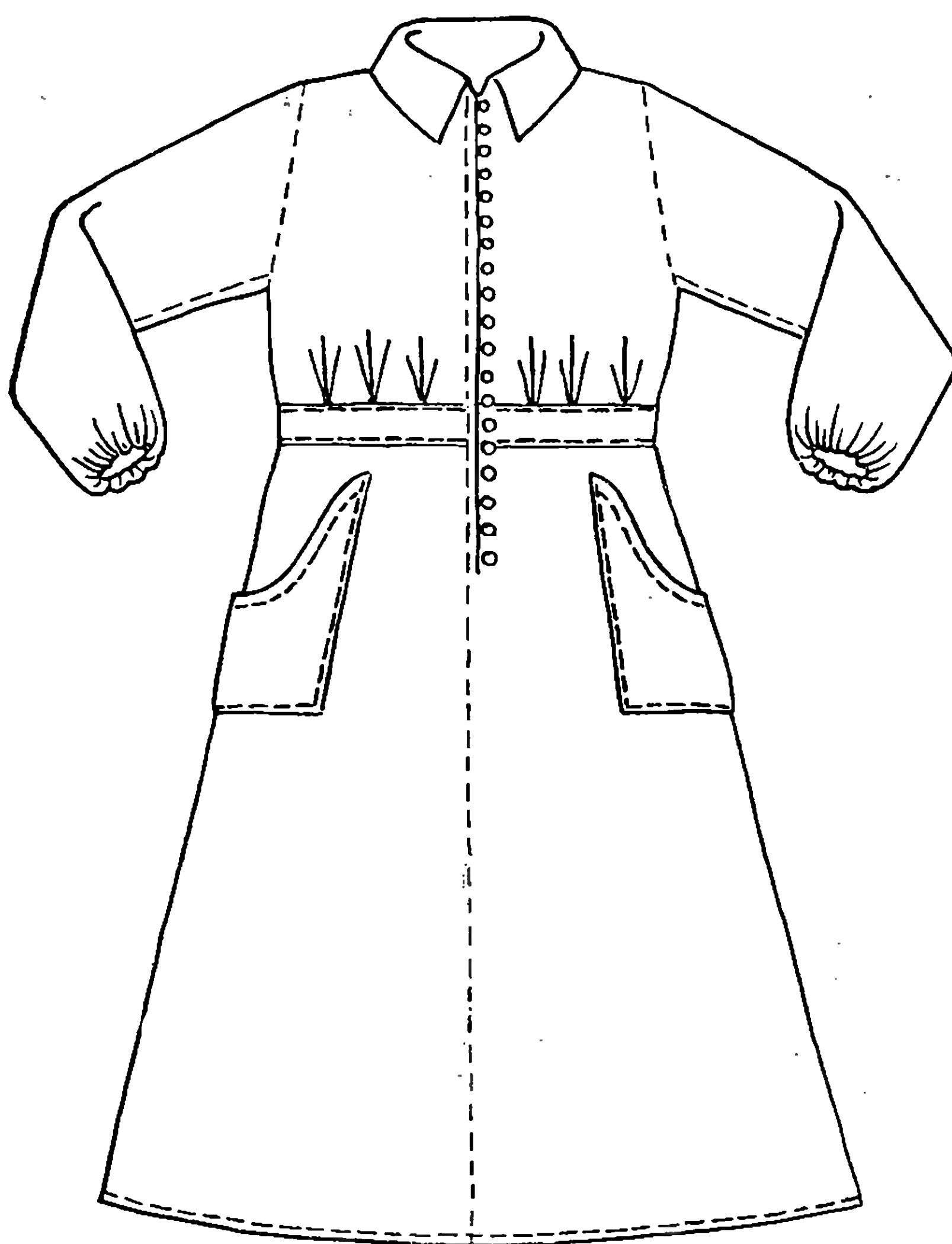
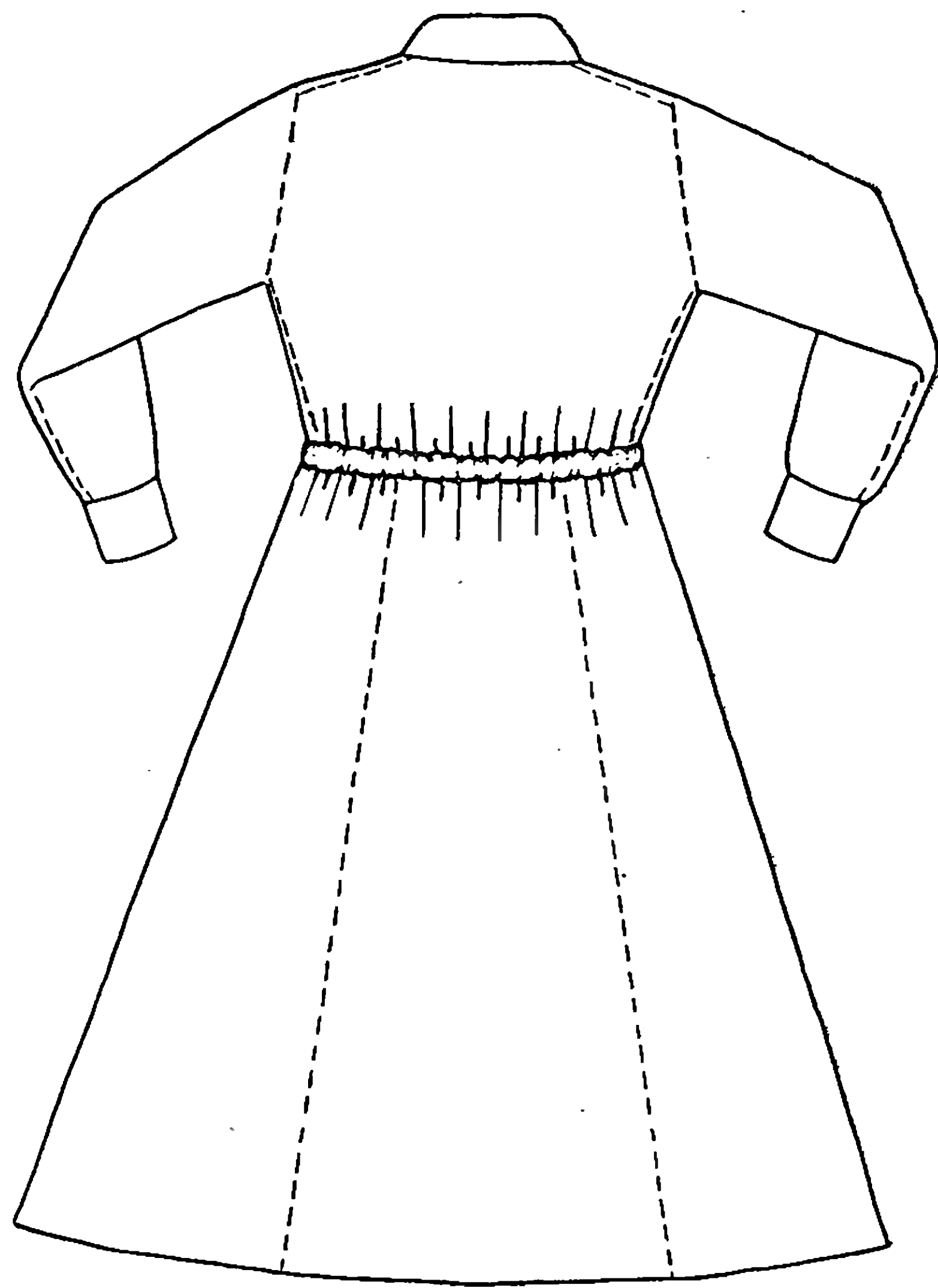
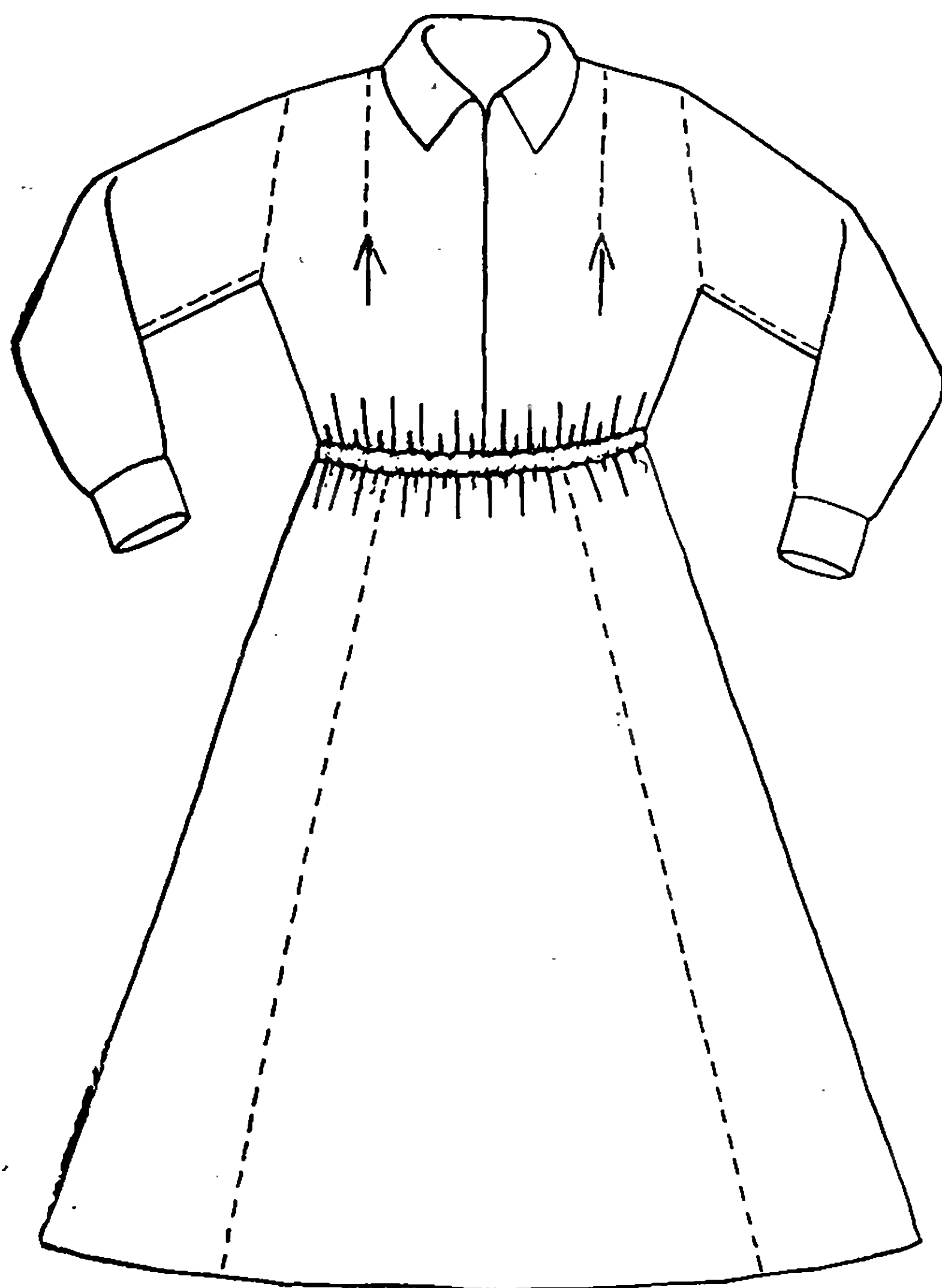

Таблица 74. Повседневное женское платье.

Таблица 75. Образцы осетинского орнамента.

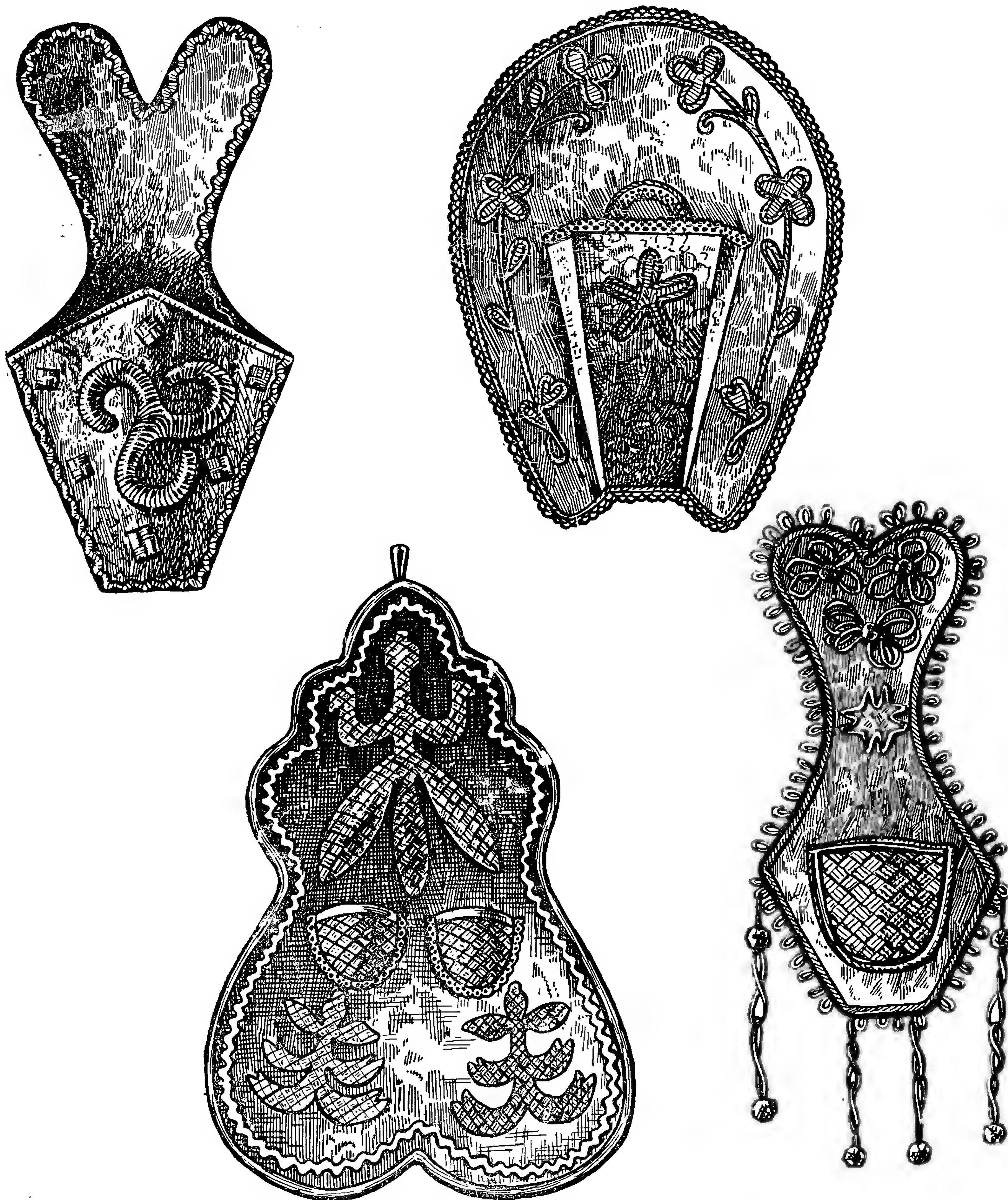

Таблица 76. Вышивки.

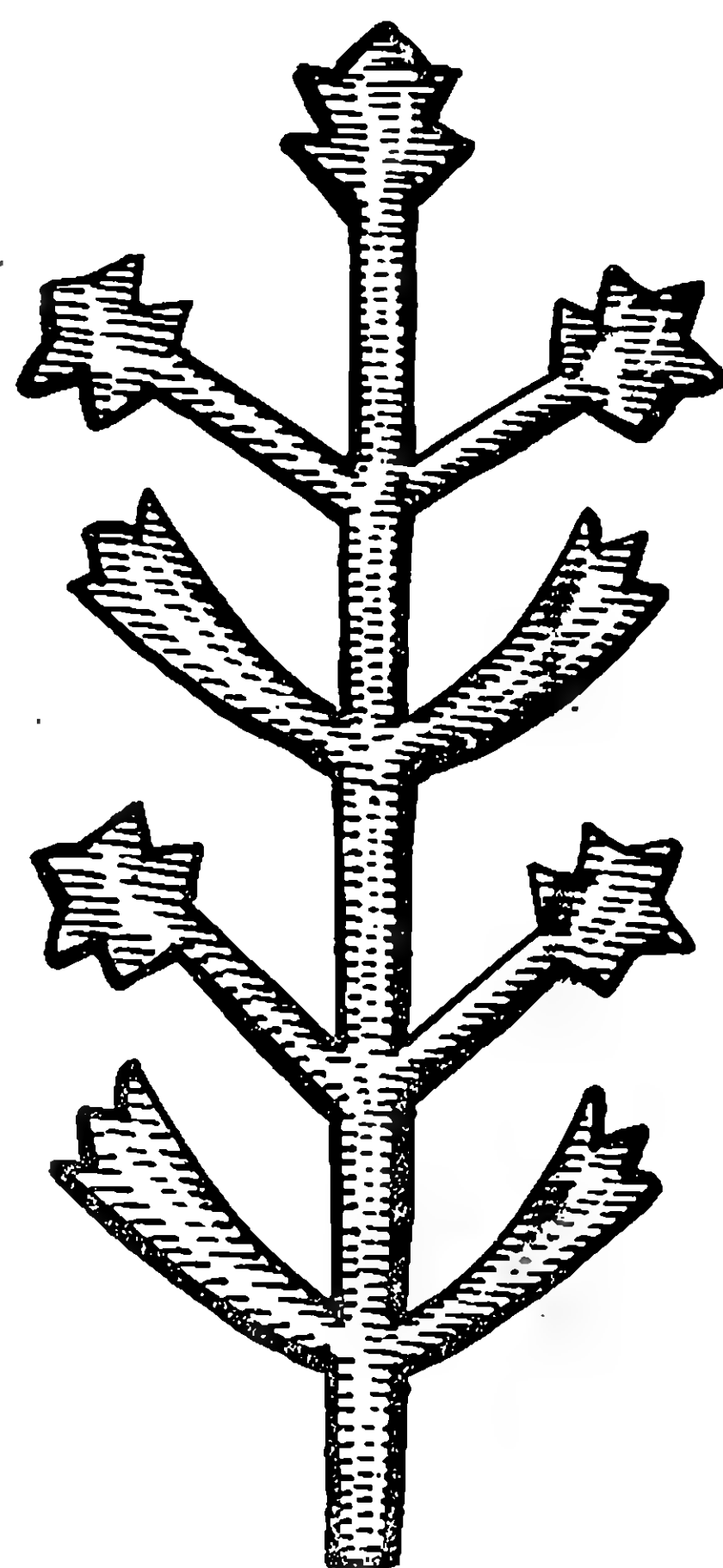
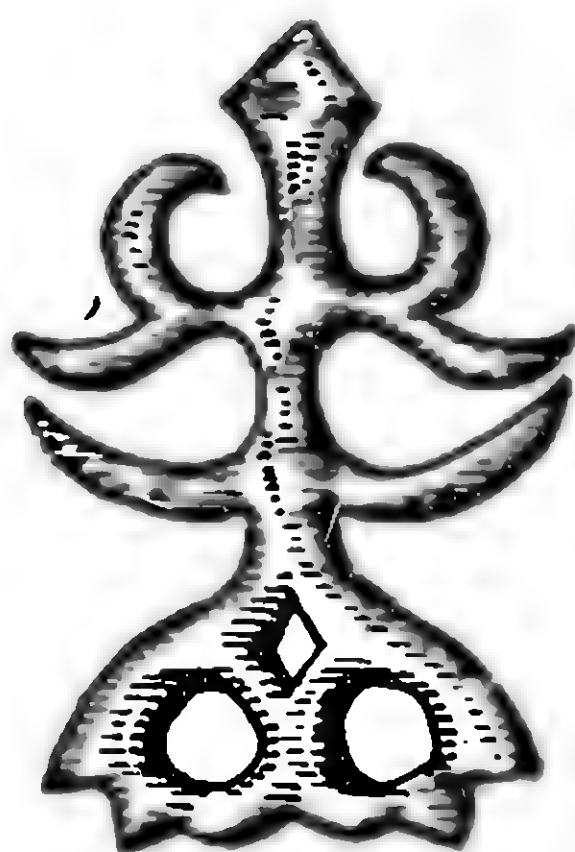
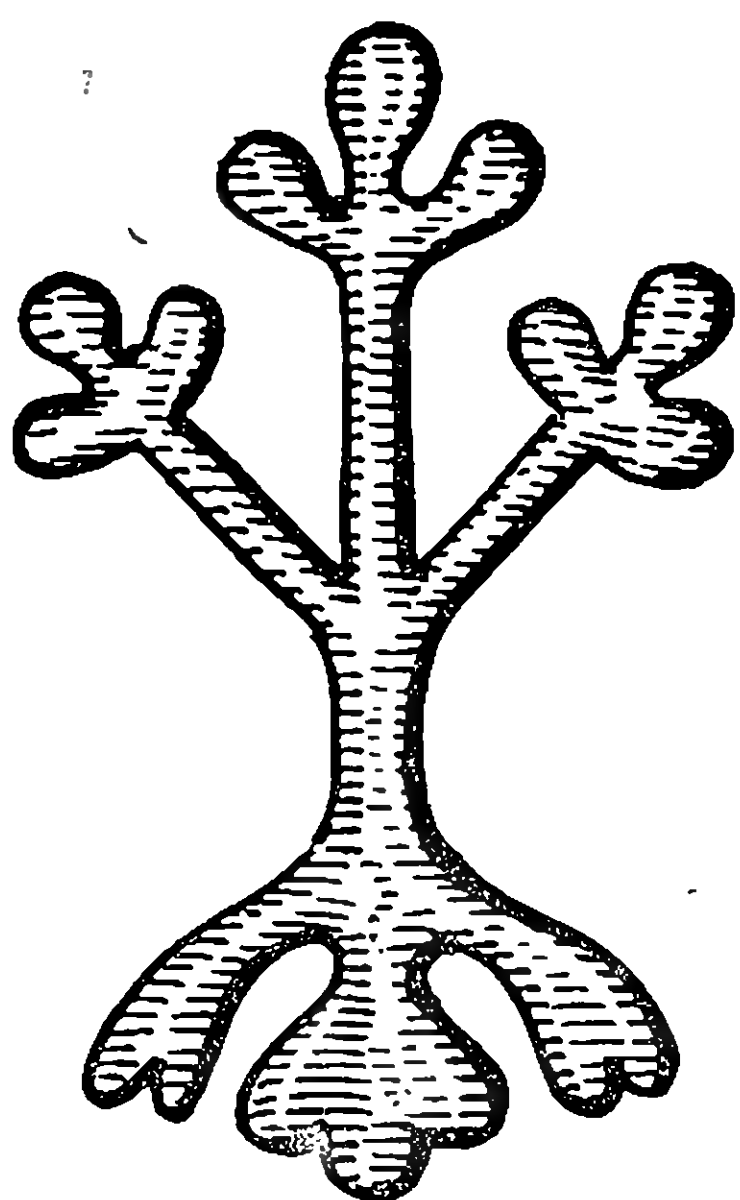
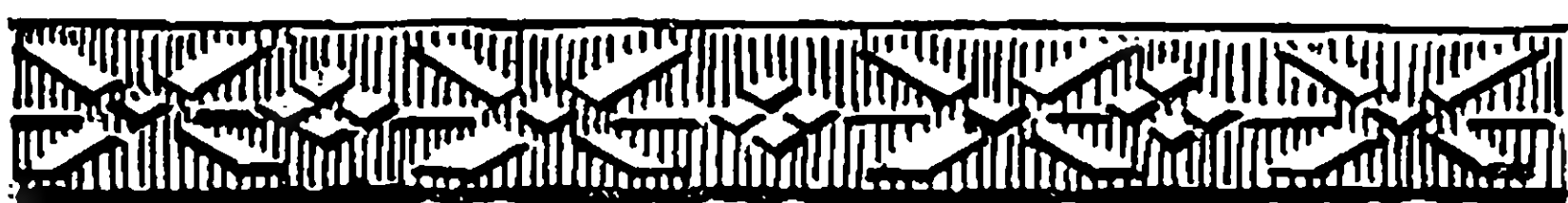
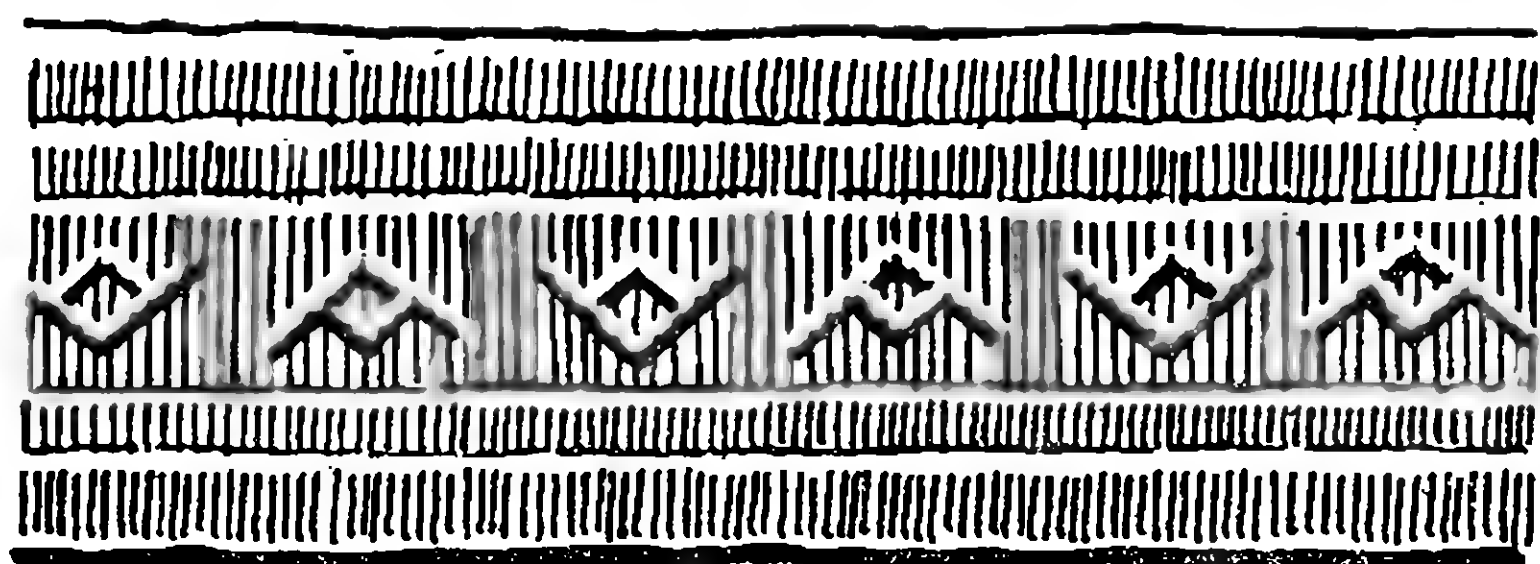
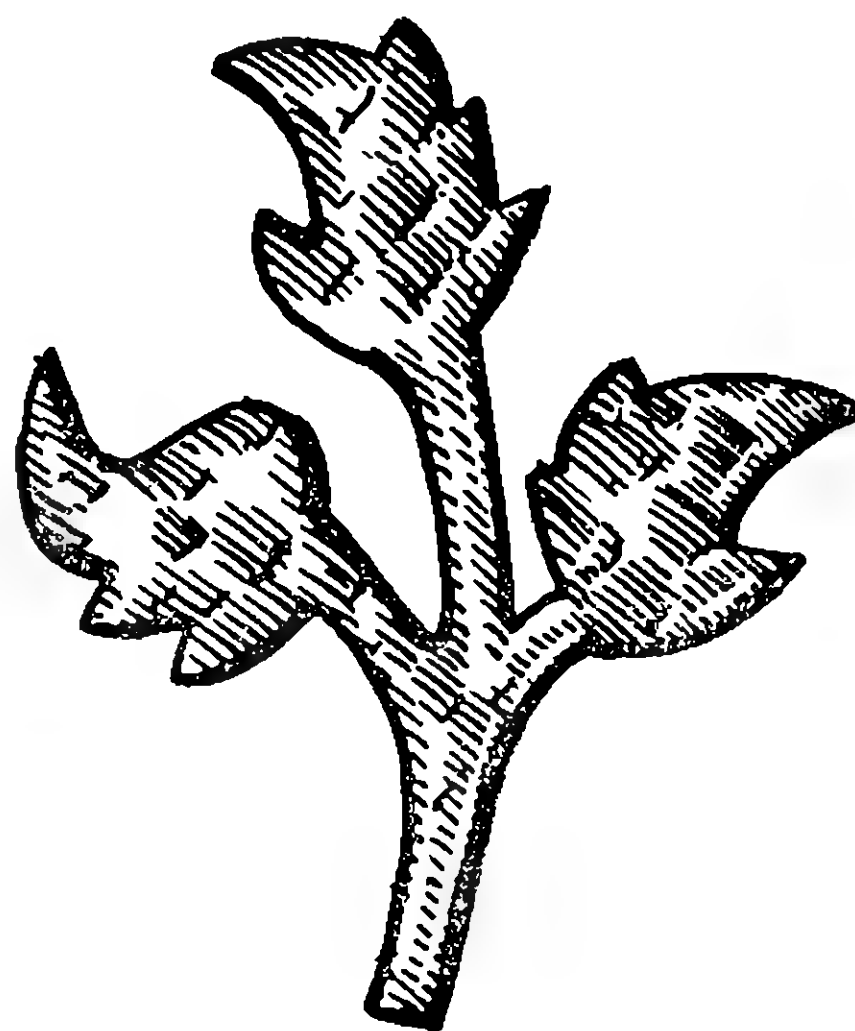
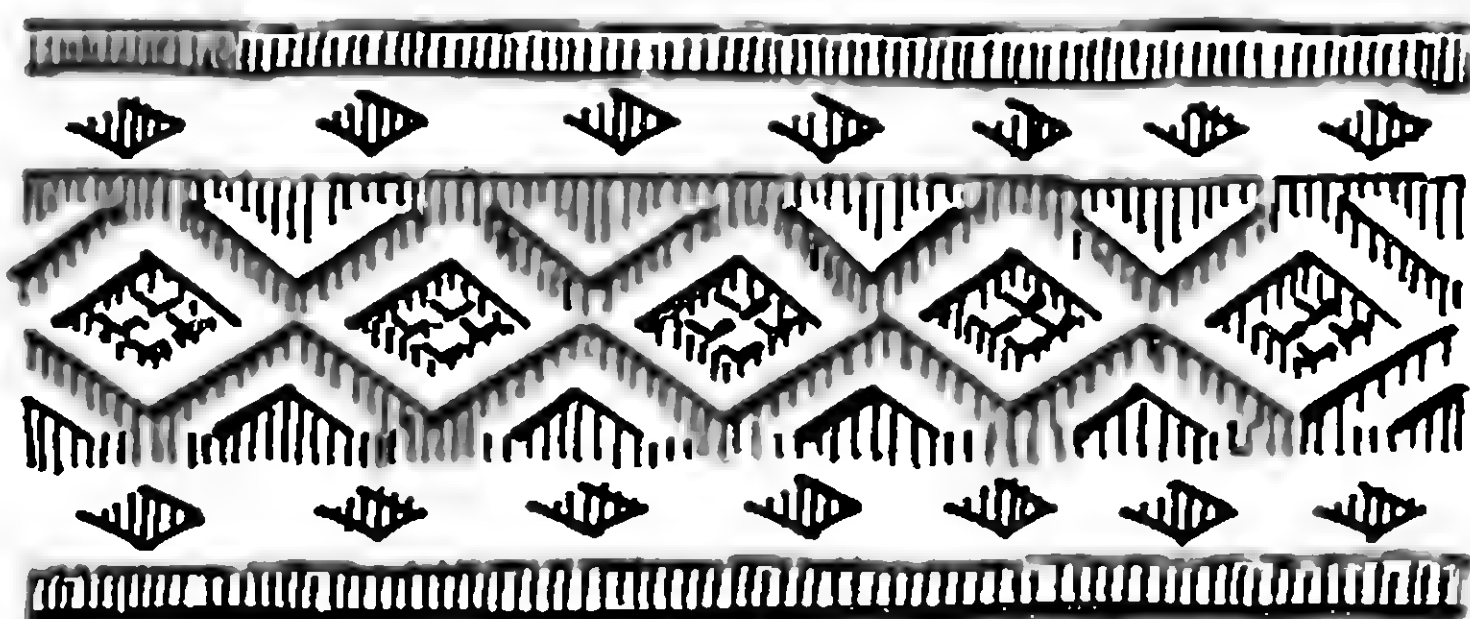
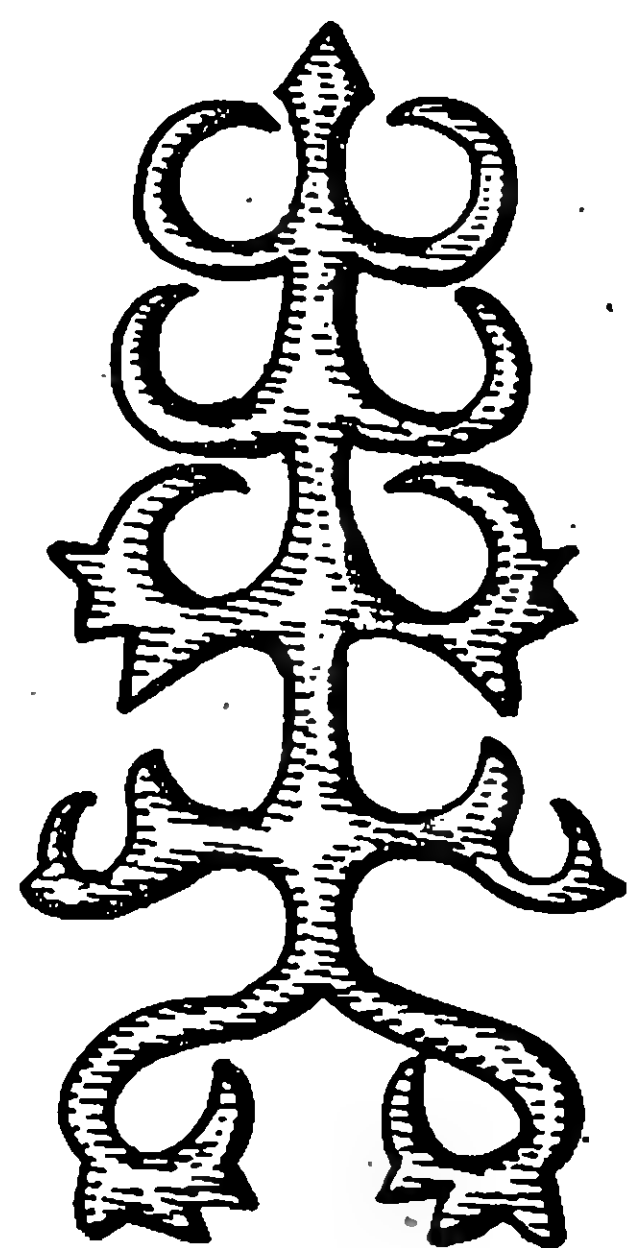
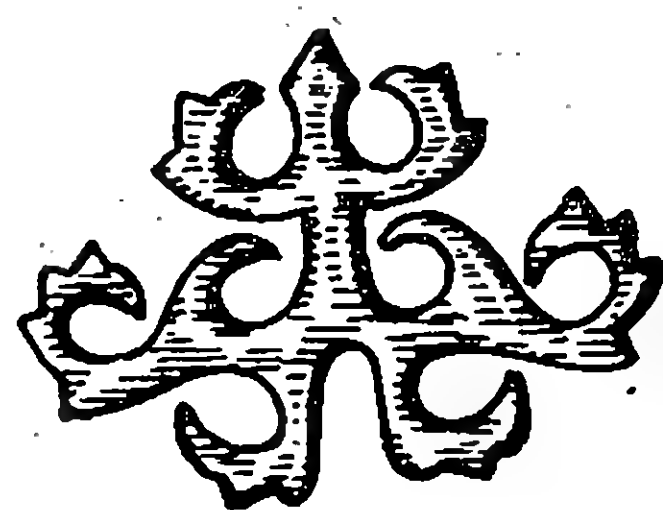
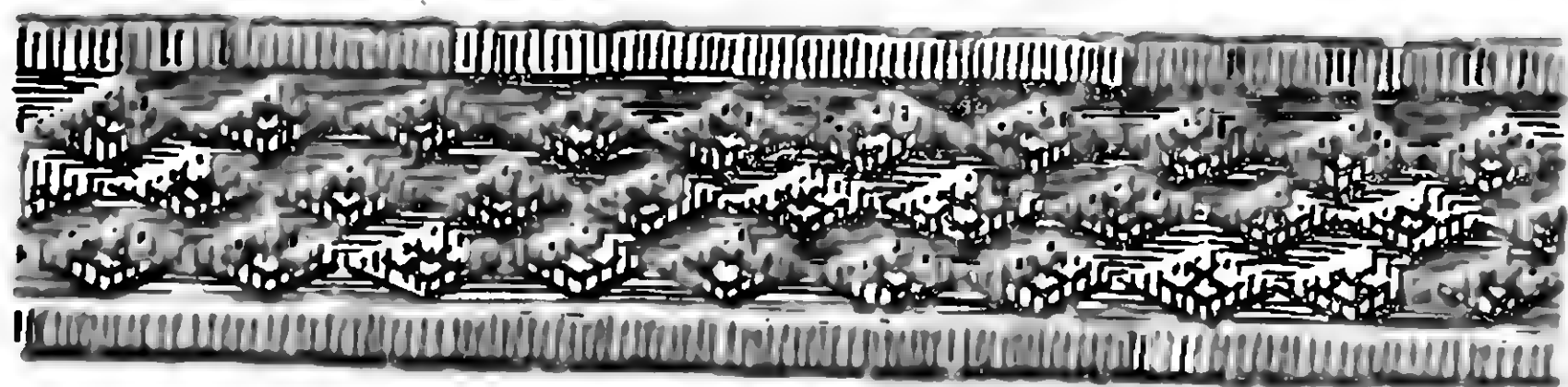

Таблица 77. Образцы орнамента на материи и дереве.

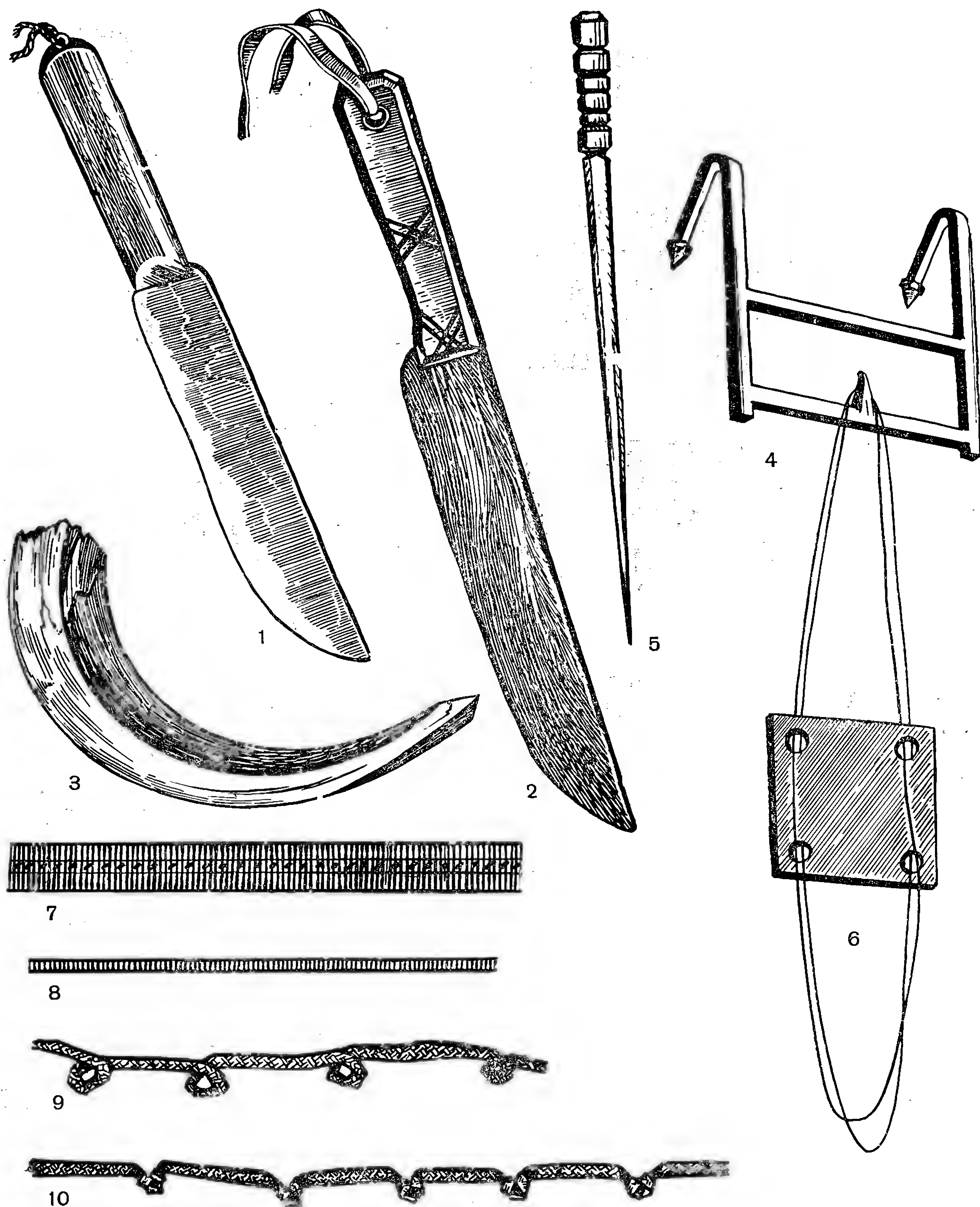

Таблица 78. Орудия рукоделия.

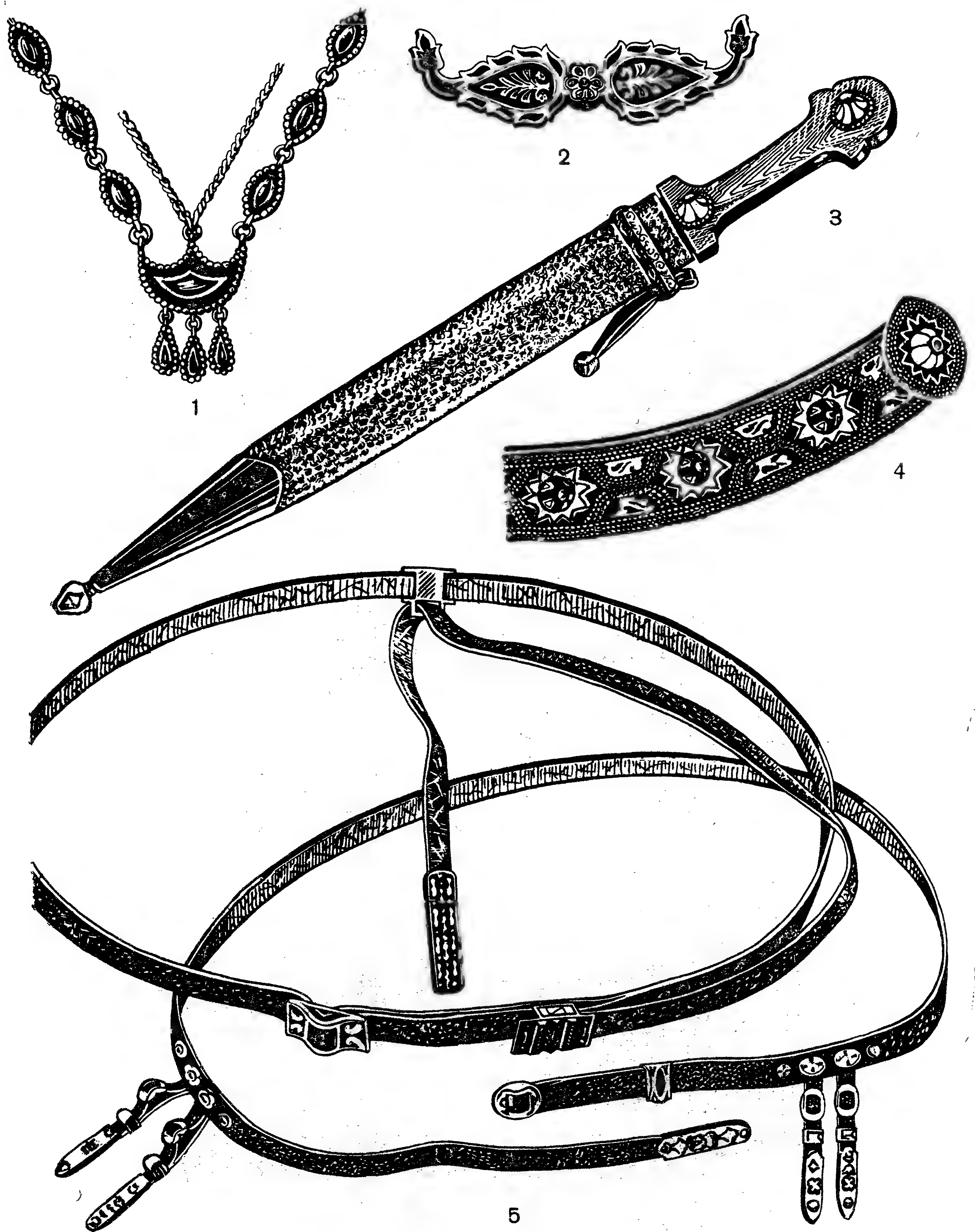

Таблица 79. Украшения традиционного костюма.

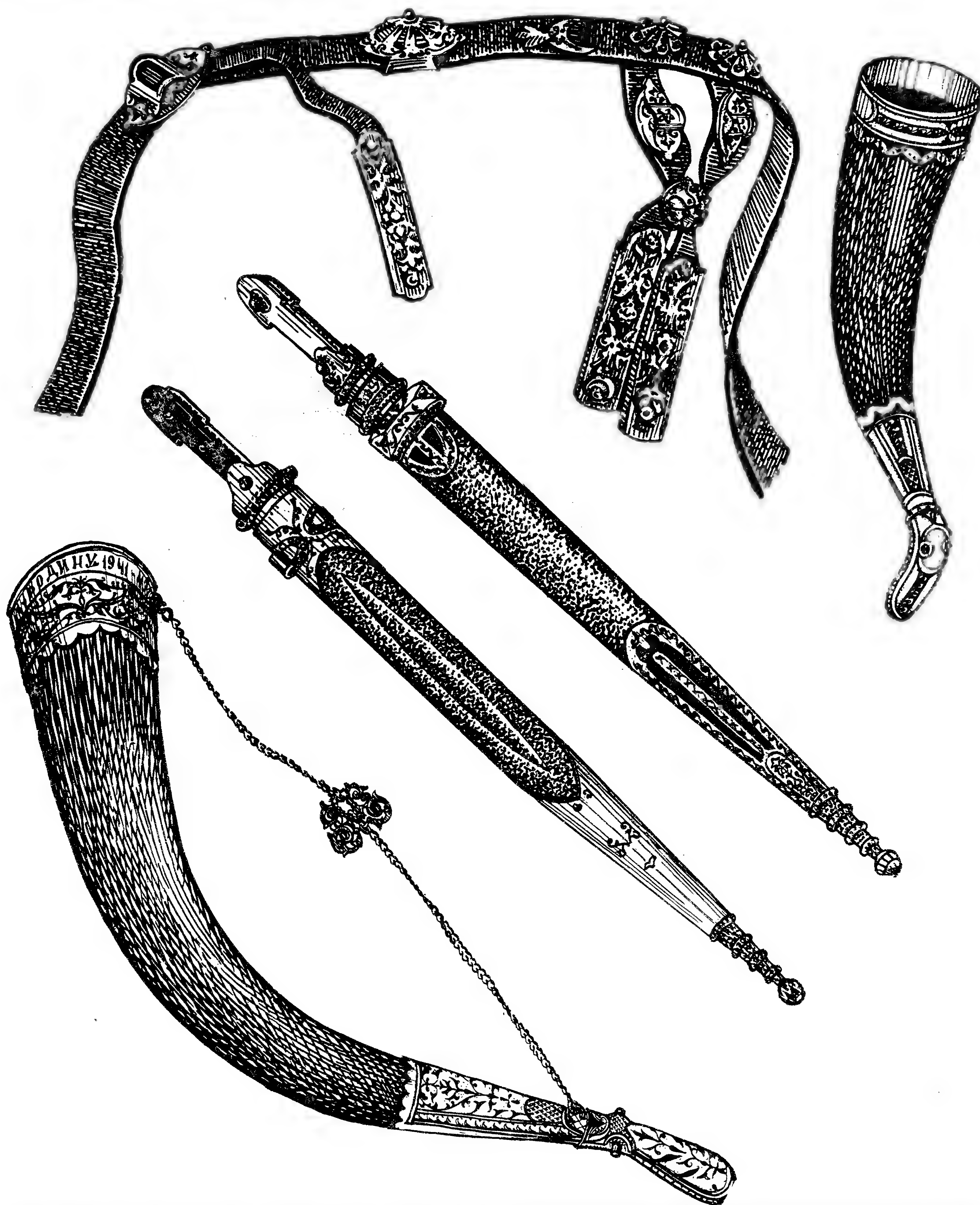

Таблица 80. Изделия златокузнеца Н. Джатиева.

Таблица 81. Образцы орнамента на металле.

Таблица 82. Образцы орнамента на металле.

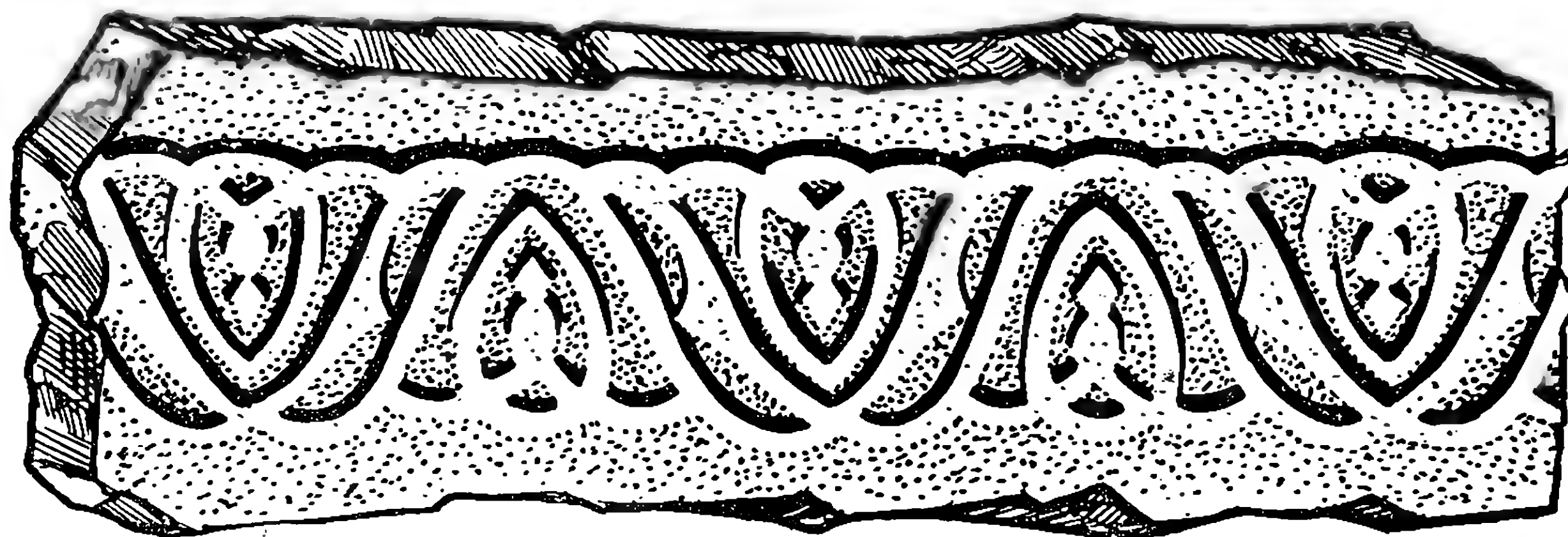
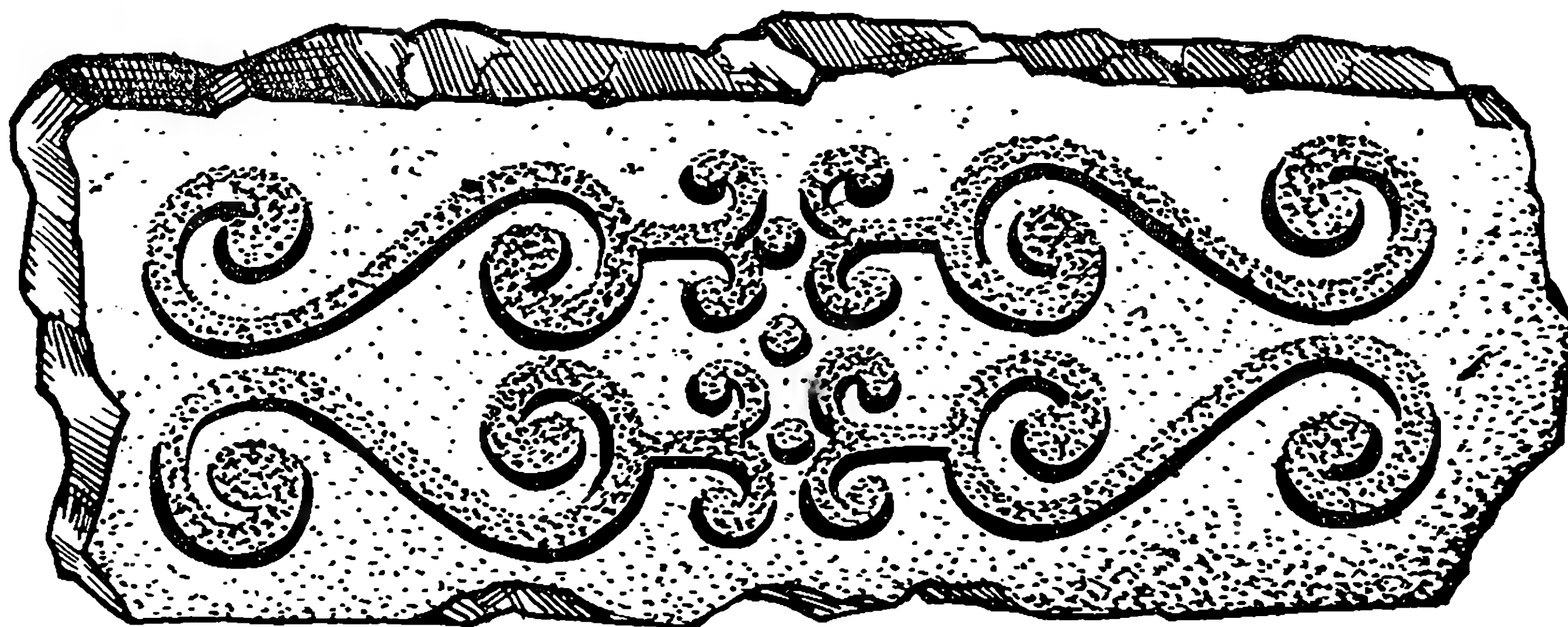
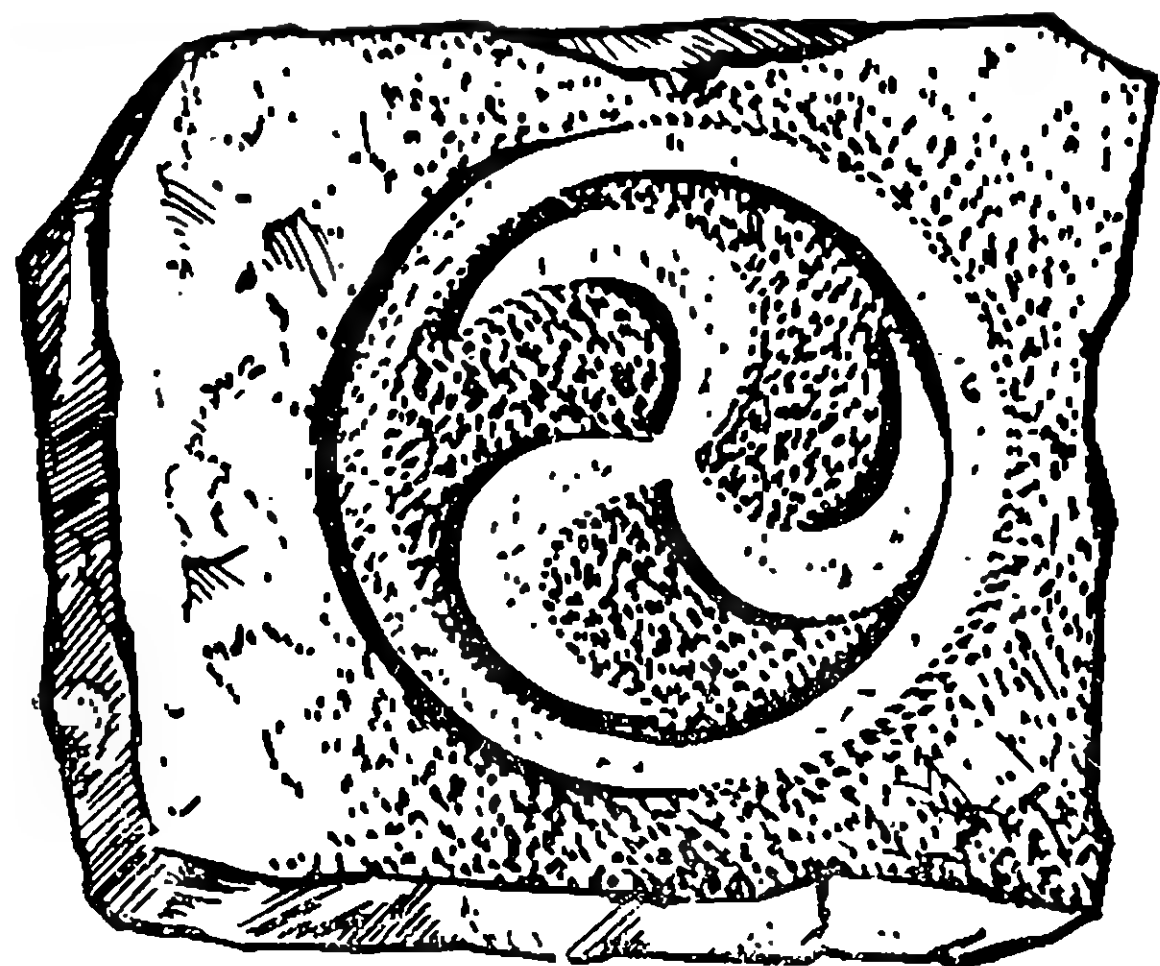
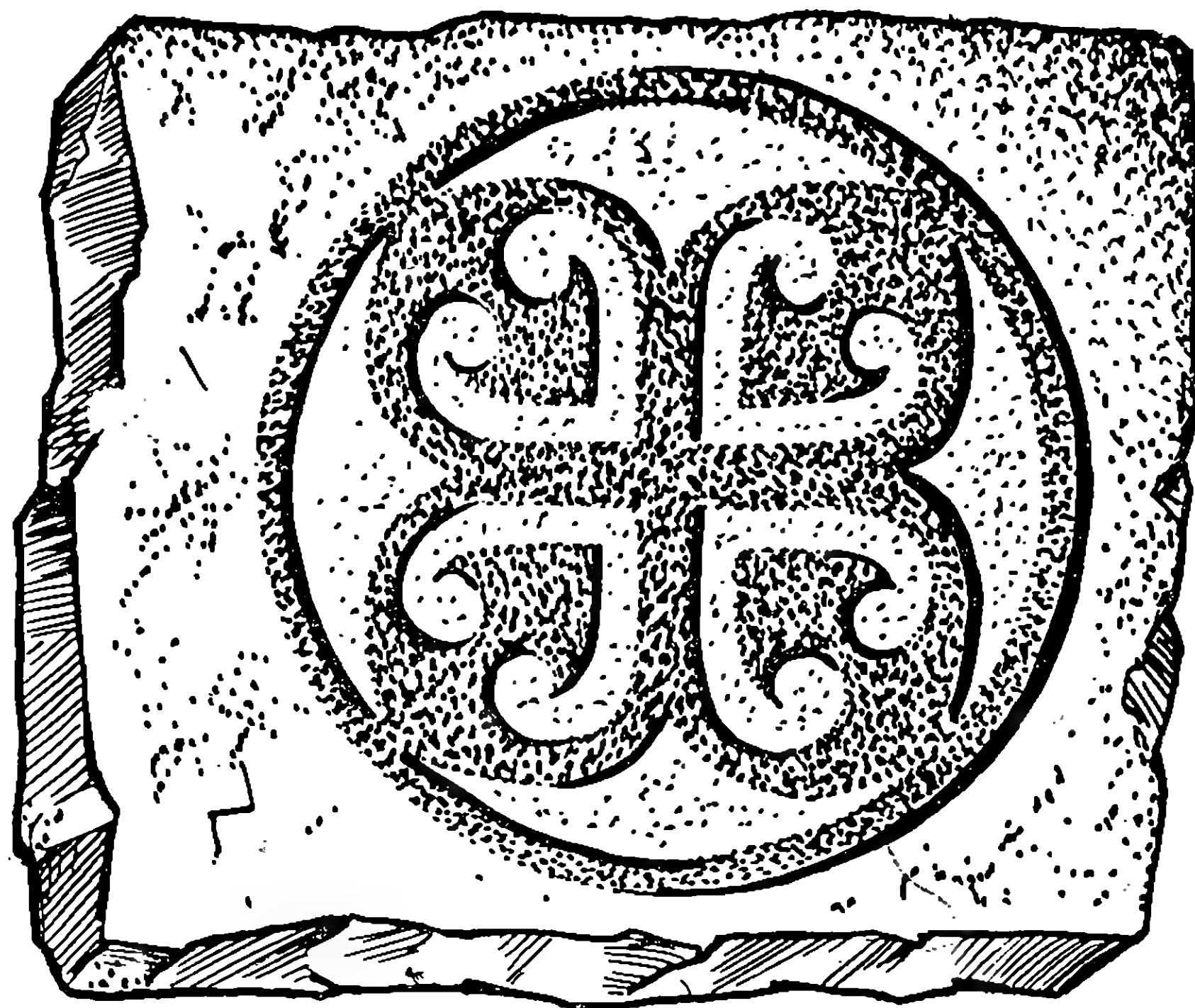
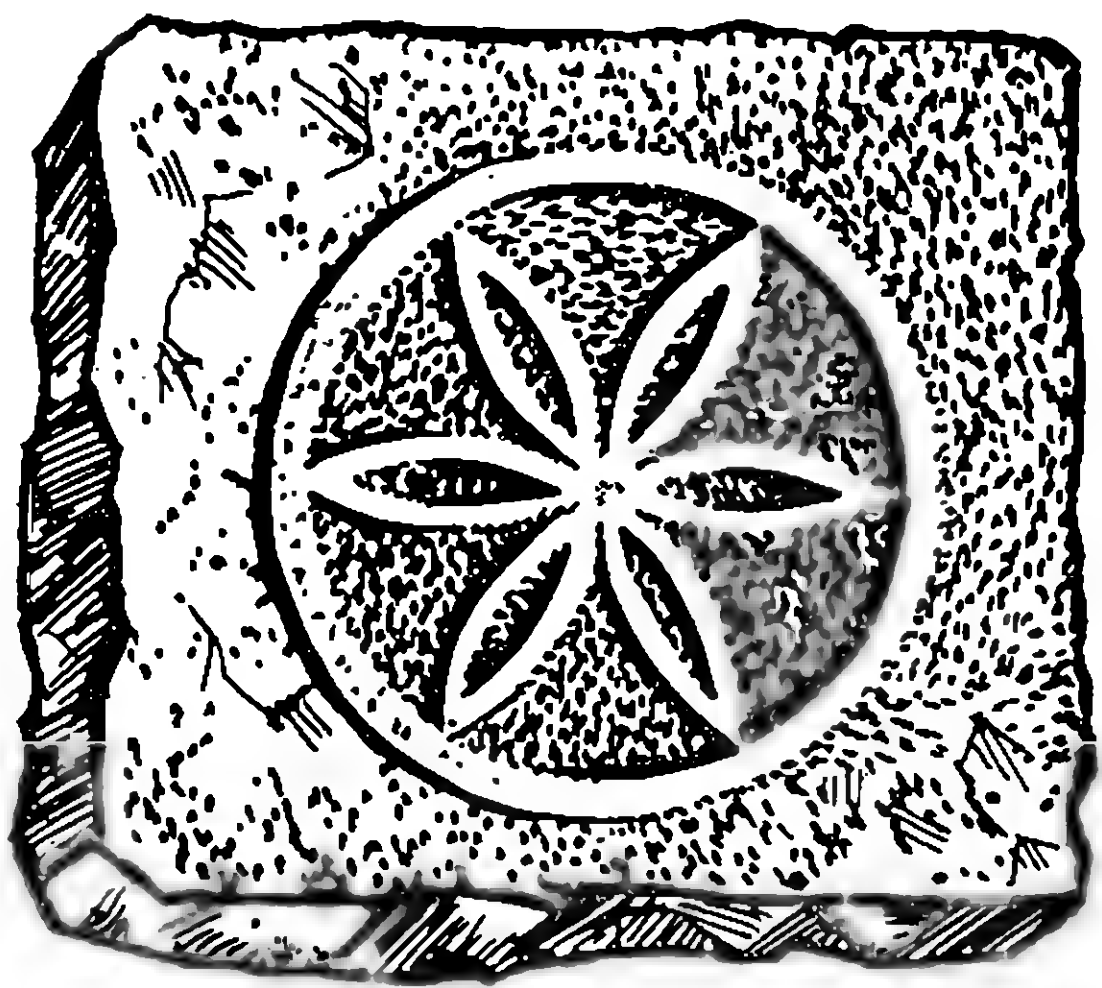
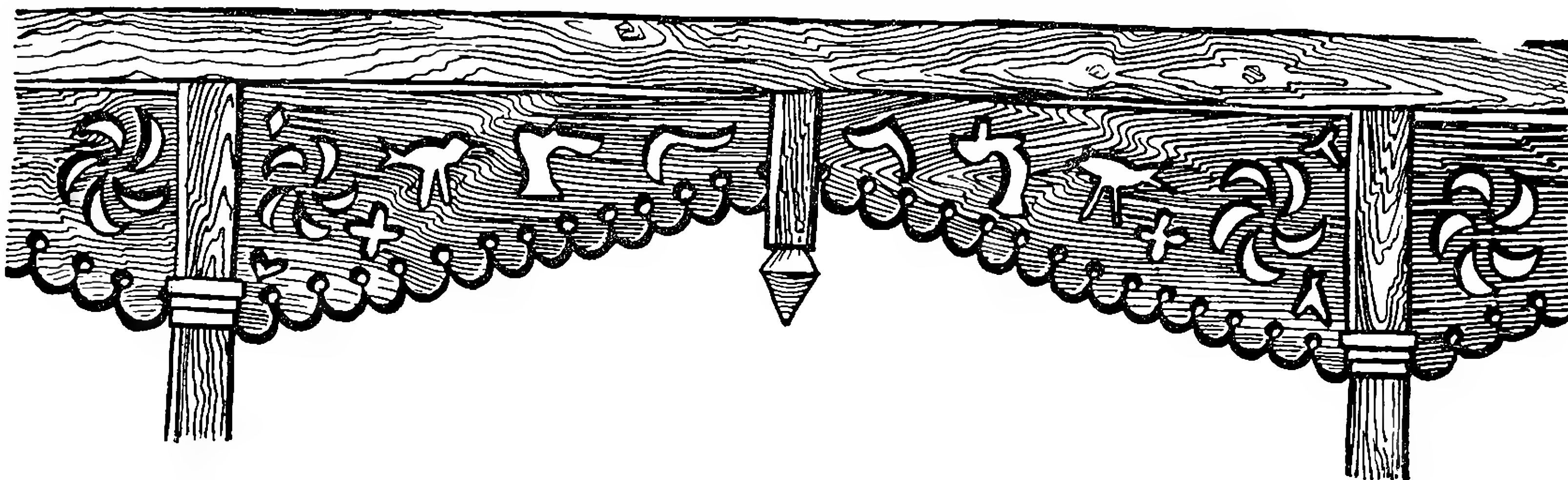
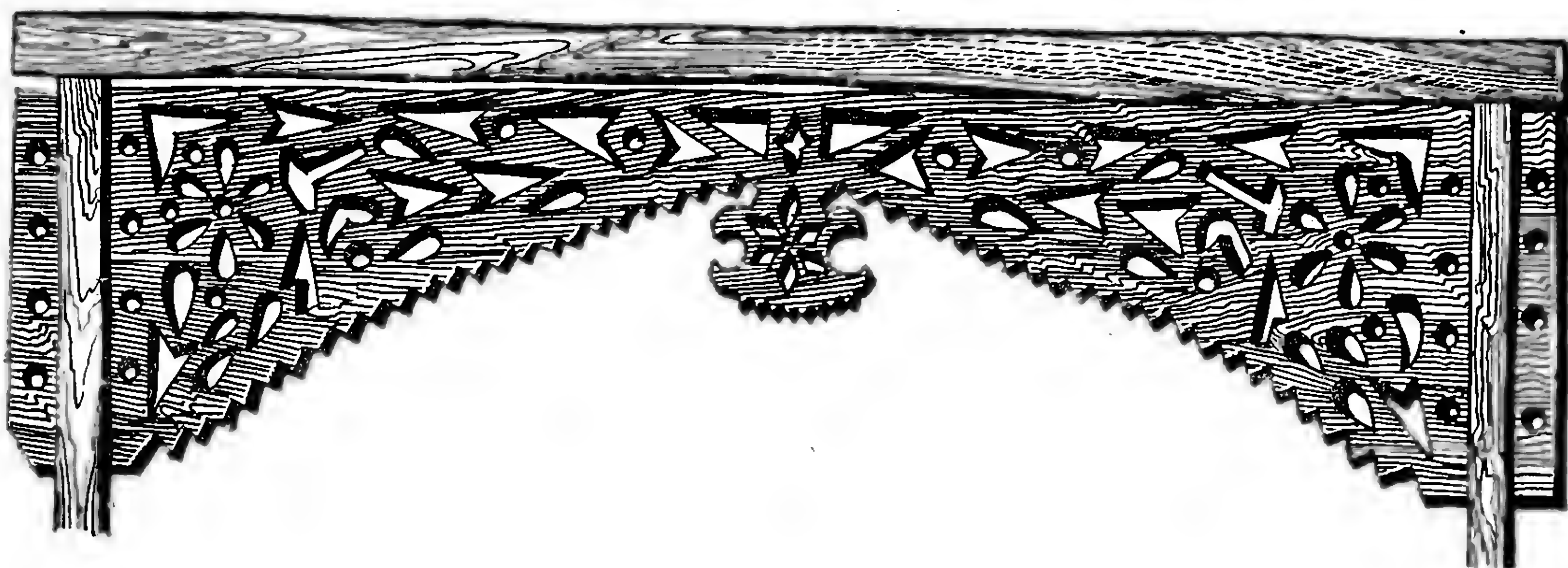

Таблица 83. Образцы орнамента на камне.

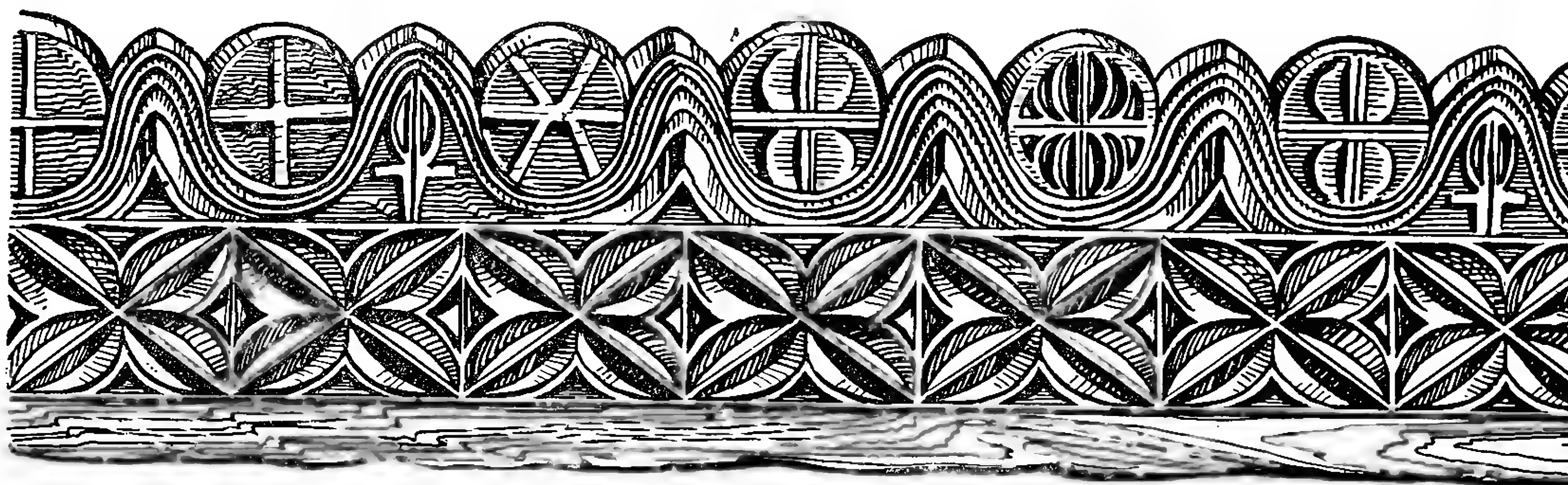
1

2

3

4

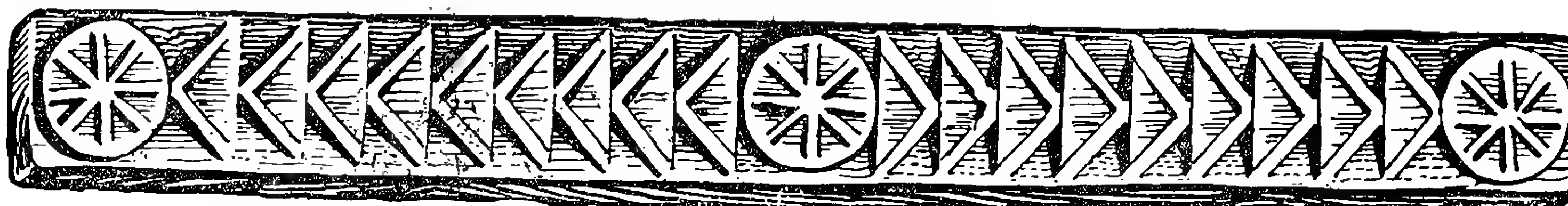

Таблица 84. Резьба по дереву.

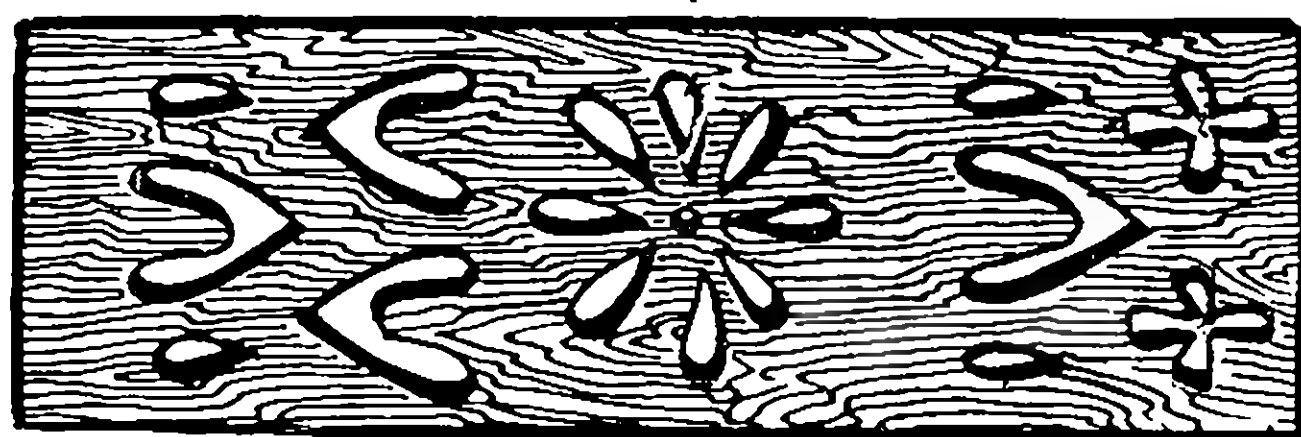
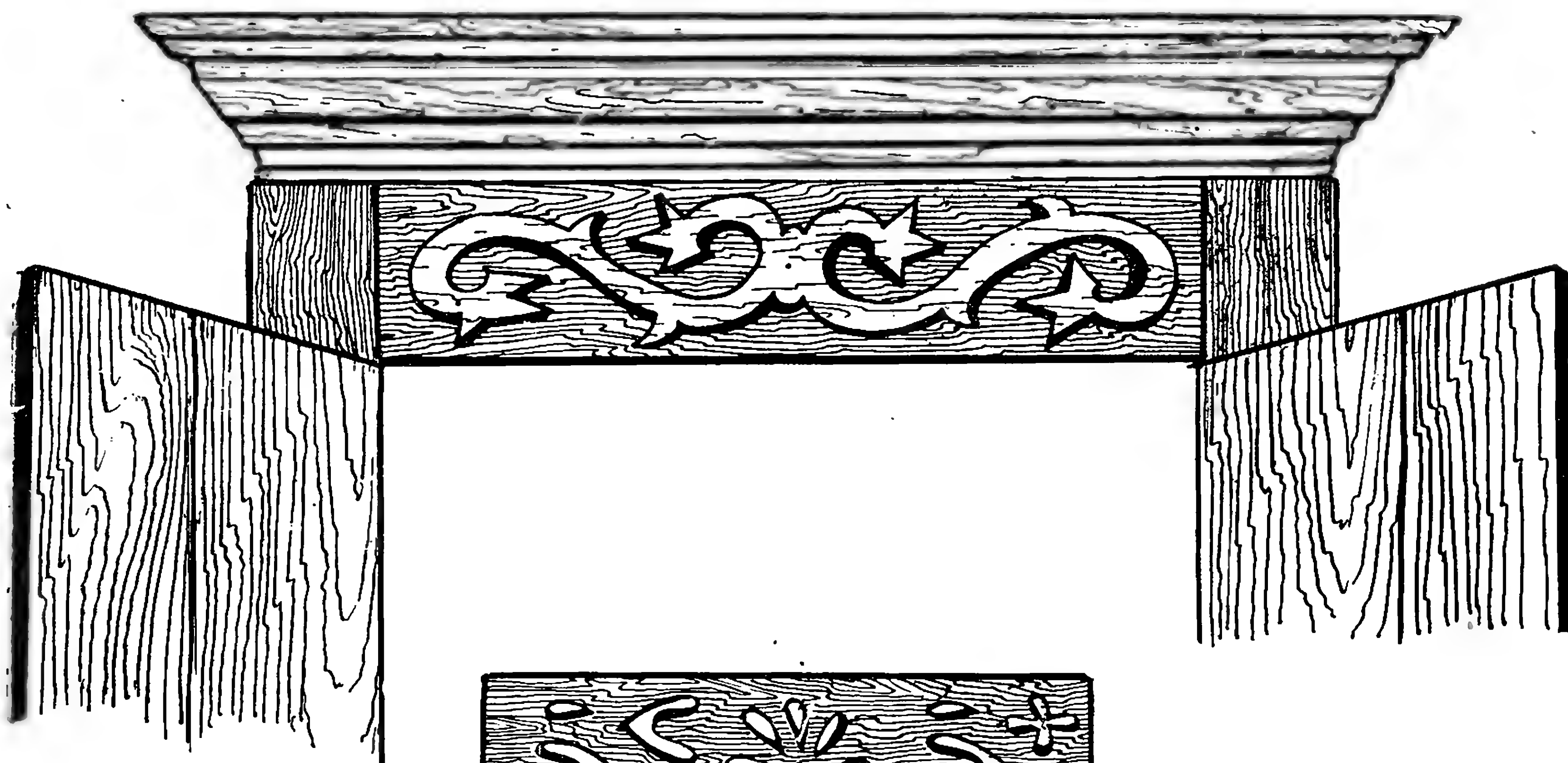
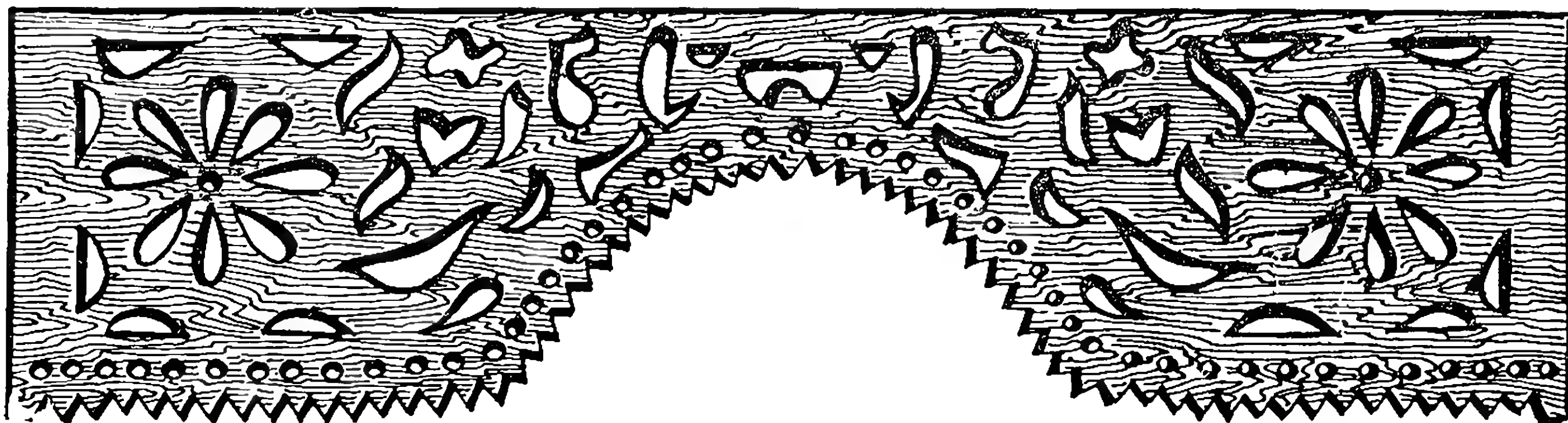

Таблица 85. Террасные и оконные карнизы.

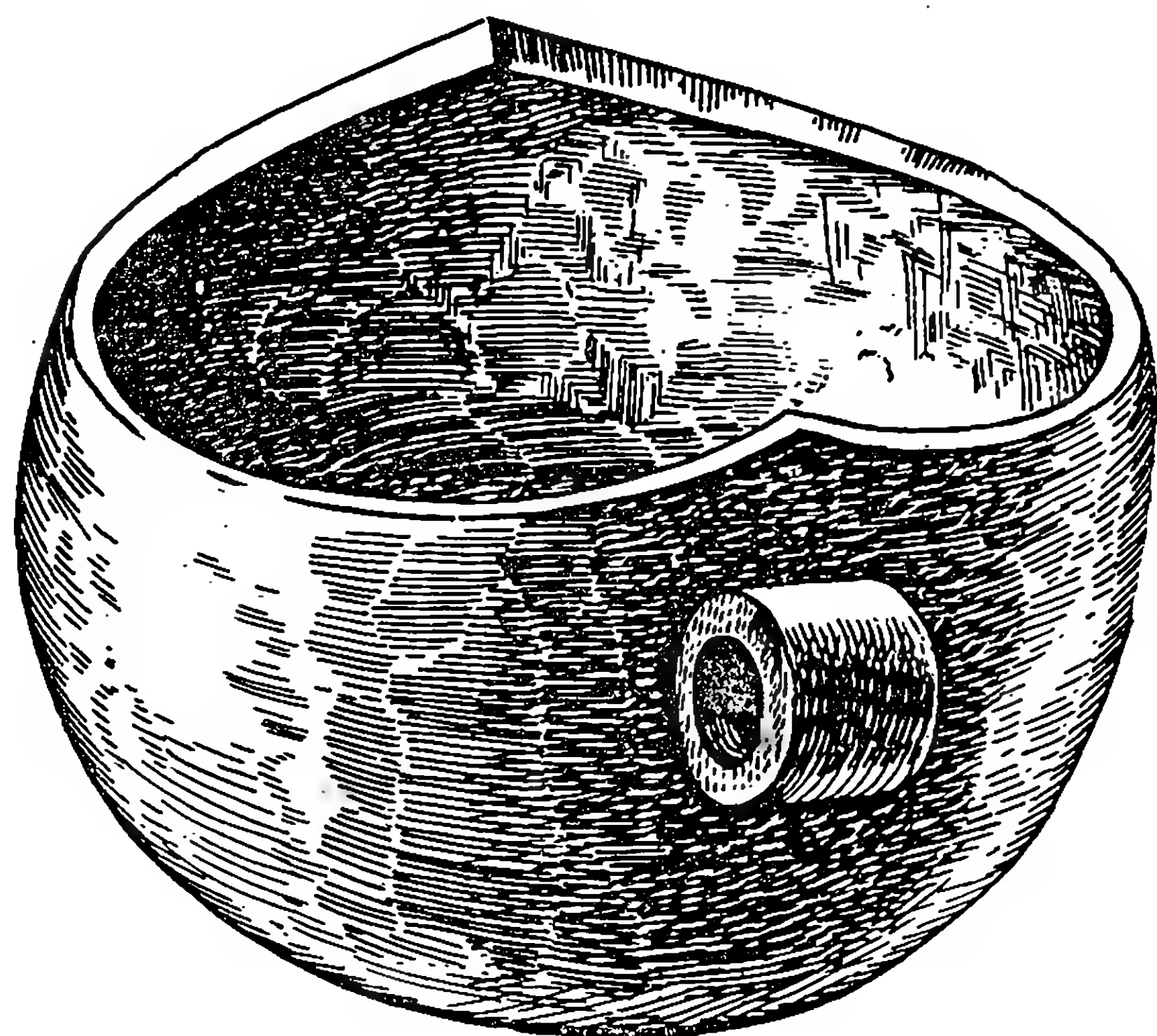
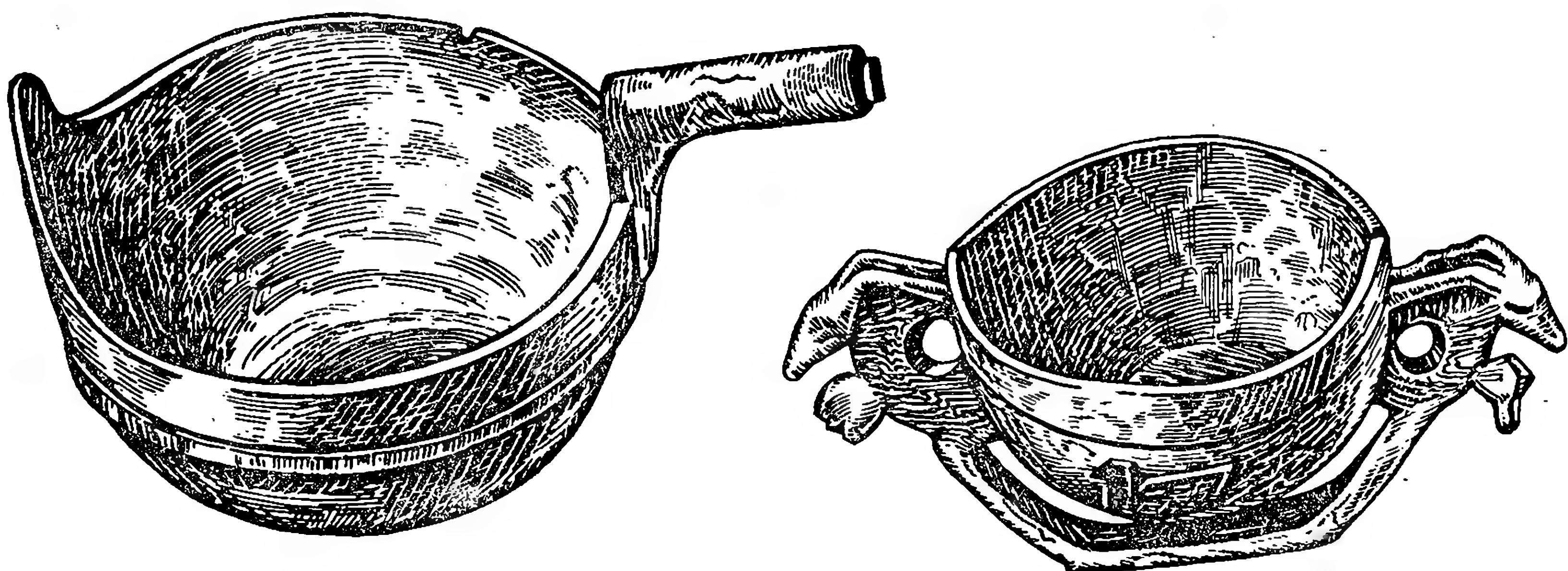
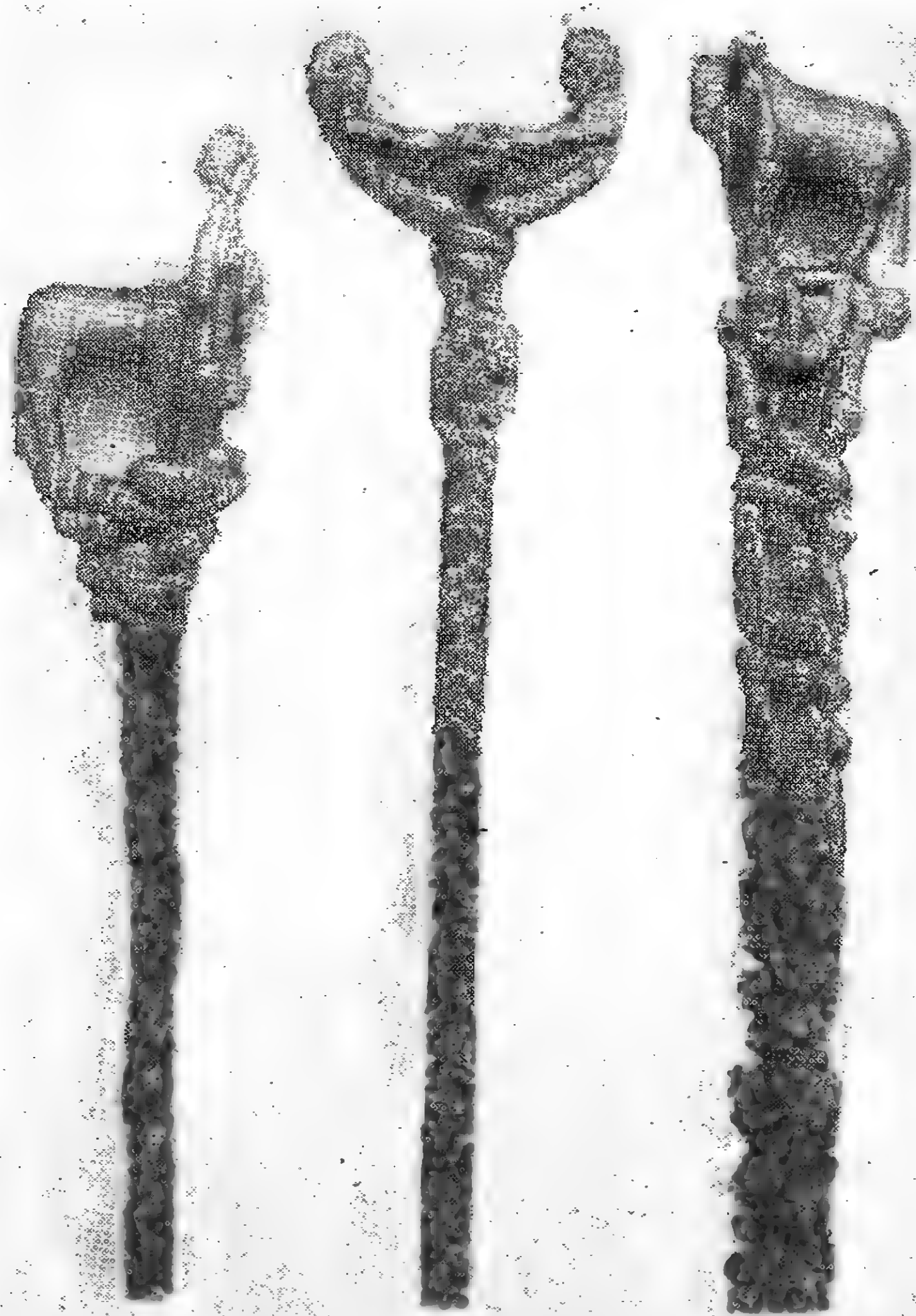

Таблица 86. Резьба по дереву.

Таблица 87. Навершия тростей. ►

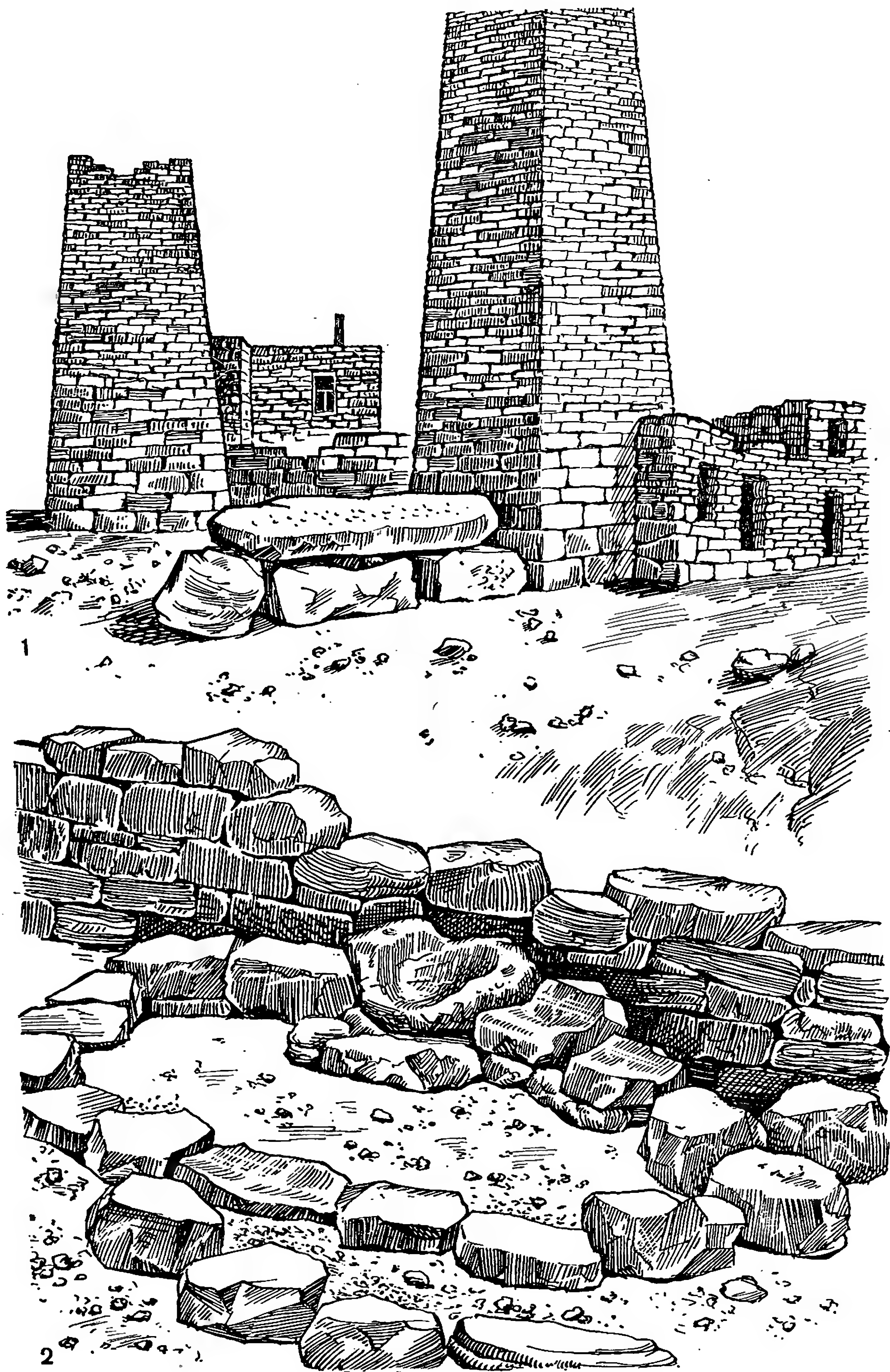
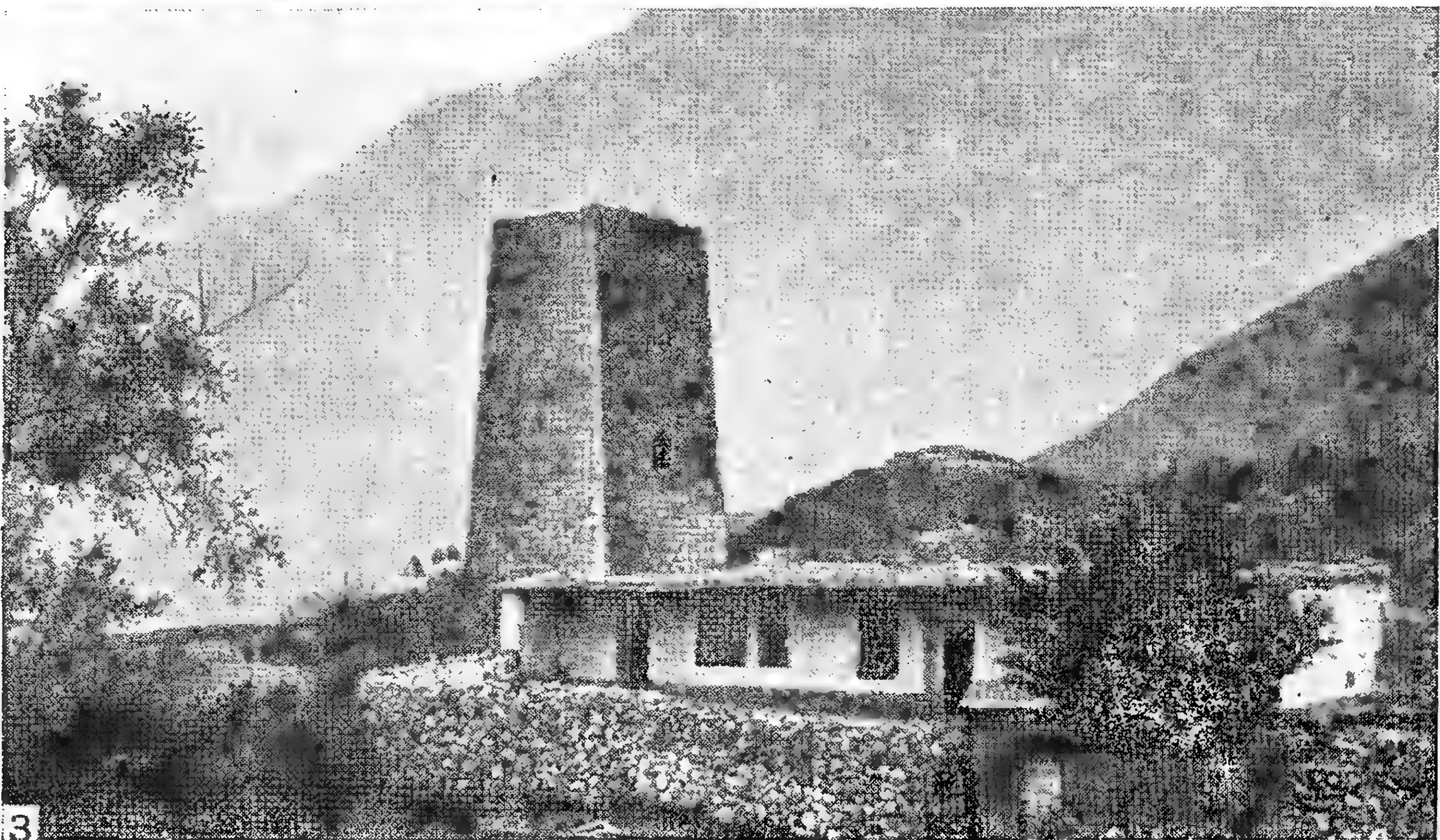
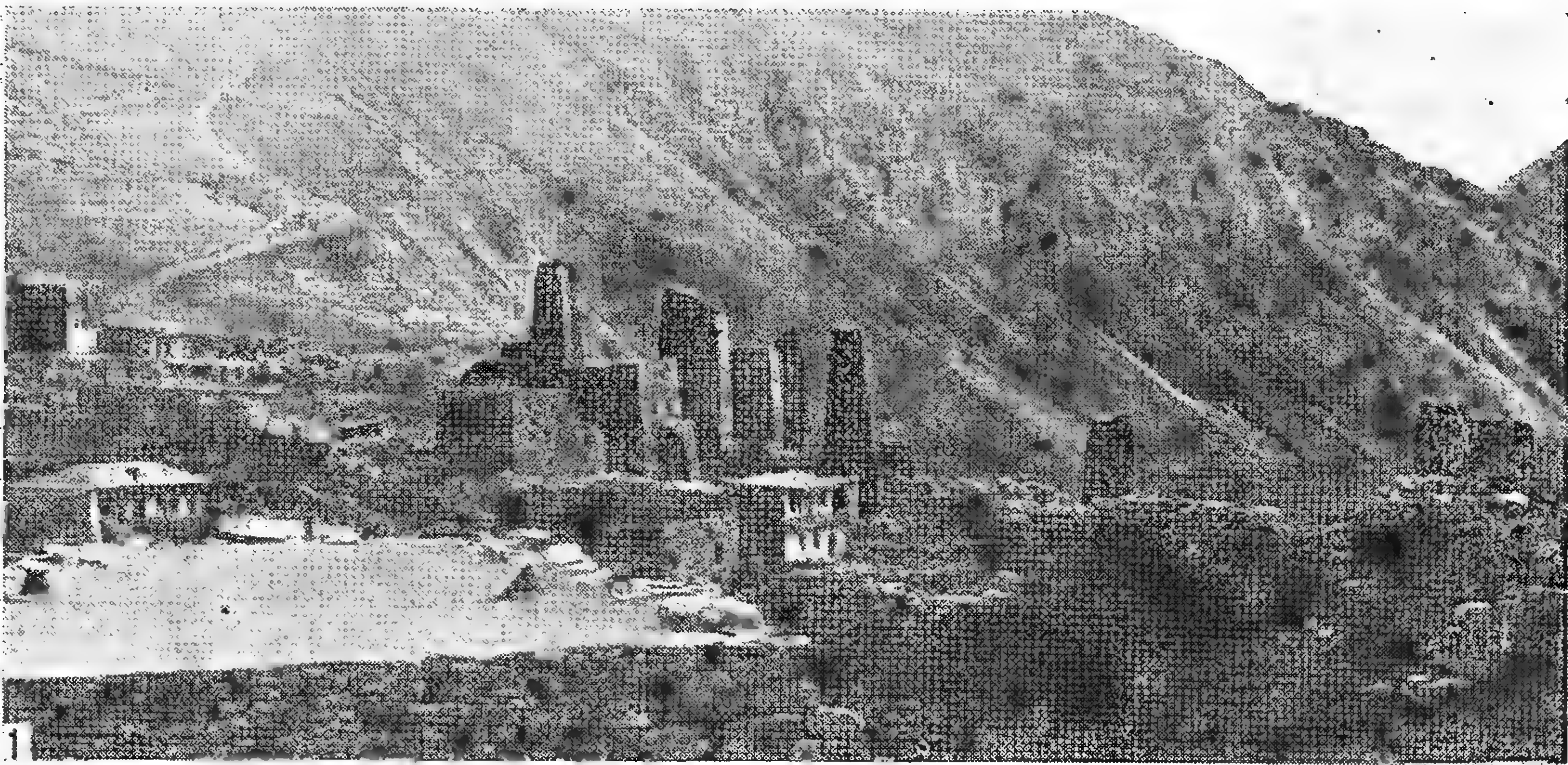

Таблица 88. Памятники нартского эпоса.

Таблица 89. Типы башен. ►

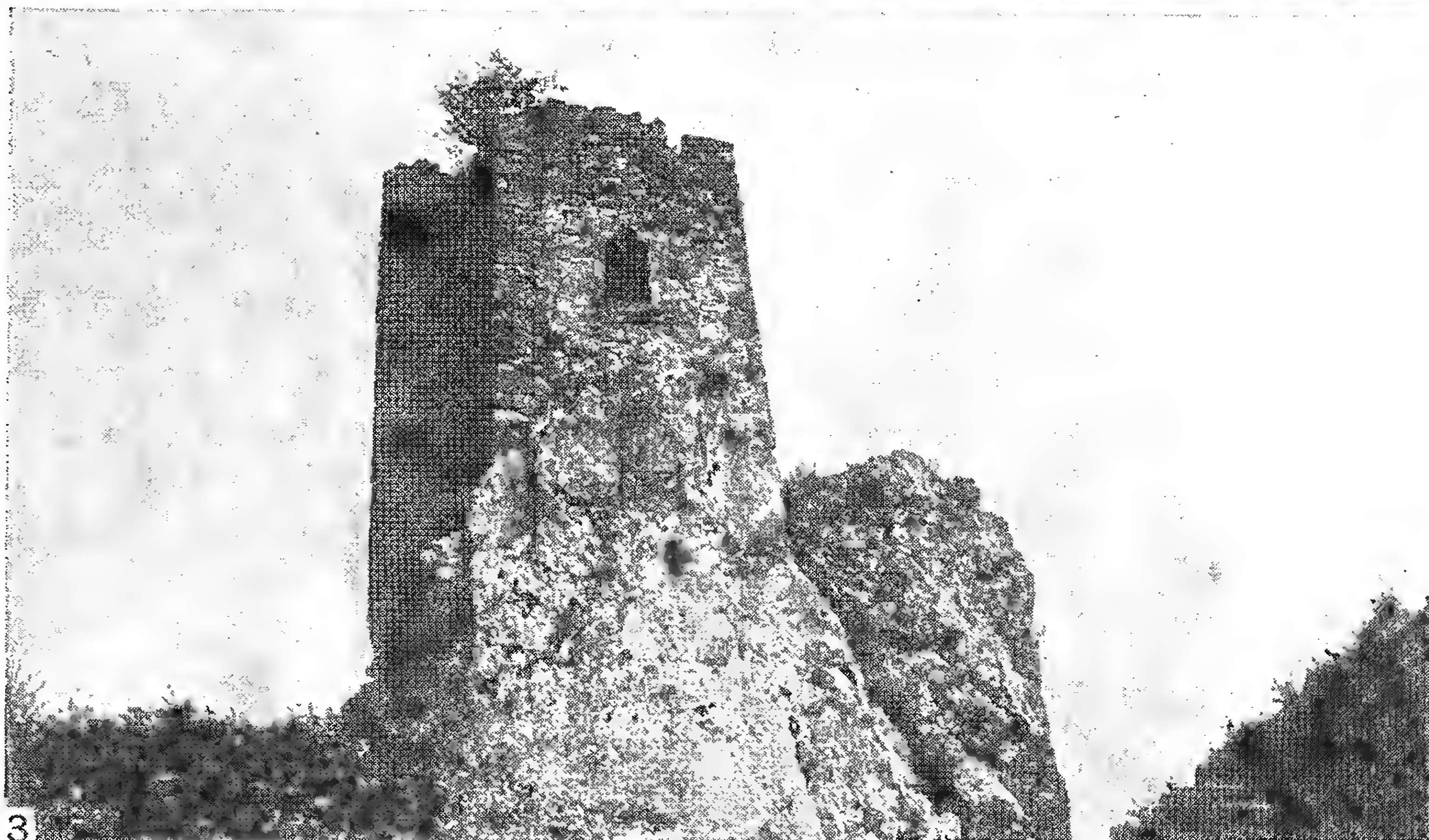
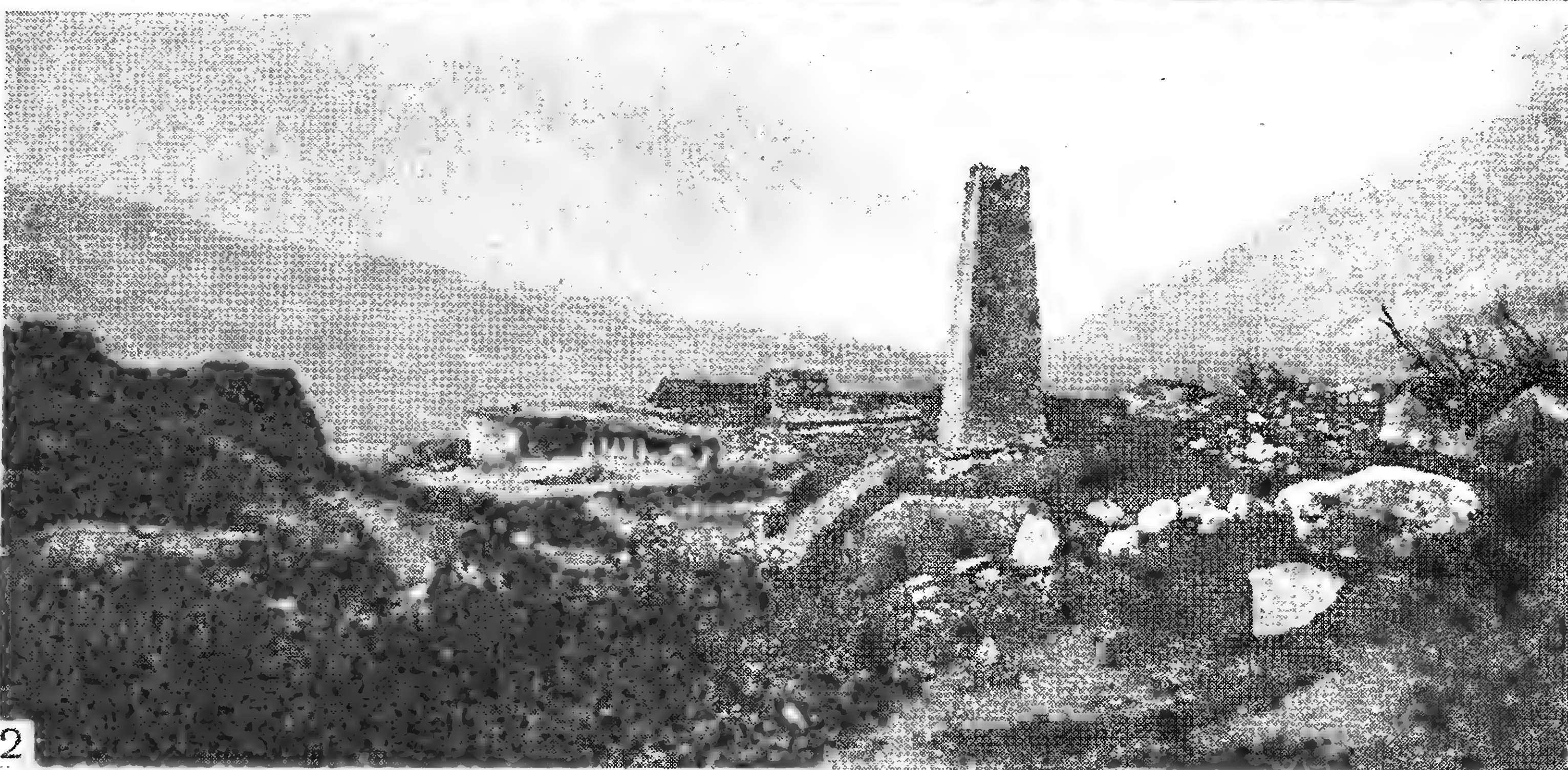
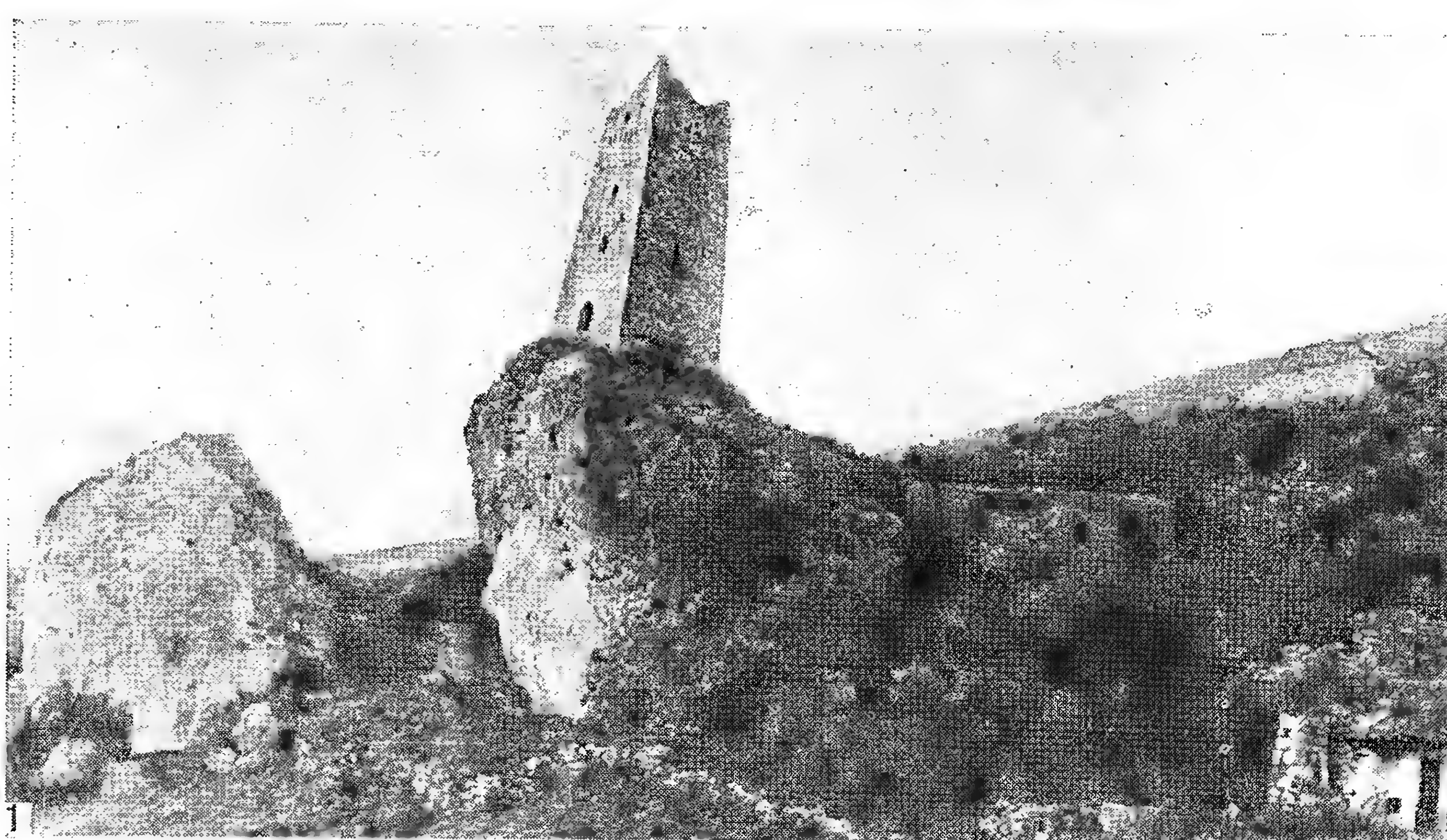

Таблица 90. Типы башен.

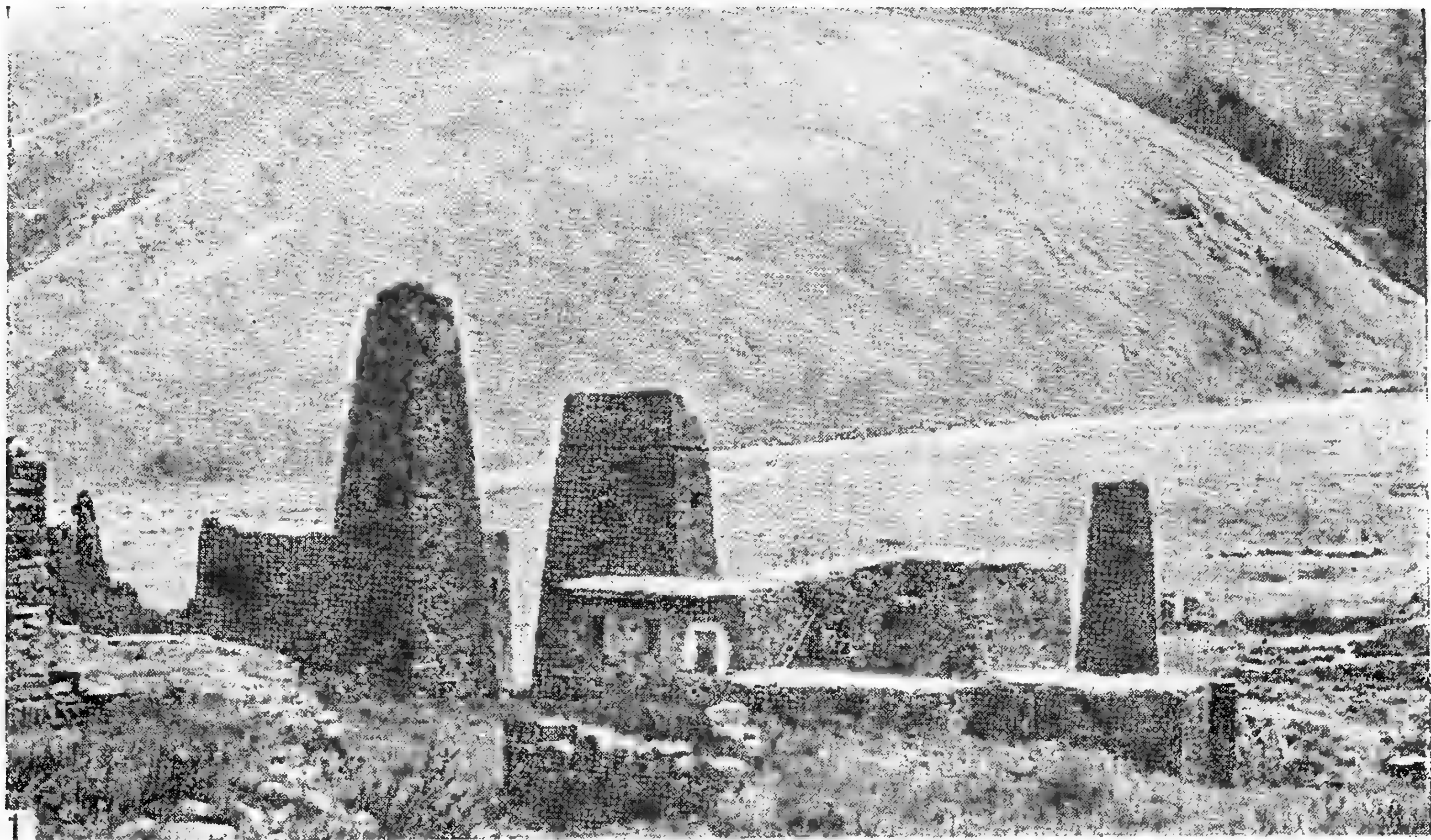

Таблица 91. Оборонительные сооружения.

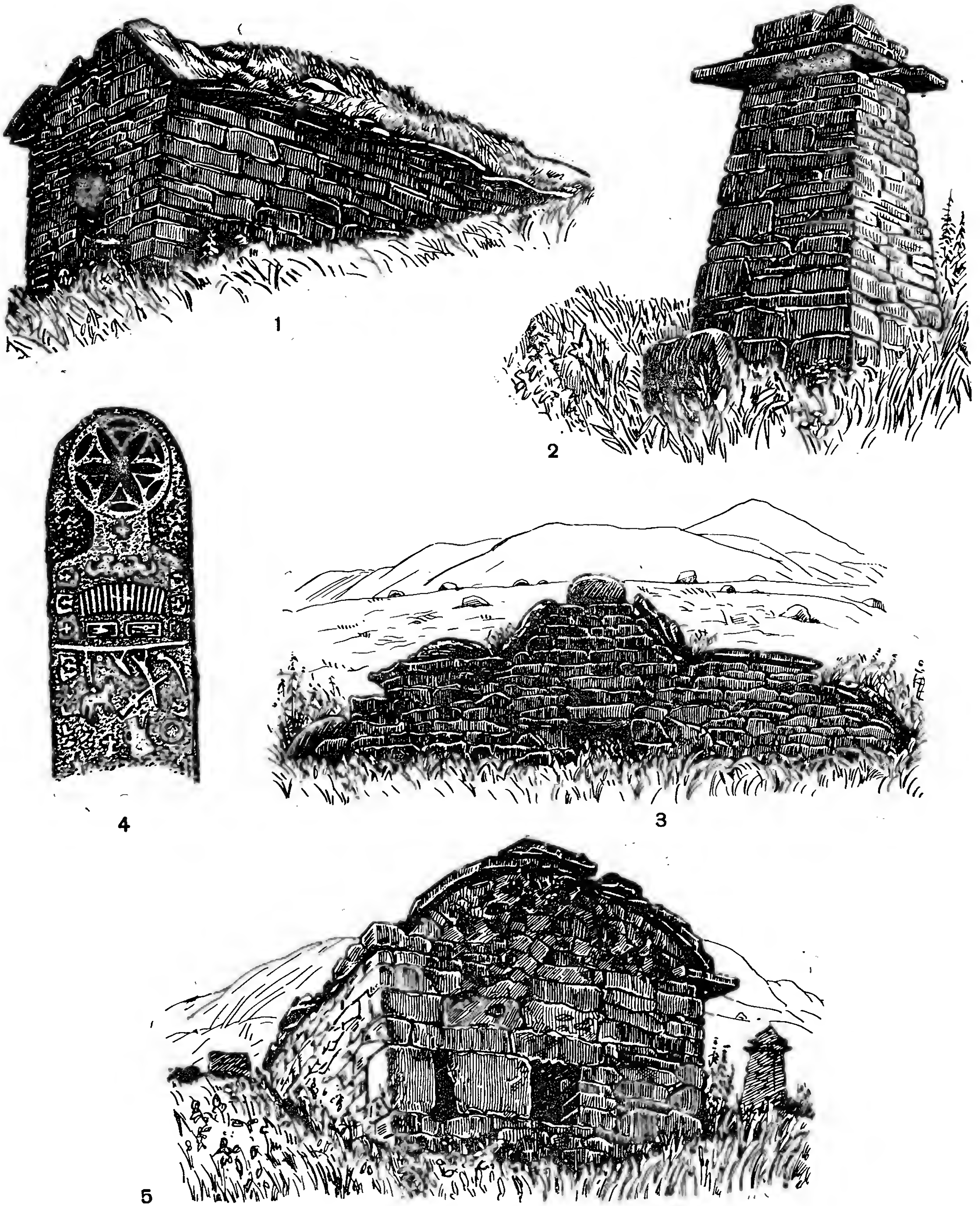

Таблица 92. Погребальные сооружения.

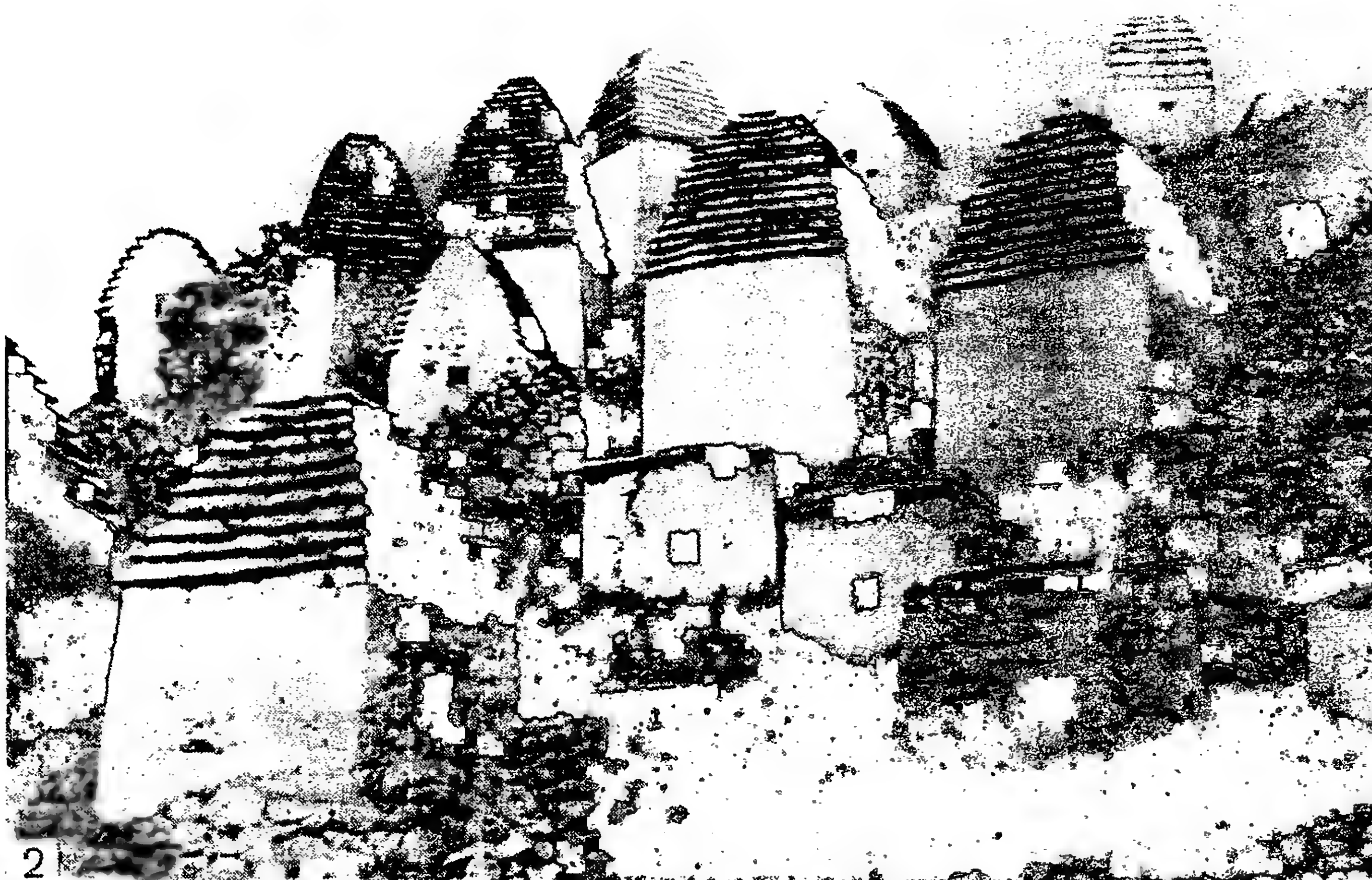

Таблица 93. Типы склепов.

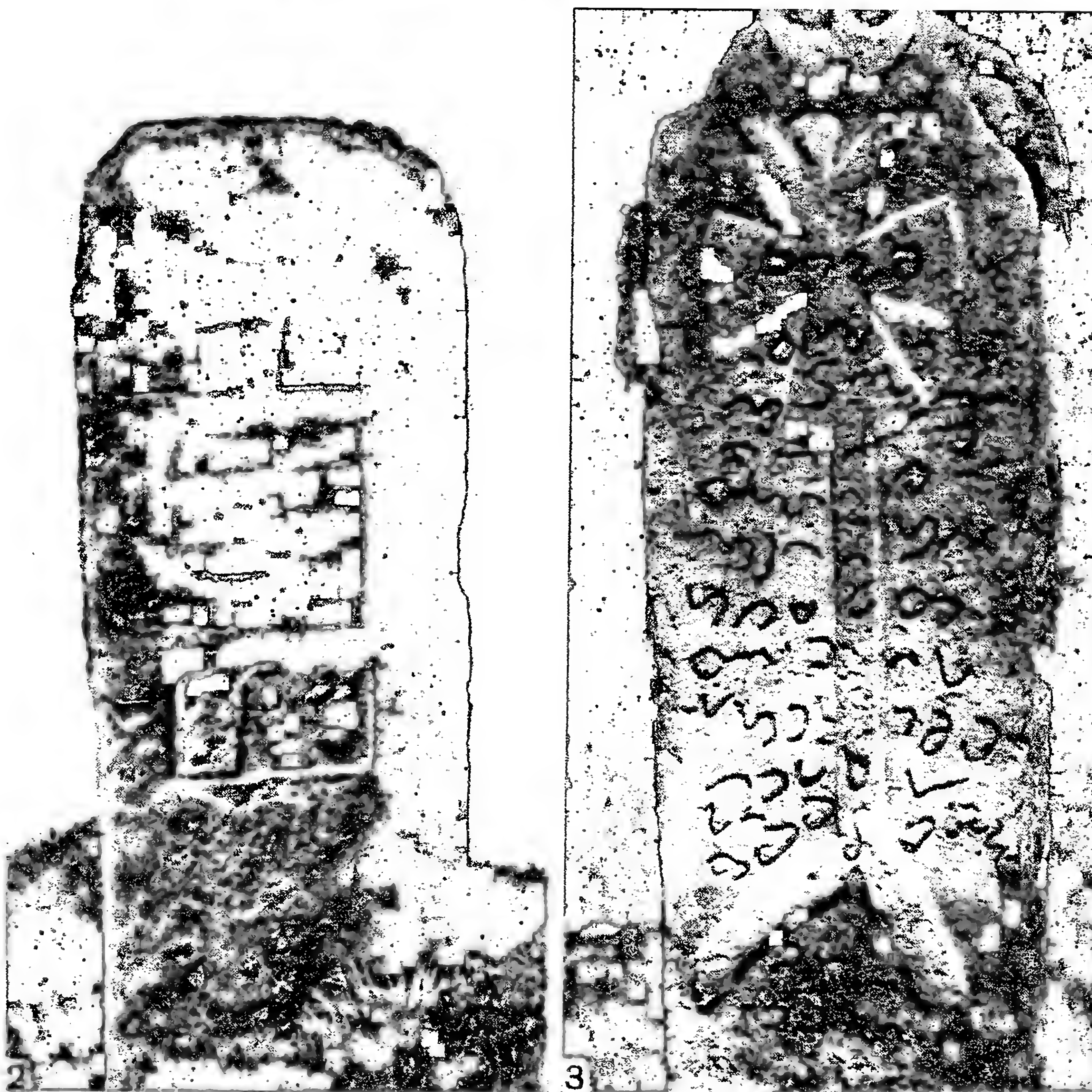

Таблица 94. Надгробные памятники.

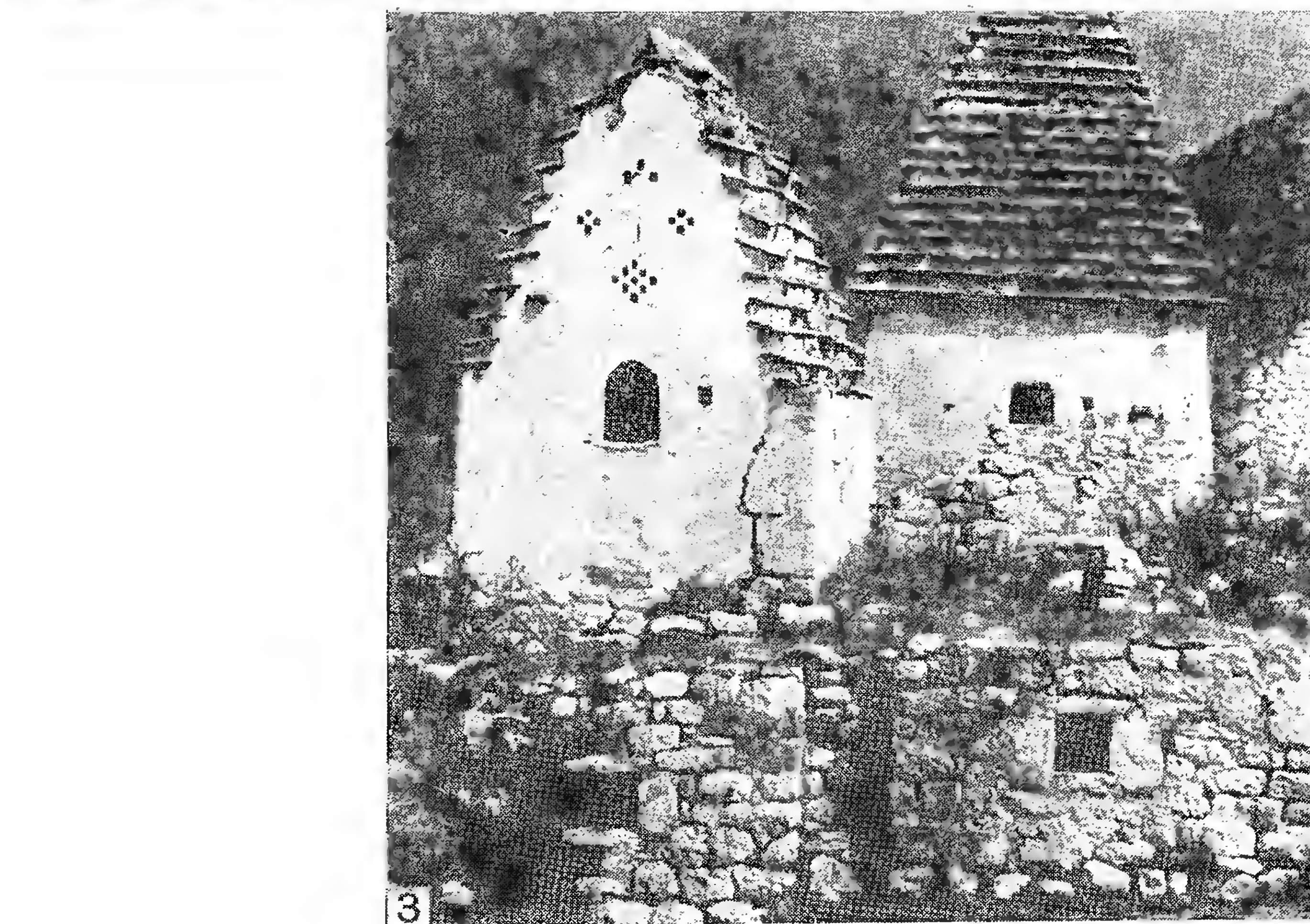

Таблица 95. Типы склепов.

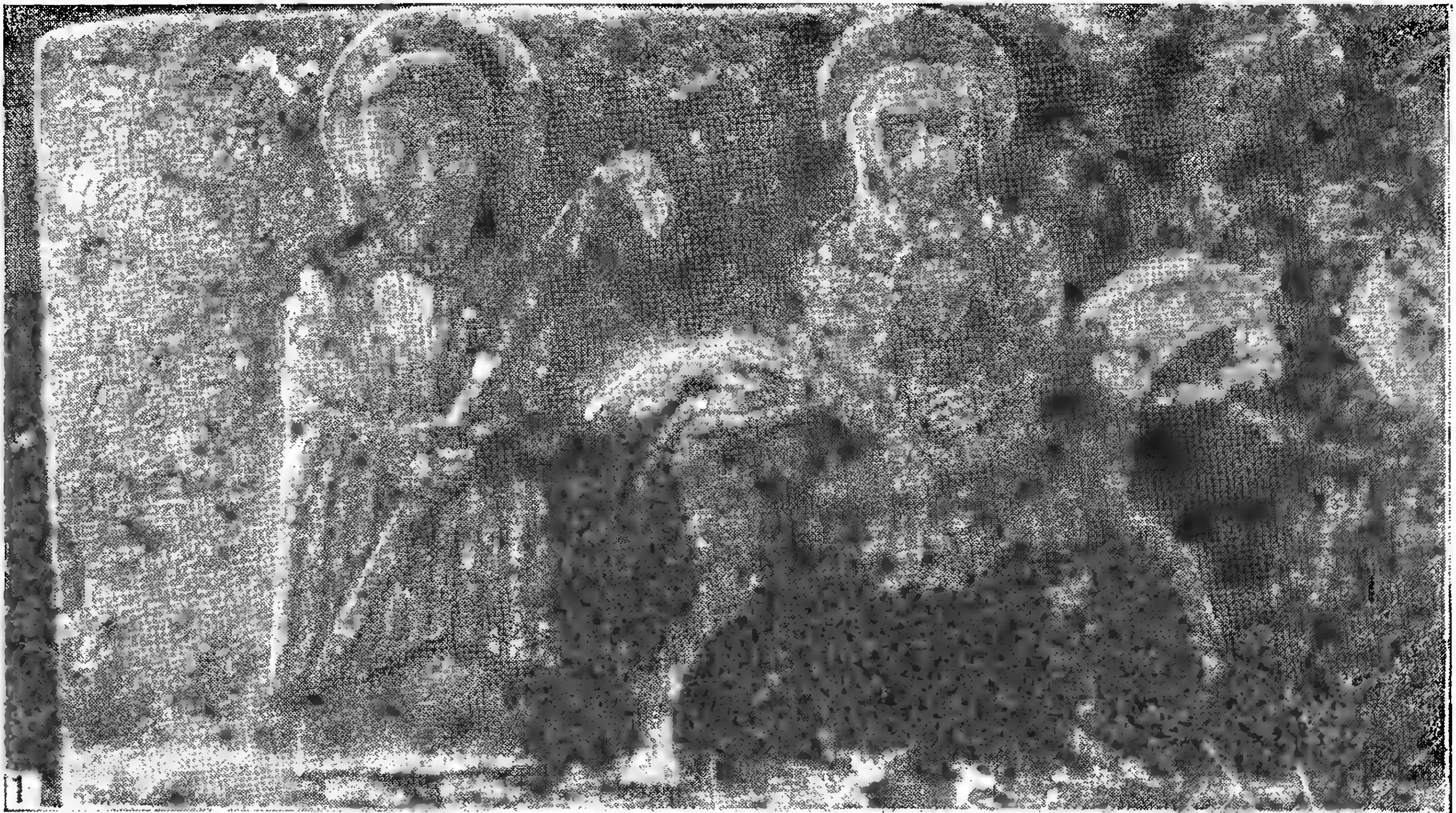

Таблица 96. Надгробные памятники.

Таблица 97. На кладбище сел. Кора-Синдикау.

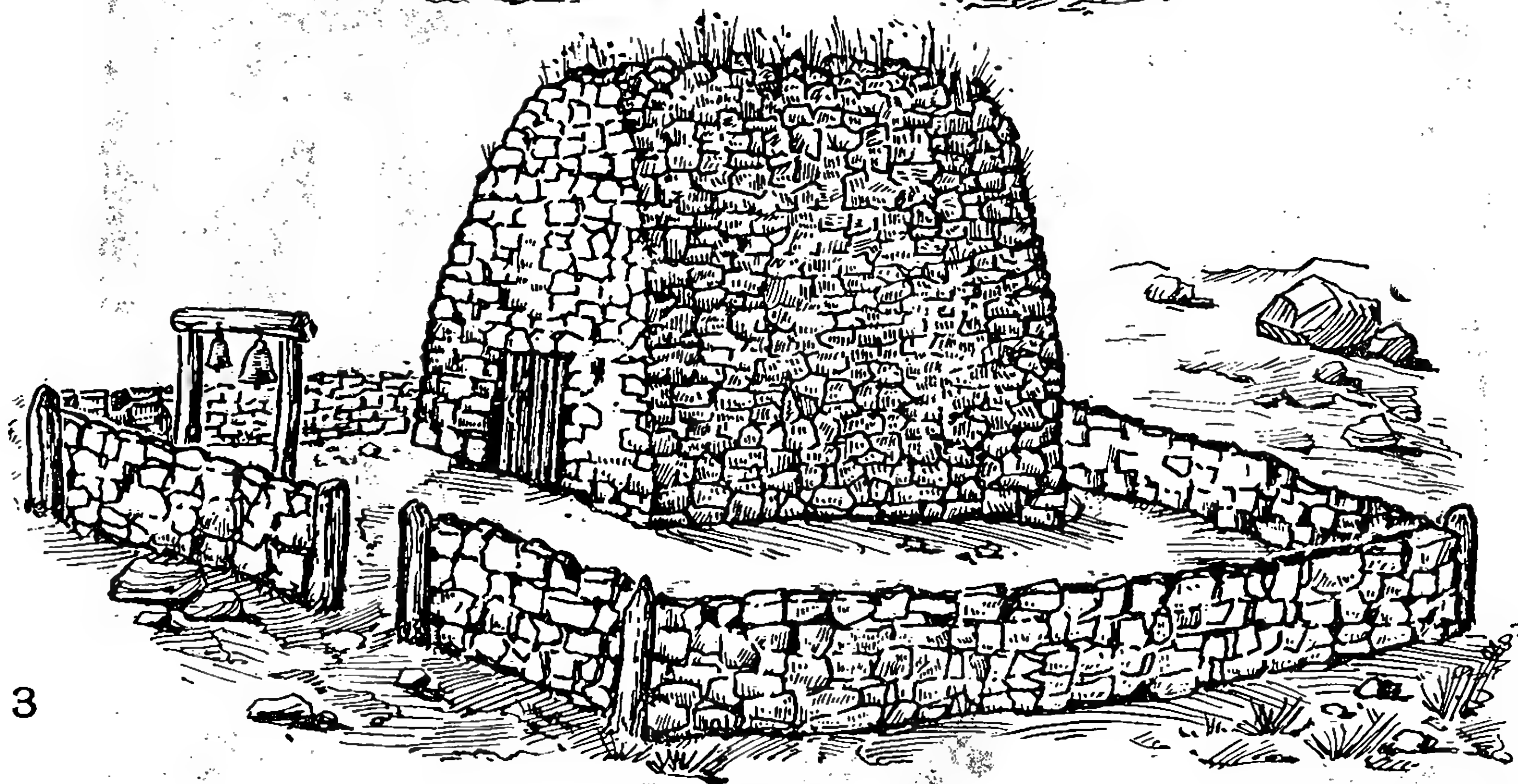
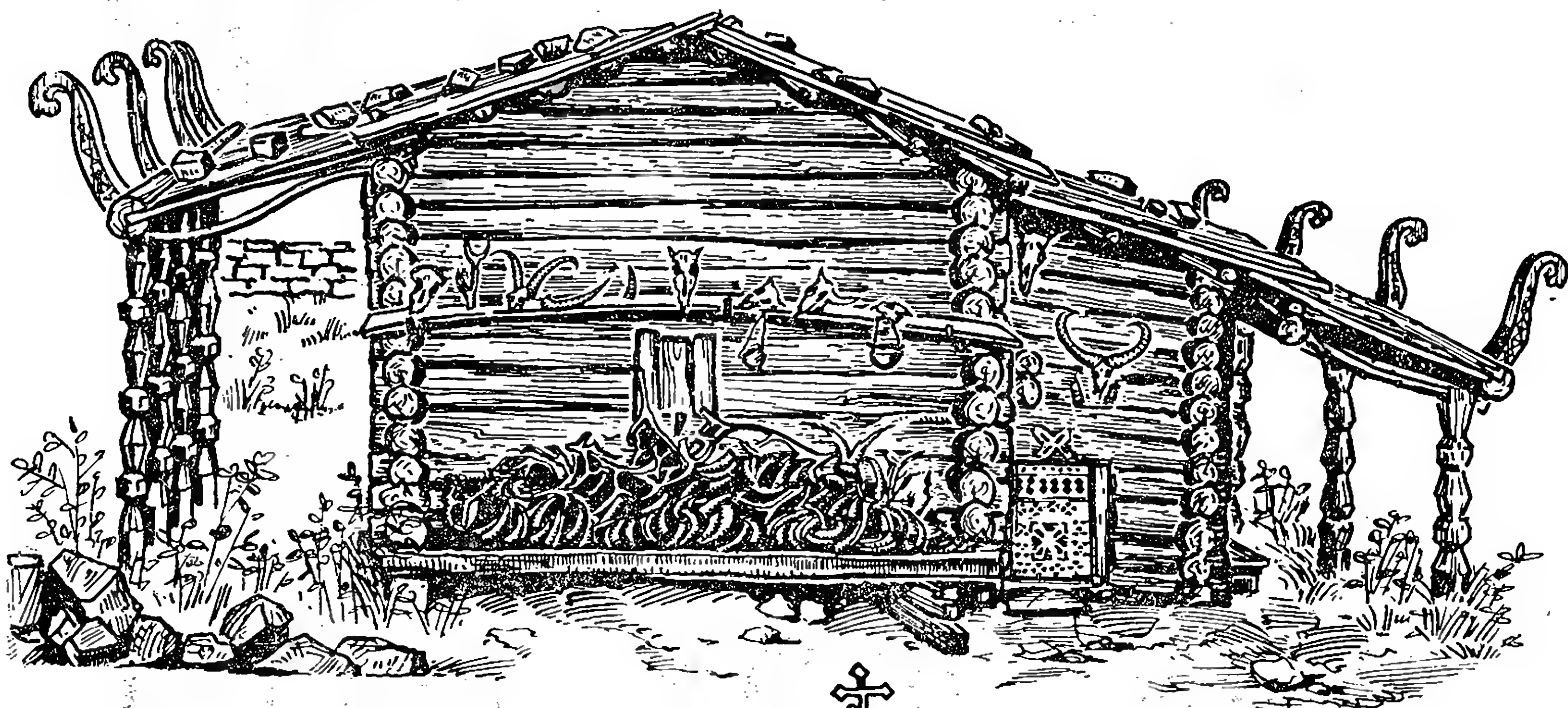

Таблица 98. Древние святилища.

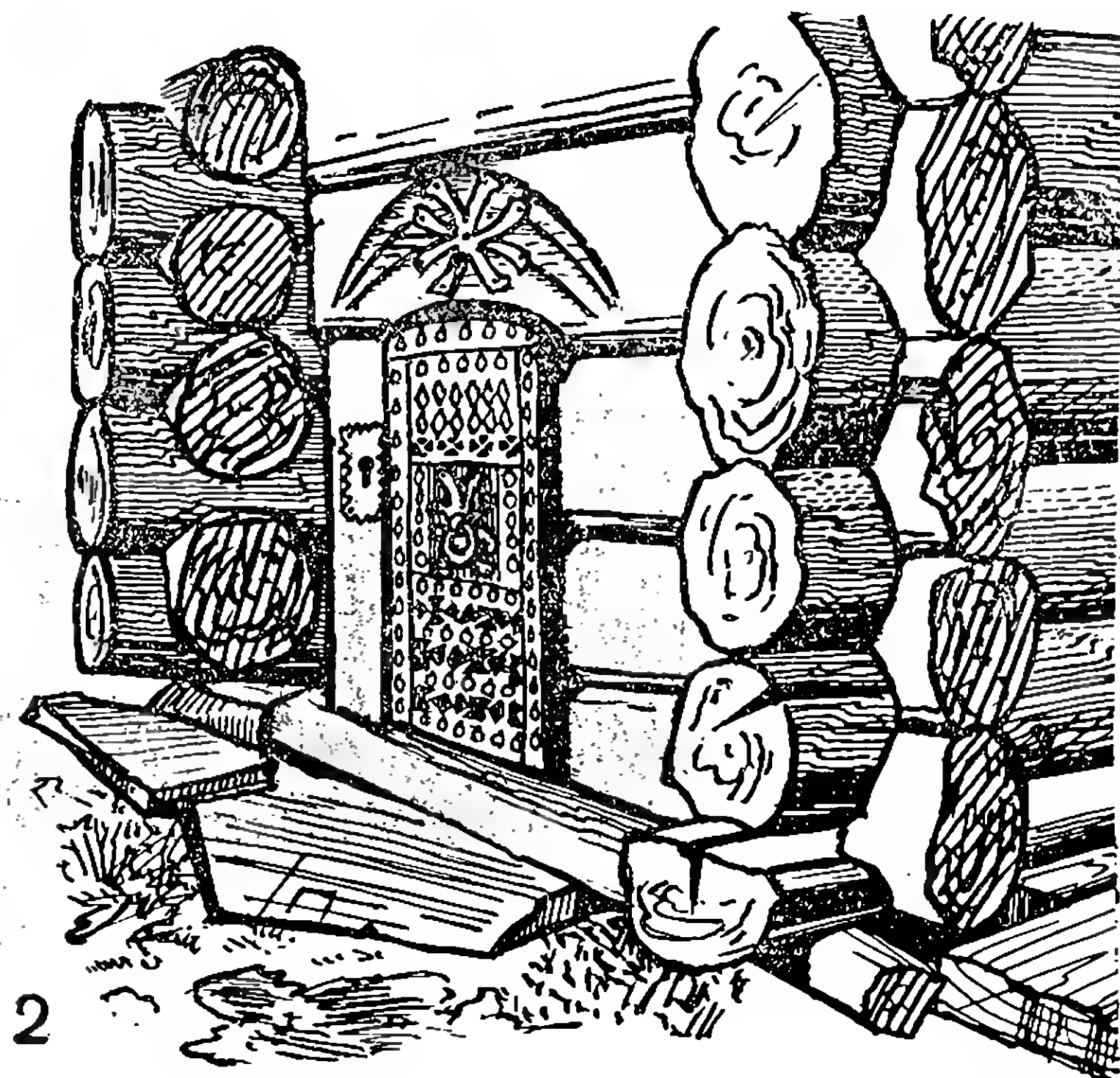
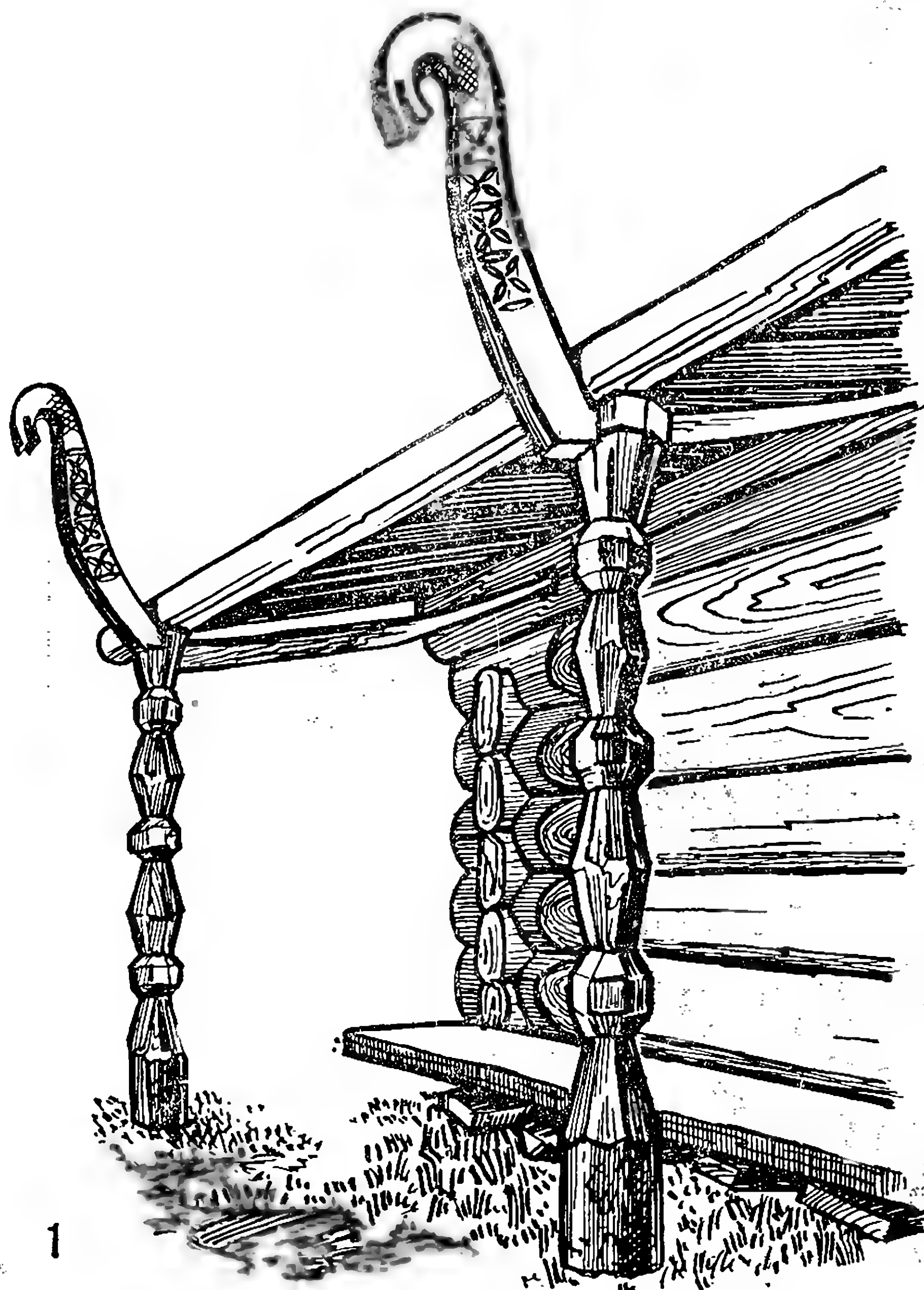
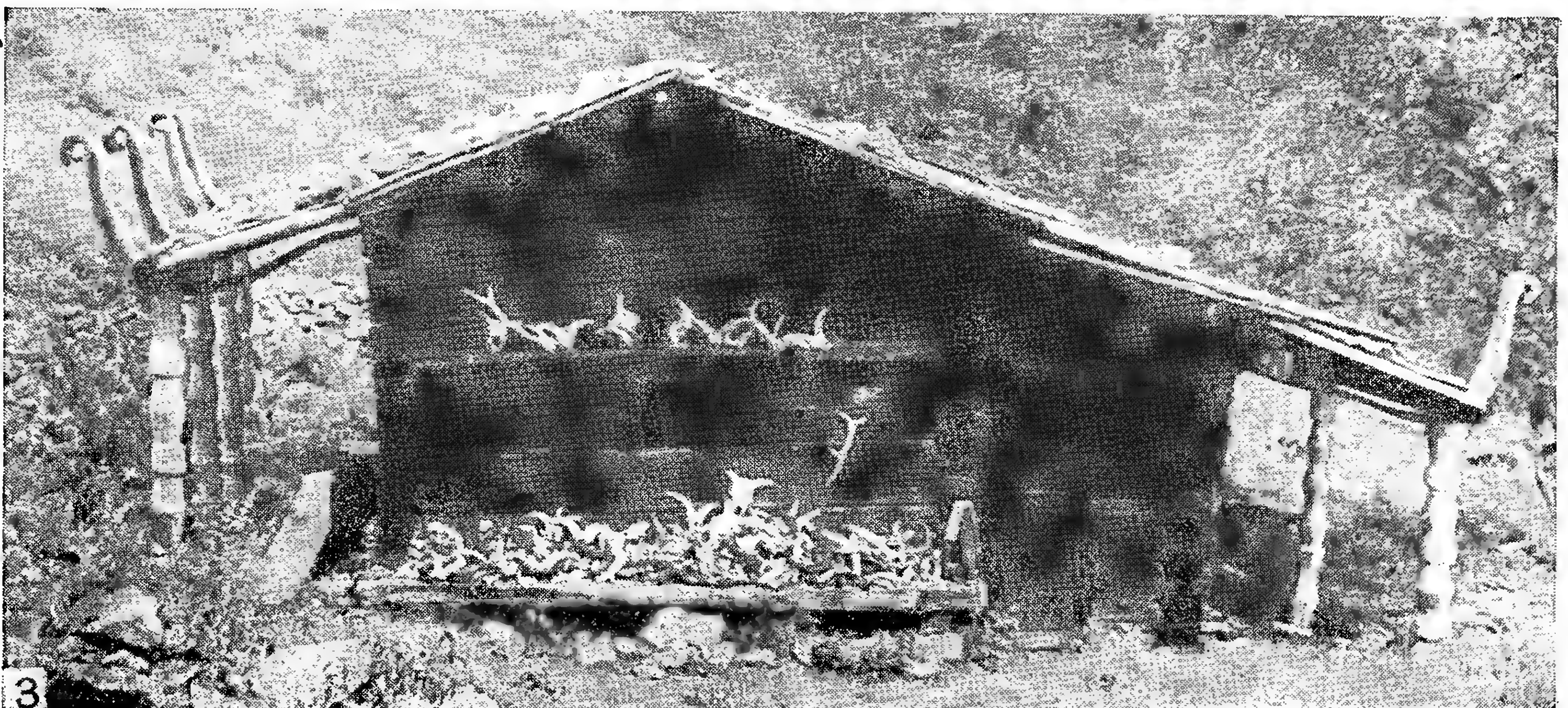
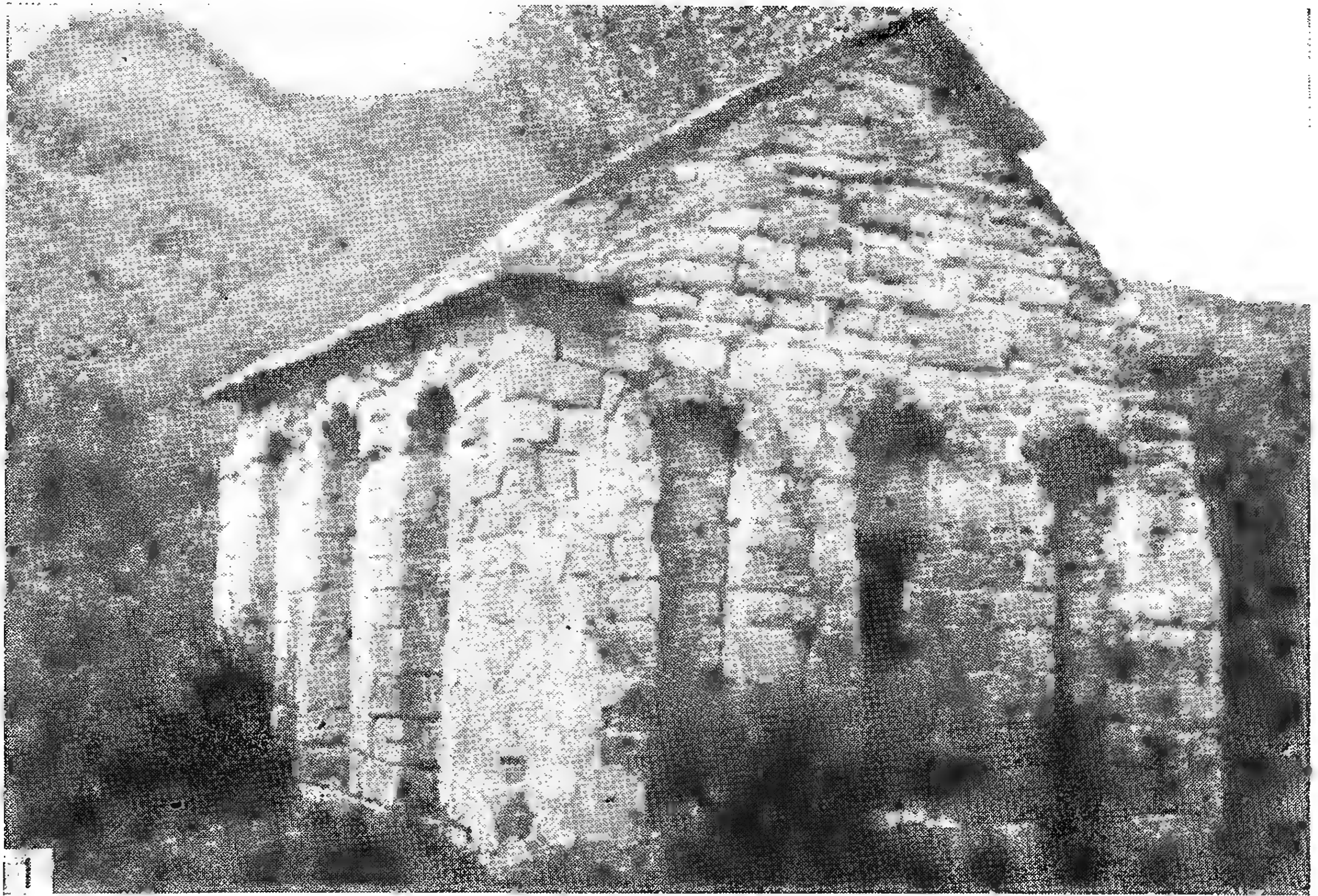

Таблица 99. Памятники дохристианской религии.

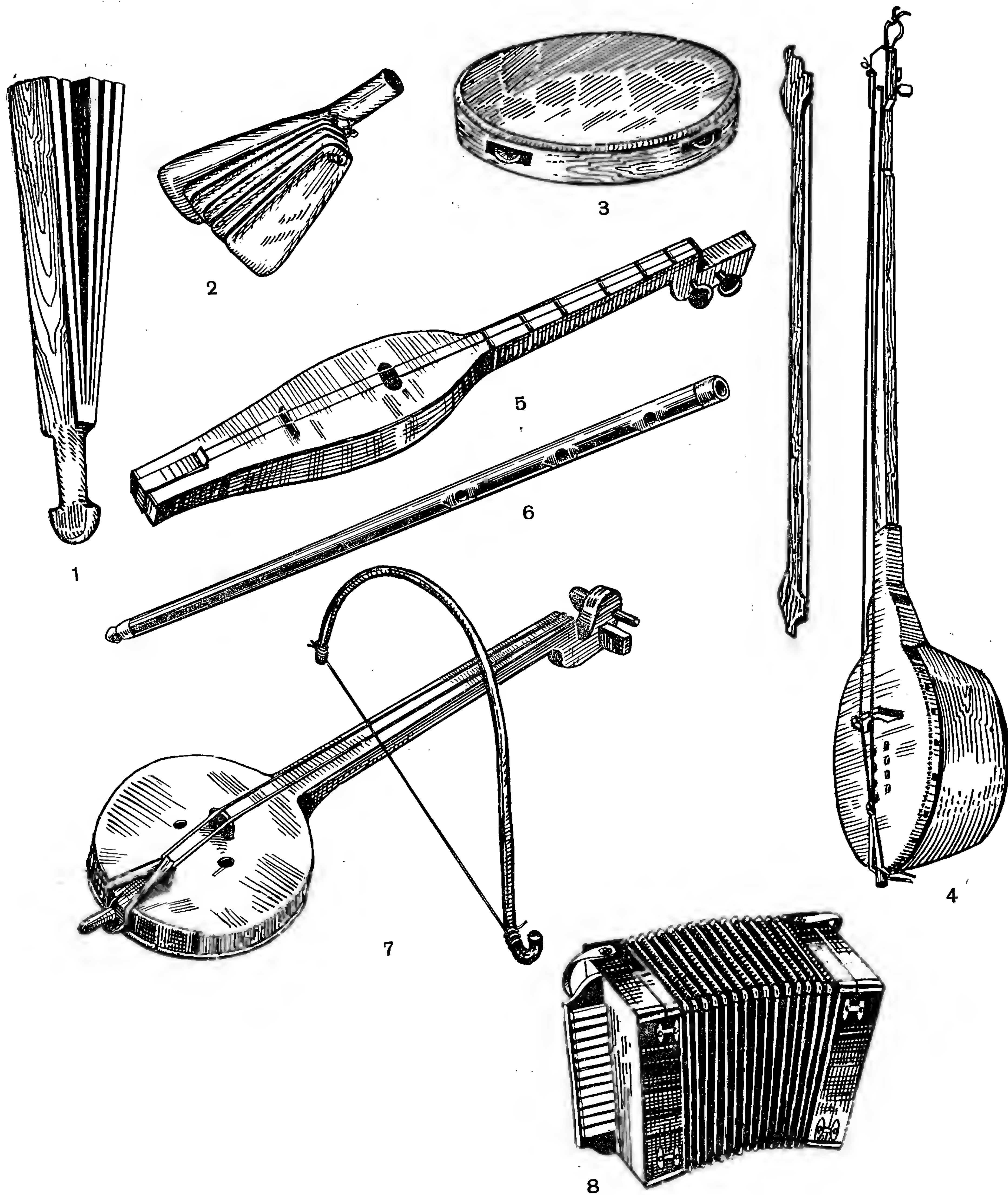

Таблица 100. Культовые сооружения.

Таблица 101. Музыкальные инструменты.

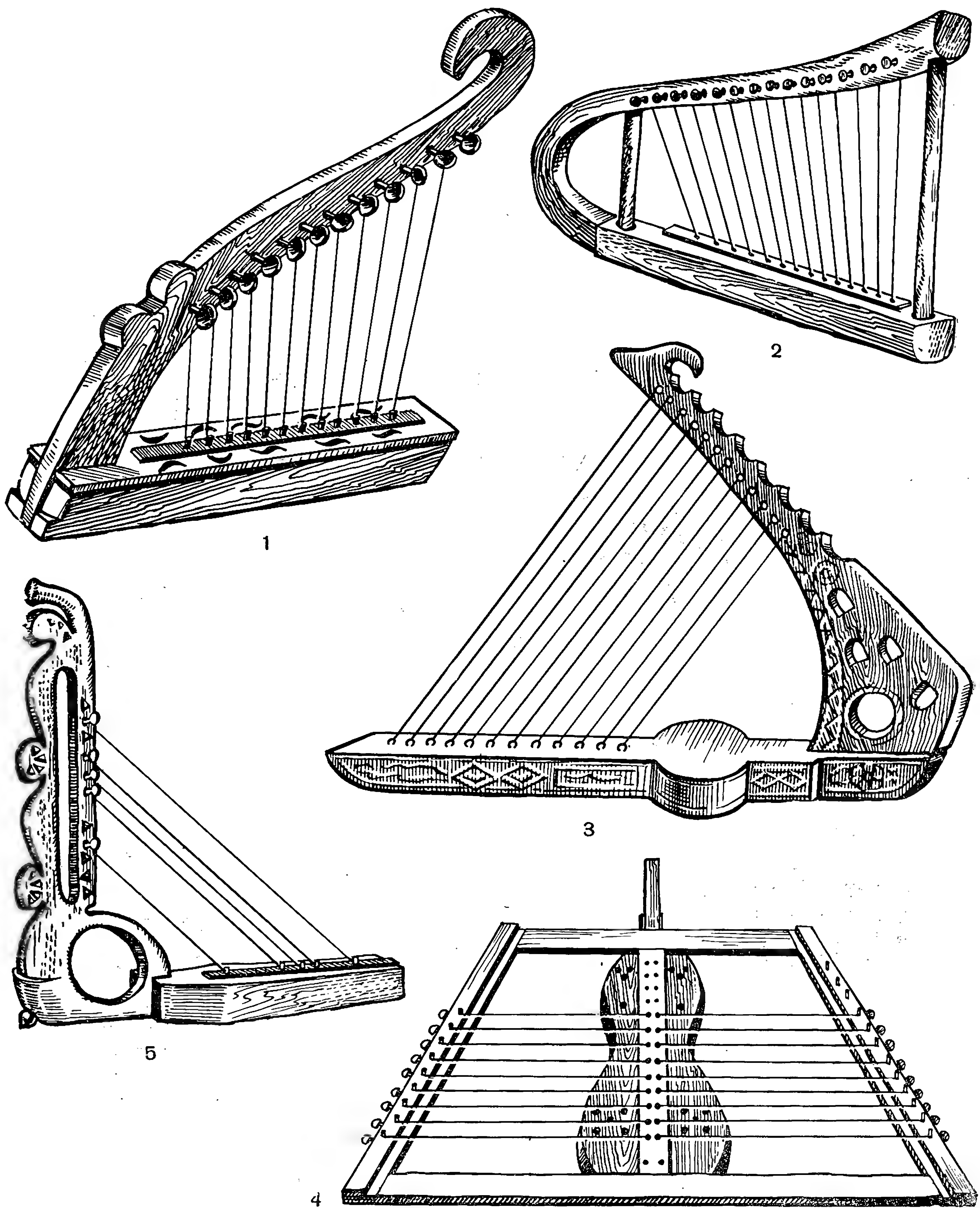

Таблица 102. Арфы.

Содержание

Страницы осетинского быта	5
Список сокращений	36
Список иллюстраций	37
Иллюстрации	45

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ КАЛОЕВ
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО ОСЕТИН

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства С. Н. Васильченко
Художник Л. С. Кассис
Технический редактор Р. М. Денисова

Сдано в набор 8/IX 1972 г.
Подписано к печати 29/I 1973 г.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 15,54.
Уч.-изд. л. 14,6. Тираж 7250 экз. Т-01228.
Тип. зак. 1212. Цена 1 р. 13 к.
Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Издательство «Наука»

**Центральная контора
«Академкнига»**

Имеются в продаже книги:

В а с и л ь е в а Г. П.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ БЫТА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ.

1969. 391 стр. 1 р. 41 к.

Г а ф ф е р б е р г Э. Г.

БЕЛУДЖИ ТУРКМЕНСКОЙ ССР.

Очерк хозяйства, материальной культуры и быта.

1969. 240 стр. 1 р. 47 к.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

Труды Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института. Вып. 17.

1967. 218 стр. 1 р. 37 к.

КАВКАЗСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК. IV.

1969. 199 стр. 1 р. 22 к.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ.

Т. 35.

1960. 112 стр. 55 к.

М а р к о в и н В. И.

КУЛЬТУРА ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЭПОХУ БРОНЗЫ (II ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.).

Материалы и исследования по археологии СССР. № 93.

1961. 151 стр. 40 к.

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

(Серия «Народы мира»).

1966. 762 стр., 12 вкл. 4 р. 95 к.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ.

Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958—1960 гг. Т. 2. Материалы и исследования по археологии СССР. № 114.

1969. 161 стр. 1 р. 31 к.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
Баку, ул. Джапаридзе, 13
Днепропетровск, проспект Гагарина, 24
Душанбе, проспект Ленина, 95
Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303
Киев, ул. Ленина, 42
Кишинев, ул. Пушкина, 31
Куйбышев, проспект Ленина, 2
Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 5'
Ленинград, Менделеевская линия, 1
Ленинград, 9 линия, 16
Москва, ул. Горького, 8

Москва, ул. Вавилова, 55/7
Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22
Новосибирск, 91, Красный проспект, 51
Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73
Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
Томск, наб. реки Ушайки, 18
Уфа, Коммунистическая ул., 49
Уфа, проспект Октября, 129
Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
Харьков, Уфимский пер., 4/6.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
4	7 стр.	советским и	советскими
18	7 стр. лев. стлб.	урсдонский	урсдонский
29	24 св. пр. стлб.	38,1	38,3

Б. А. Калоев

1 р. 13 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»